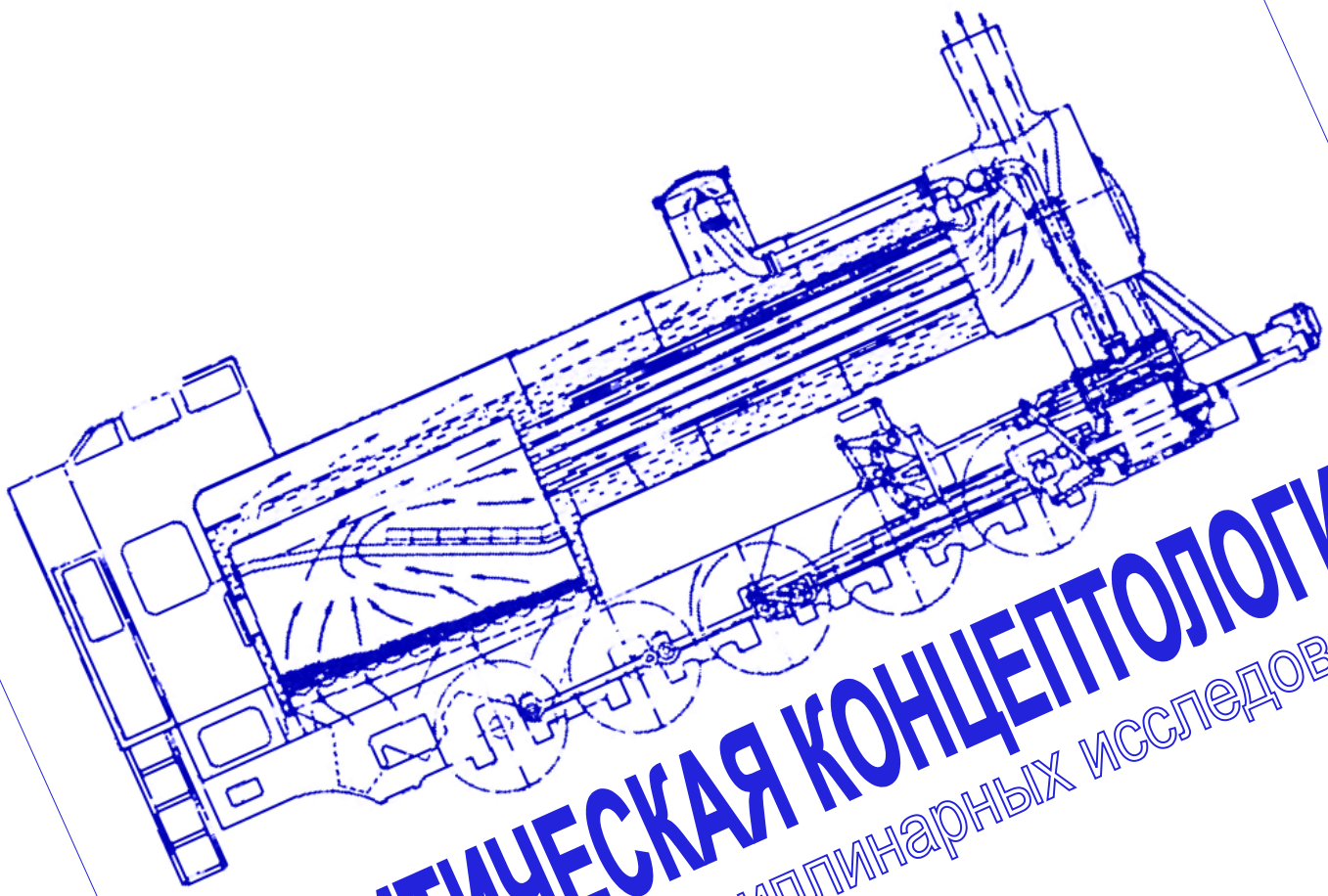
ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Journal of metadisciplinary research
The POLITICAL CONCEPTOLOGY

2022 г. № 2



ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТОЛОГИЯ:

журнал метадисциплинарных исследований

Ростов-на-Дону

ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЦЕНТР ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТОЛОГИИ

Института философии и социально-политических наук

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТОЛОГИЯ:

журнал метадисциплинарных исследований

2022. № 2

(апрель-июнь)

Научный журнал
Издаётся с 2009 года

Политическая концептология:
журнал метадисциплинарных исследований

Научно-аналитическое издание

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации средства массовой информации: Эл № ФС77-82437 от 8 декабря 2021 г.

ISSN 2218-5518

Учредитель: Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Южный федеральный университет»

Редакционная коллегия:

Главный редактор: *В.П. Макаренко*, доктор политических и философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, академик Академии педагогических наук Украины

Заместитель главного редактора: *С.П. Поцелуев*, доктор политических наук, доцент

Заместитель главного редактора: *М.С. Константинов*, кандидат политических наук

Ответственный секретарь: *А.В. Тупаев*, кандидат политических наук

Редакционный совет:

Председатель – доктор философских наук, профессор *С.С. Неретина* (Москва)

Доктор политических наук, доцент *А.И. Бардаков* (Волгоград)

Доктор экономических наук, профессор *В.В. Вольчик* (Ростов-на-Дону)

Доктор юридических наук, профессор *А.В. Оболонский* (Москва)

Доктор экономических наук, профессор *А.Н. Олейник* (Москва, Ньюфаундленд, Канада)

Доктор философских наук, профессор *В.В. Савчук* (Санкт-Петербург)

Доктор политических наук, профессор *А.Ю. Сунгуров* (Санкт-Петербург)

Доктор философских наук, профессор *С.Г. Чукин* (Санкт-Петербург)

Доктор исторических наук, профессор *В.А. Шнирельман* (Москва)

Электронная версия журнала: **http://politconcept.sfedu.ru**

Адрес учредителя:
344006, г. Ростов-на-Дону
ул. Б. Садовая, 105
тел.: (863) 263 3158 263 8498
факс: (863) 264 5255
e-mail: rectorat@sfedu.ru

Адрес редакции:
344065, г. Ростов-на-Дону
ул. Днепровский, 116, к. 116
тел. (863) 290-10-93
факс: (863) 264-52-55
e-mail: konstantinov@sfedu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО РЕДАКТОРА

Макаренко В.П.
Истина и пропаганда: связь интеллектуального противовеса власти с антропологической проблематикой 6

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТОЛОГИИ

Дахин А.В.
Политические эпохи на шкале исторического времени: переосмысление привычных концепций 14

Недяк И.Л.
Господство в современных демократиях: подходы к концептуализации, измерению, ограничению 32

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ СОБЫТИЕ

От редакции 49

Корсаков С.Н., Козенко А.В.
Об эпистемологических основаниях биографики 49

Корсаков С.Н.
Советские философы поколения 1920-х годов 65

Дубровский Д.И.
О моём философском поколении «пятидесятников», философии и философах. Факты и размышления 118

ПОИСК АЛЬТЕРНАТИВ

Неретина С.С.
Феномен языка и знака у Гегеля, Маркса и Энгельса 156

Рубцов А.В.
Между созиданием и завоеванием. Часть 1. Психоидеология войны 165

Рубцов А.В.
Между созиданием и завоеванием. Часть 2. Военные операции и несырьевая альтернатива: второй фронт 174

ПЕРЕВОДЫ И КОММЕНТАРИИ

От редакции 183

Арендт Х.
Ложь в политике: размышления о документах Пентагона 183

Наши авторы..... 204
Summaries and keywords..... 205
Contents..... 209
К сведению авторов..... 211

Слово редактора

ИСТИНА И ПРОПАГАНДА: СВЯЗЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПРОТИВОВЕСА ВЛАСТИ С АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКОЙ[1]

В.П. Макаренко
Южный федеральный университет

Аннотация: *После 2000 г. издана книжная серия «Философия России второй половины XX века». В ней содержится описание подходов к анализу советской философии. Из ростовских философов только М.К. Петров удостоился монографии в этой серии[2]. Он выделил и охарактеризовал антропологические типы советских философов (романтик, придворный философ, циник, коммунист-философ-разведчик), а также высказал идею научно-технической контрреволюции[3]. Эти когнитивные изобретения Петрова позволяют связать в одно целое историко-методологический анализ с антропологическими проблемами. В статье реконструировано основное содержание работы Ханны Арендт «Истина и политика», рассмотрена российская специфика политической лжи и антропологические перспективы её исследования.*

Ключевые слова: *интеллектуальный противовес власти, Ханна Арендт, пропаганда, политическая ложь, антропология философских поколений.*

Главные идеи

В настоящее время переход советской философии от идеологии к науке на протяжении 1960–1980-х годов оценивается позитивно [Лекторский 2014]. С ним связан процесс кристаллизации независимой от власти политической философии в постсоветские годы [Пятигорский 2007; Подорога 2010], хотя Э.И. Колчинский считает поведение большинства философского сообщества России в 1990-е годы массовым ренегатством [Колчинский 2014: 9]. Доказательством тому служит замедление процесса после 2000 года. Но под влиянием событий 2014 г. в отношениях между Россией и Украиной Э.Ю. Соловьев поставил задачу разработки контридеологической аналитики. Её уже начали выполнять коллеги из Института философии РАН [Гусейнов, Рубцов 2018; Рубцов 2020].

[1] В основе статьи лежит доклад автора, представленный автором на заседании Учёного совета Института истории естествознания и техники РАН 15 февраля 2022 г.

[2] См.: Неретина 2010.

[3] См.: Петров 2014; Петров 1996: 19–74.

DOI: 10.18522/2218-5518.2022.2.613

Элементом данного процесса является наше предложение использовать классическую работу Х. Арендт «Истина и политика» для формулировки вопроса: как создать и культивировать интеллектуальный противовес власти в системе всеобщей лжи? [Интеллектуальная тревога 2015]. Начало ответа определяется главным выводом Арендт из истории политической мысли: проблему истины надо рассматривать в **конфронтации** с политикой. Отсюда вытекает ряд аксиом: природа политики – отрицание или извращение любых истин; свобода мнения – фарс, если не даётся адекватная информация о фактах, а сами факты остаются предметом спора; право каждого поколения писать собственную историю не даёт права прикасаться к фактическому материалу; групповые, общественные и государственные интересы противостоят истине [Арендт 2014: 334–389].

Эти аксиомы образуют исходный пункт интеллектуального противовеса власти, в состав которого Арендт включила постулат: организованная ложь образует внутреннее свойство политики, поскольку она претендует на преобразование мира. Данный постулат подкреплён множеством аргументов, из которых напомню основные.

Принуждающая сила истины противостоит государственной власти. Неудобные факты обладают упрямством, которое можно унять только ложью. Истина факта требует безоговорочного признания и исключает дискуссию. Но в большинстве случаев люди руководствуются слепым упрямством, недостаточным воображением и неспособностью судить. Качество мнения и суждения зависит от меры его беспристрастности. Для установления фактов обычно используются источники, в которых всегда можно подозревать подлог. Большинство свидетелей могут стать лжесвидетелями. Философская истина касается единичного человека и потому по своей природе неполитическая. Но её воплощение зависит от того, предпочитает ли большинство людей радости свободной компании удовольствиям господства. Научение примером есть единственный способ, каким философская истина может «убеждать», не подвергаясь искажению.

Однако в XX веке исчезла возможность сделать философскую истину значимой в политике. Ложь – вечный враг истины. Ложь образует форму *действия*. Размывание границы между истиной факта и мнением – форма действия лжи. Философская истина никогда не должна претендовать на господствующее мнение. Беспристрастность, честность и независимость при изложении фактов невозможны без борьбы с интересами и пристрастиями группы властвующих в любой стране. Существует родство между политикой как способностью изменять мир и способностью лгать. Отсюда вытекает противоречие между историком (учёным) и политиком: первый не может преодолеть искушение попасться в ловушку необходимости и отвергнуть свободу действия; второй не может преодолеть искушение переоценить возможности свободы и примириться с лживым отрицанием или искажением фактов.

Указанные аргументы завершаются общей констатацией Арендт: государственная пропаганда есть система организованной лжи как главной угрозы миру фактов. Отсюда вытекает, что методология науки в единстве с политической теорией может установить специфику проявления перечисленных положений во внутренней структуре дисциплинарного знания и его связях с политикой. При этом Арендт предлагает учитывать существующее положение вещей и указывает его главные константы.

Правда никогда не была политической добродетелью, но стремление к истине может стать первостепенным политическим фактором там, где общество вступило на путь организованной тотальной лжи. К таким странам относятся СССР и нацистская Германия. Именно в них возник феномен массовой манипуляции фактами и мнениями. Он проявляется в переписывании истории, создании и культивировании имиджей, фикций и реальной государственной политике. Развивается противоречие между **традиционной и современной политической ложью**. Все неправды содержат насильственную составляющую; организованная

ложь всегда стремится уничтожить то, что решено отрицать. Тоталитарные правительства сознательно используют ложь как шаг на пути к убийству. Разница между традиционной и современной ложью состоит в различии между скрыванием и уничтожением. Современная манипуляция фактами – это нанесение необратимого ущерба действительности.

В результате деятельности государственной пропаганды паутина обмана и самообмана стала всеобщей. Это ведёт к ряду следствий: возврат международных (межгрупповых) конфликтов на сцену внутренней политики; отказу людей верить в истинность чего бы то ни было; ликвидации чувства и категории лжи/истины; ощущению всеобщей зыбкости. Но даже в таких условиях Арендт настаивает на нерушимости оснований: истина безвластна и всегда проигрывает в поединке с властью; истина обладает собственной силой, поскольку власть не в состоянии изобрести ей замену; уговоры и насилие могут разрушить, но не могут заменить истину.

Из этих оснований Арендт выводит принцип практического поведения исследователя и гражданина: смотреть на политику с позиций истины означает занять положение рассказчика истины **вне политического пространства**; это положение есть один из модусов одиночества, к которым относятся уединение философа, изоляция учёного и художника, беспристрастность историка и судьи, независимость свидетеля и репортёра. Все они обнаруживают факты. Деятельность по регистрации фактов происходит в судах и университетах как островах истины в море тотальной лжи. Но их существованию по-прежнему грозят все опасности, исходящие от общественной и политической власти.

Российская специфика

Как перечисленные константы отношения между истиной и политикой проявляются в современной России? Для ответа можно использовать выводы социологического исследования под руководством С.В. Патрушева и Л.Е. Филипповой [Патрушев, Филиппова 2018; Патрушев, Филиппова 2020а; Патрушев, Филиппова 2020б]. В России конкурентной политики до сих пор не существует, а есть различные модификации государственной власти. Значит, отношение «истина-власть» является конституирующим для обсуждения всех вопросов социального бытия. Надо учесть, что в православии значение категории истина намного меньше, чем в других модификациях христианства. Стало быть, концепт интеллектуального противовеса власти требует всестороннего обдумывания и нагрузки конкретным материалом всех стран с точки зрения воплощения в них перечисленных аксиом и постулатов.

Материал истории и современного состояния России может служить надёжной основой для выполнения этой задачи. Свою часть я назвал прикладными аспектами теории бюрократии, в состав которых входят три темы: насилие и политическая бюрократия; итоги междисциплинарной дискуссии по проблемам бюрократии и авторитаризма в России на протяжении последних тридцати лет; феномен политической бездарности. Эти темы включают множество конкретных проблем [Макаренко 2018; Макаренко 2020; Макаренко, Акопян, Халед 2020].

Все они связаны с разработкой концепции, которая позволяет критически относиться к политической истории и системе России до 1917 г., от 1917 г. до 1991 г., после 1991 г. до настоящего времени. Для этого осуществлена классификация российских идеологем, которые предлагаются к описанию способов трансляции монархического, советского и демократического опыта в современную связь между прошлым и будущим. Обсуждаются проблемы освобождения ума и совести от наследства советской эпохи, реанимации обскурантизма в России на фоне противоположности между культурой и государством, основные характеристики XX века и константы русской истории, ветхозаветный концепт священной войны,

трансформация войны в христианстве, русский и советский государственный разум, цивилизаторская диктатура империи и в прошлом и настоящем, эволюция правительственной философии России к системе тотальной лжи, а также влияние коллаборационизма на функционирование власти в стране.

Междисциплинарная дискуссия по проблемам бюрократии и авторитаризма на протяжении последних 30-ти лет происходит с участием философов, политологов, социологов, историков, юристов, практических деятелей. Она концентрируется вокруг проблем государственной рутины, нового авторитаризма, перспектив аннигиляции номенклатуры в контексте ошибок К. Маркса и специфики современного политического режима в России, политической бюрократии, стереотипов бюрократического сознания, социокультурных оснований московско-ордынского властно-управленческого комплекса, отношения российской бюрократии к науке, политических ошибок, вытекающих из догматического отношения к науке и др.

Тема природы политической бездарности рассматривается через призму специфики государственного интереса и сравнительного анализа египетской и советской (российской) бюрократии. На основе современного концепта дара переосмысливается вклад анархизма в решение проблемы политического творчества, описаны особенности государственных фактов и смысл государственных упрощений, религиозные предпосылки и позитивный смысл государственного интереса, концепции власти и бюрократии Л. Троцкого, К. Виттфогеля, Х. Арендт, М. Фуко. К. Виттфогеля. Проблема современной политической турбулентности трактуется как коннотация всех свойств политической бездарности, государственного интереса и египетско-российской компаративистики.

Эту проблематику можно конкретизировать на основе использования результатов компаративного исследования А.Н. Олейника связи современной политической лжи с деятельностью СМИ разных стран в период после 24 февраля 2022 г. [Olejnik 2022]. Требуется также уточнить характеристику Арендт университетов как «островов истины». Для этого используются выводы С. Андрески о феноменах манипуляции, массового производства, цензуры, терминологии, идеологии и пропаганды в социальных науках, которые он объединяет под именем социологии незнания. Особенно интересны его идеи относительно процессов проникновения лжи в процедуры описания социальных объектов.

Склонность исследователей общества реагировать на то, что о них говорят другие, воздвигает три барьера на пути культивирования истины в социальных науках: а) методологические проблемы проверки истинности утверждений, которые могут влиять на описываемые и анализируемые события; б) внешние давления модифицируют направления научного поиска и тормозят публикацию всех его результатов. Поэтому большинство учёных движимы желанием «потрафить» власти и общественному мнению, чтобы те слышали лишь такие высказывания, которые доставляют им удовольствие; в) в результате действия указанных двух факторов в социальных науках возникает постоянный хаос. Он вытекает из безнаказанности социальных наук за провозглашение и культивирование лжи и скрытой пропаганды [Andreski 2002].

Набор вопросов

Эти общие положения можно сопоставить с антропологическим подходом к изучению советской и постсоветской философии, воплощённом в свежей коллективной монографии коллег из Института философии РАН [Синеокая 2022]. Наш журнал начал публиковать статьи из указанного издания. Я прокомментирую лишь несколько аспектов из работы С.Н. Корсакова, публикуемой в этом номере [Корсаков 2022].

Сергей Николаевич разработал свою концепцию на основе синтеза теории биографики с теорией поколений. Эмпирическим материалом синтеза служит изучение жизни и судеб со-

ветских философов 1920-х годов. В его состав входит несколько тем: исходные посылки анализа (которые одновременно являются итогами); образ автора и проблема источников; зарисовки с натуры и специфика трагедии поколения 1920-х гг; общие черты поколения и концепт духовного подвига; характеристика поколения 1930-х гг. на примере М. Лифшица. Сосредоточусь на первой теме.

Для описания советских философов поколений 1920–1960-х годов Корсаков разработал концепт социальной амнезии. Он включает несколько когнитивно-аксиологических установок автора, которые я предлагаю рассматривать в контексте **общих проблем**, связывающих советский и постсоветский периоды.

Корсаков отрицает проект создания ретроспективного моста между желаниями некоторых современных российских философов возвести к веховцам свою философскую родословную. Он имеет в виду прежде всего поколение семидесятников. Если согласиться с Сергеем Николаевичем, то вытекает ли отсюда актуальность Ленинской критики «Вех» (до революции 1917 г.) и «Смены вех» (после неё)? При ответе на вопрос надо учитывать, что в современной литературе обозначились две тенденции: демонизации Ленина [Галковский 2017; воспроизводство всей концепции бывшей официальной советской историографии под видом критики В.И. Ленина [Данилкин 2017]. Думаю, что труды Корсакова позволяют подвергнуть критике обе тенденции.

Представляется продуктивным отрицание одного поколенческого типа в рамках 1920–1950-х гг. Это позволяет поставить исследование антропологических типов советских философов в контекст становления разномыслия в СССР [Фирсов 2008].

Корсаков приводит веские аргументы для отрицательной оценки молчания философов под «сенью голубого канта», т. е. сотрудничества с жандармерией в дореволюционной России, которое в советское время преобразовалось в сотрудничество с ГПУ-НКВД-КГБ. В дневниках Вернадского 1920-х гг. встречается сопоставление науки и жандармерии при описании становления АН СССР. Сотрудничество учёных, военных и чекистов в СССР окончательно оформилось в период второй мировой войны [Колчинский 2003: 440–549, 783–818]. Под этим углом зрения можно рассматривать феномен молчания-сотрудничества философов с репрессивной системой.

В работе Корсакова показано, что привычная картина «подавления философии в СССР» далека от реальности. На самом деле НКВД и власть выступали орудиями борьбы за господство в философских структурах. Философы 1920-х годов были репрессированы за свою профессиональную деятельность. Значит, внутри философского сообщества складывались предпосылки взаимной заинтересованности между философскими институтами и репрессивными структурами.

С точки зрения процедуры репрессии слово философа было его преступлением, если выражало самостоятельную мысль. «Философы» были нужны сталинскому режиму, чтобы от имени философии обосновывать любой поворот политики властей. Самостоятельное мышление, поиск истины, предъявление этой истины властям как того, с чем нужно считаться, рассматривалось как подрыв легитимности власти. Приверженность передовой философии (в виде советского марксизма-ленинизма) входила в состав процедуры легитимации власти. Философ, который в рамках этой философии пытался мыслить сам, обретал внутренний стержень, делавший его независимым от власти. В этом случае тот, кто искренне разделял государственную философию, был обречён. Высказанные им идеи, если они не были повторением канона, превращали власть в отступницу. Тем самым возникает предпосылка для связи анализа философских поколений с теорией легитимности.

В частности, я показал, что легитимность есть такое состояние политической системы и всех её элементов, когда они признаются населением в той степени, в которой обладают

научной истинностью и политической правотой. Однако научная истина и политическая правота были, есть и будут дискуссионны. Поэтому ни одна из политических систем не может быть признана абсолютно легитимной. Этот вывод может быть обоснован путём анализа степени нелегитимности советского государства в целом и всех его институтов на протяжении всего времени его существования. Влияние СССР на современную власть в России и других продуктов его распада требует особого разговора.

Его толчком может быть принципиальный вывод Корсакова: любой нравственный выбор советских (российских) философов на протяжении столетия (1920–2020) был проигрышем. Именно этот пункт определяет весь ракурс поколенческой траектории от тех десятилетий до нашего времени. Возникает возможность компаративного анализа концепции взаимосвязи насилия и социальных порядков Д. Норта с реальной историей-социологией СССР [Норт и др. 2011].

Главный урок изучения архивных документов такой: идеологические различия вторичны и оформляют нравственные. Значит, нравственный выбор и оценка становится ключом для изучения всей проблематики советских философских поколений. Открывается возможность использовать концепцию государственных интересов М. Фуко для переосмысления всей линии Н. Макиавелли [Неретина 2018].

В любом случае при изучении истории советской философии главным объектом становится анализ механизма репрессий. Сергей Николаевич показал, что идеологические обвинения в «отступлении» от марксизма оформляли репрессии и не были связаны с теоретическими воззрениями конкретных лиц. В 1920-е гг. возникло две основные причины репрессий: критическая оценка первым поколением советских философов-марксистов ума Сталина (первого лица в государстве); некоторые из них предпочли административную карьеру (стремление занять место лидера научного направления, директора института, редактора журнала) профессиональному росту. Это предпочтение реализовывалось как групповая борьба или нападения стаи на жертв.

Иначе говоря, критика привычной картины «подавления философии в СССР» требует пересмотра. Предпосылками для этого служат один из выводов Корсакова: НКВД и власть выступали орудиями борьбы за господство в философских структурах; философы 1920-х годов репрессированы за свою профессиональную деятельность. Внутри философского сообщества складывались предпосылки заинтересованности бездарей в репрессиях способных и талантливых коллег.

Ещё один существенный вывод Корсакова: сталинский режим не был режимом идеологическим. Его интересовали не идеи, а прагматика. Философия нужна была не для определения путей движения общества, а в ритуальных целях. Здесь произошёл поколенческий водораздел 1920-х и 1930-х годов. Одни остались философами, другие перестали ими быть, получив взамен академические регалии. Вторые всегда отказывались от философских и политических спорах по существу, поскольку в профессиональных спорах всегда побеждали мыслящие и талантливые люди. Так отношение между позициями индивида в сфере политики и философии стало центральной проблемой. В основе поступков новой генерации философов 1930–1950-х годов лежала готовность к подлости, страсть к материальному благополучию, безразличие к идеям и истине.

Такой способ поведения совершенно отличался от типа философов 1920-х годов, который включает три свойства: 1. В период формирования личности – страсть к философскому образованию на фоне преодоления неблагоприятных стартовых социальных условий. 2. В период недолгого творческого расцвета – публичная акцентуация личной философской позиции в качестве интеллектуального и нравственного убеждения. 3. В ситуации сталинского застенка – способность остаться человеком вопреки нечеловеческим условиям.

Таким образом, исследование С.Н. Корсакова содержит множество выводов дли изучения генезиса в советской философии альтернативы: философ – идеологический чиновник. Возникают разные перспективы в зависимости от понимания (определения) философии, идеологии и бюрократии. Эти перспективы можно соотнести с реальной историей-социологией (в понимании Ф. Броделя) всего советского мира. Например, если принять его деление всего исторического процесса на историю конъюнктур, структур и длительных временных протяжённостей (ментальностей), то какие узлы завязались на протяжении предыдущих тридцати лет в каждом постсоветском государстве? можно ли считать концепты фанатизма, цинизма, романтизма и двоемыслия универсальными для всего постсоветского мира или специфически российскими?

Приглашаю читателей дать свой набор вопросов и ответов, погрузившись в изучение статей блока «Интеллектуальное событие».

Арендт Х. 2014. *Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли* / Пер. с англ. и нем. Д. Аронсона. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. – С. 334–389.

Бюрократия и авторитаризм… 2020. *Бюрократия и авторитаризм: панорама междисциплинарной дискуссии* / Отв. ред. В.П. Макаренко. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета.

Галковский Д.Е. 2017. *Сто лет после революции. 2331 отрывок из произведений и писем с комментариями*. – М.: Книжный мир.

Господство против политики… 2020. *Господство против политики: российский случай. Эффективность институциональной структуры и потенциал стратегий политических изменений* / С.Г. Айвазова, А.В. Жаворонков, Г.Л. Кертман, А.Л. Королев, А.М. Кучинов, О.А. Мирясова, И.Л. Недяк, Ю.Е. Островская, Т.В. Павлова, С.В. Патрушев; Л.Е. Филиппова; под ред. С.В. Патрушева, Л.Е. Филипповой. – М.: Политическая энциклопедия.

Данилкин Л. 2017. *Ленин: Пантократор солнечных пылинок*. – М.: Молодая гвардия.

Интеллектуальная тревога… 2015. *Интеллектуальная тревога: проблема лжи и цинизма в политике*. – Ростов-на-Дону: Изд. Южного федерального университета.

Колчинский Э.И. 2014. *Так вспоминается*... – СПб.: Нестор-История.

Конституирование современной политики… 2018. *Конституирование современной политики в России: институциональные проблемы* / отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. – М.: Политическая энциклопедия.

Корсаков С.Н. 2022. Советские философы поколения 1920-х годов. – *Философские поколения* / Сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК. – С. 27–96.

Макаренко В.П. 2019. Генезис полемики о государственном интересе: концепт Мишеля Фуко. – *Гуманитарий Юга России*. – Т. 8(36). – № 2.

Макаренко В.П. 2018. *Насилие и политическая бюрократия*. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета.

Макаренко В.П., Акопян А.Г., Халед Рефаат К.Б. 2020. *Политическая бездарность: государственный интерес в контексте бюрократического господства*. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета.

Михаил Константинович Петров… 2010. *Михаил Константинович Петров* / Под ред. С.С. Неретиной. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).

Наука и кризисы… 2003. *Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки* / Ред.-сост. Э.И. Колчинский. – СПб: Дмитрий Буланин.

Неретина С.С. 2018. *Пауза созерцания. История: архаисты и новаторы*. – М.: Голос.

Норт Д.; Уоллис Д.; Вайнгаст Б. 2011. *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества* / Пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. – М.: Изд. Института Гайдара.

Петров М.К. 1996. *Историко-философские исследования*. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).

Петров М.К. 2014. *Экзамен не состоялся* / Отв. ред. В.П. Макаренко. – Ростов-на-Дону: Изд. МАРТ.

Подорога В.А. 2010. *Апология политического*. – М.: Изд. НИУ-ВШЭ

Проблемы и дискуссии… 2014. *Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX в.: современный взгляд* / Под ред. В.А. Лекторского. – М.: Политическая энциклопедия.

Пятигорский А. 2007. *Что такое политическая философия*. – М.: Европа.

Рубцов А.В. 2020. *Нарцисс в броне. Психоидеология «грандиозного Я» в политике и власти*. – М.: Прогресс-Традиция.

Структуры господства… 2020. *Структуры господства, граждане и институты* / [А.В. Жаворонков и др.] ; отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. – М.: Политическая энциклопедия. – 318 с.

Философия и идеология… 2018. *Философия и идеология: от Маркса до постмодерна* / Отв. ред. А.А. Гусейнов, А.В. Рубцов, сост. А.В. Рубцов. – М.: Прогресс-Традиция.

Философские поколения… 2022. *Философские поколения* / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК.

Фирсов Б.М. 2008. *Разномыслие в СССР. 1940 – 1960-е годы: история, теория и практики*. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге: Европейский Дом.

Andreski St. 2022. *Czarnoksiestwo w naukach spolecznych*. – Warszawa: Oficyna naukowa.

Olejnik A. 2022. War-time media reporting is shaping opinions about Russia's Ukraine invasion. – *The Conversation*. – April 4. – Доступно: https://theconversation.com/war-time-media-reporting-is-shaping-opinions-about-russias-ukraine-invasion-180107. – Проверено: 14.05.2022.

Общие проблемы политической концептологии

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭПОХИ НА ШКАЛЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ПРИВЫЧНЫХ КОНЦЕПЦИЙ

А.В. Дахин
Нижегородский институт управления – филиал РАНХиГС

Аннотация: *В статье критически анализируются некоторые распространённые концепции большой политической истории общества и делается вывод о проблеме теоретической абсолютизации идей о естественном неравенстве стран в пределах современности и безусловной подотчётности «неразвитых» стран мира «развитым» странам Запада и США. Автор представляет концепцию политических эпох, в основу которой положены понятие «политический микрокосм», положение о пяти источниках социального порядка, а также положение о четырёх компонентах собственной структуры политического микрокосма. Шкала большой политической истории включает эпоху мифо-династических государств, эпоху религиозно-династических государств, эпоху светских тоталитарных государств, эпоху светских демократических государств. В горизонте XXII в. перспектива большой политической истории после эпохи демократии рассматривается как альтернатива двух опций, в т.ч. перспектива формирования кибер-государства и перспектива сохранения антропного и социального государства. Все страны мира в равной мере стоят перед этим вызовом истории. Автор отмечает также, что тенденция трансформации теории и политики США и стран Запада соответствует перспективе кибер-государства. В этом контексте российская политическая наука и политика России может занять пионерские позиции, если примет в качестве ориентира XXII века приоритеты сохранения антропомерного государства и приоритеты развития социального государства.*

Ключевые слова: *политический микрокосм, политическая эпоха, источник социального порядка, социальная память, антропомерное государство, кибер-государство.*

Введение. Основные теоретические подходы

Мы живём в своём политическом времени и в нём изучаем современные тенденции и процессы. Зная базовые приметы «нашего времени», мы можем проследить их конкретные проявления в политической жизни отдельно взятого политического региона в любой части мира. С другой стороны, эта методология создаёт контекст достаточно строгих сравнитель-

DOI: 10.18522/2218-5518.2022.2.1431

ных межрегиональных исследований. Однако, попытки определить, что такое «современность» и «наше время» ведут исследователей к использованию различных подходов, по-разному определяющих место политической современности на шкале социально-политической истории человечества. Плюрализм подходов к шкалированию политической истории перестаёт удовлетворять научный интерес российской политической науки. Приступая к осмыслению политического будущего России в горизонте XXII века, нам необходимо сделать выбор, – выбор философской и социально-эпистемологической платформы, на которой мы можем уверенно определять, предвидеть и проектировать приоритеты своего политического будущего.

Чаще всего исследователи опираются на марксистскую теорию общественно-экономических формаций, где идея о существовании единой шкалы и универсальных ступеней человеческой истории была представлена в виде пяти общественно-экономических формаций: первобытно-общинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая, коммунистическая. Опыт СССР, где теория марксизма была положена в основу практик советского социально-политического управления, показал, что теория формаций не работает, особенно в части политического анализа и прогнозирования. Достаточно напомнить, что промежуточная ступень между «капитализмом» и «коммунизмом», получившая название «социализм», в политической науке СССР стала дробиться на собственные промежуточные целевые ступени, такие, как «построение социализма в основном», «построение социализма полностью и окончательно», «построение развитого социализма», «построение социализма с человеческим лицом», но к «коммунизму» это не приближало ни на уровне теории, ни на уровне практики. Тем не менее, фрагменты этой системы исторического шкалирования активно используются для определений актуального состояния политической и государственной системы России. Достаточно популярны термины «феодализм» и «неофеодализм» [Афанасьев 2000: 314; Мазур 2009; Шляпентох 2008] «капитализм» или «государственный капитализм» [Зарубежнов 2014; Фукуяма 2003]. Как правило, эти подходы используют авторитетность и символическую энергетику терминов формационной системы К. Маркса для упаковки актуальных эмпирических данных, имеющих некоторое внешнее сходство с органическим строением отдельных общественно-экономических формаций, описанных классиком.

Альтернативная марксизму система ступеней развития общества была предложена теоретиками постиндустриального/ информационного общества. Э. Тоффлер в работе «Третья волна» предлагает видеть три ступени исторического развития общества: эпоха сельскохозяйственной революции, индустриальная эпоха, постиндустриальная эпоха или информационное общество [Тоффлер 2002: 32–33]. Состояние всей социальной, экономической и политической архитектуры общества эта концепция объясняет одной только научно-технической модернизацией систем информационных коммуникаций, предлагает мыслить общество и его политическую жизнь в стиле прямолинейного инженерно-технического детерминизма, на фоне которого организующая сила культуры, экономики, политики «обнуляется».

Известную марксистскую дилемму «политика» – «экономика» Тоффлер дополняет фактором «технологий» (информационных), а цивилисты – бытием культуры. Обобщая эти подходы, можно выделить пять основных социальных источников, способных генерировать общественный порядок в мире людей, упорядочивать массовые социальные взаимодействия. Одним из оснований этой типологии являются различные формы социальной памяти, работа которой придаёт этим источникам энергию организующего влияния. К источникам социального порядка относим *культуру* (опирается на структуры живой коллективной памяти, носителем которой являются живые сообщества людей), *экономику* (опирается на рамку социальной памяти, носителем которой являются деньги), *инженерию* (опирается на рамку социальной памяти, носителем которой являются технические/кибернетические устройства), *поли-*

тику (опирается на рамку организационной памяти политических институтов), *личность* (опирается на индивидуализированную форму живой коллективной памяти, носителем которой является личность отдельного человека). Наряду с этими социальными источниками, упорядочивания отношений в мире людей, надо назвать также и не социальный источник: это природа, которой свойственна работа структур биологической и физической памяти, благодаря которым существуют устойчивые циклы бытия экосферы планеты. «Память» выделена здесь в качестве основания типологии потому, что именно её присутствие и её работа обеспечивает генерируемым структурам социального порядка устойчивость, непрерывность во времени и в этом смысле фундаментальность. В разные исторические эпохи вклад, доля отдельных источников социальной упорядоченности в общем социальном строе и ритме общества меняется. Общество Античной Греции, где вклад культурной традиции в структуру социальной организации доминировал над вкладом экономики и политики, отличается от современной Греции, где культура давно уступила свою организующую миссию экономике, политике и инженерии. Организующая роль инженерно-технических систем активно возрастает, но это не сводит к нулю влияние других источников социального порядка. В мире XXI века просматривается тенденция радикального доминирования инженерии и кибер-информационных систем над остальными источниками социального порядка. Доминирование простирается настолько, что травмирует, разрушает человеческую природу [Кутырёв 2012]. Теория информационного общества даёт одномерную историческую шкалу «этапов», которая принимает во внимание только то, что кибер-информационные системы влияют на социальный порядок. При этом, как и иные теории технократического толка, она игнорирует присутствие и действие других источников социального порядка. Несоответствие фундаментальным реалиям привели к тому, что теория информационного общества оказалась не менее утопичной, чем теория коммунизма.

Альтернативу марксизму предлагал и С. Хантингтон. На примере общества Запада (и с позиций интересанта Западной цивилизации) он рисует трёхфазную историческую схему, где из состояния «культур неолитического века» (1)формируется мир цивилизаций (2) [Хантингтон 2016: 61], который теперь (3) стоит на распутье. Для перехода в будущее он должен выбрать либо стратегию универсализации (Хантингтон рассматривает её как нежелательную [Хантингтон 2016: 508]), либо стратегию мирного сосуществования разных цивилизаций при сохранении в каждой из них собственной уникальности (применительно к Западу автор считает её предпочтительной [Хантингтон 2016: 509], либо стратегию войны цивилизаций (выбор, которой Хантингтон оценивает как маловероятный [Хантингтон 2016: 510–511]. В геополитическом аспекте он ведёт речь о перспективах модернизации ООН [Хантингтон 2016: 519–520], о развитии инфраструктуры НАТО вплоть до сценариев, где Россия становится членом НАТО [Хантингтон 2016: 505, 516]. В этой логике этапность истории, будучи связанной с цивилизационной парадигмой Запада, «перемешивается» с актуальными геополитическими проектами глобальной экспансии США и НАТО, но ответа на вопрос об исторических фазах и перспективах становления политико-государственных укладов Хантингтон не даёт.

Автор «конца истории» Ф. Фукуяма, делая акцент на «универсальное признание человеческого достоинства» [Фукуяма 2003: 380] и мысля в парадигме грядущей постиндустриальной эры, стремится убедить читателя, что демократия, как форма государственного политического устройства, является высшей и финальной формой политического развития: «Логика либерального и демократического политического порядка становится более настоятельной, по мере того, как общества экономически развиваются, так как согласование всех разнообразных интересов, которые существуют в нём, требуют одновременно и участия, и равенства» [Фукуяма 2003: 381]. Однако, развёрнутой картины предшествующих этапов «политического порядка» он тоже не обосновывает.

Нетрудно показать и более детально, что упомянутые популярные подходы определяют, преимущественно, культурно-цивилизационные ретроспективы и перспективы, но почти не касаются вопросов внутренней «генетики» и внутренней исторической логики перемен политического устройства государств, в т. ч. и перспектив государства в будущем.

Марксистская теория исчезновения государства при коммунизме опиралась на утопию социально-классовой однородности общества в будущем. Фукианская идея «растворения» институтов государства в структурах «власти-знания» опиралась на утопию социально-когнитивной однородности общества в будущем. В сравнении с ними альтернативность концептуальной платформы Ф. Фукуямы сводится к тому, что будущее, – то есть система демократии (в частности, республиканская форма правления), – уже наступило, и всё дело только в том, чтобы сохранить эту форму организации государственной власти на фоне вызовов современности (вызовы со стороны мультикультурализма и со стороны технологических изменений [Фукуяма 2003: 382–384] и распространилась по всему миру. Другими словами, Фукуяма обнуляет вопрос о политическом устройстве будущего.

Отечественные, исследователи, часть которых мыслит в таком же примерно русле [Демократия в российском зеркале… 2013], проводят разграничение между цивилизационным и геополитическими аспектами мироустройства, подчёркивая, что именно геополитика сохраняет в поле своего исследования «изолированные организмы – государства» и государственную политику [Панарин 2000: 76]. Но и они, тем не менее, вопрос о внутренней логике становления формаций политического строя и государства в прошлом и в будущем обходят или касаются лишь мимоходом. А.С. Панарин, в частности, говорил о дилемме цивилизационного или геополитического видения вхождения России (и СНГ) в глобальную политико-экономическую систему, отмечая мимоходом перспективное значение федерализма, как формы политической организации [Панарин 2015: 427]. О чертах будущей цивилизации пишет Т.А. Алексеева [Алексеева 2000: 283]. Можно приводить и др. примеры. Как правило, вопросы развития и определения перспективы государственного устройства наши исследователи связывают с дилеммой «авторитаризм» – «демократия» [Мельвиль 2015: 284], элементы которой другими исследователями рассматривается как разные «степени» одного и того же политического устройства [Гуторов 2015: 14] в XX веке. При этом более длинные, превышающие столетия дистанции перемен исторических форм государственного устройства, как правило, не рассматриваются. Относительно новый взгляд на эволюцию представлений об управлении предлагает проф. В.Е. Лепский. Он связывает системы управления с контекстами научной рациональности: классической, неклассической, постнеклассической [Лепский 2015], что сближает этот подход с теориями технократического толка.

Различные исторические формы организации власти и государства (формы правления, системы правления и формы территориальной организации) достаточно известны (монархия, республика, президентская, парламентская системы правления, унитарная система, федерация, конфедерация, авторитаризм, демократия и др.). Современность чаще всего идентифицируется с формой политической организации, при которой власть распределена между институтами государства и негосударственными, гражданскими объединениями, гражданами, и это распределение отражает доли их участия в делах страны. Используются понятия «good government» или «governance», отражающие идею о формировании и использовании ресурсов власти на основе взаимодействия институтов государства и институтов гражданского общества. При этом формы политического устройства далёких исторических времён рассматриваются как начальные ступени современных государственных форм. В частности, афинскую демократию принято достаточно прямолинейно связывать с демократией современной и утверждать, что по сути – это один и тот же тип строения государства (естественно, за исключением некоторых историко-культурных отличий) [Пасскуино 2013].

Лингвистическое сходство двух разных политических явлений (понятие «демократия» введено в науку со времён Платона) создаёт ощущение их сущностного сходства.

Особенность приведённых выше Западных теорий стадиальности общественного развития состоит ещё и в том, что выделяя «исторические ступени», они одновременно строят на них социальную иерархию стран, где на высоких ступенях помещаются страны, которым приписаны признаки «современности», – то есть щедро наделяются атрибутами развитости и эталонного совершенства, – а на более низких ступенях помещаются страны, которые в предложенных шкалах «исторических ступеней» не дотягивают до современности, то есть определяются как «отсталые», которым суждено вечно догонять эталонную когорту. И какую Западную шкалу исторических этапов развития общества ни возьми, всегда получается так, что неравномерность исторического развития стран конвертируется в утверждение о «естественной» социальной иерархии стран в пределах современности, так что страны Запада – это всегда эталонные носители «современности», а остальные страны, и, прежде всего, Россия и другие постсоветские страны, – это отсталые, вечно догоняющие, а потому «исторически» предназначенные к тому, чтобы послушно следовать указаниям передовой, эталонной когорты Запада. На этом базируется социально-эпистемологическая уверенность политических элит и научных сообществ стран Запада в том, что все незападные страны мира имеют статус «неразвитых» и поэтому должны руководствоваться приоритетами и целями, которые предлагают «передовики» во главе с США. На этом же базируется социально-эпистемологическая основа политики подчинения незападных стран политическому влиянию Запада, центром которого являются США. Поэтому ключевая проблема исторического шкалирования длинных и медленных процессов политической эволюции общества состоит, прежде всего в том, чтобы переосмыслить вопрос о том, как *неравномерность* исторического развития разных стран связана со структурой *отношений разных стран* в рамке современности: насколько однозначна связь *исторической неравномерности* и *современного неравенства* стран, – как это утверждают теории Запада, – или в этой связке есть альтернатива: историческая *неравномерность развития* стран в рамке современности конвертируется в их *равенство* перед лицом актуальных вызовов и предстоящего развития.

Единственный случай в истории XX века, когда Россия достаточно решительно вышла из социально-эпистемологической уверенности в опережающее развития Запада, – это случай политической теории В.И. Ленина. Именно В.И. Ленин переопределил взаимосвязь между неравномерностью исторического развития стран и их социальной иерархией в современности. Вопреки теории К. Маркса, Ленин утвердил идею фундаментального равенства стран перед лицом актуальной политики и большой истории. Ленин обосновал теорию о возможности построения социализма не в стране наиболее развитого и сильного «капитализма», – как это утверждал К. Маркс, – а в стране слабого «капитализма», но обладающей сильными энергиями традиционной социальной солидарности, общинности, политической «классовой сознательности». Теперь за этим утверждением можно увидеть очертания идеи о том, что «капитализм» не является исчерпывающе полным индикатором общественного развития, а также о том, что «капитализм» не является единственным ресурсом развития общества. Согласно теории Ленина, новую перспективу большой предстоящей истории может открыть страна, которая является «слабым звеном» в системе капитализма, то есть страна, двигающаяся по шкале «капитализма» медленнее иных стран, но именно она может стать передовиком, эталонным образцом перехода на новую ступень истории, – на ступень, где приоритеты капиталистического государства уступают первенство приоритетам социального государства («социализма» в терминологии Ленина).

СССР показал, что общество может развиваться без капитализма. Практика социалистического строительства в СССР, к сожалению, не дала безошибочной политической про-

граммы развития такого общества, череда ошибок и просчётов привела к распаду Союза советских социалистических республик. С этим событием в России угасла и искра идеи о фундаментальном равенстве стран современности друг перед другом и перед лицом большой истории, вновь уступив место западной эпистеме о естественной «отсталости» незападных стран в пределах современности. С этим эпистемологическим откатом в сферу политических теорий и политических практик возвращается печально знакомая со времён «великих географических открытий» Запада иерархия отношения «цивилизованных» наций и «дикарей», которая по умолчанию предполагала миссию «оцивилизовывания» посредством более или менее жёсткой подотчётности.

Наиболее привычная система «иерархии» выросла из марксизма и оформлена в терминах «экономики» и «экономического развития», за индикаторами которых стал следить Всемирный банк. Речь идёт о социально-эпистемологической системе, в соответствии с которой иерархия современности делит страны мира на «развитые», «развивающиеся» и страны «третьего мира». Дополнительная опция этой же социально-эпистемологической платформы соединяет экономическую иерархию стран с иерархией политической. В соответствии с последней страны делятся на «демократические» и «авторитарные», где «демократические» – это передовая, эталонная когорта, представленная странами Запада под предводительством США, а все остальные страны «авторитарные», отсталые, подлежащие подотчётности Западу. Основной современный политический акцент ставится на том, что судьба стран «третьего мира» / «развивающихся стран», – а они же описываются и как «авторитарные», – сводится к «подотчётности»[1] по отношению к альянсу Запада, со всеми особенностями «вертикали власти», которые при этом формируются.

Не трудно также показать, что приписанная странам незапада «*отсталость*» в актуальной политике начинает конвертироваться в их «естественную» (то есть не требующую дополнительных объяснений и доказательств) «*виновность*» перед Западом, которая, – на следующем идеологическом уровне, – требует «естественного» (то есть также не требующего дополнительных объяснений) «*наказания*» со стороны передового Запада. В результате формируется социально-эпистемологическая основа убеждения в «естественном» праве Запада наказывать страны незапада по своему смотрению. Так были наказаны Югославия, Ливия, Ирак, Сирия, Египет и др. Попытки наказать так же и Россию были предприняты Западом посредством поддержки террористического сепаратизма на Кавказском юге России в 1990-х гг., посредством поддержки попытки вооружённого поглощения Грузией региона Южной Абхазии (2008 г.), посредством множества экономических «санкций», вводимых Западом в качестве наказания параллельно с эскалаций идеологемы о виновности России, которые наблюдаются с 2014 г. по настоящее время.

Таким образом, ключевая концептуальная проблема, связанная с исследованием этапов развития политической организации общества, – это проблема полноценного доосмысления взаимосвязи *неравномерности* исторического развития стран с *философией равенства* всех стран современности друг перед другом и перед лицом своего исторического развития. Другими словами, требуется работа, направленная на переосмысление социально-эпистемологический системы, конвертирующей естественные этапы исторического развития в естественную иерархическую «подотчётность» странам Запада всех иных стран, в теоретическую и социально-эпистемологическую платформу, которая конвертирует естественную неравномерность прохождения этапов исторического развития разными странами мира в естественное *равенство* всех стран современного мира друг перед другом и перед лицом своей предстоящей истории.

[1] Термин «подотчётность» позволяет связать контекст рассуждения с «принципал – агентской» системой политических отношений [Бусыгина, Филиппов 2012].

Общество как политический микрокосм

Чтобы увидеть взаимосвязь *неравномерности* исторического развития стран с *философией равенства* всех стран современности друг перед другом, а также чтобы отделить «лингвистическое» сходство-различие форм политической организации государств в разные периоды истории от «сущностного» (речь о случаях, когда знак равенства ставится между античной демократией и современной демократией, между средневековыми султанатом или феодализмом и современными политическими отношениями) необходимо проделать определённую работу.

Государство и политическая организация общества в той или иной форме существует на протяжении почти всей человеческой истории. Содержание политики и форма государства определяются особенностями соответствующего социального пространства-времени, которые можно описывать с помощью понятия «*политический микрокосм*», которым будем именовать целостную структуру политической сферы жизни мира людей, которая включает как систему институтов государственного управления, так и систему политической организации граждан. Чаще всего, под влиянием идей К. Маркса, особенности государственного устройства привязывают к особенностям экономического уклада в обществе. В этой эпистемологической системе политическое устройство – это всегда следствие экономического устройства, экономическое устройство всегда нечто первичное, а политическое – всегда нечто вторичное. Для доказательства этой теоретической максимы Маркс собрал множество исторических примеров. Однако можно набрать столь же масштабную коллекцию исторических примеров, которые показывают, что политические решения и политика действует вне логики экономического рационализма, но подчиняются своим собственным внеэкономическим установкам. Политические перевороты, случаи смены политических режимов под влиянием бунтов, дворцовые перевороты, восстания и пр. начинаются под влиянием политических идей, политических амбиций, политических ресурсов и вопреки экономическим резонам, а иногда и в противоположность им. Например, США со времён своей независимости строились под влиянием идей «античной демократии», но при этом экономическая логика «свободного рынка», на которую уповал в своей теории К. Маркс, была вынесена за скобки. Именно поэтому «американская демократия» не замечала собственной экономики рабства и расовой сегрегации вплоть до середины 1960-х гг. Запрещённое в России террористическое государство ИГИЛ, возникшее на территории Сирии в конце 2010-х гг., создавалось без какого-либо собственного «экономического базиса», но на основе, прежде всего, политических причин.

Примеры можно продолжать, но и приведённые выше показывают, что есть измерения бытия и существования мира людей, где может быть выявлена собственная логика становления, существования и развития политической сферы жизни общества, где могут быть представлены приметы политического пространства-времени, действующего вопреки экономической рациональности и выгоде. Устойчивые на протяжении больших отрезков исторического времени политические микрокосмы образуют последовательно сменяющие друг друга политические эпохи, то есть периоды политической истории, на протяжении которых в мире доминируют государства с теми или иными определяющими элементами политического микрокосма.

Ядро структуры политического микрокосма включает следующие ключевые элементы государственно-политического устройства:

А) циклы смены фигур высшей /центральной власти в обществе, социально-онтологическая основа этих циклов; здесь рассматриваются различные социально-политические механизмы и ресурсы, с опорой на которые влиятельные политические группы генерируют, леги-

тимируют «первого»/«главного» носителя высшей/центральной власти в обществе, будь то античный царь, монарх или халиф Средних веков и Нового времени, президент или председатель правительства нашего времени. В сложившемся политологическом дискурсе этот элемент политического микрокосма попадает в поле исследований в свете понятия «форма правления», где рассматриваются способы единоличного правления (монархии разного вида) и способы коллективного правления (республика в разных проявлениях). Наш подход отличается тем, что фокусирует внимание исследователя именно на фигуре «первого лица» в системе политической организации общества или «первых лиц», если в системе политической организации общество имеет место «двоевластие» или иные формы диверсификации власти. При этом основное внимание уделяется базовым социально-политическим механизмам, которые обеспечивают работу циклов смены фигур, выполняющих полномочия высшей / центральной власти в стране.

Б) мировоззренческая платформа власти; это доминирующая в обществе форма мировоззренческой культуры, участвующая в функционировании и легитимации как системы власти, так и фигуры «первого лица», главного носителя высшей/центральной власти. С доминирующей формой мировоззренческой культуры связана также доминирующая форма коллективной идентичности в государстве и доминирующие особенности работы структур коллективной социально-исторической памяти государствообразующего сообщества. Основное назначение мировоззренческой платформы власти состоит в том, что это фундаментальная основа общегосударственной социально-политической солидарности населения как государствообразующей общности. Мировоззренческая платформа власти может быть исторически сложившейся (как это было в христианской Европе Средних веков) или «принятой» под влиянием власти (принятие христианства на Руси), она может быть боле или менее нормативно регламентирована, может быть провозглашена публично или действовать латентно. В сложившейся практике политологических исследований этот элемент, как правило, попадает в рамку исследования политических идеологий. Отличие нашего подхода состоит в том, что предметом наблюдения является массовая *мировоззренческая культура* («общая идеология», как писал А.Ф. Лосев [Лосев 1994: 92] государствообразующего сообщества, а не идеология, которую мы рассматриваем в качестве частного случая мировоззренческой обработки населения.

В) социальная опора власти; это ключевые социальные группы и институты, которые обеспечивают непосредственную общественную и силовую поддержку существованию и легитимации власти, обслуживают политическую деятельность правящей группы и/или лидера. На разных этапах истории общества мы можем наблюдать эпохальные сходства и различия состава и внутреннего строения таких социальных групп. Их анализ позволяет вывить устойчивые конфигурации структур социальной опоры власти, которые определяют характер той или иной политической эпохи.

Г) политический статус основной массы населения/ подданных / граждан; здесь имеет значение, доминирующий формат политических прав широких слоёв населения, возможности и режимы осуществления их массового политического участия. Этот элемент политического микрокосма также вполне доступен для аналитического наблюдения, которое позволяет выявить платформенные устойчивые форматы его политического бытия и существования. Все четыре элемента политического микрокосма меняются на протяжении истории. Периодически они обретают характеристики, которые могут сохраняться в относительно неизменном состоянии достаточно долго. Каждый период длительного устойчивого бытия и существования названных элементов политического микрокосма и их сочетаний позволяет констатировать наличие *исторического этапа* развития политического социума.

В силу неравномерности исторического развития различных стран, различных политических микрокосмов, в один и тот же хронологический момент истории разные страны характеризуются различными характеристиками по всем четырём моментам. Тем не менее, можно наблюдать, что на разных этапах большой истории формируются группы стран, которые определяют глобальный политический климат, а также имеют сходные черты по всем четырём компонентам своих политических микрокосмов. Группы стран, задающих планку доминирующей политической активности, а также долговременно определяющих устойчивый режим политических отношений и глобальный политический климат в сферах своего влияния, – такие группы стран образуют своеобразный базис политической эпохи. Так, во времена Античной Греции и Рима базис политической эпохи был задан греко-римскими городами-полисами и их империями. В Европе Средних веков базис политической эпохи был задан протонациональными государствами (княжества и королевства, как например, Франкское королевство V–IX вв., Византия 330–1453 гг., Генуэзская республика XI–XVIII вв., Казанское ханство 1465–1847 г., Королевство бургундов V–VI вв., Золотая орда 1227–1481 гг., Киевская Русь 988–1240 гг., в т. ч. Суздальско-Нижегородское великое княжество 1341–1392 гг. и пр.) и национальными государствами XVIII–XIX вв. (Франция, Германская империя, Королевство Великобритания, Российское государство XVI–XVII вв. и Российская империя XVII–XIX вв. и др.). Анализ известных сведений мировой истории позволяет сформулировать некоторые концептуальные положения шкалы политических эпох, которая представлена в следующем разделе.

Виды политических эпох

С опорой на изложенные выше положения, – в этом формате, конечно, достаточно схематично, – можно выделить следующие политические эпохи.

1. Эпоха древних мифо-династических государств (Древний Египет, древняя Греция, Древний Китай, Древняя Индия и др.). В основе циклов смены высшей власти – опора на *кровно-родственные связи*, на династичность, антропомерные циклы деторождения смены социальных генераций. В качестве доминирующей мировоззренческой основы (общая идеология) действует *мифо-ритуальная картина мира*, соответствующая массовая культура и социальная структура общества. Социальная опора власти – это правящий *династический клан/династия*, *жрецы*, *воины*. Политический статус населения сводится к *патриархальной повинности* одних и к *рабству* других. В целом для эпохи древних мифо-династических государств характерная миссия политики состоит в мифо-ритуальном утверждении родства высшей власти и общества с небесной (природной) иерархией мироздания, а также подчинение этой природно-социальной иерархии родства всей системы управления обществом.

2. Эпоха религиозно-династических государств (в Европе – государства Средних веков и Нового времени и т. п.). Циклы смены высшей власти здесь также опираются на *кровно-родственные связи*, на династичность и антропомерные циклы деторождения смены социальных генераций. Мировоззренческая основа власти (общая идеология) – та или иная *мировая религия*: религия и религиозный ритуал являются неотъемлемым элементом легитимности власти. Ядро социальной опоры власти образуют *правящая династия, родственные кланы, священнослужители*, *воины,* с XVI в. добавляется *элита торгового бизнеса* (купечества), с XVIII в. – *элита производственного бизнеса* (промышленников) и *государственная бюрократия*. Политический статус населения – *вассальная повинность, повинности, в т. ч. налоговые* городских сообществ/ граждан. Для религиозно-династического государства миссия политики – это утверждение носителя высшей власти в качестве помазанника/ наместника Бога на земле, воплощающего в земной общественной жизни заветы Бога и божественной справедливости.

3. Эпоха светского тоталитарного государства (тоталитарные государства XX века). Циклы смены высшей власти опираются здесь на *социальные технологии массовой политической мобилизации и репрессии* со стороны государства. Мировоззренческая платформа власти (общая идеология) – *воинствующий атеизм и тоталитарная идеология* более или менее радикального толка. Так в СССР это была относительно мягкая идеология пролетарского классового государства и социализма. Особенность отечественного микрокосма светского тоталитарного государства состоит в том, что классовая сегрегация в отношении «капиталистов» допускала возможность их «перевоспитания» и интеграции в новое общество (новая экономическая политика / НЭП – пример социальной эмансипации мелкого и среднего бизнеса, практика использования «буржуазных специалистов» – пример эмансипации представителей «буржуазии» и интеграции их в советскую систему хозяйствования и пр.). Даже ГУЛАГ, как индустриальный репрессивный институт в СССР, и тот содержал функцию «перевоспитания», которая сводилась к использованию закрытых форм социальной эмансипации «врагов народа»: заключённым предоставлялись определённые возможности для профессиональной самореализации. Наиболее известными случаями являются «конторы», в которых были собраны профессиональные группы для разработки технологий отечественного ракетостроения, отечественной ядерной физики и др.

В странах Запада действовали наиболее радикальные идеологические системы фашизма в Италии и нацизма, осуждённого международным Нюрнбергским трибуналом за преступления против человечества, в Третьем Рейхе. В Германии был реализован наиболее безжалостный режим расовой сегрегации – нацизм (в т. ч. холокост). Общая идеология строилась на основе теории расового превосходства немцев над всеми иными народами, а потому исключала принципиальную возможность эмансипации прав иных народов в системе Третьего Рейха. Несколько менее радикальная форма того же типа социального неравенства состоялась в США, где расовая сегрегация просуществовала с начала 1860-х до конца 1960-х гг. (законы «Джима Кроу» и т. п.). Этот вариант политического тоталитаризма опирался на идеологию «евгеники», утверждавшей, что африканцы уступают в умственном и психическом развитии белым и должны быть рабами у последних. Британия на протяжении нескольких столетий бала бизнес-организатором работорговли. США, Канада, Британская Австралия дают хрестоматийные примеры жестокой расовой сегрегации индейцев (США и Канада) и аборигенного населения (Австралия), которая сопровождалась массовыми депортациями и заключением этих коренных народов в резервации бесправия. Не случайно, после Второй мировой войны США и Канада приютили у себя многих немецких нацистов.

Социальная опора власти в светском тоталитарном государстве – это правящая *группа политической элиты*, *правящая политическая партия, экономическая элита* индустриального производства, в т.ч ВПК, индустриально организованный государственный *бюрократический, репрессивный аппарат, полиция, армия.* Политический статус населения/граждан – *всеобщая трудовая повинность, ограниченные, но равные политические права для большинства* (государствообразующее сообщество), *социальная сегрегация* для меньшинства. В эпоху светского тоталитарного государства базисная миссия государственной политики – это массовая мобилизация населения во имя провозглашённых верховным руководством высших исторических целей, социальная селекция государствообразующего сообщества для обеспечения тотального политического повиновения всего населения политике и интересам верховной власти.

4. Эпоха светского демократического государства (демократические государства второй половины XX – начала XXI вв.). Механизмы смены высшей власти в государствах такого типа осуществляются с опорой на регулярные циклы смены «первых лиц» государства посредством института выборов; они связаны также с циклами социализации сменяющих друг

друга возрастных генераций правящих элит. Мировоззренческая платформа (общая идеология) – это *светский мировоззренческий плюрализм*, в среде которого, тем не менее, устанавливается *перечень приоритетных / разрешённых общественных ценностей* (например, «американские ценности», «европейские ценности» и пр.). Социальная опора власти – это *политические элиты, политические партии, элиты крупного частного бизнеса и крупных государственных корпораций, элита государственного аппарата, в т.ч. полиции, служб безопасности, армии, а также представленные в политическом процессе группы гражданских активистов и НКО*. Политический статус основной массы населения/граждан предполагает равные *политические права, свободы и гарантии на участие в легитимации* политических решений государственной власти, а также равные политические права, свободы и гарантии социально-экономического участия для иностранных граждан в зависимости от их статуса пребывания. В эпоху светского демократического государства миссия политики – это мягкая политическая мобилизация населения в интересах верховных правящих групп властной элиты или государственных элит, нацеленных на индустриальное воспроизводство капитала всех видов (финансового, технологического, политического, природного) за счёт использования капитала человеческого, который в более или менее явном виде рассматривается политическим истеблишментом в качестве «расходного материала».

Особенность эпохи светских демократических государств состоит в том, что динамика жизни политических микрокосмов конкретных стран и их союзов определяется соотношением «авторитарных» и «демократических» элементов. При этом в разных странах это соотношение меняется в разных направлениях. Например, в США, Европейском союзе в последние полтора-два десятилетия XXI в. наблюдаются признаки увеличения числа авторитарных элементов политического микрокосма (усиление информационно-технологического, медиаинформационного, финансового, административного, идеологического, электорального авторитаризма). В те же годы в России есть признаки увеличения числа демократических элементов (наряду с совершенствованием механизмов представительной демократии осуществляется внедрение механизмов совещательной и партисипаторной демократии и пр.) Поэтому можно вести речь о двух тенденциях трансформаций политических микрокосмов светского демократического государства: есть тенденция демократического транзита, когда повышается число демократических элементов (Россия, Казахстан, Китай и др.) и тенденция авторитарного транзита, когда повышается число авторитарных элементов (США, Германия, Великобритания, ЕС и пр.).

Эпоха светских демократических государств не является высшей и финальной стадией развития политического устройства общества. Основные проблемы светского демократического государства, достаточно выпукло обозначаются в актуальной политике и в сообществе политологов [Мельвиль 2015]. «Несмотря на распространение в последние десятилетия демократических режимов правления в разных регионах мира и формальное признание демократических ценностей на всех континентах, усиливается недовольство граждан многих государств тем, как функционирует демократическая система, растёт недоверие к механизмам и институтам демократии» [Кочетков 2015: 98]. В противовес взглядам демократов-финалистов (Ф. Фукуяма и др.), считающих этот тип исторического развития политических систем высшим и окончательным, мы находим многочисленные скептические основания и аргументы, которые сводятся к выводу о том, что политическая эпоха светских демократий будет клониться к закату, архитектура её политических систем не может рассматриваться в качестве образца на все времена, и что современной политической науке предстоит определить черты следующей политической эпохи, которая придёт, видимо, не ранее XXII века. Политический кризис в ЕС (Brexit, политические противоречия во Франции, Германии в 2016–17 гг.), признаки политического кризиса, связанные с фигурами президентов Трампа и

Байдена в США, внешняя политика государств Запада, дестабилизирующая континентальные политические пространства посредством создания локальных конфликтов и «санкционного сдерживания» и, наконец, создание странами Запада политического переворота в Киеве в 2014 г. в качестве «запала» для развязывания гибридной войны против России и другие странные для демократической идиллии события дают дополнительный материал для диагностики признаков «заката» политической эпохи светского демократического государства и выдвижения гипотезы о том, что эпоха светских демократических государств может завершится к началу XXII века.

К признакам патологического несовершенства эпохи светской демократии относятся:

- ограничения и неравномерность представительства социальных групп граждан в работе политических институтов (непрямые выборы, ограничения активного («неграждане») и пассивного избирательного права (националистические фобии), рукотворные социально-политические конфликты, кризис партийной системы, и пр.;
- доминирование силовых политических элит и государственных над гражданскими;
- закрытость центров власти, элементы династической или коррупционной солидарности правящих политических элит,
- доминирование финансово-экономических интересов элитных групп и групп влияния и высокие социальные издержки экономических кризисов, технократического прогресса в деятельности ВПК и ТНК;
- ограничения, разложение публичной этнокультурной идентичности коренных сообществ, кризис мультикультурализма и социальная гиреоднородность;
- создание миноритарных радикальных экстремистских и террористических социальных групп в качестве опоры власти правящих политических элит;
- неустойчивость, разрушение системы правовых международных отношений и высокие социальные издержки локальных войн по всему миру, переход второй «холодной войны» Запада против России в стадию гибридной войны.

Не трудно показать, что большинство признаков кризисного заката политического микрокосма светского демократического государства наблюдаются в США и в подотчётных им государствах Запада, которые стремятся утвердить их по всему миру и законсервировать в качестве единственно возможного глобального социального порядка. Поэтому актуальные проявления политического противостояния давлению Запада – это противостояние попытки политических элит Запада остановить историю, остановить процесс совершенствования политической организации общества, на который ориентированы многие страны незапада (Россия, Китай, Индия и др.)

Обобщая можно заключить: тезис о том, что эпоха светских демократических государств является очередной *промежуточной* ступенью эволюции общества как политического микрокосма, имеет принципиальную важность, прежде всего потому, что требует продолжения решение проблемы сущностной эмансипации человека и общества, которые пока что воспринимаются и используются в качестве «расходного материала» для достижения более важных целей. Кроме того, важность такой постановки вопроса необходима для снятия негласного «табу» на фундаментальную ревизию режима «западной демократии», на эмансипацию идеи о необходимости продолжения поиска более совершенной модели политического устройства для человека исторического-культурного-разумного.

5. Вопрос о будущей политической эпохе относится к рубежу XXII века. Каким будет политический микрокосм общества XXII века?, – это вопрос, у которого нет одномерного ответа. Неопределённость связана с тем, что политический микрокосм современных обществ в XXI веке выходит на фундаментальную развилку, где одно направление дальнейшей эволюции политического микрокосма может пойти в сторону формирования системы кибер-госу-

дарства, когда всё более доминирующим источником социального порядка будет становиться кибер-инженерия. Основными индикаторами этого направления будут признаки деконструкция человека посредством социально-политических практик внедрения идей трансгуманизма, массовой кибер-информационной мобилизации населения в кибер-цифровые микрокосмы с жёсткими кибер-авторитарными режимами, а также преобразования антропомерных структур коллективной-и-индивидуальной идентичности в режимы кибер-регистрации и «подписки» на доступ к различным складам цифровых аватаров. Соответственно, будут наблюдаемые признаки «отмены» живой коллективной (и индивидуальной) социально-исторической памяти людей и замена её машинами кибер-памяти, оснащёнными простыми для управления механизмами сброса памяти.

Второе направление – это движение в сторону сохранения традиционного антропомерного государства, где ключевыми источниками социального порядка остаются культура и личность в сочетании с антропомерными политическими института и иными основными источниками социального порядка с приоритетами создания полноценного социального государства. Признаки этого процесса будут давать политики укрепление защитных барьеров для сохранения статуса-кво человека исторического-культурного-и-разумного, политики эмансипации традиций этнокультурного и этно-конфессионального разнообразия коренных групп населения, а также политики сохранения и развития живых структур коллективной социально-исторической памяти, традиционных структур коллективной-и-индивидуальной идентичности.

Перспектива и макетирование дорожной карты по строительству кибер-государства достаточно активно прорабатывается мозговыми центрами Запада (теория «информационного общества» Э. Тоффлера, теория кибер-сознания Д. Деннета, проектный доклад К. Шваба и Т. Маллерета [Schwab, Malleret 2020], кибер-система «Мета» М. Цукерберга и пр.) и других стран (кибер-система социального рейтинга в Китае). Эта перспектива касается, прежде всего поля публичной политики, где центру власти приходится иметь дело в массовым политическим поведение и массовыми движениями живых людей. В частности, тенденция нарастания авторитарных элементов в структуре антропомерного политического микрокосма США конвертируются в кибер-авторитарные. Одновременно с ними происходит формирование новой страты в структуре политической элиты – криптократии (хозяева крупнейших кибер-систем социальных коммуникаций, кибер-биржевых площадок, платформ кибер-ритейла, кибер-валютных платформ и пр.). Кибер-сетевые системы (социальные сети, система «Мета» и пр.) перехватывают и переключают на себя структуры социальной солидарности, которые до рубежа XX века были полностью антропомерными (строились исключительно на самодостаточных, свободных отношениях людей), а теперь заменяются кибер-коммуникационными (переносятся и строятся в полностью управляемой среде «цифровых коммуникаций»). Целевой формой солидарности, которой в рамках этой стратегии овладевает политическая элита и криптократия, – это гражданская общественно-политическая солидарность, имеющая первостепенное значение для правильной работы электоральных и иных механизмов управления социальной толпой в среде политического микрокосма США. Перенос мотивированного коллективного мышления общества (живого общественного сознания) из антропомерной сферы коллективного идеального, где оно недосягаемо для авторитарных манипуляций, в цифровую среду кибер-социальных коммуникаций, где мотивы и содержание дискурса становится лёгкой добычей для кибер-авторитарных манипуляций, – это, по всей вероятности, ближайшая перспектива, которая обеспечит полную кибер-авторитарную управляемость голосования на выборах любого уровня и управляемость иными моделями поведения индивида на потребительских рынках. Одновременно происходят процессы деконструкции,

разрушения таких фундаментальных антропомерных структур социальной солидарности, как этнокультурная, семейная, гендерно-половая и др.

Век XXI – это время появления новой ключевой альтернативы человеческой истории, которая связана, прежде всего, с тем, что современная политическая система, ориентированная на массовую переработку «вещества» природы, общества, культуры и человека в интересах воспроизводства капитала и его владельцев, вплотную подступила к тому, чтобы вмешаться в неизменную до сего времени сферу производства «первого рода» (по К. Марксу) – в сферу «производства людей». Научно-технологические и индустриальные возможности современных светских демократических государств (прежде всего, государств Запада) позволяют предполагать, что к концу XXI в. возможен массовый перенос процесса деторождения из естественного состояния на платформу искусственного промышленного воспроизводства «в пробирке». В сочетании с кибер-трансформацией организма человека, повышением числа процедур, регламентирующих социальное функционирование индивида в кибер-среде, это создаёт основу для построения кибер-государства и становления ибер-политической эпохи. Высшая власть в этом случае будет находится в руках небольшой группы традиционных людей (возможно, достаточно устойчивой популяции), исключивших себя из системы тотальной кибер-техно-модификации человека [Кутырёв 2015], и передающих её по наследству между собой, естественно, с учётом некоей внутренней иерархии. Для нового «общества» доминирующей может стать идеология кибер-транс-гуманизма, утверждающая прогрессивность и правильность переделки «старого» человека толпы, антропомерной науки и антропомерного государства в нового кибер-актора («людэна»), в кибер-науку и кибер-государство. Социальная основа власти, как традиционная часть человеческой, антропомерной власти в этой перспективе исчезает и заменяется кластером людэнов-программистов глобальных кибер-производственно-технологических процессов (криптократия), напрямую обеспечивающих жизнь группы верховых правителей всем необходимым. Основная часть населения превращается в резидентов глобального кибер-государства-фабрики. Теперь это унифицированные техно-и-кибер-зависимые, фабрично синтезированные на био-антропо-генетическом субстрате существа, антропная память которых заменена кибернетической, антропная идентичность которых заменена процедурами регистрации в предписанных кибер-протоколах, а поведение которых соответствует их индивидуальным протокольно предписанным программам и программным приложениям. В настоящее время на уровне повседневной политики сдвиги в этом направлении предвещают:

- попытки перевода традиционного дискурса публичной политики (за экономическую свободу, за социализм, за независимость и пр.) в плоскость продвижения идей транс-сексуальности, транс-гендерности, деконструкции фундаментальной традиционной антропомерной бисексуальной основы брака и семьи, идей трансгуманизма;

- попытки «освободить» от моральных «оков» генную инженерию человека, дойти до уровня промышленной евгеники,

- попытки «освободить» от моральных «оков» технологии клонирования и разрешить промышленную переработку в них человека,

- попытки перевода практик глубокой модификации человека с запрещённых опытов генной инженерии и клонирования в практики кибер-совершенствования человека (вживление чипов и пр.)

- постоянные жалобы на избыточную численность населения на планете и на недостаток ресурсов для обеспечения нормальных условий социального бытия и существования для всех, и пр.

- постоянные жалобы на «дороговизну», «затратность», «неэкономичность» и «экологическую вредность» жизнедеятельности традиционного, живого человека и пр.

На фоне этой активности не трудно показать, что перспектива антропомерного государства и стратегия формирования полноценного социального государства почти не имеет ни научных, ни проектных проработок, опирается в основном на беспечное знание о том, что «так было всегда». Но обстоятельства таковы, что для сохранения антропомерной основы власти в будущем теперь требуются специальные защитные усилия. Стихийная, естественная устойчивость антропомерной платформы, на которой вплоть до рубежа XXI в. строились политические микрокосмы всех стран, теперь теряет свою силу «всеобщего бытия» под давлением Западных политик деконструкции традиционной живой антропомерности коллективных форм общежития в мире людей, политик, соблазняющих идеями абсолютной индивидуальной потребительской свободы, а также под давлением соблазнов тотальной цифровизации «индивидуального мира» (термин Ю. Хабермаса) и его нового встраивания в новое цифровое общество, в среду авторитарно управляемых кибер-коммуникаций.

Проработка перспективы сохранения антропомерной платформы политического микрокосма с приоритетами полноценного социального государства, кроме России, похоже, пока никого не интересуют. Российская гуманитарная и, в частности, политическая наука может занять на этом направлении приоритетные позиции, если займётся разработками мер, которые обеспечат сохранение России в качестве антропомерного социального государства в горизонте текущего столетия. Схематично описанная перспектива светского антропомерного социального государства рассматривается нами как единственно предпочтительная для России альтернатива кибер-государственной перспективе Запада. Движение в сторону этой альтернативы потребует преодоления многочисленных препятствий, в т. ч. мировоззренческих, идейных, геополитических и политических. Эта альтернатива предполагает, в частности, что наряду с развитием «безлюдных» промышленных технологий в России должны развиваться *людные* и *многолюдные* социальные технологии, прежде всего в сферах образования, медицины, управления, науки и искусства, медицины и физкультуры – там где воспроизводятся живые социальные отношения людей, работающих с другими людьми, где происходит живая социальная творческая самореализации и социализации людей с помощью людей и для людей, а также в сфере массового государственно-гражданского социального партнерства, где вырабатываются согласованные между людьми из «власти» и людьми из «гражданского общества» планы, программы, проекты и практики сотрудничества в целях совершенствования качества создаваемого в России общественного блага.

Выводы

Для российской политической науки и для методологии отечественных политических исследований основной вывод по тематике исторического шкалирования сводится к тому, чтобы не скатываться в поиске методологических оснований прикладной аналитики в прокрустово ложе дискуссии о «западном» или «восточном» пути развития, дискуссии об «авторитаризме» и «демократии», о государствах «лидерах» и государствах «изгоях» и т. п. популистским или односторонним подходам, продвигаемым мозговыми центрами и масс-медиа Запада. Напротив, необходимо искать теоретико-методологические ресурсы, которые позволяют осмысливать политическую современность целостно, сущностно, чтобы в любой конкретной исследовательской работе удерживать баланс мировоззренчески и эмпирически опознаваемых реалий, мировоззренческих и эмпирических смыслов политики. Это тем более важно, что проявления пренебрежительного отношения к различным аспектам антропомерной основы современного государства встречаются в России слишком часто. Поэтому, анализируя конкретный политический процесс, мы обращаем внимание не только на то, в какой мере политические элиты, лоббируя те или иные события в собственных интересах, игнори-

руют ожидания больших социальных групп граждан, но на то, в какой мере коммерческие интересы прокладывают свои дорожные карты, разрушая те или иные элементы социальной/человеческой идентичности (снос памятных мест, памятных объектов архитектурной среды и пр.), на то, в какой степени современные власти под теми или иными предлогами стремятся «экономить» на широком общественном участии граждан в общественно-политических процессах и в реализации социальной политики и т. п., на то, в какой степени представители власти осознанно или неосознанно ведут к замене живых социальных отношений с гражданами России структурами кибер-коммуникаций.

Все такого рода отдельные издержки отечественной публичной политики, – кроме того, что формируют локальные низовые конфликтогенные структуры, негативные последствия которых можно наблюдать прямо сейчас, – ослабляют платформенные антропные устои российского политического микрокосма и государства в перспективе XXII века. Конечно, в массе своей действующие политики и коммерсанты не планируют жить так долго, а потому столь удалённые перспективы их не волнуют. Но для фундаментальной политической философии такая близорукость непростительна. Поэтому мы разбираем бисер сцен и мизансцен текущей политики, держа при этом в поле восприятия также и сверхдальние ориентиры, в свете которых мы оцениваем вклад наших действующих политиков в пользу кибер-государственной или атропной перспективы развития политической сферы жизни общества в России.

На этом метаисторическом рубеже смены политических эпох российская политическая наука может занять пионерскую, утверждающую и критическую позицию по отношению к современной демократической политической системе и западному дискурсу о демократии. Во-первых, это может быть фундаментальная теоретическая и прикладная проработка концептуальных основ сохранения России на путях совершенствования, развития отечественного политического микрокосма на принципах антропомерных источников социального порядка, а также проработка конкретных мировоззренческих, ценностных, идейно-политических, конституционных, социально-технологических приоритетов перспективной модели социального государства в России. Во-вторых, это может быть критический анализ противоречий на уровне базовых и видовых признаков светского демократического порядка как особой политической эпохи, в т. ч. мониторинг признаков её политического «заката»; в-третьих – это может быть мониторинг тенденций нарастания элементов авторитаризма в системах светских демократических государств Запада и их трансформации в кибер-авторитарные; в-четвёртых, это может быть критический анализ текущих практик «внедрения демократии» в России, в т. ч. с учётом необходимости выбора новых ориентиров эпохального выбора.

Современная российская дискуссия о лучшем политическом устройстве протекает достаточно оживлённо. В ней звучат идеи монархического правления [Голованов 2017], идеи сталинизма [Курилла 2016], нового «похода Ермака» (новая индустриализация Сибири) [Ильницкий 2021] и др. С позиций нашего подхода к метаисторической политической традиции данные идейно-теоретические позиции также требуют критического осмысления, поскольку, так или иначе, предлагают России реверс к уже пройденным политическим проектам. Конечно, они должны присутствовать в нашем аналитическом багаже. Вместе с тем, России требуется новая энергия и новые научные силы для утверждения своего суверенного видения постдемократической политической перспективы XXII века, перспективы, где наш приоритетный ориентир – это сбережение светского, антропомерного и социального государства.

Алексеева Т.А. 2000. *Поиск новой парадигмы. – Политическая наука в России: Интеллектуальный поиск и реальность. Хрестоматия*. / отв. ред.-сост. А.Д. Воскресенский. М.: МОНФ; ООО «Издательский центр научных и учебных программ».

Афанасьев М.Н. 2000. *Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России*. 2-е изд., доп. – М.: Моск. обществ. науч. фонд.

Бусыгина И., Филиппов М. 2012. Агенты и принципалы: чего ожидать после «вертикали власти»? – *Неприкосновенный запас*. – № 4. – Доступно: https://magazines.gorky.media/nz/2012/4/agenty-i-princzipaly-chego-ozhidat-posle-vertikali-vlasti.html. – Проверено: 14.05.2022.

Голованов Р. 2017. В РПЦ задумались о восстановлении монархии в России. – *Комсомольская правда*. – 01.07. – Доступно: https://www.nnov.kp.ru/daily/26699.5/3723531/ . – Проверено: 14.05.2022.

Гуторов В.А. 2015. О некоторых аспектах формирования политико-философского дискурса в современной России. – *Структурные трансформации и структурное развитие отечественных школ политологии*. / Ред. – О.В. Гаман-Голутвина. – М.: Издательство «Аспект Пресс».

Демократия в российском зеркале… 2013. *Демократия в российском зеркале* / Ред.-составители: А.М. Мигранян, А. Пшеворский. – М.: МГИМО-Университет.

Зарубежнов Е.С. 2014. Формы проявления государственного капитализма в современной России. – *Вестник челябинского государственного университета*. – № 2(350). Экономика. – Вып. 47. – С. 55–60.

Ильницкий А. 2021. Время больших решений. – *Парламентская газета*. – 23.09. – Доступно: https://www.pnp.ru/politics/vremya-bolshikh-resheniy.html. – Проверено: 14.05.2022.

Кочетков А.П. 2015. Национальное государство в условиях глобализации. – *Российская политическая наука: Идеи, концепции, методы* / Ред. – Л.В. Сморгунов. – М.: Издательство «Аспект Пресс».

Курилла И. 2016. «Возвращение Сталина»: Как понять обострение исторической политики в России? – *Россия в глобальной политике*. – 11 окт. – Доступно: http://globalaffairs.ru/PONARS-Eurasia/Vozvraschenie-Stalina-Kak-ponyat-obostrenie-istoricheskoi-politiki-v-Rossii-18419. – Проверено: 14.05.2022.

Кутырёв В.А. 2012. *Время Mortido*. – СПб.: Алетейя.

Кутырёв В.А. 2015. *Последнее целование. Человек как традиция*. – СПб.:Алетейя.

Лепский В.Е. 2015. *Эволюция представлений об управлении (методологический и философский анализ)*. – М.: Когито-Центр.

Лосев А.Ф. 1994. *История Античной эстетики. Ранняя классика* / Изд. 2-е, исправленное, доп. – М.: ЛАДОМИР.

Мазур А. 2009. Неофеодализм в России. – *Тайга Инфо*. – 26 ноября. – Доступно: http://tayga.info/94484. – Проверено: 14.05.2022.

Мельвиль А.Ю. 2015. «Кризис демократии» и «зависшие» демократии. – *Российская политическая наука: Идеи, концепции, методы* / Ред. – Л.В. Сморгунов. – М.: Издательство «Аспект Пресс». – С. 272–289.

Панарин А.С. 2000. Вызов (Геополитический пессимизм против цивилизационного оптимизма). – *Политическая наука в России: Интеллектуальный поиск и реальность. Хрестоматия* / отв. ред.-сост. А.Д. Воскресенский. – М.: МОНФ; ООО «Издательский центр научных и учебных программ».

Панарин А.С. 2015. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). – *История Российской политической науки* / Ред. – Ю.С. Пивоваров, А.И. Соловьёв. – М.: Издательство «Аспект Пресс». – С. 416–428.

Пасскуино П. 2013. Демократия: Античная и современная. – *Демократия в российском зеркале* / Ред.-составители: А.М. Мигранян, А. Пшеворский. – М.: МГИМО-Университет. – С. 185–210.

Тоффлер Э. 2002. *Третья волна*. – М.: ООО «Издательство АСТ».

Туровский Р. 2015. Поможет ли государственный капитализм российским регионам? – *Политком.RU*. – 30.01. – Доступно: http://politcom.ru/18532.html. – Проверено: 14.05.2022.

Фукуяма Ф. 2003. *Великий разрыв*. – М.: ООО «Издательский дом АСТ».

Хантингтон С. 2016. *Столкновение цивилизаций*. – М.: Издательство АСТ..

Шляпентох В. 2008. Современная Россия как феодальное общество. – *Новый ракурс постсоветской эры* / Шляпентох В.; пер. с англ. Ю. Гольдберга. М.: Столица-Принт

Schwab K., Malleret T. 2020. *COVID-19: The Great Reset*. – Geneva: World Economic Forum.

ГОСПОДСТВО В СОВРЕМЕННЫХ ДЕМОКРАТИЯХ: ПОДХОДЫ К КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ, ИЗМЕРЕНИЮ, ОГРАНИЧЕНИЮ

И.Л. Недяк
Институт социологии РАН

Аннотация: *В статье рассмотрены исходные посылки и исследовательская оптика концепций господства, в которых власть и политика современных демократий измеряются на шкале «господство – empowerment» и оцениваются с позиций их ориентированности на развитие субъектности, дискурсивного сознания, прав и возможностей членов политии. Анализируется исследовательский инструментарий концепций, его политфилософские и теоретические основания. Представлены данные панельных общероссийских обследований о степени и характере поражения социума властью в форме господства.*

Ключевые слова: *власть, господство, политика, свобода как не-господство, empowerment.*

Нам «посчастливилось» жить в эпоху таких перемен, которые невольно пробуждают в памяти: «Всё рушится, основа расшаталась…, Мир захлестнули волны беззаконья; У добрых сила правоты иссякла, А злые будто бы остервенились» [Йейтс б/г].

Вчера ещё продуктивные исследовательские подходы и приёмы демонстрируют свою нечувствительность к выявлению сути перемен, плохо справляются с их адекватным описанием. Научная рефлексия получает мощный стимул. Общей чертой дискурсов социально-гуманитарных дисциплин можно назвать обращение к кроссдисциплинарной ревизии рефлексивных механизмов. Актуализируются понятия и концепты, уточняются и/или дополняются критерии обоснования исходных посылок etc. В тренде методологический бриколаж, «неприрученные» (К. Леви-Стросс) теории. К таковым имеет касательство ориентированный на межсубъектное взаимодействие научный дискурс господства – тема данной статьи.

Дискурс господства, ориентированный на межсубъектное взаимодействие: исходные посылки

Рассматриваемый дискурс господства стал «набирать обороты» с последней трети прошлого века. Его развитие стимулировали, с одной стороны, процессы расширения и углубления социальных отношений господства в обществах с разными режимами демократического правления; с другой – дефицит исследовательского инструментария для их изучения. Мы на-

DOI: 10.18522/2218-5518.2022.2.3248

звали этот дискурс господства – пока не найдя лучшего – ориентированный на межсубъектное взаимодействие (далее МСД или МС-дискурс). В нем власть и политику измеряют на шкале, один полюс которой – власть в форме господства, блокирующая у объекта воздействия его ресурсы и возможности выступать в качестве самостоятельного агента, делать осознанный и свободный выбор (*agency*). Противоположный полюс – эмансипаторная власть и политика, расширяющие права и полномочия объектов воздействия, *empowerment*[1].

К теоретическому костяку МС-дискурса мы относим работы, которые опираются на разные философские и теоретические основания: республиканскую философскую и политическую доктрину; концепции господства, разработанные с опорой на теории неороманского республиканизма и теории социального обмена; дискурс господства в системе координат многоликих концепций власти; кратологию критической социологии Франкфуртской школы; теории эмансипации и *empowerment;* феминистский дискурс господства [Структуры господства… 2020]. Перечень открыт, ибо интерес к изучению экспансии отношений господства в считающихся демократическими обществах растёт на различных аренах научного дискурса.

В МС-дискурсе нет некоего канонического определения господства. И это понятно. Любые случаи проявления власти и/или господства с неизбежностью приводят к введённому Людвигом Витгенштейном понятию семейного сходства: они имеют те или иные общие черты, но нет достаточно оснований для того, чтобы выделить одну из них как общую для всех определяющую характеристику. Власть и господство – оспариваемые по существу концепты, понятия зонтичные и необоримо оценочные. Их редукция к концептуальному единству попросту бессмысленна.

В МСД сложно найти положения, которые не порождают дискуссии. Но есть и «ось», вокруг которой вращается «тело» дискурса. Формирующие его работы в целом разделяют следующие предметные и методологические посылки:

1. Господство – нормативно-нежелательная форма власти, которую (вос)производят формально демократические институты и практики и которая размывает их примордиальные смыслы.

2. Власть в форме господства враждебна задачам и этосу эмансипации, становлению гражданина как субъекта политии. Она подавляет ориентированные на общее благо нормативно-ценностные, когнитивные, мотивационные и поведенческие установки участников социального взаимодействия – и δῆμος, и κράτος .

3. Отношения господства – это социальные отношения в веберианской трактовке последних. Если для определения своих действий человеку нет необходимости принимать во внимание возможные действия других лиц, тогда эти отношения не подпадают под определение «господство» при наличии всех остальных солидарно признаваемых признаков последнего: *несправедливые, нелегитимные, асимметричные, субъект-объектные отношения зависимости и подчинения с нулевой суммой, которые ущемляют базовые интересы объекта воздействия, отводят последнему роль инструмента для достижения своекорыстных целей власть предержащего*.

4. Господство – форма власти, которая встроена в структуры социального взаимодействия и (вос)производится ими. Это функция социальной системы. Но это отношения между людьми, а не между человеком и структурой.

[1] В русском языке нет термина, который соответствует английскому *empowerment*. Его либо переводят как расширение возможностей и наделение полномочиями, приобретение возможностей, обретение власти и т. д., либо прибегают к неблагозвучной транслитерации эмпауэрмент. Автор предпочитает использовать оригинальный английский термин.

5. Рабочими – подтвердившими свою аналитическую и эмпирическую ценность – являются в первую очередь те концепции, в которых господство определяют и анализируют как форму власти, основанную на структурных отношениях (*structure-based conceptions*). Концепции, которые разработаны «с прицелом» на изучение многообразия проявлений/результатов/последствий господства (*outcome-based conceptions*) имеют вспомогательную роль. Хотя, разумеется, значение метода *case-study* не принижается ни в коей мере.

6. Режимная методология (измерение власти в континууме «демократический режим с разными прилагательными ↔ в разной степени и формате недемократический режим») недостаточно восприимчива к выявлению причин (вос)производства демократическими институтами отношений господства. Режимная методология плохо приспособлена и к измерению характера отношений господства: как / в какой степени / в каких сферах / посредством каких ресурсов и т. д. формально демократические властные отношения перенаправлены от обеспечения правами и полномочиями участников социального взаимодействия к их социализации в подчиненных ролях, к лишению их возможностей и ресурсов субъектообразования.

7. Не-господство определяют как высшую политическую ценность, ему отводят статус общего блага. Не вызывает острых дискуссий утверждение, что *raison d'être* демократического режима состоит в обеспечении защиты от господства всех членов политии. С этих позиций демократию, её институты и практики считают инструментальными ценностями – обусловливающим, вспомогательным благом.

Господство в МС-дискурсе и социологии М. Вебера

По причине фактической канонизации социологии господства Макса Вебера невозможно избежать темы «позиционирования» взгляда на господство в МС-дискурсе по отношению к соотносительным категориям понимающей социологи. Такое сопоставление на первый взгляд весьма демонстративно.

Согласно Веберу, тот или иной тип господства легитимирует власть и структурирует общество, является основой всех видов социальных действий. В МС-дискурсе господство трактуется как безусловно нелегитимная форма власти и социальная патология. Далее. Вебер не делает нормативного (и нередко даже семантического) различения между властью и господством. МС-дискурс, напротив, сосредоточен на их нормативном и концептуальном различении.

Приведенное сравнение может ввести в заблуждение кажущейся ясностью, если «забыть» о несоразмерности сопоставляемых исследовательских горизонтов понимающей социологии М. Вебера и МС-дискурса. Общепризнанное достоинство последнего состоит в том, что С. Льюкс называет «операционностью», то есть полезностью в эмпирическом отношении, поскольку позволяет формулировать гипотезы, которые в принципе поддаются верификации [Льюкс 2010: V].

Что побуждает людей согласиться на власть господства и подчиниться ей? Как объяснить согласие «большого числа» на повиновение, когда и если власть предержащие («малое число») не прибегают к явному и /или постоянному насилию? Эти вопросы обращены, по мнению Вебера, к подлинным проблемам социологической теории. Они образуют «нервное сплетение» и социологии господства М. Вебера, и МС-дискурса. Помогает понять особенности видения господства в МС-дискурсе и социологии М. Вебера то, как их «нервные волокна» обеспечивают «подачу сигналов».

Согласимся с теми исследователями, которые признают концепцию господства М. Вебера «котрапунктом и организующим началом его интерпретативной социологии» [Ожиганов 2020: 5].

Вебер считает господство «одним из важнейших элементов действия общности…, именно господство и способ его реализации есть то, что рождает из аморфного действия общности рациональное обобществление» [Вебер 2019: 17].

Указание на господство как основу всех видов социальных действий делает этот концепт «точкой схода» всех тематических разделов «Хозяйства и общества» и связанных с ними категорий понимающей социологии. С этих позиций читается веберовский критерий различения власти и господства – вероятность подчинения приказу.

Вебер определяет власть (*Macht*) как «люб[ую] вероятность реализации своей воли в данном социальном отношении даже вопреки сопротивлению, на чем бы эта вероятность ни основывалась» [Вебер 2016: 109]. Но, согласно автору, это определение социологически аморфно, ибо «любые человеческие качества и любые сочетания обстоятельств могут помочь человеку реализовать свою волю в имеющейся ситуации» [Вебер 2016: 109]. Более точным социологическим понятием Вебер называет «господство» (*Herrschaft*) и определяет его как «вероятность того, что определённые люди повинуются приказу определённого содержания» [Вебер 2016: 109]. В такой логике власть предшествует господству; господство – частный случай власти [Вебер 2019: 17].

Вебер не допускает разночтений в определении господства: оно «тождественно авторитарной власти приказа», «…к сожалению, единственно удовлетворяющий нас объем понятия обнаруживается только в связи с правом отдачи приказа», «…как если бы подчиняющиеся сделали содержание приказа (просто в силу его наличия) максимой собственного действия (подчинение)» [Вебер 2019: 22, 23].

Что делает содержание приказа максимой действия подчинённого, условием его согласия на повиновение? Вера в легитимность господства, утверждает М. Вебер. «Каждому подлинному отношению господства свойственен определённый минимум желания подчиниться, а следовательно, внешней или внутренней заинтересованности в подчинении» [Вебер 2016: 252]. Господство всегда стремится к самооправданию – это важнейшая посылка М. Вебера. Господство «стремится пробудить и укрепить веру в собственную легитимность» [Вебер 2019: 252], ибо эта вера является непременным условием согласия на повиновение господству.

Справедливо суждение, что социологическое содержание легитимности в теории господства Вебера помогает понять его теория рациональности. Вебер не склонен определять и исследовать тот или иной тип человеческой деятельности как «рациональный» или «иррациональный». Вопросы, которые ставит объясняющая социология М. Вебера, не в том, рационально ли то или иное действие, легитимен ли тот или иной порядок. Вебера интересует, *какова* рациональность того или иного действия, *какова* основа легитимности того или иного порядка [Szelenyi 2015]. Виды господства Вебер определяет по типичным для них способам притязания на легитимность: легально-рациональный, традиционный, харизматический и их подпиты. В чистом виде они не проявляются. Поэтому критерием классификации господства является не его идеальные типы, а то «что его притязание на легитимность – в достаточной степени и в соответствии с её типом – значимо, что оно укрепляет структуру и помогает выбрать нужный тип средств господства» [Вебер 2019: 254].

Процитированный выше И. Селеньи верно подметил, что в логике М. Вебера, нелегитимный порядок представляет собой скорее исключение или предельный случай. В такой ситуации отдающий приказ субъект власти может рассчитывать на повиновение только при условии применения силы власти (*Macht*), так как он потерял ресурс господства (*Herrschaft*), который обес-

печивал добровольное подчинение приказу. Этот ресурс -– вера в легитимность господства. В таких случаях власть (*Macht*) обычно проявляется в форме массового, систематического и фактического принуждения. В понимании М. Вебера, власть, которая более не может опираться на основы легитимации неважно какого типа господства, имеет много общего с контргегемонией в терминах А. Грамши [Szelenyi 2015].

Как читается концепция власти не-господства МС-дискурса в терминах М. Вебера

В лексике интерпретирующей социологии М. Вебера «типовую» концепцию власти не-господства (*power as non-domination*) можно описать как двуядерную, то есть опирающуюся на два обозначенных мэтром типа легитимации власти: легально-рациональный и воля управляемых.

Основные критерии легально-рационального типа господства М. Вебера и власти не-господства в МСД, во-первых, в целом совпадают и, во-вторых, диаметрально противоположны в части правила словоупотребления. То, что Вебер определяет как легально-рациональный тип господства, называют условием не-господства (*non-domination*)[2] в концепциях МСД. В обоих случаях речь идёт о признании «зафиксированных в формальных актах порядков и прав распоряжения» [Вебер 2016: 254], о безусловной и неселективной подчинённости любого члена политии обезличенной системе установленных рациональных правил. Ниже это положение подробнее рассмотрено на примере неороманской концепции господства как произвольной власти.

Что можно сказать о «наследственной информации» второго ядра концепции? Воля управляемых (*Willen der Beherrschten*) – способ притязания на легитимность, который Вебер упомянул лишь однажды и вскользь в лекции, прочитанной в Социологическом обществе в Вене в 1917 году. В отчёте о ней журналист сообщает: «В заключение он перешел к показу того, как современное развитие западного государства постепенно ведет к формированию четвертого типа идеи легитимности – такого господства, которое, по крайней мере официально, выводит свою легитимность из воли тех, над кем оно господствует» [Вебер 2019: 415–417].

Вебер, известный своей приверженностью «правлению малых чисел», оставил неразработанным этот тип легитимации власти. Напротив, в концепциях МС-дискурса значение ядра «Воля управляемых» сложно переоценить. Это центр притяжения его рассмотренных ниже концептуальных построений для исследования господства как нелегитимной власти: произвольная власть (*arbitrary power*), свобода не-господства (*freedom as non-domination*), внешний контроль (*alien control*).

Неороманская концепция господства как произвольной власти

Неоклассическая республиканская концепция господства как произвольной власти (*domination as arbitrary power – далее DAP*) – признанный триггер МС-дискурса.

Концепцию господства как произвольной власти в первую очередь связывают с именем Ф. Петтита – одного из самых известных и цитируемых теоретиков неоклассического республиканизма. Это открытая концепция. Вклад в концептуализацию господства как власти

[2]Перевод термина «*non-domination*» как «не-доминирование» получил широкое распространение после издания на русском языке хрестоматийной работы Филипа Петтита «Республиканизм. Теория свободы и государственного правления» в блестящем переводе А. Яковлева. Однако мы считаем, что «не-господство» более точно передаёт коннотацию.

произвола и антипода власти-*empowerment* вносят и приверженцы *DAP* (выделим предметные поля не только республиканизма, но и теории обмена, теории эмансипации, феминистского дискурса), и её критики.

Ф. Петтит обозначил три признака власти в форме господства А над Б: (1) способность А вмешиваться (2) на основе произвола (3) в имеющиеся у Б решения (набор опций) [Петтит 2016]. Ф. Ловетт, автор высоко оцененной работы по республиканской теории господства, добавил ещё одно условие – зависимость. А и Б находятся в отношениях зависимости в форме господства в той степени, в которой Б считает цену своего выхода из этих отношений (субъективно и / или объективно) неприемлемой [Lovett 2010]. Это условие получило широкую поддержку в МС-дискуре и закрепилось в *DAP*.

Рассмотрим самые важные «штрихи к портрету» *DAP*.

Легально-рациональный тип легитимации власти М. Вебера и власти не-господства в неороманской концепции

Легально-рациональный тип легитимации власти М. Вебера и власть не-господства в неороманской концепции имеют общую максиму: неукоснительное и неселективное подчинение всех членов политии безличному порядку установленных и известных правил.

Вебер следующим образом определяет основы легитимации власти (и порядка) легально-рациональным типом господства.

1. Это власть безличного порядка (*impersonal order*), а не лиц.

2. Власть предержащие (*person in authority*), «вышестоящие» (*superior*) подчиняются безличному порядку.

3. Подчинение человека власти (*authority*) означает, что он подчиняется закону и только закону.

4. Члены сообщества (*members*) обязаны повиноваться безличному порядку, а не вышестоящему (*superior*) как индивиду [Weber 1978: 127–128].

Характер власти и порядка прогнозируемые. Они позволяют членам сообщества рассчитывать издержки и выгоды своих действий в рамках общеизвестных правил, которые ни один член общества не может изменить по своему усмотрению и/или систематически безнаказанно их игнорировать.

В неороманской концепции власть произвольна, когда её субъект вырывается из «клетки» закона (выражение Ф. Петтита). Не повинуясь установленному безличному порядку, он «может избегать санкций закона или обходиться с ним, как захочется» [Вироли 2014]. Не встречая системного ограничения со стороны институционального порядка, власть лиц попирает власть закона, подминает и в пределе замещает его.

Сходство между легально-рациональным типом господства М. Вебера и неороманской трактовкой власти не-господства – не «конечная остановка», а преддверие философских и исторических пластов республиканского понимания *свободы как не-господства (freedom as non-domination*).

Концепция свободы как не-господства – смысловое сосредоточение концепции господства как произвольной власти

Концепция свободы как не-господства отсылает к *fundamentum* политической философии романской ветви республиканизма, в которой состояние свободы (*liber)* приравнивается к статусу свободного человека и гражданина *(civis)*. Диспозиция «*liber = civis»* противопоставляется состоянию несвободы, положению раба (*servus*). Неороманцы поддерживают

и развивают эту традицию, отмечая, что «состояние свободы эксплицируется как положение того, кто, в отличие от раба, не подлежит произвольной власти другого» [Pettit 2008].

Согласно неоклассикам, концепция свободы не-господства стоит над классической дихотомией И. Берлина «позитивная свобода – негативная свобода» [Берлин 2001]. Это особый третий подход к её пониманию.

Рассмотрим соотношение основных положений республиканской концепции свободы как не-господства и концепции свободы в трактовке И. Берлина.

И. Берлин рассматривает только два, но, по его мнению, центральных значения свободы, обращаясь к многовековой истории «войн[ы], которую ведут между собой две системы идей, дающих различные, несовместимые ответы на то, что издавна стало центральным вопросом политики, – на вопрос о подчинении и принуждении. "Почему я (или кто-то другой) должен кому-то подчиняться?"» [Берлин 2001: 47]. Заставить человека подчиниться – значит лишить его свободы, рассуждает Берлин. Свободы от чего? «Велико ли пространство, в рамках которого человек или группа людей может делать что угодно или быть таким, каким хочет быть?» – задаёт вопросы автор и проводит ёмкий анализ ответов из сокровищницы политической философии, обращаясь к работам Гоббса, Гегеля, Гельвеция, Локка, Милля, Джефферсона, Констана и др.

В дискурсе *DAP* привычно оставляют за скобками пласты проведённого Берлином анализа. Для сопоставления свободы как не-господства и негативной свободы чаще всего приводят следующие определения последней: «Обычно можно сказать, что я свободен в той степени, в какой ни один человек или никакие люди не вмешиваются в то, что я делаю… Чем шире область невмешательства, тем шире моя свобода» [Берлин 2001: 47, 127].

В литературе *DAP* особо выделяют три отличия между негативной свободой и свободой как не-господством.

Первое. Концепция свободы как не-господства радикальнее концепции негативной свободы и предполагает более ёмкую концепцию демократии. Антоним негативной свободы – вмешательство (*interference*), антоним (нео)республиканской свободы – господство (*domination*). Суть отличия раскрывает отмеченный выше канонический пример господства в романской ветви республиканизма – отношения господина и раба. Когда и если господин (руководствуясь любыми соображениями) не вмешивается в жизнь раба, то в критериях негативной свободы этот раб пользуется свободой, а в критериях концепции свободы от господства он все равно остаётся несвободным, ибо зависим от воли другого.

Напомним, что в научном дискурсе власти остаётся открытым вопрос, определять её как актуальную способность получить то, что мы хотим или как способность *per se* получить то, что мы можем захотеть в принципе. В *DAP* эта тема теряет свою дискуссионную остроту. Под господством большинство авторов понимают саму возможность ограничить на произвольной основе волю другого.

Второе. Согласно И. Берлину, «свобода не связана, во всяком случае – логически, с демократией или самоуправлением» [Берлин 2001: 50]. В отличие от негативной свободы, которая мало «страдает» от политического эскапизма, свобода как не-господство создаётся и защищается политически. Это – благо общественное (*social*), общее (*common*) и эгалитарное. Его созидают, поддерживают и продвигают граждане, ориентированные на республиканский «общий мир». Под последним понимается интерсубъективное признание разделяемых общих норм и практик самоуправления граждан, которые испытывают общую озабоченность по поводу их общей судьбы и общей уязвимости [Петтит 2016: 225].

Третье. В дискуссиях либералов о вмешательстве закона в область человеческой свободы, неороманцы занимают твёрдую позицию: законы не сужают свободу и являются её гарантом. Но при соблюдении определённых условий. Законы должны «созда[вать] свободу, разделяемую

всеми гражданами» [Петтит 2016:83]. Для этого институциональная среда должна поддерживать отмеченные ещё Макиавелли возможности для производства «укрепляющих общественную свободу» законов. Это участие граждан в обсуждении законов, возможность оспорить их и добиться нужных законов, контролировать их соблюдение. «Все законы, принимавшиеся во имя свободы, порождались разногласиями между народом и грандами», «…естественно, что когда охрана свободы вверена народу, он печётся о ней больше и, не имея возможности сам узурпировать свободу, не позволяет этого и другим», – рассуждает Великий Флорентинец [Макиавелли б/г: 12].

Республиканские позитивные смыслы свободы: vivere libero и vita activa

Понимание свободы как не-господства не конфликтует с трактовкой позитивной свободы И. Берлина: «"позитивный" смысл слова "свобода" проистекает из желания быть хозяином самому себе. Я хочу, чтобы моя жизнь и мои решения зависели от меня, а не от каких бы то ни было внешних сил. Я хочу быть орудием действия, а не подчиняться чужой воле. Я хочу быть субъектом, а не объектом; следовать собственным соображениям и сознательным целям, а не делать что-то под воздействием внешних причин» [Берлин 2001: 51]. Споры о *causa finalis* позитивной свободы традиционно ведут представители двух ветвей республиканизма: коммунитаристы и неороманцы. Состязаются идеалы, идеи и принципы *vita activa,* демократии участия и *vivere libero* республиканского Рима, демократии надзора и оспаривания. Гражданские добродетели активного участия в жизни политии противопоставляются доблести «неусыпной бдительности» (лексика Ф. Петтита) – нравственно-волевому качеству личности, готовой защищать свою диспозиционную власть *libero* и *civis*.

Неороманцы наследуют расположенность к контрмажоритаризму своей *alma mater*. Ф. Петтит видит «дух популизма» в арендтовской трактовке позитивной свободы, в возведении на пьедестал (само)ценности политического участия. Он убеждён, что легко манипулируемое большинство в несправедливо устроенном современном социуме не в состоянии защитить свободу не-господства и что «партиципаторный идеал неосуществим в современном мире» [Петтит 2016: 155]. Куда важнее институционально обеспеченная возможность гражданина контролировать деятельность власть предержащих и при необходимости оспаривать её.

Согласно неоклассикам, свободу не-господства и политический порядок *vivere libero* обеспечивает и поддерживает в первую очередь устойчивая к манипуляции и коррупции система. Она должна соответствовать минимум трём условиям: верховенство закона, рассредоточенность властей, сопротивляемость закона тирании большинства

Неороманцы не принижают роль обоснованной на делиберации «республики доводов». Но Петтит категоричен. Он почти дословно цитирует Ш. Монтескьё, утверждая, что «приближение к идеалу обеспечивает в первую очередь не широкое согласие людей по общественно значимым вопросам, а институции, которые гарантируют людям возможность оспаривать действия государства… важно обеспечить, чтобы действия власти были не продуктом народной воли, а были способны выдерживать испытание народным оспариванием» [Петтит 2016 : 465].

Место «дирижёра» в «оркестре» неороманских гражданских добродетелей отведено решимости не быть ни рабом, ни господином. Не быть рабом означает соблюдать законы в первую очередь в силу развитого гражданского самосознания; опасение возможных санкций – дополнительный стимул. Не быть господином означает иметь гражданскую доблесть «держать в узде» себя самого, не позволять себе беззаконные и безнравственные действия в рес-

публиканском «общем мире». Обратим внимание на важный тезис неореспубликанцев: применение принципа верховенства права справедливо (то есть не произвольно) в той мере, в какой принимающие закон вынуждены учитывать общегражданские интересы, но только общегражданские интересы тех, кто соблюдает закон [Pettit 2002: 343].

Место первой скрипки в упомянутом оркестре гражданских добродетелей отведено контестаторной активности, понимаемой как институционально обеспеченные право и возможность гражданина оспаривать принятые решения по общественно значимым вопросам, а также осуществлять контроль за их выполнением.

Господство как произвольная власть и внешний контроль над набором возможностей человека

В концепции *DAP* понятия «произвольная власть» и «внешний» контроль» – концептуальные синонимы.

Согласно Ф. Петтиту, автору концепта «внешний контроль», А (субъект власти) осуществляет внешний контроль над Б (объектом власти), когда А контролирует набор возможностей Б, при этом Б не имеет власти над А [Pettit 2008: 106].

Набор возможностей (*opportunity set*) определяют как диапазон целенаправленных действий, которые участник социальных отношений считает доступными актуально и/или в принципе. Набор возможностей включает также варианты выхода (с предполагаемыми выгодами и затратами), которые участник социальных отношений воспринимает как доступные актуально и/или в принципе. Самую полную картину наборов возможностей его членов создает структура социальных отношений [Lovett 2010: 43]

Приведём собирательное определение господства в форме контроля над набором возможностей в МС-дискурсе. Субъект господства имеет (1) структурно и процедурно обеспеченную возможность (2) произвольно ограничивать и /или изменять (как реальные, так и воспринимаемые как реальные) опции объекта господства, (3) навязывать в своих интересах нормы и правила социальных отношений, (4) устанавливать статус участников взаимодействия без учёта интересов объектов господства, (5) ограничивать способность последних обнаруживать своекорыстное воздействие субъекта господства и противиться ему. Так раскручивается «спираль господства», притязание на легитимность которого опирается на формирование (в логическом пределе) рабского менталитета.

Власть и господство в дискурсе многоликих концепций власти: избавление от концептуального дальтонизма

Господство как возможность управлять набором возможностей – сквозная тема МС-дискурса. Она связана с широким кругом вопросов, касающихся форм и способов (а) согласования конкурирующих интересов членов политии при (б) сохранении и развитии их способности обладать собственной волей, понимаемой в традиции просвещенческой эмансипации. Эта тема входит в топ-лист исследовательской повестки многомерных концепций власти, четырёх поколений критической социологии Франкфуртской школы, феминистского дискурса. Перечень легко продолжить, ибо учение о свободе воли питает корни родового древа всех социально-гуманитарных дисциплин.

Рассмотрим, как в многоликих концепциях власти проблематизируют формирующие МСД вопросы: Каким образом достигается согласие между конфликтующими интересами участников социального взаимодействия? Что суть согласие тех, кто подчиняется принужде-

нию без применения открытого насилия: это деятельное согласие автономного и способного к рефлексии гражданина или покорность подданного?

Каждое новое измерение власти – её второе [Bachrach, Baratz 1962], третье [Льюкс 2010] и четвёртое [Foucault 1979] «лица» – открывает все более скрытые, изощренные и действенные способы принуждения как целенаправленного изменения «генома» согласия*:* от открытой и поддающейся наблюдению политической конкуренции первого «лица» власти Р. Даля к формированию «совокупности предопределяющих ценностей, мифов, убеждений, ритуалов, установленных институциональных процедур и правил игры, которые систематически и стабильно обеспечивают выгоду определенным индивидам и группам за счёт других» [Bachrach, Baratz 1962 : 952]. Когда оптика исследователей принудила третье измерение власти «открыть личико», выявилась её способность «обеспечивать согласие на господство посредством формирования верований и желаний, посредством наложения внутренних ограничений на цели и интересы человека, так что он испытывает фрустрацию, сталкивается с препятствиями, когда преследует свои цели, или даже не может сформулировать свои интересы [Льюкс 2010:163-164]. Человек соглашается на роль безвластного и воспринимает социальные отношения господства как «естественный» и в пределе желательный порядок вещей. «Вишенка на торте» – формирующее нормализованного человека четвёртое измерение власти М. Фуко.

Представляется, что интенциональность последовательности «лиц» власти раскрывают рассуждения Т. Гоббса о господстве как достижении состояния внутренней подчинённости подвластного. «Право господства над побеждённым даёт не победа, – утверждает философ, – а собственное согласие побеждённого, и его обязательство обусловлено не тем, что он побеждён, т. е. разбит, взят в плен или обращён в бегство, а тем, что он приходит и подчиняется победителю» [Гоббс б/г: 147].

В задачи статьи не входит сколько-либо удовлетворительный обзор (не говоря об анализе) необъятного многопластового дискурса многоликих концепций власти. Мы выделим лишь две взаимосвязанные черты его развития. Это движение, во-первых, от концептуального неразличения формы *власть над* и господства к их дифференциации. Во-вторых, от изучения почти исключительно проявлений формы *власть над* до признания эпистемологической важности «триптиха» форм *власть для (power to)*, *власть с (power with), власть над (power over)* [Pansardi, Bindi 2021].

Potestas и potencia: власть для, власть с, власть над

Стивен Льюкс, один из главных архитекторов нарратива многоликих концепций власти, справедливо отметил, что изначально все они оперировали пониманием власти в телеологической парадигме *власть над* и могли быть рассмотрены как альтернативные интерпретации и аппликации одного и того же подразумеваемого понятия власти, согласно которому А осуществляет власть над Б, когда А воздействует на Б способом, противоречащим интересам последнего. Такое её понимание приравнивалось к господству и концептуально, и лексически [Льюкс 2010: 82].

В настоящее время большинство теоретиков субстанциональных концепций господства считают эту трактовку необоснованно узкой. Упрочили свои позиции утверждающие, что монохромное видение власти как модуса *власть над,* пренебрежение модусом *власть для* исключают саму возможность развития теории господства и *empowerment* [Stewart 2001, Lovett 2010]. Под влиянием феминистского дискурса в МСД в целом утвердилось двухкомпонентное прочтение *empowerment: agency* и институциональная среда. *Agency* трактуется как «способность индивида определять свои цели и действовать для их достижения» [Kabeer

1999], а также как «способность менять "правила игры"» [Alsop et al. 2006]. Компонента концепта *empowerment «*институциональная среда» исследуется в части её предрасположенности к созданию структуры возможностей, дружественной для реализации *agency.*

К 2000-х годам в концептуальную траекторию дискурса многомерных концепций власти прочно вошли темы соотнесения трёх её форм[3] – *власть над*, *власть для*, *власть с*. Хотя до согласия в трактовках самих форм, равно как их соотнесенности далеко, широкую поддержку получили два положения. Первое. Форму *власть над* правомерно трактовать как подвид формы *власти для.* Второе. Взгляд (в смысле θεωρία) на власть в системе координат *власть для* является необходимой отправной точкой для концептуального, аналитического и политического различения власти и господства.

При самом общем подходе *власть для* определяют как способность к действиям, которые конституируют *agency* [Haugaard 2018]. В феминистском дискурсе понятие *власть для* соотносят с *empowerment* [Allen 1999] и в этом ключе определяют форму *власть с* как способность к коллективному действию [Rawlands 1997].

В дискурсе многоликих концепций власти несколько критически относятся к трактовке власти Ханной Арендт – одного из самых авторитетных теоретиков *власти для* (власти совместного действия – *power in concert,* в терминах автора) и бескомпромиссному протагонисту идеалов *Vita activa.* Согласно Арендт, «единственная материальная, непременная предпосылка создания власти есть сама совместность людей. Лишь в бытии-друг-с-другом… способна возникнуть власть…» [Арендт 2000: 266]. Действуя коллективно, люди осознают свою идентичность, обнаруживают и проявляют свои индивидуальность и субъектность: не «*что* мы такое, а *кто* мы такие» [Арендт 2000: 267].

К наиболее спорным относят следующие положения арендовского понимания *власть для*: исчезают конфликтный и санкционный аспекты власти, а вместе с ними и феномены принуждения, эксплуатации, манипуляции; власть оказывается связанной со «способностью», с «возможностью», но не с отношением; исчезает и главный интерес в изучении властных отношений – заинтересованность (как попытка или достижение) в обеспечении согласия людей через преодоление или предотвращение их противодействия власти [Льюкс 2010: 51–54].

С. Люкс и неореспубликанцы солидарны в том, что смыслы *власть для* и *власть над* точнее передаёт Бенедикт Спиноза, который различает власть как *potentia* и *potestas*. *Potentia* означает власть «существовать и действовать» в трактовке, близкой Х. Арендт. *Potestas* употребляется тогда, когда речь идёт о пребывании во власти другого. Обратим внимание на сходство этого суждения с неороманской трактовкой господства как произвольной власти. Человек испытывает власть в форме господства – бывает чужеправным (*alterius juris*) на языке Спинозы – до тех пор, пока воля другого властна над ним. Напротив, своеправный человек (*sui juris*) может отразить всякое насилие, дабы жить по своему усмотрению [Спиноза 1957, Льюкс 2010: 109].

В русле этой логики *власть над* трактуется как ассиметричная власть *potestas*, которая является субпонятием или вариантом понятия власти *potentia*.

[3] В статье парадигма/форма/вид власти используются как лексические синонимы без привязки к интересным, но далёким от консенсуса эпистемологическим дебатам, надо ли трактовать *власть для, власть с, власть над* как разные концепты/концепции/парадигмы власти, либо как контекстуально обусловленные разновидности форм/модусов/вариаций единого смысла власти.

Власть над: история «доктора Джекила» и «мистера Хайда»

До конца прошлого века в дискурсе многоликих концепций власти ставили знак равенства между господством и формой *власть над* в её веберианском понимании: способность А заставить Б сделать то, что в противном случае он не стал бы делать. Позже такая редукция стала считаться необоснованной. Во втором издании своей (ныне хрестоматийной) работы С. Льюкс признает, что ошибался, когда приравнивал *власть над* и господство: «Понятие власти, предлагаемое Вебером, совместимо с широким спектром позитивных властных отношений, с которым и те, над кем господствуют, могут добровольно соглашаться, и которые могут быть благотворны и для одних, и для других» [Льюкс 2010: 161]. Допущение, что *властью над* может оперировать не только антисоциальный «мистер Хайд», но и добронравный «доктор Джекил» потребовало определения критериев дифференциации.

Представляется, что самое успешное и убедительное решение этой задачи в системе координат многомерных концепций власти предложил основатель и главный редактор "*Journal of Political Power*" Марк Хаугаард. Он начинает с утверждения, что *власть над* может проявляться в двух формах: нормативно-нежелательной (господства) и нормативно-желательной (эмансипаторной). Затем автор предлагает три основных критерия их аналитического различения. Власть становится нормативно-нежелательной (принимает форму господства), когда она не нацелена на обеспечение институциональных условий для (а) генерализации правил, (б) воспроизводства структур и (в) недопущения использования любого участника социального взаимодействия в качестве инструмента достижения корыстной цели субъекта власти [Хаугаард 2019].

Нормативно-желательную власть делает возможным воспроизводство структур в логике теории структурации Гидденса: структуры одновременно порождают правила и обеспечивают возможность их генерализации. Если использовать лексику Ф. Петтита, генерализация правил и воспроизводство структур – та самая «клетка», которая удерживает склонных к оппортунизму субъектов власти в рамках институционального порядка. Когда условия выполняются, все агенты социального взаимодействия обретают диспозиционную власть, что исключает возможность одной из сторон использовать другую сторону в качестве инструмента для достижения собственных целей и, следовательно, исключает отношения нулевой суммы. Эта логика проецируется на каждое измерение власти. В концепции первого «лица» Р. Даля власть нормативно-желательна когда и если все стороны соблюдают установленные и прозрачные правила демократического состязания. В концепции второго «лица» – когда и если принципы институционального включения и механизмы исключения не являются внешними по отношению к структурам. Условие нормативной желательности третьего «лица» власти – структурное и процедурное непозволение власть предержащему, во-первых, сдерживать развитие дискурсивного сознания (т. е. способности рационального и критического осмысления габитуса в терминологии П. Бурдье); во-вторых, своекорыстно формировать его практическое знание (т. е. нерефлексируемое восприятие порядка вещей как должного); в-третьих, воздвигать заслоны между областями дискурсивного и практического знаний и тем самым «замораживать» последнее в своих интересах. Наконец, согласно М. Хаагардту, дисциплинарная вездесущая власть системы-паноптикума М. Фуко функционально способна создавать носителя и эмансипаторных, и подданических ценностей.

Близко к полюсу «господство».
Данные эмпирических исследований о восприятии власти в России

На протяжении трёх десятилетий коллектив отдела сравнительных политических исследований ИС НИСЦ РАН (далее ОСПИ) исследует процессы политической трансформа-

ции России. Одно из актуальных направлений работ последних лет связано с анализом институциональных оснований политики господства[4]. Приведём некоторые данные панельных обследований[5], которые показывают, как и насколько глубоко власть в форме господства деформировала социум. Рассмотрим проявления социальной патологии господства в «рентгеновских лучах» обозначенной выше «типовой» двуядерной концепции господства.

Как оценивают респонденты состояние политии в критериях первого ядра? В какой степени они воспринимают законы, власть и политику как правовые, чувствуют себя защищенными от власти произвола, доверяют институтам? Ответы большинства респондентов сгруппировались с опасной близости к первому полюсу на шкале «господство-*empowerment*» (См.: Рис. 1).

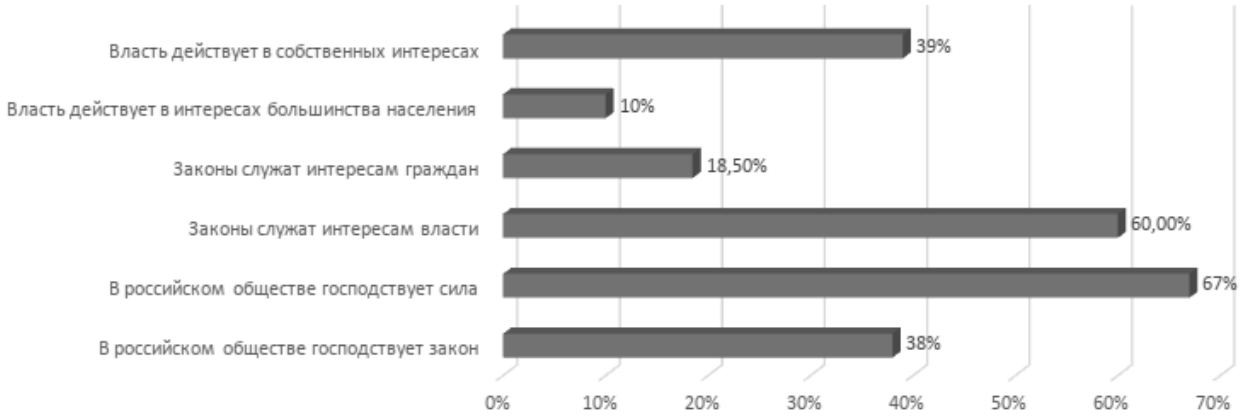


Рис. 1. Ориентированность на господство или empowerment законов, власти и политики современной России в восприятии респондентов

Большинство опрошенных уверенны, что закон силы близок к победе над силой закона. Считают, что в российском обществе полностью или значительно господствует сила 67 % респондентов. В силу закона верит почти на 30 процентных пунктов меньше опрошенных (38 %). Ещё более неприглядной эту картину делает оценка респондентами качества законов в части их ориентированности на интересы общего дела. Согласны с тем, что законы служат интересам власти 60 % опрошенных, интересам граждан – 18 %. Лишь 10 % респондентов считают, что современная российская власть действует в интересах большинства населения. В том, что она действует в своих собственных интересах убеждены 39%, остальные затруднились с ответом.

Склонны считать, что власть в России выражает интересы: высших государственных чиновников – 77 %, высших управленцев частных компаний и корпораций – 61 %, крупных собственников 60 %. По мнению респондентов, в наименьшей степени власть выражает интересы студентов и мелких предпринимателей (по 2 %), рабочих (4 %), пенсионеров (7 %), бюджетников (19 %).

[4] См.: Господство против политики… 2019; Структуры господства… 2020; Недяк 2022; Недяк 2021; Недяк, Павлова, Патрушев, Филиппова 2020.

[5] Объем выборок, репрезентативных для Российской Федерации в целом и федеральных округов РФ в частности, составил: 2018 г. – N 700, 2019 г. – N 700, 2020 г. – N 1000, 2021 г. – N 1000. Отбор респондентов производился с соблюдением пропорций по численности населения в возрасте 18 лет и старше в федеральных округах, по типам поселений, а также с учётом квот по социально-профессиональным группам. Обследование проводилось во всех федеральных округах, в 21 субъекте РФ. Обработка полученных данных осуществлялась с использованием программы IBM SPSS Statistics. Общий для всех опросов базовый инструментарий позволяет создать единую базу (N 3400) и сопоставить результаты.

Российская политика воспринимается как неправовая. Среди тех респондентов, которые согласны с утверждением, что политика имеет правила игры (а это всего 28 % опрошенных!), лишь 16 % считают, что эти правила выражают интересы граждан; остальные убеждены, что правила политики выражают интересы самих политиков (71 %).

Есть и незначительные просветы. Панельные исследования позволили выявить некоторые – слабые и мерцающие – положительные изменения в восприятии власти респондентами (См.: Рис. 2).

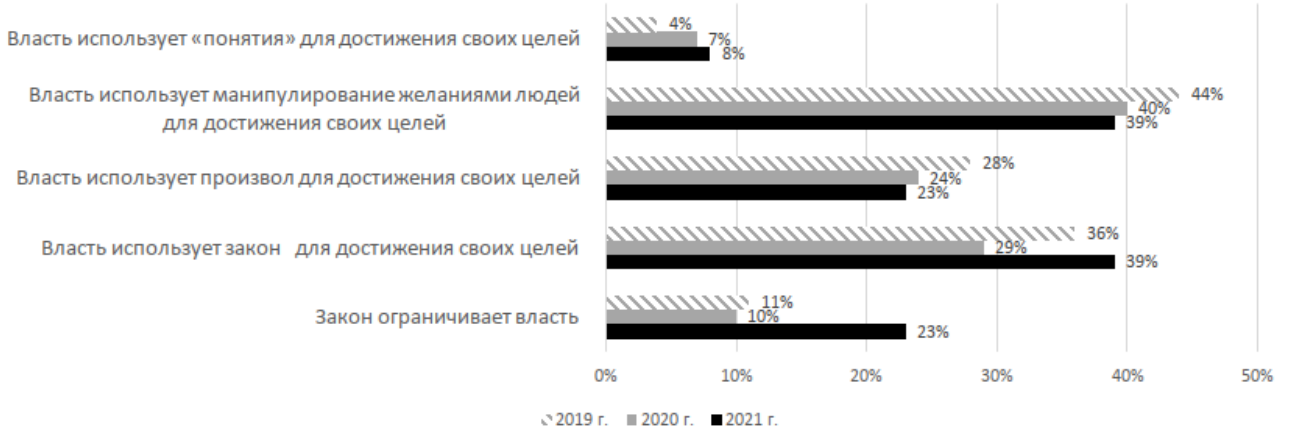


Рис. 2. Восприятие власти респондентами в динамике

В два раза увеличилось число респондентов, согласных с тем, что закон ограничивает власть в России (23 % респондентов в 2021 г., 10 % в 2020 г., 11 % в 2019 г.). Считают, что российская власть для достижения своих целей использует закон 39 % в 2021 г., 29 % в 2020 г. (очевидно, сказалось отношение к пенсионной реформе), 36 % в 2019 г. Незначительно, но все же сократилось число респондентов, полагающих, что власть для достижения своих целей использует произвол (23 % в 2021 г., 24 % в 2020 г., 28 % в 2019 г.) и манипулирование желаниями людей (39 % в 2021 г., 40 % в 2020 г., 44 % в 2019 г.). В то же время в два раза увеличилось число тех, кто считает, что власть в России использует «понятия» для достижения своих целей, хотя доля таких респондентов в общей выборке невелика – 8 % в 2021 г., 7 % в 2020 г., 4 % 2019 г.

Отрадны данные о повышении эмансипаторных ценностей в социальных установках респондентов. Вдвое увеличилось число респондентов, у которых вызывает несогласие нарушение законов государства (42 % в 2021 г. и 20 % в 2019 г.). Можно с осторожностью предположить усиление у респондентов чувства сопричастности. Заявили, что у них не вызывает несогласия нарушение норм и правил общежития в том случае, пока эти нарушения не затрагивают самого респондента, 11 % опрошенных в 2021 г. и в два с небольшим раза больше в 2019 г. (23 %).

Обратимся ко второму ядру «типовой» концепции господства – воля управляемых. Как оценивают респонденты институциональный порядок современной России в части его ориентированности на развитие субъектности членов политии, их гражданской компетентности, способности и готовности к совместной деятельности с целью осознания и защиты своих и общественных интересов? Данные опроса в домене второго ядра мало оптимистичны (См.: Рис. 3).

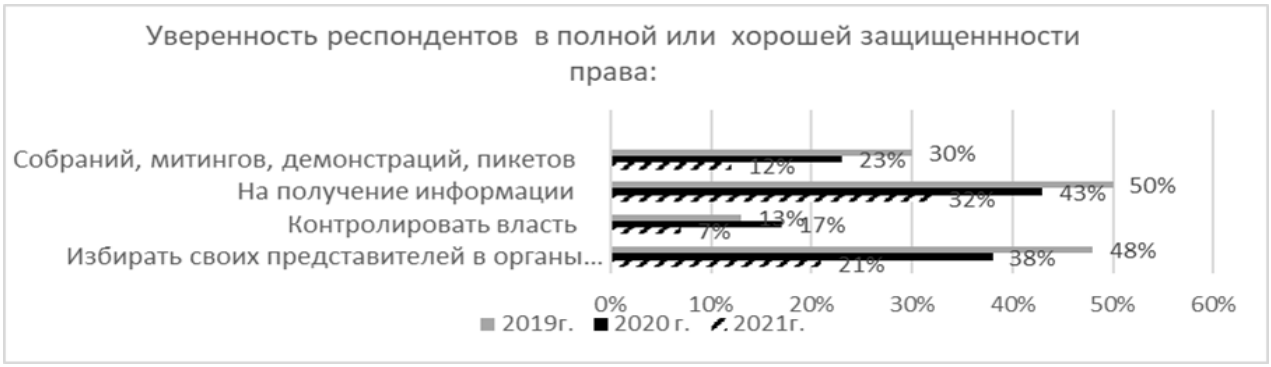


Рис. 3. Оценка респондентами защищенности важных для empowerment прав человека в динамике

С тем, что в российском обществе полностью или значительно господствуют права человека согласны менее четверти респондентов (23 % в 2021 г.). В целом, обследование зафиксировало снижение оценок респондентами защищенности важнейших для *empowerment* прав граждан.

Больше чем в два раза сократилось число тех, кто считает полностью или хорошо защищёнными свои права избирать представителей в органы власти (21 % респондентов в 2021 г., 38 % – в 2020 г., 48 % в 2019 г.) и право контролировать власть – 7 % в 2021 г., 17 % – в 2020 г, 13 % в 2019 г. И без того невысокое мнение респондентов о своей возможности контролировать власть уменьшились наполовину и больше. Считали это право полностью и хорошо защищённым 13 % респондентов в 2019 г., 17 % – в 2020 г., 7 % в 2021 г. С половины до одной трети сократилось число респондентов, уверенных в отличной и хорошей защищенности своих прав на получение информации: 50 % в 2019 г., 43 % в 2020 г., 32 % в 2021 г. Схожее положение дел с правом собраний, митингов, демонстраций, пикетов. Число респондентов, которые считают, что это право защищено полностью или хорошо, сократилось более чем в два раза: 30 % – в 2019 г., 23 % – в 2020 г., 12,5 % в 2021 г.

Данные обследования позволяют утверждать о подавлении или обращении вспять процессов *empowerment* на всех трёх уровнях – внутриличностном, интерактивном, поведенческом [Недяк 2021, Недяк 2022]. 70 % респондентов уверены, правительство вряд ли интересует, что думают о нем такие люди, как они (данные 2021 г.). Сокращается уровень межличностного доверия – чуткий барометр ценностей эмансипации и *empowerment* в обществе. Считали обоснованным мнение, что людям можно доверять 24 % респондентов в 2021 г., 36 % – в 2020 г., 27% – в 2019 г. Усиливается отчуждённость. Ответили, что готовы проводить часть своего времени, помогая другим 42 % респондентов в 2021 г. против 55 % в 2019 г. Снижаются предрасположенность и готовность граждан к совместным действиям. Выразили согласие с утверждением, что граждане способны сами организоваться для решения важных для них задач 38 % респондентов в 2021 г., 40 % – в 2020 г., 47 % – в 2019 г.

Обнаружены некоторые признаки контрдвижения. Немного увеличилась и стабилизировалась доля респондентов, считающих, что участие граждан в политике помогает принятию властью результативных решений. Так считают 49% опрошенных в 2021 и 2020 гг. и 44 % – в 2019 г.

Хотя и в пределах статистической погрешности, но сокращается доля респондентов, согласных с утверждением «Нет смысла голосовать, все решают без нас» – 24 % в 2021 г., 29 % в 2020 г., 26 % – в 2019 г. Усиливается (пока слабая) уверенность в том, что власть в России ограничивают: протест граждан (30 % в 2021 г., по 17 % в 2020 г. и 2019 г.), СМИ (15 %

в 2021 г и 7 % в 2020 г.), оппозиция, оппозиционные партии (18 % в 2021 г. и по 14 % в 2020 г. и 2019 г.), общественное мнение (17 % в 2021 г., 11 % в 2020 г., 15 % в 2019 г.).

Вместо заключения отметим, что исследования ОСПИ доказывают продуктивность применения оптики МС-дискурса для изучения российского случая социальной патологии господства. Коллектив приглашает коллег присоединиться к обсуждению предметной и методологической площадок изучения ресурсов и ингибиторов власти господства, к выявлению оснований возможных стратегий «интервенции» ценностей и практик *empowerment* в сферу отношений господства.

Арендт Х. 2000. *Vita activa, или о деятельной жизни* / пер. с нем. и англ. В.В. Бибихина. – СПб.: Алетейя. – 437 с.

Берлин И. 2001. *Философия свободы*. *Европа*. – М.: Новое литературное обозрение. – 448 с.

Вебер М. 2019. *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии*. Т. IV: Господство. – М.: ИД ВШЭ. – 542 с.

Вебер М. 2016. *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии.* Т. I: Социология. – М.: ИД ВШЭ. – 439 с.

Вироли М. 2014. *Свобода слуг.* – М.: ИД ВШЭ. – 150 с.

Гоббс Т. *Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского*. Глава XIV: О первом и втором естественных законах и о договорах. – Доступно: http://www.lib.ru/FILOSOF/GOBBS/leviafan.txt_with-big-pictures.html#29. – Проверено: 23.03.2022.

Господство против политики… 2019. *Господство против политики: российский случай. Эффективность институциональной структуры и потенциал стратегий политических изменений*. / Отв. ред. Патрушев С.В., Филиппова Л.Е. – М.: Политическая энциклопедия. – 319 с.

Льюкс С. 2010. *Власть: Радикальный взгляд* [Текст] / пер. с англ. А.И. Кырлежева; Гос. ун-т Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики. – 240 с.

Макиавелли Н. *Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Глава IV О том, что раздоры между плебсом и сенатом сделали Римскую республику свободной и могущественной*. – Доступно: http://www.civisbook.ru/. – Проверено: 19.03.2022.

Недяк И.Л. 2021. Власть и господство в проекции коллективного воображаемого. Факторы (де)формирования политического пространства России. – *Общественные науки и современность.* – № 3. – С. 30–45.

Недяк И.Л. 2022. Концептуализация власти в современном научном дискурсе господства. – *Полис. Политические исследования*. – № 1. – С. 136–149.

Недяк И.Л., Павлова Т.В., Патрушев С.В., Филиппова Л.Е. 2020. Политическое поле и зона власти: версии идеального типа и опыт эмпирической верификации. – *Социологические исследования.* – № 1. – С. 42–53.

Ожиганов Э.Н. 2020. *Макс Вебер: инвариантность господства*. – М.: ИНФРА-М. – 179 с.

Петтит Ф. 2016. *Республиканизм. Теория свободы и государственного правления*. – М.: Изд-во Института Гайдара. – 488 с.

Спиноза Б. 1957. *Избранные произведения в 2-х т.* Т. 2. – М.: Политиздат. – 729 с.

Структуры господства… 2020. *Структуры господства, граждане и институты*. / Отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. – М.: Политическая энциклопедия. – 318 с.

Хаугаард М. 2019. Переосмысление четырех измерений власти: доминирование и расширение возможностей. – *Политическая наука*. – № 3. – С. 30–62.

Йейтс У.Б. *Второе пришествие*. – Доступно: https://sentjao.livejournal.com/80178.html. – Проверено: 22.03.2022.

Allen A. 1999. *The power of feminist theory: domination, resistance, solidarity.* – Boulder, CO: Westview Press. – 160 p.

Alsop R., Bertelsen M., Holland J. 2006. Empowerment in Practice. From Analysis to Implementation. – *World Bank Publications – Books*. The World Bank Group. – Available at: https://elibrary.worldbank.org/doi/abs/10.1596/978-0-8213-6450-5. – Accessed: 19.03.2022.

Bachrach P., Baratz M. 1962. Two Faces of Power. – *American Political Science Review.* – № 56. – P. 947-952.

Foucault M. 1979. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. – N. Y.: Vintage. – 333 p.

Haugaard M. 2018. Justification and the four dimensions of power. – *Journal of Political Power*. – № 11 (1). P. 93–114.

Kabeer N. 1999. Resources, agency, and achievements: Reflections on the measurement of women's empowerment. – *Development and Change*. – № 30. – 435–464 pp. – P. 438. – Available at: http://weehub.ku.ac.ke/wp-content/uploads/2021/06/Naila-Kabeer-Empowerment.pdf. – Accessed: 22.03.2022.

Lovett F. 2010. *A general theory of domination and justice*. – Oxford: Oxford Univ. Press. – 273 p.

Pansardi P., Bindi M. 2021. The New Concepts of Power? Power-over, Power-to and Power-with. – *Journal of Political Power*. – Vol. 14 (1). – P. 51-71.

Pettit Ph. 2008. Republican liberty: three axioms, four theorems. – *Republicanism and political theory.* C. Laborde, J. Maynor (eds.). – Oxford: Blackwell. – 297 p.

Rawlands J. 1997. *Questioning empowerment. Working women in Honduras*. – Oxfam, Humatities Press International.Dublin. – 208 p.

Szelenyi I. 2015. Weber's theory of domination and post-communist capitalisms. – Available: https://www.researchgate.net/publication/286488823_Weber's_theory_of_domination_and_post-communist_capitalisms. – Accessed:25.03.2002.

Stewart A. 2001.*Theories of power and domination. The politics of empowerment in Late Modernity*. – Sage Publications. L., N. Deli: Thousand Oaks. – 270 p.

Weber M. 1978. *Economy and Society. An outline of interpretive sociology*. – Ed. by Guenther R., Ckus W. University of California Press. Berleley Los Angeles. London. – 1469 p.

Интеллектуальное событие

От редакции

Продолжаем публикацию статей, посвящённых разработке методологической проблематики анализа поколений советских философов. Сердечно благодарим Ю.В. Синеокую за эту возможность. Хотя статья С.Н. Корсакова и А.В. Козенко опубликована уже давно[1], для читателей журнала она послужит прекрасным введением в биографический пласт этой проблематики. Вторая статья С.Н. Корсакова показывает, как её автор воплощает в собственную исследовательскую практику уже ранее полученное им знание. Тем самым возникает новое исследовательское поле, синтезирующее эпистемологию, биографику, архивистику, науковедение, когнитивистику, историю философии, теорию поколений и теорию контекста. Статья Д.И. Дубровского тоже может быть прочитана под таким углом зрения.

В.П. Макаренко

ОБ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ БИОГРАФИКИ

С.Н. Корсаков
Институт философии РАН,
А.В. Козенко
Объединённый институт физики земли РАН

Аннотация: *В статье предпринята попытка нащупать подходы к решению задачи научной реконструкции биографии. Философской основой биографики признается теория человеческой индивидуальности. Предлагается понимание объекта биографии, применяемых при его изучении методов изучения жизненного пути индивидуальности. Особое внимание уделяется проблеме соотношения объективного и субъективного в биографическом исследовании. Авторы делают вывод о принципиальной возможности научного познания объекта биографического исследования. Осуществляя объёмную реконструкцию личности, биограф должен показать личность как развивающееся органическое целое, выявить пунктир единой линии жизненного пути. Биографическая целостность личности реконструируется в структурном и динамическом аспектах. Специально рассматриваются особенности жанра автобиографии и проблемы реконструкции в биографии личности учёного.*

Ключевые слова: *человеческая индивидуальность, биография, биографика, автобиография.*

[1] См.: Корсаков С.Н., Козенко А.В. Об эпистемологических основаниях биографики // Архив истории науки и техники. Вып. III. – М.: Наука, 2007. – С. 247–267.

DOI: 10.18522/2218-5518.2022.2.4964

Жанр биографического описания чрезвычайно популярен. Вместе с тем, удовлетворительная теория биографики пока не разработана. Налицо явный дисбаланс между количеством издаваемых биографий и методологической культурой их авторов. Описание человеческой жизни для многих биографов представляется чем-то не требующим методологической рефлексии. Истоки этой ситуации в сложности коренного для биографики вопроса: возможно ли научно фиксировать индивидуальное, и если возможно, то как именно это делать? Такова вообще судьба вопросов философских (что отмечал ещё Августин, говоря о времени): решение их кажется интуитивно очевидным до тех пор, пока они явно не сформулированы и не поставлены. В последнем же случае обнаруживается вся их неоднозначность.

Так, учёный секретарь научно-биографической серии РАН З.К. Соколовская формулирует следующие критерии научной биографии: «объективность изложения, критический анализ источников, квалифицированное изучение творчества деятелей науки и техники, недопустимость художественного вымысла» [Соколовская 1988: 70]. Но и соблюдение всех этих критериев отнюдь не гарантирует написания именно биографии. В академических биографиях зачастую можно встретить раздельно главы «Личность учёного» и «Вклад учёного в науку». То есть жизнеописание учёного оказывается отделённым от его научного творчества, а обращение к его биографии – лишь поводом к персонифицированному изложению надындивидуальных процессов развития науки. Остаётся нерешённой поэтому, существеннейшая для биографии проблема раскрытия мотивации поступков героя биографии.

С другой стороны, ряд известных биографов, к примеру, Т.А. Павлова полагают, что написать биографию невозможно без «элемента художественности, интимного проникновения личности автора в личность героя», интуитивного его познания [Павлова 1990: 38]. Но «элемент художественности» неизбежно выведет нас за пределы познания самого объекта биографии – конкретно-исторической личности – и превратит биографию в исторический роман.

Мы видим, таким образом, что проблема изучения индивидуального в биографике в силу своей сложности трансформируется у ряда исследователей в псевдопроблемы: безликая научность – художественная портретность, описание деятельности – показ индивидуальности. Очевидно, однако, что это лишь взятые в качестве разорванных противоположностей стороны действующей личности, то есть самого объекта биографики как диалектического целого.

Корректное решение проблемы предполагает обращение к эпистемологическим основаниям биографики как науки. Исходить необходимо, прежде всего, из ясного определения объекта биографики. Специфика объекта науки обусловит критерии выделения методов познания, адекватных тому типу знания, который возможен о данном объекте. Объектом биографии в собственном смысле этого термина является реально существовавшая и развивавшаяся личностная целостность биографируемого персонажа. Соответственно, методы, имеющие общенаучный характер, биографике следует почерпнуть из философского учения о человеческой индивидуальности [Асмолов 1990; Корсаков 1997], из разработанного в современной философии и культурологии диалогического подхода к постижению другого субъекта [Бахтин 1996; Библер 1994], из известной в современной философской литературе методологии комплексного междисциплинарного познания человека [Фролов 1989], из общих принципов познания сложных многоуровневых саморазвивающихся систем [Блауберг 1997]. Биограф должен реконструировать индивидуальность другого человека, показав его как субъекта своего жизненного пути в диалектическом единстве индивидуального саморазвития и целостности многообразных проявлений его личности.

Реконструкцию индивидуальной личностной целостности следует признать в качестве основного метода биографики. Превосходное определение биографической реконструкции

дано Ю.М. Лотманом: «воссоздание того целостного идеала личности, который создавал в своей душе герой биографии, плана, по которому он строил себя. Мы должны раскрыть, обнаружить этот план, угадать его среди других, возможных и невозможных, тех, которые следует отбросить, потому что они не были реализованы, и тех, которые по этой самой причине заслуживают особого внимания» [Лотман 1987: 13]. Одновременно, реконструкция развития «собственного идеального плана личности» биографируемого должна быть взаимообусловливающим образом скоррелирована с совокупностью многообразных взаимоотношений героя биографии с другими людьми, объективно развивающейся от одного этапа его жизни к другому. Таково поле биографической реконструкции в единстве её субъективной и объективной компонент. Осуществляя объёмную реконструкцию личности, биограф должен показать личность как развивающееся органическое целое, выявить пунктир единой линии жизненного пути. В этом случае жизнь личности не будет выглядеть случайным нагромождением отдельных поступков. Добиться успеха биографической реконструкции можно, обращая основное внимание на ценностную сферу личности, в которой и происходит объединение интимных устремлений личности и её субъектной реакции на проблемы и потребности социальной среды. В идеале жизнь личность представляет собой осуществление акта универсального самоопределения – осознания своего призвания в мире. [Жизнь как творчество 1985: 70]. При определении общих пределов биографической реконструкции, можно согласиться поэтому, с мыслью С.И. Гессена, что «в биографии сохраняются только те факты прошлого, которые имеют отношение к сверхличностным заданиям, бывшим предметом творчества данной личности, и которые явились этапами в осуществлении личностью её призвания, служения её сверхличностным ценностям» [Гессен 1995: 74].

Объект биографии – действующая личность – принципиально допускает научный характер познания, свободный от авторского домысла. Биографу следует поэтому, не прибегая к излишним элементам художественности, разрабатывать гносеологический инструментарий, учитывающий все особенности гуманитарного познания. Нельзя признать удачной классификацию биографических жанров по основанию возрастания степени художественности (научные, научно-популярные, научно-художественные, романизированные) и согласиться с мнением, что «для автора научной и научно-популярной биографии историческая личность имеет значение и интерес не сама по себе», а как персонификация тех или иных надличностных процессов [Павлова 1990: 38]. Цель биографии – реконструкция личности – не находится в зависимости от масштабов привлечения средств художественного изображения. Можно привести ряд примеров биографий-реконструкций, успешно решающих проблему воспроизведения смыслового самоосуществления личности в реальных обстоятельствах её жизни (работы Ю.М. Лотмана о Н.М. Карамзине, Н.Я. Эйдельмана о С.И. Муравьёве-Апостоле, А.Н. Сахарова об Александре I, В.А. Томсинова о М.М. Сперанском, В.А. Фролова об И.И. Мечникове).

Вне реконструкции человеческой индивидуальности в реальной драме её развития из биографики исчезает сама её основа. Биографическая целостность распадётся с одной стороны на безликую деятельность, с другой, на индивидуальные особенности персонажа. И вместо биографии мы получим квазибиографии, которые оказываются созданными, в действительности, в иных жанрах. При персонификации в герое биографии надындивидуальных процессов развития той области человеческой деятельности, в которую он внёс значимый вклад, следует вести речь скорее об исследовании науковедческом, при интуитивном же вживании в образ биографического персонажа результатом оказывается исторический роман. Но лишь действующая в истории личность удерживает в единстве дело, которым она занимается, и индивидуальную страстность, с которой она занимается этим делом. Нельзя создать биографию, разделяя личность и её деятельность, или же представляя личность в виде некое-

го набора уникально-неповторимых качеств, на поверку оказывающихся в биографической литературе общими любому выдающемуся человеку.

Человеческая индивидуальность является подлинной точкой воспроизведения и преобразования предметного развития любой отрасли человеческой деятельности. Особенно очевидно это в науке и при изучении биографий учёных. Наука не развивается автоматически. История науки есть именно история действующих учёных, осваивающих имеющееся научное наследие и генерирующих новое знание. Продукт научного творчества общедоступен, но по самой своей природе творчество не может быть коллективным. Вместе с тем, не существует особой творческой способности как свойства прирождённого или приобретённого, которым бы отличались люди науки. «Синтез способностей не вырабатывается одной только искусственной тренировкой их, он предполагает связанную с универсально-жизненным содержанием самореализацию личности» [Жизнь как творчество 1985: 77]. Истоки научной продуктивности заключены, прежде всего, в смысложизненном выборе человека в социокультурной ситуации. И научное открытие является не просто функцией развитого интеллекта, но будет эманацией целостного осуществления личностью себя в смысложизненной для неё деятельности, в частности, в ходе процесса постановки и решения научных проблем. Понимание этого обстоятельства становится весьма важным в современной науке, в которой оказывается необходимым организовывать творческую деятельность человеческих коллективов. Как справедливо отмечает М.Г. Ярошевский, в науке «объектом воздействия может быть только деятельность конкретных индивидов и их групп. И здесь биографическое исследование вступает в свои права» [Ярошевский 1974: 29]. Знание основных закономерностей биографики необходимо для эффективной организации управления наукой, содействия становлению учёных как творческих личностей.

Биографическое исследование призвано предложить методологические ориентиры в поиске ответа на вопрос: почему творческое достижение осуществлено именно этим человеком. Для науковедческой биографики это вопрос о том, почему открытие совершено именно данным учёным, пусть даже оно и назрело во внутренней логике развития научной дисциплины. Шаг вперёд в науке, как и в любой другой сфере человеческой деятельности, делает тот, в ком в этот момент, образно говоря, находит своё воплощение соответствующий вид деятельности. Если радикально продолжить ту мысль, что наука не существует вне и помимо учёных, можно высказать предположение, что передовой рубеж развития науки всегда существует в сплаве с системой ценностей и жизненных интенций конкретных личностей – лидеров данной науки. А они своей деятельностью задают модели и способы воспроизведения и развития научного знания другим участникам той сферы научной (как и, вообще, всякой другой) деятельности, в которой они работают. Потому в истории науки и можно выделять типические стили решения научных проблем, радиирующие от гениального учёного, в личность которого прорастает его научная дисциплина, к его ученикам и последователям, и становящиеся общими целому поколению учёных. Личность лидера науки в данный период развития науки воплощает в своей системе ценностей реальную драму возможностей и проблем науки, и потому может содержать момент индивидуальной креативности, порождающий общеобязательное знание. М.Г. Ярошевский называет этот аспект индивидуальности учёного, в котором научная идея становится структурообразующей для системы ценностей учёного надсознательной активностью [Там же: 35]. Можно, вообще, провести аналогию между филогенезом и онтогенезом развития науки. Учёный – лидер, пока он находится на переднем крае развития своей науки, выступает в той же роли, какую играет по отношению к другим наукам наука, лидирующая в научной картине мира. И структурообразующая данную научную картину мира наука, и гениальный учёный предлагают другим наукам и учёным, во-первых, основные модели понимания исследуемой реальности и, во-вторых, становящиеся типи-

ческими благодаря их творческой деятельности приёмы и методы научного познания, откоррелированные с соответствующим пониманием познаваемых объектов. (Примером этого могут служить для науки XVII – XVIII веков механика и Ньютон). Наука-лидер и учёный-лидер становятся на определённый период времени образцом, моделью и миропонимания, и организации научной деятельности, то есть выполняют мировоззренческую и социокультурную функцию.

Для эпистемологии биографики существенным является вопрос о границах биографии. При его решении следует исходить из удовлетворительного определения статуса биографики. Биографика есть вид наук о человеке, не вспомогательная научная дисциплина, а самостоятельная наука, предмет которой – адекватная реконструкция человеческой личности. Идеалы научной рациональности биографики допускают возможность достоверной реконструкции индивидуальности через раскрытие собственной закономерной логики её самостановления, без её механического подведения под какие-либо общие закономерности. Подобная индивидуальная закономерность не имманентна и лишь развёртывается в ходе жизненного пути, но, напротив, объективно и субъективно обусловлена и складывается в ходе самого процесса развития индивидуальности. Метод биографики как науки о человеке должен быть комплексным, междисциплинарным, реконструирующим средствами различных наук многосторонность реальной биографической целостности. Соответственно, посвящённые персоналиям исследования литературоведов, историков или психологов не всегда могут быть признаны биографиями. Необходимо чётко разграничить также биографию и исторический роман. Арсенал методов биографической науки не должен включать в себя никакого художественного вымысла. Биографика сталкивается и с общей для современной науки проблемой: засильем псевдонаучных сочинений, опровергающих обоснованные истины и возвещающих новые сногсшибательные концепции. В биографике это происходит в форме развенчаний и разоблачений великих личностей, либо сообщения о них вновь открытой «компрометирующей информации». Жизнь гениев обрастает домыслами, искусственно принижается до уровня обывательского понимания, а авторы подобных сочинений обеспечивают себе безбедную жизнь и дешёвую популярность. Между тем, как даже если что-либо из разоблачающих откровений и соответствует действительности, то всё же не характеризует гения как гения, то есть не существенно для его биографии [Harnack 1955]. Автору биографии следует, во-первых, последовательно проводить подчас тонкое различие между собственно биографией и иными жанрами, касающимися персоналий, и, во-вторых, ощущать ответственность за своего героя, придерживаясь при его жизнеописании известных нравственных ограничений.

В качестве источников биографии следует принимать все те источники, которые относятся к историческим источникам в целом: письма, дневники, воспоминания, хроники и. т. д. При изучении деятельности учёных, работающих в рамках институционализированных научных сообществ, большое значение имеет как хорошее ведение и сохранность архивной документации, так и обращение к личным свидетельствам коллег и близких. К произведениям «предбиографической категории» [Muller 1933: 100] следует относить литературные портреты, а также всякого рода собрания анекдотов и эссе, посвящённые отдельным знаменательным событиям в жизни биографируемого. Вместе с тем, в качестве биографии следует рассматривать лишь целостное жизнеописание, и неправомерно говорить о биографии в тех случаях, когда сюжетом работы является какой-либо период или аспект в жизни героя, пусть и игравший роль решающего жизненного выбора – как это часто происходит, к примеру, в мемуарной литературе или же в произведениях, написанных из религиозных побуждений. Необходимо привлекать источники, на которые не всегда обращается должное внимание,

например, некрологи [Корсаков 1998: 139–140][2]. Важной задачей является как привлечение новых видов источников, так и совершенствование вопросника исследователя, включающего вопросы «сколько раз человек выбирал для себя основной жизненный смысл, насколько следовал своему выбору, как, в итоге, он решал проблему адаптации к собственному небессмертию и решил ли» [Володихин 1999: 5].

При возникновении довольно частой ситуации взаимной противоречивости документальных свидетельств биографу следует стремиться раскрыть объективные основания подобной противоречивости. Противоречивость оценок и свидетельств, сохранённых источниками, является отражением реальной структуры многообразных взаимоотношений биографируемого с другими людьми, неоднозначных обстоятельств его жизни. Не игнорирование источниковых парадоксов реконструируемой биографии, но пристальное всматривание в них может зачастую привести биографа к биографическому открытию, и, в целом, к объёмности биографической реконструкции.

Определение границ биографии предполагает и постановку вопроса о том, чья биография заслуживает того чтобы быть написанной. Если в эпоху романтизма теоретики биографики склонялись к тому, что достойна биографического описания прежде всего гениальная героическая личность [Карлейль 1994], то сегодня в рамках исторической антропологии и истории повседневности признаётся ценным жизнеописание любого человека в контексте современной ему социокультурной ситуации [Гуревич 1993]. Проблема эта не может решаться механически – разделением исторических персонажей на великих и обычных. Жизнеописание великой исторической личности, по сути, выходит за рамки биографии, так как требует обращения к исследованию фундаментальных процессов соответствующей исторической эпохи, а жизнь «обычного» человека во многом обусловлена социальными обстоятельствами его времени. Существенным для биографа является не степень известности персонажа биографии или его участия в крупных исторических событиях. Ракурс рассмотрения биографом любой исторической личности должен раскрывать героя биографии в следовании принятым им социальным и нравственным ценностям, демонстрируя его личностный вклад в их утверждение. Именно это делает личность незаместимой в бытии, вследствие чего она становится фактом истории культуры и, тем самым – предметом биографии. Дело не в том, о ком писать биографию, но в том, какую задачу ставить при этом. Личность, деятельность которой стала фактом культуры, как бы впечаталась в культуру соответствующей исторической эпохи – вот предмет и критерий собственно биографии, который может быть отнесён к жизнеописаниям как выдающихся, так и «обычных» исторических персонажей. Для тех, «чей гений с самого начала определил их деяния и страсти, нашёл в них своё выражение и проявил себя» биография становится «единственным ключом к пониманию того, какое значение они имели для своего времени» [Droysen 1943: 362]. Так, вне рассмотрения деятельности Александра Македонского невозможно осмыслить феномен эллинизма. А для «обычного» человека глобальные социально-исторические преобразования, изменения жизненных обстоятельств, которые непосредственно не являются частью структуры его личности, могут становиться событиями его жизненного пути постольку, поскольку они создают новые ситуации личностного развития, ставят личность перед неизбежностью ценностного выбора, осуществляя который, она фактически принимает на себя ответственность за перспективу развития социума, в котором она живёт, и человечества в целом.

Поскольку предмет биографики как знания гуманитарного это субъект, предстающий нам внешне, объектно, то и определять её методологические границы сложнее, чем в науках, познающих лишь объекты в собственном смысле слова. Биографу следует адекватно выра-

[2] Представляют интерес погодные сборники некрологов, составлявшиеся во второй половине XIX века Д. Языковым.

зить грань объективного и субъективного в человеческой жизни. Человеческую субъективность не следует понимать как нечто иррациональное, доступное лишь мистическому вживанию. Более того, человеческая субъективность столь же реальна, как всякий объект, человеком не являющийся, а отличается от него лишь способом существования. Человеческий субъект обусловлен, но не предопределён, открыт миру, сам должен ежемгновенно задавать себе меру развития и осуществлять себя, выходя за пределы своего наличного бытия. Кроме того, биографируемый не мог бы иметь перед биографом радикального преимущества, так как его собственные мотивации зачастую неявны для него самого, и реальность своего Я он видит лишь из одного из возможных измерений; герой биографии содержательнее, чем его собственный взгляд на себя.

Не будет удовлетворительным и противоположный – чисто объектный – подход к постигаемому в биографии субъекту: через попытку выявить набор характерных для него личностных качеств, и проявлениями этих качеств объяснять его поступки. Если представить личность агрегатом качеств, она не может быть целостной и самостоятельной, свободно проявляющей свою волю. А те же самые «уникальные» качества личности другой биограф может обнаружить уже у своего персонажа. Подобный подход является следствием аберрации восприятия нами другого человека, когда к нему мы пытаемся применять некие уравнивающие мерки, а себя же, напротив, видим «изнутри», понимаем, что осуществляемся в поступке как личностная целостность, а не каким-то «изначально присущим» нам качеством. Поэтому биограф, восстанавливающий внешние события жизни персонажа и приправляющий их перечень набором предполагаемых в биографируемом личностных качеств, так и остаётся у порога биографии.

В познании объективной и субъективной составляющих чужой жизни всё сложнее, чем просто приписать позиции персонажа субъективность, а биографа – объективность. Человеческое Я возможно лишь как самоосуществление, реальное преодоление противоречия внешнего и внутреннего, материального и духовного, объективного и субъективного и воспроизведение его на новой основе, точно также как, например, и свет существует не как данность, но как преодоление противоречия непрерывности и дискретности. Человеческая индивидуальность существует лишь в саморазвитии, постоянно переставая быть тем, что она есть, вновь и вновь стыкуя ценности и обстоятельства жизни. Наивными поэтому являются крайние точки зрения на субъективность биографируемого, как те, что считают невозможным научное познание собственной личности и значения собственной жизни [Muir 1954], так и те, которые требуют объективной, деперсонифицированной автобиографии [Spender 1955]. Уникальным является не то, как человек ходил, курил или открывал периодический закон химических элементов; уникальным, незаместимым становится его место в бытии, причём уникальным не изначально – то была бы лишь простая случайность, подобная уникальности песчинки – но в меру обретения человеком непреходящего жизненного смысла и индивидуального самоосуществления в конкретных обстоятельствах.

Другой субъект может постигаться лишь диалогически. Условием возможности такого диалога являются общечеловеческие ценности, мировоззренческие проблемы, на которые не может не искать ответ всякий человек постольку, поскольку он есть человек в мире. Каждая эпоха и каждый человек своей жизнью дают ответ на вечные мировоззренческие вопросы. Биограф при постижении своего героя должен осуществлять многозеркальную рефлексию. Необходимо реконструировать персонаж на стыке двух планов: его самооценки и его места в социокультурной ситуации времени, и при этом делать поправку на собственную субъективность биографа и критически относиться к социокультурным основаниям своей точки зрения, рассматривать мировоззренческие смыслы культурных универсалий своей эпохи не как самоочевидные, а как одни из возможных. Игнорирование автором биографии собственной

позиции не приведёт к непредвзятой реконструкции жизни героя. Напротив авторская точка зрения, обусловленная ментальностью эпохи, в которую творит биограф, будучи неотрефлексированной, пронижет собой всю биографию, и биография устареет сразу же после её написания, сохранит своё значение скорее как источник по изучению ментальности эпохи, в которую она создана. Если биография будет диалогом эпох и обусловленных эпохами личностей, она соединит дистантность восприятия другой личности с отношением к ней как к самоценности и сможет выполнить и воспитательную задачу освоения опыта чужой прожитой жизни.

Человеческая личность есть наиболее подлинная реальность, точка постоянного, непредзаданного заранее и, одновременно, неизбежного осуществления всего, что только возможно в человеческом мире, через её индивидуальное самоосуществление. Ортега-и-Гассет справедливо определял предмет биографики как «единство драматического динамизма между Я и миром» [Ортега-Гассет 1991: 439–440; Ортега-и-Гассет 1991], когда Я человека постоянно превосходит себя, погружаясь в обстоятельства своей жизни, воздействуя на них и согласовывая их с собой. Именно в этом, а не в тех или иных природных особенностях, находится источник творческого саморазвития человеческой индивидуальности. Человек, личность тогда сможет быть предметом биографики, а не только психологии (или же, тем более, физиологии), когда действует, беря на себя ответственность за человечество в целом, приняв решение о том, что есть должное, и это должное осуществляя. Жизнь личности в этом случае продолжает своим определённым образом развитие культуры в данный момент времени, и представляет в себе, тем самым, также и весь предшествующий путь развития культуры. Постижение биографии поэтому, равнозначно постижению человеческой культуры в целом. Тема биографа – это не случайность личности в бытии. Что может быть объективнее этой субъективности! В «элементах художественности» ли, или «интуитивном вживании в чужую личность» здесь дело! Мастерство биографа не в том, чтобы показать субъективные мнения героя, а в том, чтобы реконструировать ту реальность его жизни, реакцией на которую и были эти мнения, и – главное – поступки личности. Даже биограф, делающий поправку на собственную субъективность и обусловленность своей жизненной позиции ментальностью своей эпохи, высечь искру истины из диалога с героем биографии сможет, лишь если будет понимать, что герой сам находится в диалоге с самим собой, неравен самому себе, осуществляет себя, посредством своих души и тела преобразовывая обстоятельства своей жизненной ситуации.

Мерцающая грань субъективного-объективного в биографии наиболее отчётливо проступает в таком биографическом жанре как автобиография. Термин «автобиография» впервые ввёл Гердер, по инициативе которого в 1796 и 1799 гг. в Тюбингене вышел составленный Зэйбольдом сборник «Автобиографии знаменитых мужей». Через тридцать лет в Англии стало выходить собрание автобиографий, составившее 34 тома [Autobiography 1826–1833]. В СССР интересным опытом издания автобиографий, охватившего целый срез профессиональной деятельности, могут быть названы 40-й и 41-й тома Энциклопедического словаря Гранат «Деятели СССР и революционного движения в России» [1926-1929; репринт 1989]. Критерии автобиографии как биографического жанра были предложены в конце XIX века Ф. фон Бецольдом: »Автобиография в узком смысле слова имеет дело, прежде всего, с внутренним развитием личности… Она не только обращена назад к прожитой жизни, но одновременно и по преимуществу освещает историю внутренней жизни… К ней нельзя отнести огромную массу мемуарной литературы или описаний памятных фактов…, которые содержат сведения о внешней стороне деятельности авторов, их участии в общественной жизни, об их знаменитых современниках» [Biographischen Blatter 1895]. В 1960 вышла первая теоретическая монография, посвящённая проблеме автобиографии [Изображение и истина

автобиографии»], автором которой был историк литературы Р. Пэскаль [Paskal 1960]. В ней предложена оригинальная типология автобиографий, согласно которой их авторы группируются по задачам, которые ими ставились при написании автобиографии, и по роду их профессиональной деятельности.

Автобиография как биографический источник закономерно порождает противоположные оценки. С одной стороны, она вызывает недоверие вольной или невольной, но неизбежной попыткой её автора оправдать свои действия, либо представить их следствием благородных мотивов. Так Я. Ромейн предостерегал: «Автобиография – самый опасный вид источника. Она либо представляет собой самозащиту, либо незначительна по существу» [Romein 1948]. Особенно критически принято относиться к автобиографиям политических деятелей [Paskal Op.cit.]. С другой стороны, ряд мыслителей видят в автобиографии более глубокий уровень достоверности, чем может дать простое изложение фактов. Дильтей утверждал: «Автобиография – высшая и наиболее поучительная форма, в которой находит выражение понимание жизни… и тот, кто понимает жизнеописание, становится идентичен тому, кто его написал. Таким образом достигается особая интимность понимания» [1927: 199].

Безусловно, субъективность автобиографии – это её достоинство, которое обращается в недостаток лишь при плоском позитивистском подходе к ней. Автобиография открывает нам тот уровень реального Я, который не может быть реконструирован никакими другими средствами; это взгляд личности на себя изнутри себя же самой. Важно придавать этому аспекту реконструируемой личностной целостности адекватное значение. Он позволяет определить моменты осуществления личностью ценностных выборов, что может послужить основой выделения основных этапов её жизненного пути. Следующий шаг биографа должен заключаться в совмещении взглядов изнутри и извне личности, её субъективного мира и мира обстоятельств её жизни. А условием гносеологической корректности такого совмещения является учёт соотношения ментальностей эпох, к которым принадлежат биографируемый и биограф. Оценка автобиографии в качестве одной из составляющих многозеркальной гносеологической рефлексии обеспечивает биографической реконструкции объёмность изображения человеческой личности.

Для биографа-профессионала автобиографический материал представляет собой ничем не заменимую ценность; и даже искажения истинного положения дел, допускаемые автором автобиографии, биограф сможет понять как не случайные, выводя их из целостной реальности его жизни, а подчас и более глубоко реконструируя с их помощью противоречивую структуру последней. Глубоко прав Шопенгауэр, утверждавший, что «притворяться в автобиографическом сочинении так трудно, что, вероятно, нет ни одной автобиографии, которая в целом не была бы правдивее, чем любое другое историческое произведение» [Цит. по: Klaiber 1921: 349]. Конечно, автор автобиографии, может оценивать прошлое с позиций настоящего, задним числом вскрывать взаимосвязи, которые раньше не могли быть ему известны, либо ускользали от его понимания. Но такая же опасность грозит и автору биографии, взгляд которого зависит от собственной субъективности и от ментальности его эпохи. Степень же достоверности автобиографических описаний может повышаться при наличии нескольких автобиографий, созданных в разных редакциях в разном возрасте. Важно, чтобы реконструктор жизненного пути человеческой личности стремился восстановить все стадии её развития в их последовательности, и, показывая минувшие ситуации, давал то мнение личности о них (своё собственное в автобиографии, своего героя в биографии), которое было современным самим этим ситуациям. В автобиографии уже содержится то, что автору биографии приходится воссоздавать путём предпринимаемых вновь и вновь длительных разысканий: динамическая правда жизни личности, история личностного развития в его внутренней связи и последовательности. «Пусть человек думает, что именно в его поле зрения

оказались наиболее интересные явления, что именно его личность заслуживает особого внимания… Пусть он пытается как-то оправдывать и объяснять свои намерения или, передавая факты, определённым образом их истолковывать… Для нас важен не хороший стиль автора, не сомнительная его слава как умелого рассказчика, а целесообразность повествования» [Droysen Ibid.: 80].

Автобиография имеет и абсолютную экзистенциальную ценность и значима как источник для реконструкции атмосферы эпохи в которую жил автор, состояния её науки и образования, искусства и религии, восполняет отсутствующие сведения об образе жизни того социально-культурного слоя общества, к которому он принадлежал. Биограф Наполеона О. Фурнье радикально выразил эту мысль, подчеркнув, что «о человеческом в жизни ушедших поколений мы узнаём только от людей, а не от ведомств» [Цит. по: Klaiber 1921: 342]. Живые голоса людей прошлых эпох доносятся до нас автобиографиями через толщу времени, показывая отдельные проявления нравов эпохи, описывая исчезнувшие ландшафты и канувшие в лету приметы обихода. Однако автобиография не должна перерастать в историю своего времени, тем более в философию истории, тогда она утратит то непреходяще индивидуальное, что и делает её автобиографией.

Автобиография, выражая внутренний мир человека, его собственную точку зрения, становится ничем не заменимым субъективным измерением развития человеческой культуры. И «история автобиографии является в известном смысле историей человеческого самосознания» [Misch 1907: 11]. Соединение субъективного и объективного измерений жизни личности остаётся идеальным ориентиром биографического познания. Реконструкция личности, обеспечивающая подобный объёмный синтез, всё в большей степени будет использовать стыковые, междисциплинарные методы познания. Не случайно поэтому, например, что стиль life-and-letters, в котором практикуется широкое использование в тексте биографии подлинных и, прежде всего, автобиографических документов стал во второй половине XX века столь распространённым в биографике. Биография и автобиография фактически идут на встречу друг другу, осуществляя объёмный синтез биографического описания человеческой личности.

Становление биографики как самостоятельной научной дисциплины предполагает разработку методологии научного познания индивидуального. Наиболее известной попыткой решения этой проблемы является индивидуализирующий метод Риккерта, требующий «образовать понятие с индивидуальным содержанием», в котором индивидуальность не превращалась бы в экземпляр [Риккерт 1998: 76]. Научное познание индивидуального, мы полагаем, заключается в моделировании, в реконструкции логики её развёртывания. Нужно выявить самостановление индивидуальности в общественных отношениях, складывающуюся в ходе этого индивидуальную закономерность, внутреннюю логику саморазвития от одного этапа к другому. Ещё в 1927 Г.О. Винокур высказал мысль, что биограф изучает личность, не накладывая на неё трафарет идеала, но отыскивая в ней самой присущую ей закономерность развития [Винокур 1927: 58]. Кроме того, биографика должна не предписывать биографам общих алгоритмов познания своих героев, но предлагать им ориентиры того, как следует приниматься за дело жизнеописания. Продуктивной здесь представляется идея А.Л. Валевского, что биографика представляет собой комплекс процедур, позволяющих воссоздать сущность индивидуального, в частности ряда презумпций биографического объяснения (комплексный подход к причинам поступков, несовпадение актуальной и ретроспективной позиций героя биографии и др.) [Валевский 1993: 89].

Личность в качестве предмета биографической реконструкции понимается нами как саморазвивающееся системное единство, самоуправляющееся посредством взаимокоординированных ценностей и мотивов и преобразовывающее структуру обстоятельств в ходе жиз-

ненного пути. Оптимальным нам представляется структурно-динамический подход к биографической реконструкции. Модель реальной биографической целостности личности может быть реконструирована в трёх измерениях: ситуационном, предметном и ценностно-смысловом, которые предстанут как уровни, системно надстраивающиеся друг на друге. Такой структурный анализ следует сочетать с динамическим, в котором выявляется необходимость последовательной смены этапов жизненного пути личности.

Ситуационный аспект реконструкции жизненного пути личности является наиболее фундаментальным. Это пространственно-временные координаты личности, её бытие в конкретной точке истории общества. Личность исходно целостна как включённое в мир и противостоящее ему начало реальности. Личность не может не самоопределяться постоянно по отношению к самим основаниям культуры, в которой живёт, и тем самым одновременно и обусловлена ситуацией и представляет собой самостоятельную целостность. Всякий поступок человека есть ответ на конкретную ситуацию жизни. «Реконструировать вопрос, ответом на который явилось поведение персонажа» и является задачей биографа [Там же: 88]. Не только те или иные конкретные жизненные обстоятельства, но сама ситуация жизни представляет собой вопрос, обращённый к человеку, и его ответ своей жизнью на ситуацию времени формирует его как уникальную индивидуальность. Бытие личности в ситуации реконструировать сложнее всего: нам доступна лишь внешняя сторона поведения человека, а сами мы находимся в иной культуре, в иной ситуации жизни. Решающим для успешной биографической реконструкции этого уровня личностной целостности является обращение к ментальности современной биографируемому эпохи, осуществляемое методами исторической антропологии. В целом, биограф идёт от поступка персонажа к его мотивации, а мотивацию восстанавливает через понимание её обусловленности духовной атмосферой исторической эпохи. Биографу необходима «всеохватывающая интерпретация» [Maurois 1928], реконструирование индивидуальности с помещением её в контекст общих взаимосвязей исторической эпохи. Ситуационное измерение представляет собой предел полноты биографической реконструкции, который является окончательно не достижимым, поскольку бытийная ситуация биографируемого никогда не сможет стать бытийной ситуацией биографа.

Содержательная структура личности образуется отношениями разной степени и разного качества значимости с другими людьми по поводу предметов их совместной деятельности. Предметные отношения мы понимаем в качестве обстоятельств жизненного пути личности. Структура обстоятельств (предметных отношений) жизни личности объективна, всегда богаче по содержанию самоосознания личности, выводит на общую социокультурную определённость её бытия. В предметных отношениях личности складываются противоречия, являющиеся основным источником развития и имеющие объективные последствия в жизненном пути личности.

Личностная целостность оформляется на ценностно-смысловом уровне. Совпадение направленности ценностно-смыслового и предметного измерений личностной целостности в предметных убеждениях (М.Г. Ярошевский) является свидетельством зрелости личности, её способности определять своей деятельностью развитие той сферы культуры, в которой она работает. Э.Ю. Соловьёв в статье о биографиях мыслителях в серии ЖЗЛ справедливо отмечал, что уяснение биографируемым себе своей собственной проблемы – ключевой момент для биографической реконструкции [Соловьев 1981]. Единство жизненного пути личности биограф может раскрыть, показав, как та или иная профессиональная проблема становится личностным смыслом деятельности биографируемого и конкретизируется в иерархической серии жизненных целей, служащих сквозными мировоззренческими ориентирами в выборе личностью стратегий поведения. В этом случае биограф сможет показать жизненное призвание своего героя. Принятые личностью ценности биографу следует анализировать в сочета-

нии с особенностями индивидуальной мотивации, раскрывая полноту ценностно-мотивационной системы (ЦМС) личности. К примеру, реконструкция становления предметных убеждений учёного должна дополняться побочными основной его профессиональной деятельности жизненными и научными интересами. Через систему ценностей, ставшую жизненным ориентиром, личность может осуществлять обратное воздействие на структуру обстоятельств своей жизни. Как единице биографического измерения жизненного пути личности обстоятельству в ценностно-смысловой сфере соответствует событие. В качестве события можно рассматривать те из обстоятельств, которые ставят под вопрос идентичность системы ценностей личности. События – узловые моменты жизненного пути личности, внутренняя жизнь которой, как отмечает Г.Ю. Мошкова [Мошкова 1994: 137], состоит в поиске, открытии, утверждении или отвержении ценностей.

Структурный анализ биографической целостности необходимо дополнять динамическим. Пропорционально уровню развития личности возрастает иерархическая организованность её ЦМС. Идентичность личности обеспечивается преобладанием в данный момент жизненного пути какой-либо ценности в ЦМС в качестве доминанты. В ходе жизненного пути личности биограф может выделить этапы, характеризовавшиеся подчинённостью какой-либо ценностной доминанте и переживавшиеся личностью как определённая целостность, и моменты жизненного выбора, в которых личность оказывается перед необходимостью переосмыслить своё решение о значимости доминантной ценности. Соотнесение личностью жизненных обстоятельств с ценностями всегда динамично, осуществляется в диалектическом единстве, одной стороной которого является выполнение ценностью роли поведенческого регулятива, другой – изменение статуса ценности в иерархии ЦМС, которая перестуктуируется с учётом изменения жизненных обстоятельств. В кризисных ситуациях жизненного пути личность оказывается один на один с бытием и становит себя как индивидуальность. Можно выделить два типа жизненных кризисов по способу их разрешения. В первом личность изменяет доминанту ЦМС, во втором личность утверждает ценность собою, противостоя давлению отвергающих ценность жизненных обстоятельств, вплоть до самопожертвования. Последний вид жизненного выбора предполагает нравственную смелость, способность взять на себя ответственность за человечество, и первому сделать новый шаг в будущее. Решающее значение это приобретает в жизнеописании великой личности, деятельность которой можно рассматривать как выполнение принятого на себя долга перед человечеством. Ситуация необходимости совершить жизненный выбор, самоопределиться, может быть и проигнорирована личностью, не стать событием жизненного пути, но тем не менее останется в структуре обстоятельств её жизни и обусловит в дальнейшем степень осуществления личностью своего призвания. Все кризисные точки жизненного пути личности и переход от одного жизненного этапа к другому должны выявляться биографом. Задачей биографа при анализе динамического аспекта личностной целостности, будет: «определить, какие именно принципиальные выборы были сделаны человеком и ради чего, в какую сторону они повели его личностное развитие» [Там же: 139]. Поскольку жизненный путь личности не развёртка имманентно предзаданной программы, каждый жизненный выбор обусловлен последовательностью предшествовавших жизненных выборов и, одновременно, открыт для любого возможного ценностного решения. Биограф должен показать личностную целостность как самостановление через точки выбора на жизненном пути. Эту мысль удачно формулирует Т.Б. Карцева: реконструируя последовательность событий-выборов жизненного пути человека, биограф показывает, что человек должен изменять самого себя, чтобы продолжать оставаться собой [Карцева 1989: 90]. Экзистенциальное единство направленности развития личности в течение всей её жизни будет в этом случае убедительно высвечиваться

через смену ею тех или иных конкретных жизненных задач и форм самоосуществления, а также коррелироваться с изменениями в социокультурном контексте бытия личности.

Синтез, как всех структурных измерений личности, так и структурного и динамического аспектов развития личностной целостности осуществляется в поступке, закрепляющем жизненный выбор личности. Поступок в качестве способа саморазвития личности, является для биографа ключом к раскрытию жизненной логики биографии. Поступок фиксирует диалектику «процессуального характера идентичности» [Валевский 1993: 20] человеческой индивидуальности, которая остаётся собой лишь постоянно самоопределяясь в бытии, воспроизводя мировоззренческую позицию своей эпохи и одновременно ставя вопрос о правомерности самих оснований этой позиции. В каждом поступке личность делает новый шаг саморазвития, замыкаясь в качественно более высокую целостность при овладении новым пластом предметного содержания реальности (обстоятельствами) и вновь осуществляет выход за свои пределы, субъектное самовозобновление, на основе ценностного выбора (события). Это и есть сердцевина индивидуальности человека, прежде всего интересующая биографа.

Как структурно-динамическая модель биографической реконструкции в целом, так и её отдельные элементы могут стать весьма полезными при изучении творчества учёных. Творческая деятельность учёного, будучи напряжённой интеллектуальной работой, совершаемой повседневно на протяжении длительных отрезков жизненного пути, не может быть доступна чисто психологическому анализу. Лишь биографика реконструирует личность учёного в единстве деятельности и мотиваций, создавая «модель взаимодействия сложной системы факторов» [Gruber 1981: 299–300; Цит. по: Виноградова 1988]. Особую сложность при биографической реконструкции личности учёного представляет превращение индивидуального озарения в общеобязательное безличное знание. Можно предположить, что индивидуальная мотивация удерживается в превращённой форме в момент совершения открытия. Обнаружение нового вряд ли возможно через прямую мотивированность имеющимся в наличии безличным знанием. Ключевая роль здесь принадлежит скорее индивидуальности учёного в реальной целостности его жизнеотношений. Открытие зачастую осуществляется при непрямой мотивации, когда стремление решить научную проблему подкрепляется какими-либо побочными мотивами. И только реконструкция целостности жизненного пути личности может раскрыть эти причины.

Обратим внимание на несколько типов непрямой мотивации. Так, в случае несогласия учёного со сменой общепринятой парадигмы в данном профессиональном научном сообществе, он может реализовывать научные убеждения, которым остался верен, в смежной области научной деятельности. Возрождение старой парадигмы через проекцию на новую проблематику способно обеспечить нетрадиционный подход в этой сфере деятельности и благодаря стыковому междисциплинарному эффекту верность отвергнутой парадигме приведёт к открытию. К примеру, известный физик Дж.Х. Джинс в начале 1910-х гг. в ситуации кризиса в физике, отказа от классической парадигмы и становления квантовой теории, не смог внутренне принять эти изменения и продолжать на их основе успешное научное творчество в физике. И он переключился на исследования в области звёздной динамики, где рассматривал движение звёзд с позиций классической статистической физики, что привело его к научному открытию. Джинс применил к звёздным системам закон постоянства фазовой плотности, который в дальнейшем стал называться в звёздной динамике теоремой Джинса [Козенко 1985: 76]. До момента совершения открытия биографу важна реконструкция мотивированной акцентировки учёного именно на значимость своего парадигмального подхода, а не на ещё не совершённое открытие.

Ещё одним вариантом непрямой мотивации, приводящей к открытию, является эвристический эффект «неверного» предположения, позволяющего получить новое знание. Речь не идёт о случайном успехе дилетанта, но о смелости, необходимой учёному, когда он выдвигает гипотезу, заведомо расходящуюся с разделяемым им самим научным знанием об объекте. Так, в начале 1920-х гг. физики считали, что возможен только один тип субатомных источников энергии подобный радиоактивности, то есть являющийся самопроизвольным квантовым эффектом, не зависящим от внешних физических условий. А.С. Эддингтон же, поняв, что энергия в звезде генерируется со скоростью, зависящей от температуры и плотности, установил, что процесс этот должен так саморегулироваться, чтобы выход энергии соответствовал наблюдательному закону «масса – светимость», иначе невозможно устойчивое состояние звезды. А возможно устойчивое состояние лишь в случае реакций термоядерного синтеза (так называться они, конечно, стали позднее), которые определяются внешними условиями. Предположение о возможности таких реакций Эддингтон и выдвинул ещё в начале 1920-х годов [Эддингтон 1997: 69].

И наиболее благодатной для биографического изучения является ситуация, при которой учёный мотивирован околонаучными или мистическими представлениями, не подтверждаемыми наукой, и, ориентируясь на них, совершает научное открытие. Для автора научной биографии столь важно поэтому, изучение философских взглядов учёных. Общемировоззренческие установки способны стать стартовой дорожкой к открытию, так как напрямую не связаны с профессиональной деятельностью учёного и являются взятыми из других сфер культуры общими моделями объяснения и понимания, дают возможность выдвинуть предположения об объективных связях, не очевидных для узкопрофессионального взгляда. При объяснении самого момента креативности биографу следует показать роль в мышлении аналогий, ассоциаций, мировоззренчески мотивированных нестандартных предположений, выдвигаемых в качестве возможных, не противоречащих в принципе законам природы. Примером сказанному могут служить ситуации, когда из неверных, но философски и эстетически мотивированных космогонических построений получали истинные научные результаты. Так, Кеплер открыл свои законы движения планет, вошедшие в арсенал современной науки, как бы попутно поиску величественной небесной гармонии, порождаемой пропорциональными отношениями правильных многогранников, что было в дальнейшем развитием науки отвергнуто как идея фантастическая. «Из всей «Гармонии мира» Кеплера своё значение для науки сохранила лишь одна единственная страничка – та, где изложен третий закон движения планет… Но разубеди кто-нибудь Кеплера в существовании небесной гармонии, он, возможно, вовсе не стал бы астрономом. И тогда бы не было, может быть, ещё столетия ни трёх знаменитых его законов, ни прозорливых идей о динамических причинах движения планет, предвосхитивших открытия Ньютона». [Мороз 1989: 68–69]. И не искал бы он с такой страстностью истину, проводя многолетние бесчисленные сложнейшие вычисления. Ценно даже наследие учёного, только лишь ставившего проблемы, получить удовлетворительное решение которых ему не удавалось. Вообще, любая не получившая подтверждения научная теория, вырастая на древе познания, обязательно питается какими либо нерешёнными в рамках существующих теорий проблемами и стимулирует дальнейший удачный поиск в этом направлении, может содержать востребуемые впоследствии мировоззренческие подходы. Процесс открытия истины, как правило, столь же парадоксален, как и сама истина, и раскрыть его будет не под силу чистому психологу, не применяющему метод целостной биографической реконструкции жизненного пути учёного.

Значение биографики для научного познания пока ещё не осознанно в полной мере. Биографическое описание зачастую воспринимается как иллюстративное приложение к другим наукам. Но любая область человеческой деятельности воспроизводится лишь творчеством конкрет-

ных индивидуальностей, и только через раскрытие их жизненных устремлений может быть понята в логике своего развития. Биографов потому и интересуют, прежде всего, личности, ставшие субъектами приращения культуры, способные «самостоятельно организовывать и направлять события жизненного пути, избирательно к ним относиться, строить собственную среду развития» [Логинова 1985: 104], то есть, по сути, в себе и собой осуществлять преобразование человеческих отношений и продуктов культуры. Личность как объект биографической реконструкции предстаёт, таким образом, в единстве репродуктивной и генеративной сторон её деятельности, а деятельность – воспроизводящей содержание культуры в ходе творческого её освоения. Личность постоянно содержательно саморасширяется, выходя за свои пределы и раскрывая тем самым горизонты возможностей человечества в целом. Идеалом для биографа будет раскрытие личности как предельной формы, сплавляющей предметность и жизненный смысл и дающей индивидуальные ответы на вечные вопросы человеческого бытия.

Асмолов А.Г. 1990. *Психология личности*. – М.

Бахтин М.М. 1996. *К философии поступка*. – М.

Библер В.С. 1994. *Самостоянье человека*. – Кемерово.

Блауберг И.В. 1997. *Проблема целостности и системный подход*. – М.

Валевский А.Л. 1993. *Основания биографики*. – Киев.

Виноградова Т.В. 1988. Творческая личность в науке (психологические исследования). – *Творчество и жизненный путь учёного*. – М.

Винокур Г.О. 1927. *Биография и культура*. М.

Володихин Д.М. 1999. Экзистенциальный биографизм в истории. – *Персональная история*. – М.

Гессен С.И. 1995. *Основы педагогики. Введение в прикладную философию*. – М.

Гуревич А.Я. 1993. *Исторический синтез и школа «Анналов»*. – М.

Жизнь как творчество… 1985. *Жизнь как творчество*. – Киев.

Карлейль Т. 1994. *Теперь и прежде*. – М.

Карцева Т.Б. 1989. Влияние события на самосознание личности. – *Формы и методы социального познания*. – Калинин.

Козенко А.В. 1985. *Джинс*. – М.

Козенко А.В. 1997. *Эддингтон*. – М.

Корсаков С.Н. 1997. *Человеческая индивидуальность как социально-философская проблема. Дисс. ... канд. филос. наук*. – М.

Корсаков С.Н. 1998. Советский некролог как историко-антропологический источник. – *Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации*. – М.

Логинова Н.А. 1985. Жизненный путь человека как проблема психологии. – *Вопросы психологии*. – № 1.

Лотман Ю.М. 1987. *Сотворение Карамзина*. – М.

Мороз О.П. 1989. *Прекрасна ли истина?* – М.

Мошкова Г.Ю. 1994. Биографический метод и творческая личность учёного. – *Вопросы психологии*. – № 2

Ортега-и-Гассет Х. 1991a. В поисках Гёте. – Ортега-и-Гассет Х. *Эстетика. Философия культуры*. – М.

Ортега-и-Гассет Х. 1991b Гойя. – Ортега-и-Гассет Х. *Дегуманизация искусства*. – М.

Павлова Т.А. 1990. Историческая биографистика в СССР. – *Новая и новейшая история*. – № 2.

Риккерт Г. 1998. *Науки о природе и науки о культуре*. – М.

Соколовская З.К. 1988. *400 биографий учёных*. – М.

Соловьёв Э.Ю. 1981. Биографический анализ как вид историко-философского исследования. – *Вопросы философии*. – № 9.

Фролов И.Т. 1989. *О человеке и гуманизме*. –М.

Энциклопедический словарь… 1989(репринт). *Энциклопедический словарь Гранат «Деятели СССР и революционного движения в России»*. Т. 40–41.

Ярошевский М.Г. 1974. Биография учёного как науковедческая проблема. – *Человек науки*. – М.

Auttobiography… 1826–1833. *Auttobiography. A collection of the most instructive and amusing lives ever published, writtenby the parties themselves*. – London.

Biographischen Blatter… 1895. *Biographischen Blatter*, 1.

Droysen I.G. 1943. *Historik*. – Munchen.

Dilthey 1927. *Gesammelte Schriften*. VII.

Gruber H. 1977. Cognitive psychology, scientific creativity and case study method. – *On scientific discovery: The Erice lectures*.

Harnack A. von 1955. Biographie und Diskrtion. – *Die Welt Geschichte*, 15.

Klaiber T. 1921. *Die deutsche Selbstbiographie*. – Stuttgart,.

Maurois A. 1928. *Aspects de la biographie*. – Paris.

Misch G. 1907. *Geschichte der Autobiographie*. Bd. I. H. 1.

Muir E. 1954. *An Autobiography*. – London.

Muller I. 1933. Dilthey and das Problem der historischen Biographie. – *Archiv fur Kulturgeschichte*, 23.

Paskal R. 1960. *Design and truth in autobiography*. – London,

Romein Y. 1948. *Die Biographie. Einfuhrung in ihre Geschichte und ihre Problematik*. – Bern.

Spender S. 1955. *Confessions and autobiography (The making of a poem)*. – London.

СОВЕТСКИЕ ФИЛОСОФЫ ПОКОЛЕНИЯ 1920-х ГОДОВ[1]

С.Н. Корсаков
Институт философии РАН

Аннотация: *Предпринята попытка представить коллективный портрет поколения советских философов 1920-х годов. Основное внимание уделено лидировавшей в тот период в советской философии школе диалектиков, последователей академика А.М. Деборина. Говорится об интеллектуальных и административных результатах представителей этой школы по развитию и институционализации философии в России. Практически все представители поколения советских философов 1920-х годов погибли в результате сталинских репрессий. Рассказывается о трудностях поиска источников в отношении деятельности философов, ставших жертвами сталинских репрессий, и личном опыте автора по преодолению этих трудностей. Приводятся фрагменты воспоминаний, в которых воссоздается облик наиболее ярких философов деборинской школы. В облике поколения философов-деборинцев выделены некоторые общие черты. В период формирования личности – стремление к философскому образованию на фоне преодоления неблагоприятных стартовых социальных условий. В период недолгого творческого расцвета – публичная акцентуация личной философской позиции в качестве интеллектуального и нравственного убеждения. В ситуации сталинского застенка – способность остаться человеком вопреки нечеловеческим условиям. Автор говорит о жизненном и нравственном выборе как главном вызове философскому поколению 1920-х гг. Он противопоставляет тех, кто остался среди гонимых, и тех, кто нашёл в себе способность словом и делом помогать гонителям.*

Ключевые слова: *советская философия, поколение двадцатых годов, деборинская школа, сталинские репрессии.*

Ю.В. Синеокая предложила мне написать эти заметки о поколении советских философов, судьбами которых я в основном занимаюсь. Я согласился, потому что когда-то же нужно и в истории русской философии восполнить тот провал, который образовался в отношении советских философов 1920-х годов. Иначе опять получится очередное наведение ретроспективного моста между рассказом о философах эпохи «Вех» и воспоминаниями об ушедшей молодости тех наших современников, которые в своём коллективном поколенческом мифе хотели бы возвести к веховцам свою философскую родословную. В итоге в серое пространство социальной амнезии попадает несколько десятилетий. И вместе с канувшим временем уйдут и искания, идеи и страдания поколения философов.

[1] См.: Корсаков С.Н. Советские философы поколения 1920-х годов. – *Философские поколения* / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский дом ЯСК, 2022. – С. 29–96.

DOI: 10.18522/2218-5518.2022.2.65117

Проблема подобного временного провала актуальна не только для философии. В наше время популярны попытки восстановить истории научно-исследовательских институтов, вузов, кафедр и их руководителей. Как правило, все они так и строятся по одной модели – от рассказа о временах Серебряного века переходят к воспоминаниям местных ветеранов о том, как они начинали в 1950–1960-е годы. Куда же исчезло время становления, которое и сформировало облик и профиль научной или учебной структуры? Если временной провал и осознают, в лучшем случае отговариваются неумелостью. Примерно тем же, как выяснилось, часто заканчиваются попытки «выстроить траекторию» развития того или иного исследовательского направления и в нашей философской жизни «за сто лет». И это при том, что сегодня подведение вековых итогов – задача, поставленная самим временем. В нашем философском сообществе ощущается эта объективная потребность самоопределения, ответа на вопросы «Откуда мы пришли? Кто мы? Куда мы идём?». От продуманных нами сегодня ответов будут отталкиваться в последующие сто лет.

Собственно говоря, хронологические рамки моих научных интересов несколько шире 1920-х годов: от дореволюционной эпохи до постсоветской. Но даже в рамках временного отрезка 1920–1950-х годов невозможно говорить об одном поколенческом типе. Люди 1920-х годов совсем иные, чем люди 1930-х годов. А последние отличаются от поколения 1940–1950-х годов.

Но радикальный поколенческий разрыв в советской философии произошёл именно между 1920-ми и 1930–1950-ми годами. Начальные строки «Смерти Вазир-Мухтара» Юрия Тынянова прочитываются сегодня не в их буквальной отнесенности к декабристам, а как автохарактеристика начавшего уходить поколения. Начавшего уходить в том же молодом возрасте, что и поколение тыняновских героев. «На очень холодной площади… перестали существовать люди двадцатых годов с их прыгающей походкой. Время вдруг переломилось; раздался хруст костей… Лица удивительной немоты появились сразу, тут же на площади, лица, тянущиеся лосинами щёк, готовые лопнуть жилами. Жилы были жандармскими кантами северной небесной глубины…» [Тынянов 1988: 3]. Грань между 20-ми и 30-ми годами обоих веков обозначена очень чётко: от прыгающей походки к молчанию под сенью голубого канта.

Драма рубежа 1920–1930-х годов для философов состояла в обусловленной историческим переломом неизбежной необходимости совершить нравственный выбор, ставкой в котором была сегодняшняя твоя жизнь и будущая жизнь твоих текстов. Но какой бы выбор ты ни сделал, выиграть было всё равно нельзя. И именно это определяет весь ракурс поколенческой траектории от тех десятилетий до нашего времени.

Идеологические различия вторичны и оформляют нравственные. В этом для меня состоит главный урок многолетнего изучения архивных документов и воспоминаний. Предъявление философам идеологических обвинений в том или ином «отступлении» от марксизма имело характер оформления репрессии и ни в какой связи не находилось с их реальными теоретическими воззрениями. Реальными причинами репрессий были либо высказанные критические оценки интеллектуальных возможностей Сталина, либо чьё-то стремление занять место лидера научного направления, директора института, редактора журнала. Стремление реализовывалось в виде групповой борьбы либо нападения стаи на жертв. Помимо собственных наблюдений, сошлюсь и на свидетельство участника событий А.Я. Зися:

> Кое-что из области «смешного»: среди самых мягких криминальных моих поступков, квалифицированных как идеологическое вредительство, в одной из публикаций было отмечено, что я излагал законы формальной логики без единого слова критики, а философии Платона и Аристотеля отвёл целых шесть часов. Смешно? Теперь это звучит смешно. А тогда… Говорю об этом лишь потому, чтобы читателю было ясно – дело не в реаль-

> ных поступках или действительных идеологически неприемлемых позициях было. Нужен был криминал, а что под него подвести, – за этим дело не станет. Сплошь и рядом то был настоящий трагифарс. Обращение к дискуссии, к вопросам борьбы против механистов и меньшевиствующих идеалистов – стало формой «охоты на ведьм», средством разоблачения явных и скрытых идейных греховодников. Само же существо этих вопросов мало кого интересовало [Зись 1996: 135] .

Привычная картина «подавления философии в СССР» далека от реальности. В условиях произвола, ставшего нормой жизни, малограмотные энкавэдэшники, да власти вообще, часто выступали орудиями борьбы за господство в той или иной философской структуре. Ленинградский историк философии М.Л. Ширвиндт в туруханском застенке пытался объяснить следователю, заполнявшему протокол с грамматическими ошибками, что, наверное, несправедливое осуждение стало результатом его трактовки философии Спинозы, которую признали ошибочной, а она верна. Но туруханскому следователю не с руки было решать вопрос о том, материалист ли Спиноза или нет. Он согласно разнарядке отправил философа обратно в Ленинград, где тот погиб по групповому делу сотрудников Ленинградского отделения Института философии вместе с Г.С. Тымянским, Ю.П. Шейном, Л.Ф. Спокойным и другими. Л.Ф. Спокойный незадолго до ареста опубликовал книгу о Лейбнице и его философии. Мне удалось разыскать внука Л.Ф. Спокойного. Он прислал фотографию семьи деда накануне ареста и сканы листов из уголовного дела. Философов обвинили в том, что они создали «контрреволюционную троцкистскую организацию» и «при помощи агентов фашистского гестапо подготовляли террористический акт против т. Сталина» [Управление ФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-32810]. По тому же делу был арестован и умер в лагере отец Роя и Жореса Медведевых. Братья выяснили, что за трагические события отвечает Б.А. Чагин и его помощники [Медведев, Медведев, 2004; Медведев 1990]. Ленинградское отделение Института философии пришлось закрыть, поскольку в нем почти никого не осталось, а серый армейский политработник стал единственным от Ленинграда членом-корреспондентом АН СССР.

Вместе с тем сказанному не противоречит, а дополняет его то, что в основном советские философы 1920-х годов были репрессированы за свою профессиональную деятельность. Вот это нужно чётко понимать. Если арестовывался философ, то обычно в обвинительном заключении, а также в передовых статьях журналов, в докладах коллег на собраниях в качестве основания для репрессии приводились цитаты из его работ. В тех уголовных делах, которые мне пришлось смотреть, цитаты из статей в журнале «Под знаменем марксизма» автора фигурировали уже в постановлении на его арест. Это касалось философов всех специальностей. Разве что более наглядно это происходило со специалистами по философии естествознания. В книге о Б.М. Гессене я показал, что его «реакционные установки», философски осмысливавшие теорию относительности и квантовую механику, стали основным мотивом репрессии. С точки зрения процедуры репрессии слово философа было его преступлением.

В каком случае оно становилось преступлением? Если это слово было философским, то есть выражало самостоятельную мысль. Человек, который называется философом, был нужен сталинскому режиму, чтобы от имени философии обосновывать любой поворот политики властей. Самостоятельное мышление, поиск истины, предъявление этой истины властям как чего-то, с чем нужно считаться, рассматривалось как подрыв легитимности власти. Ведь приверженность передовой философии входила в состав процедуры легитимации власти. Философ, который в рамках этой философии пытался мыслить сам, обретал внутренний стержень, делавший его независимым от власти. В этом случае тот, кто искренне разделял государственную философию, был обречён. Высказанные им идеи, если они не были про-

стым повторением убогого канона, превращали власть в отступницу. Вот почему философы-идеалисты, которых не выслали из страны ранее, почти все спокойно умерли своей смертью. Их пространство мысли не входило в клинч с интересами государства.

Сделанное нами наблюдение стимулирует новые размышления. В частности, о том, что сталинский режим не был режимом идеологическим в точном смысле слова. Его не интересовали идеи, его заботила прагматика. Философия нужна была не для определения путей движения общества, но лишь в ритуальных целях. Вот здесь и произошёл поколенческий водораздел 1920-х и 1930-х годов. Одни остались философами, другие перестали ими быть, получив взамен различные академические регалии. Выбор был ясен уже тогда. На заседании, где происходил режиссированный Сталиным разгром Института философии, Я.Э. Стэн обнажил суть перелома эпох:

> Мне хочется здесь устранить одно недоразумение, которое создают некоторые товарищи, когда очень часто отказываются спорить по существу. Совершенно недопустимым является такое положение вещей, что, когда мы обсуждаем философские вопросы, нас ставят в неравное положение и заявляют, что вы невыдержанные большевики, а мы выдержанные большевики. Если вы, в самом деле, уверены в тех обвинениях, которые вы нам предъявляете, что мы оторвались от партии, то надо нас без всякого промедления казнить. Можно говорить о политике в области философии, но нельзя рассматривать философию как частную форму политики [Вестник Коммунистической академии 1930: 107, 110, 116, 117] .

Я.Э. Стэн и его друзья не смогли перестать быть философами и были казнены.

Чацкие были унесены смерчем, Молчалины остались, потому что самоустранились как индивидуальности. Мы работаем с архетипами русской интеллигенции, которые воспроизводятся сходством исторических ситуаций. Ю.М. Лотман считал прототипом Молчалина С.С. Уварова, который выдвинул формулу «православие, самодержавие, народность», сам в неё не веря и руководствуясь лишь мыслью о самосохранении и личном благополучии.

«Он сам говорил Грановскому, что, управляя министерством, он находился в положении человека, который, убегая от дикого зверя, бросает ему одну за другою все части своей одежды, чтобы чем-нибудь его занять, и рад, что сам, по крайней мере, остался цел» [Чичерин 1990: 25].

Интеллектуализм не мешал Уварову перевоплотиться из проводника просвещения при Александре в его гонителя при Николае, «а потом, если бы дожил до реформ, наверное, был бы реформатором. Он – чиновник. У него нет убеждений. Это – Молчалин» [Лотман 2003: 406]. Уваров это Митин в период оттепели, который делал на Всемирных философских конгрессах доклады о философской антропологии, написанные ему знающими дело сотрудниками, и восседал в президиуме научной конференции по экзистенциализму. Разве что у Митина не было интеллектуального лоска, но были аналогичные персонажи, имевшие этот лоск, особенно во втором-третьем поколениях. В основе поступков новой генерации лежала готовность к подлости, страсть к материальному благополучию и безразличие к идеям. Поэтому философы 1940–1950-х годов как личности менее интересны. Они представляют собой в поколенческом плане классический симбиоз фанатизма и цинизма. Фанатизма, который порождал цинизм и им же разлагался. Результат процесса разложения привёл в качестве реакции к романтизму шестидесятников, перешедшему вскоре в двоемыслие семидесятников.

Сегодня удалось вернуть читателю часть текстов генерации философов 1920-х годов, что-то получилось переиздать, что-то открыть в государственных и семейных архивах. Но этого недостаточно. Ю.М. Лотман в своей телевизионной лекции о декабристах говорил:

чтобы понимать их тексты вполне, нужно сначала понять их как замечательный тип человека:

> Мы сейчас говорим об охране памятников, восстанавливаем или сохраняем камни, это очень важно – здания, но культура создаёт не только здания, картины и книги. Она создаёт людей. И точно так же, как можно уничтожать, разрушать здания, можно разрушать человеческие типы с их завоеваниями человеческого достоинства, благородства, знаний. Это тоже нуждается в реставрации, в сохранении, в знании, и поэтому нам стоит задуматься над тем, что же это был за человек – человек декабристской эпохи [Там же: 401].

Пожалуй, слова Ю.М. Лотмана применимы в целом к проблематике интеллектуальных поколений. Вообще говоря, изучение философских поколений весьма важно для восстановления человеческого контекста развития философии. Вне этого контекста многое останется непонятным. Путь от поколенческого типа к текстам не менее важен, чем привычный путь от текстов.

При характеристике советских философов 1920-х годов я, конечно, могу и буду опираться на источники, которые с большим трудом удалось найти и собрать. Но это был бы чисто внешний рассказ. Мне приходилось много размышлять над теорией биографики [Корсаков Козенко 2007: 247–267], и я не очень доверяю интуитивному проникновению биографа в душу героя. Но в настоящем случае можно говорить о таком проникновении. Мне придётся нарушить правила научного изложения и сказать немного о себе.

* * *

Когда я приступил к изучению советской философии 1920–1950-х годов, я практически ничего не знал о людях и идеях, которыми принялся заниматься, и не имел никаких заведомых предпочтений. С самого начала я решил делать акцент не только на опубликованные тексты. Хотя и здесь работы было немало. Философская периодика того времени – терра инкогнита для наших философов. Но мне нужно было понять, каковы были авторы текстов. Для этого нужно было систематически изучать архивные документы. Кроме того, если повезёт, я надеялся найти и поговорить с потомками моих героев. Сразу скажу, что последнее мне в основном удалось, и я встретился и смог получить те или иные документы и воспоминания приблизительно у десяти – пятнадцати семей. Разыскивать потомков репрессированных философов сложно. В чем-то розыски напоминают детективные расследования, где большую роль играет случай и удача.

Не менее трудно разыскать архивные документы, проливающие свет на трагедии прошлого. По счастью, время, когда я занялся поисками, было недолгим в истории России периодом открытости архивов, и я мог заказывать и читать подряд практически любые дела, в том числе личные, уголовные, но, главное, персональные, документы партийного следствия – наиболее информативные для понимания поведения персонажей. Наши правители родом из госбезопасности тогда ещё не озаботились защитой чести и достоинства своих бывших и будущих добровольных помощников. Сегодня всё это уже недоступно. И неизвестно, когда станет доступным. Но мне было достаточно для того, чтобы сложилось понимание происходившего.

Представьте, что ты ходишь один-два раза в неделю в архив, тот или иной, и часами читаешь подряд документы. И так продолжается несколько лет. Помимо сознания неизбежно создаётся кумулятивный психологический эффект понимания социальных механизмов взаимоотношений людей и того, как различные людские характеры проявляют себя в ситуациях, обусловленных этими взаимоотношениями. Стала понятна суть системы – не из аналитики и не из обобщения фактов как научной процедуры, а именно интуитивно. Я, например, ясно

увидел, что мы имеем дело не с идеологическим государством, а с режимом личной власти. Также я стал склоняться к мысли, что уничтожение философов было превентивной мерой, целью которой было затушевать разницу между доктриной и реальностью. Но главное, мне изнутри стали понятны конкретные люди эпохи. После того как ты пройдёшь с каждым из них его круги ада, перед тобой встаёт человек, а не абстракция. И вместе с тем вырисовываются типические человеческие черты этой генерации философов и становится понятной её место в эволюции идей.

Философы школы академика А.М. Деборина – это особая генерация и как философов, и как людей. Их акме приходится на вторую половину 1920-х годов. Но как своеобразно это акме! Классическое представление об акме – сорок лет. Из деборинцев практически никто не переступил этот порог. При этом последние семь лет своей жизни философы-деборинцы не могли свободно писать. Стало быть, пик их творческой активности приходится на пятилетие, когда им было приблизительно от 27 до 33 лет. Они все погибли в 1937 году либо несколько раньше или позже. Общей участи избежали разве что те философы 1920-х годов, кто, подобно профессору кафедры истории философии философского факультета МИФЛИ А.А. Ческису, автору книг о Фейербахе и Гоббсе, не дожил до репрессий. А.А. Ческис был уже привлечен к разбирательству Комиссией партийного контроля при ЦК ВКП(б), но погиб в 1935 году, попав под московский трамвай. Его потомки до сих пор не уверены в случайности этой смерти.

Что же философы 1920-х годов сделали в своём столь молодом возрасте? Они создали впервые в России Институт философии как научно-исследовательское учреждение. В этом нет ничего случайного.

В дореволюционной России свободное изучение философии было невозможно. Философский факультет в Московском университете закрывался дважды. Первый раз он был закрыт в 1804 году; осталась только кафедра философии. С 1821 года кафедра философии университета не замещалась по указанию Министерства народного просвещения, и лекции не читались. Не потому, что не было кандидатур. Занять кафедру претендовали И.И. Давыдов, И.В. Кириевский и даже И.С. Тургенев. Но попечитель граф Строганов считал, что для государства полезнее, если философию не будут читать в университете. В 1835 году философский факультет был восстановлен, но в 1839–1845 годах кафедра философии вновь оставалась вакантной по тем же причинам. В 1850–1860 годах вообще действовал известный государственный запрет на преподавание философии в светских учебных заведениях России. Новоевропейская философия в её разнообразии не могла быть допущена к читателю по идеологическим соображениям. В 1868 году цензура конфисковала и сожгла тираж первого русского перевода «Левиафана» Гоббса. В 1872 году по постановлению Комитета министров был уничтожен тираж двухтомника романов и философских повестей Дидро. В 1914 году работа В.А. Беляева «Спиноза и Лейбниц» была осуждена Святейшим синодом за изложение воззрений Спинозы, и автор не был утверждён в учёной степени. В религиозно-философских обществах начала XX века наших философов-идеалистов регулярно одёргивали за еретическое вольномыслие и призывали последователей Соловьёва и Трубецкого «быть ближе к нам, к православию» [Записки 1908: 15]. Это хорошо видно по опубликованным протоколам. В течение десятилетий философы славянофильства, всеединства, богоискательства пытались выстроить самобытную русскую философию в виде служанки православного богословия. Но русское православие никогда не признавало богословские упражнения Хомякова или «новое религиозное сознание». Православная церковь лишь молчаливо пользовалась сей услужливой философией как каналом активизации своего влияния на образованные слои населения [Шапошников 1989: 49]. Философия естествознания в царской России просто не могла возникнуть. Всякий, кто взялся бы свободно обсуждать мировоззренческие вопросы на основе

данных естественных наук, рисковал поломать свою университетскую карьеру. Историческая литература полна примерами на сей счёт, не будем на них останавливаться. Философское отделение было организовано в Московском университете только за несколько лет до революции, в 1913 году. О создании Института философии в блаженную эпоху Серебряного века не помышляли.

Принятое недавно решение отсчитывать историю Института философии РАН от шпетовского Института научной философии правильно в том смысле, что, может быть, смягчит те исторические разрывы, которые разрезают историю русской философии. Сам Г.Г. Шпет был бы рад такому результату, ибо строил свой институт по модели Ноева ковчега: в нем были все, кроме заведомых мистиков. Но не следует забывать, чем был шпетовский ИНФ по существу своему – научным отделом аспирантуры факультета общественных наук МГУ.

После удаления религиозных философов возможны были две программы развития философии. Одна шла от Плеханова и Ленина и была представлена деборинцами. Самостоятельный академический Институт философии в России впервые был создан ими, советскими марксистами-диалектиками. Он был создан под обширнейшую программу профессиональных философских исследований, просто немыслимую для России когда-либо ранее и в чем-то не перекрытую до сих пор. Программа включала в себя восьмитомную философскую энциклопедию [Корсаков 2010: 122–148] и масштабное издание первоисточников[2]. Сердцевина этой программы – разработка диалектической логики в контексте истории научного познания, истории общества и истории философского мышления. Вероятно, и мироздание наше возникает и развивается по законам диалектической логики. Мне была близка эта задача. Я ее вообще считаю самым интересным из всего, что дала советская философия. Разработка диалектической логики – преимущество советской философии перед западным марксизмом, которое пока не понято.

Была альтернативная интеллектуальная программа, представленная махистами-большевиками. Они задавали тон в партии, их противники (включая Ленина) были в численном меньшинстве. А.А. Богданов не был столь активен как философ после революции, но махистские, позитивистские и прагматистские идеи реализовывал Я.А. Берман, сменивший Г.Г. Шпета на посту директора ИНФ. Эстафету махистов приняли механисты. Победа этого течения означала бы потерю философией её специфики и статуса в познании. Ни о каком Институте философии говорить бы не пришлось. Шла острая борьба, борьба «за» и «против» философии. Но это была борьба, в которой, вопреки новейшим выдумкам некоторых авторов, не применялись насильственно-политиканские методы. Приведу на сей счёт свидетельство А.Я. Зися:

> В отличие от разоблачительных собраний начала 1930-х годов, философские дискуссии 1920-х годов были острыми, привлекали внимание научной и в какой-то мере творческой общественности, велись не только в печати, но и на достаточно массовых собраниях, отдельные такие собрания происходили и в Бетховенском зале Большого театра. И привлекали эти собрания публику как раз проблематикой спора. Философское движение того времени не было бесплодным, это была существенная страница в истории нашей культуры и к ней, к её освещению, на мой взгляд, следует обязательно вернуться. Я не могу согласиться с утверждением, согласно которому одна из этих школ – деборинская – была якобы обласкана властями в силу своей чуть ли не сервилистской политики, а другая – механистическая – была более научной по своим позициям, но находилась в тени и подверглась остракизму. Все было не так. В 1920-е годы деборинцы действительно занимали ведущее положение. Именно они возглавляли Общество воинствующих материалистов-диалектиков, редактировали философский журнал «Под знаменем марксизма» и т. д. Но

[2] В 1920-е годы в специально созданной серии вышли сочинения Гоббса, Толанда, Ламетри, Дидро, Гельвеция, Гольбаха, Фейербаха; начато издание собрания сочинений Гегеля.

> и так называемые механисты чувствовали себя достаточно вольготно, активно выступали в печати, печатали книги и т. п. Так что в особенно угнетенном положении они не находились. Но нельзя не обратить внимания на то, какая разная участь выпала на долю будто «обласканных» и «преследуемых». Трагедией завершилась жизнь большинства представителей «обласканной» школы. Что же касается «преследуемых», то, к великому счастью, ни Л.И. Аксельрод, ни А.К. Тимирязев, ни В.Н. Сарабьянов, ни Степанов-Скворцов, ни Варьяш не подверглись репрессиям, не преследовались в административном порядке. Я тем самым отнюдь не склонен усматривать во всем этом какое-то особое различие в отношении властей к философам неодинаковой ориентации. Все они – и те, кто заканчивал свою жизнь в лагерях, и те, кому посчастливилось оставаться на воле, – все они были «унесёнными ветром». Но было это так [Зись Указ. соч.: 129-130].

Результатом интеллектуальной победы деборинцев над махистами и механистами стало признание высокого статуса философии в науке и культуре, завершившееся в 1928–1929 годах созданием Института философии Комакадемии и первым за 200 лет избранием действительного члена в Академию наук по философской вакансии.

Создание Института философии деборинцами можно замалчивать, но с этим нельзя ничего поделать. Это всё равно останется навсегда. Боюсь, что подлинный интерес к этим людям разовьётся как наше обычное подражание заинтересованности со стороны иностранцев. У нас Ильенкова признали великим философом только после того, как на Западе о нем стали выходить книги.

В отношении деборинцев подобная пертурбация уже случилась с Б.М. Гессеном. Фигура этого философа-комиссара заведомо неполиткорректна. Но нашим эпистемологам приходится усиленно заниматься им, потому что он канонизирован как классик в мировой социальной истории науки, востребован на Западе. Кто поручится, что и с прочими деборинцами не произойдет подобного?

И.К. Луппол произвел своим докладом в Оксфорде не меньший эффект, чем Б.М. Гессен год спустя в Лондоне. Он выступал с пленарным докладом в паре с Николаем Гартманом и любезно беседовал с ним в кулуарах о диалектике [Luppol 1931: 31–38]. Он был одним из главных организаторов прошедшего в Париже Международного конгресса писателей в защиту культуры. Французы по собственной инициативе перевели его книгу о Дидро, из которой узнали много для себя нового об этом своём соотечественнике [Luppol 1936]. Вместе с А.М. Дебориным он заложил у нас традицию систематического изучения философии Нового времени. Но главное, это то, что он стал основоположником истории русской философии как научно-учебной дисциплины. Это до сих пор не признано. Все предыдущие курсы истории русской философии были лишь литературными произведениями. И.К. Луппол организовал систематическое чтение курса коллективом авторов, разработал кафедральную программу курса, начал проводить защиты диссертаций и основал в Институте философии серию первоисточников «Классики русской философии».

И.И. Агол и В.Н. Слепков вместе с А.С. Серебровским и Н.П. Дубининым впервые показали в опытах на дрозофиле, что ген делим и состоит из более мелких единиц, от которых зависят конкретные наследственные свойства. Параллельно они подвергли новейшие генетические открытия философскому осмыслению и предложили решения таких методологических проблем, как проблема сводимости биологических форм к физико-химическим, проблема взаимосвязи внешнего и внутреннего в биологическом детерминизме и проблема влияния среды на наследственность. И.И. Агол сотрудничал и дружил с нобелевским лауреатом Германом Мёллером, а другой нобелевский лауреат, Томас Морган, безуспешно пытался уговорить его остаться работать у него в Калифорнийском технологическом институте.

Вот каково качество людей этой генерации. Мне пришлось знакомиться с каждым из них в самые драматические и трагические моменты их жизни. Особенно тяжело было читать уголовные дела. Чтение, не полезное для нервного здоровья. Когда же оно совершается длительно и систематически, невольно происходит идентификация с теми, кого и о ком читаешь. Мне памятен момент, когда я больше не смог делать выписки из дела. Это было уголовное дело бывшего сотрудника Института философии А.К. Столярова, автора книг о проблеме качественной несводимости. Он был включён в расстрельный список, утверждённый Сталиным, но палачи забили его до смерти в то время, пока список утверждался. Возникло ЧП в отлаженном хозяйстве: сталинский приказ о расстреле нельзя было выполнить. Поэтому в деле появилось медицинское заключение о смерти. В нем, конечно, не говорилось о сути, но мне хватило того, что там было написано. Я навсегда запомнил и без выписок: «сердце цвета варёного мяса», а «в желудке с полтарелки грязной жидкости». Параллельно я встречался с родственниками, потомками погибших философов. Всё это вместе не только помогло сформировать картину человеческого облика людей прошлого, но в совокупности с симпатией к их теоретическим устремлениям привело меня к странному состоянию.

Мне начало чудиться, что я нахожусь в нашем времени по странному недоразумению. Мне настолько стали ясны мотивы, движения души Стэна или Луппола, что я идентифицировал себя с их кругом. Мне было совершенно ясно, что я тоже, как они, вылез бы с заявлением о том, что казалось мне истинным на каком-нибудь заседании, а потом этим поступком меня бы преследовали, доведя до безымянной могилы. Возникло ощущение, что меня просто недострелили и я в нашем времени на законных основаниях представляю тех людей как один из них. Видимо, подобное состояние, находившее на меня временами, чувствовалось окружающими. Правнучке Я.Э. Стэна казалось, что во мне реинкарнировался её прадед. Когда я разыскал неизвестную фотографию молодого Б.М. Гессена и делал о нем в институте доклад, пришедшая на семинар М.С. Киселева говорила: «Ну вот, посмотрите, одно лицо».

Прошу прощения у читателей за столь личные подробности. Я рискнул, решился о них написать, чтобы показать, к чему иногда приводит исследователя погружение в материал. Адекватность воспроизведения человеческих типов покупается весьма странной ценой. По счастью, закон «о персональных данных» и прочие аналогичные затеи наших руководителей избавили меня от прямого контакта с источником духовных перевоплощений и помогли стереть признаки шаманской болезни.

Моей миссией стало дать возможность высказаться поколению философов, которые были лишены своего голоса и погибли, не дожив до творческого зенита. Ведь были уничтожены не только сами философы, но и память об их научных работах. Рукописи изымались при аресте и уничтожались. Напечатанные тиражи пускались под нож. Статьи вырывались библиотекарями из журналов и сборников. Вышедшие книги были помещены в спецхраны[3]. Немудрено, что современные философы не знают ни имён своих репрессированных коллег, ни названий журналов, в которых те печатались. Но идеи философов всё же можно реконструировать и изложить. Просто нужно много труда и немного удачи. С **реконструкцией поколенческого типажа** всё гораздо сложнее.

Беда в том, что аутентичное воспроизведение духовного облика советских философов 1920-х годов почти невозможно. Что можно найти в воронке от разорвавшегося снаряда? А тут в одно и то же место попадали несколько снарядов, каждый – большей мощности. И воронка каждый раз расширялась, пока не поглотила с собой философов начисто. Те, на чьих руках была их кровь, сровняли и заасфальтировали это место. На себя же нацепили «одежды» уничтоженных, выдавая себя за философов. Так продолжалось несколько десяти-

[3] Мне удалось переиздать книги А.М. Деборина, Я.Э. Стэна, Н.А. Карева, И.А. Агола, И.Я. Вайнштена, Ф.Е. Тележникова, А.А. Ческиса.

летий. А потом одно из вновь пришедших поколений свезло на образовавшийся пустырь кучи мусора и сказало, что искать на этой свалке нечего. Вот приходится, так сказать, «откапывать» убитых философов, устанавливать их личности, вызывать свидетелей, приглашать родственников.

Когда говорят о характерных чертах какого-либо поколения, опираются на воспоминания: либо собственные, либо оставленные современниками ушедшего поколения. В нашем случае философская генерация была уничтожена поголовно в молодом возрасте. За ними последовали их жены (почти все), потом дети (кто в детдом, кто в ссылку по достижении совершеннолетия). Затем та же участь ждала их друзей и знакомых. Это не преувеличение. Учёный секретарь Ленинградского отделения Института философии П.А. Буханов был исключён из партии и арестован, потом расстрелян с формулировкой «за дружескую связь с врагом народа». Вспоминать было некому.

Какие источники в этом случае доступны? Во-первых, письма из заключения тех, кто был к нему приговорён и умер в тюрьме и лагере. Дочь В.К. Серёжникова передала такие письма в личный фонд отца в ГАРФ. Внучка Ф.Е. Тележникова опубликовала письмо деда при переиздании его книги. Есть эпистолярные документы в персональных и уголовных делах. Во-вторых, источником могут быть воспоминания тех, кто вышел из заключения. Среди самих философов таких почти нет (А.З. Васильева, Г.И. Григоров, В.Д. Резник). Но есть воспоминания тех, кто с ними сидел. В-третьих, семейные предания, зачастую сохранившиеся уже в третьем-четвертом поколении. Наконец, есть уникальные предсмертные свидетельства самих героев, чудом дошедшие до нас. К ним относятся воспоминания А.М. Деборина, найденные его вдовой после его смерти, сохранённые ею и опубликованные мной. Другой случай – воспоминания И.И. Агола о детстве и юности, названные «Хочу жить», которые автор сумел издать накануне ареста. Они были сразу же изъяты и уничтожены. Но его сын разыскал один экземпляр и переиздал книгу. Есть ещё один род мемуарных текстов: воспоминания преследователей и проработчиков, но они очень фрагментарны.

Философы 1920-х годов лишены возможности высказаться о себе сами. В дальнейшем я буду приводить цитаты из собранных свидетельств, чтобы рассказ соответствовал замыслу настоящей книги, когда представители поколения рассказывают о самих себе.

* * *

Прежде чем попытаться сформировать общее представление о поколенческом типаже философов 1920-х годов и вычленить основные его черты, приведу несколько зарисовок с натуры, которые помогут наглядно показать их человеческий облик. Ведь мы практически ничего не знаем о них. Трагедия этого поколения не только в том, что оно столкнулось с расхождением идеалов и их реализацией, не только в том, что оно всё погибло. Но и в том, что гибель его прошла бесследно. Оно осталось невостребованным последующими поколениями.

Первым, кто попытался исправить несправедливость в отношении советских философов поколения 1920-х годов, был учитель всех этих людей, академик А.М. Деборин. Он писал ходатайства, по которым выносили решения об их реабилитации. Незадолго до смерти он написал воспоминания. Но не было никакой надежды их опубликовать. Вдова нашла настуканные им на печатной машинке странички после его смерти. Потом они пятьдесят лет пролежали в его столе. Мне привелось их опубликовать. В них А.М. Деборин писал:

> История не есть бездонная пропасть, куда проваливаются человеческие создания, не оставляя по себе на поверхности Земли никакого следа. Та группа лиц, о которой я здесь говорю, заслуживает того, чтобы сохраниться в памяти народа. Это были люди, бесконечно преданные интересам рабочего класса, своего народа, коммунистической партии и величественному идеалу коммунизма. Они заплатили своей жизнью не потому, что совер-

шили какие-нибудь неблаговидные проступки или не были достаточно преданы партии, а, как раз, наоборот, они погибли именно потому, что были до конца преданы своему идеалу, своим убеждениям, учению марксизма-ленинизма. Они погибли в результате гнусных интриг, зависти к более одаренным и более честным в широком смысле слова. Мой долг – не дать исчезнуть из памяти людей их имена. К сожалению, нет возможности восстановить их теоретические труды, которые не только были изъяты, но и уничтожены [Воспоминания академика А.М. Деборина 2009: 124–125].

Я.Э. Стэн, по всеобщему признанию как друзей, так и противников, был самой яркой фигурой в деборинской школе. А.Г. Авторханов оставил такую зарисовку: «Стэн, высокий стройный мужчина с рыжей шевелюрой, сильнейший оратор и неотразимый диалектик в теоретических дебатах» [Авторханов 1976: 154].

Вдова Бухарина А.М. Ларина вспоминала:

Как-то раз, проводив Николая Ивановича, я брела в одиночестве по лесной дорожке парка; издали я заметила Яна Эрнестовича Стэна. Он отличался независимым характером; на Сталина смотрел всегда сверху вниз, с высоты своего интеллекта, за что расплатился ранее многих. В гордом облике этого латыша с выразительным умным лицом, сократовским лбом и копной светлых волос было что-то величественное. Ян Эрнестович шел мне навстречу вместе со своей женой Валерией Львовной. Оба молодые, красивые, счастливые, влюблённые [Ларина 2002: 144–145].

В процессе реабилитации нужны были отзывы свидетелей, в которых бы давалась характеристика человека. О Я.Э. Стэне такой отзыв написал В.Я. Кирпотин:

Я учился одновременно с Яном Стэном на курсах марксизма при Коммунистической академии и в ИКП на философском отделении. Ян Стэн был подававшим большие надежды выдающимся молодым учёным. Таково было всеобщее мнение и преподавателей и слушателей. Он хорошо знал труды классиков марксизма. Он с увлечением изучал диалектику, особенно привлекала его внимание «Феноменология духа» Гегеля. Интересы его были разносторонни. Много времени он уделял истории философии, логике, математике и естествознанию. Помню, он читал книгу Хвольсона об успехах современной физики, только что вышедший «Двадцатилетний опыт изучения высшей нервной деятельности» Павлова, работы по теории относительности и многое другое. Ян Стэн хорошо владел словом. Он с успехом принимал участие в дискуссиях против механистов, в опровержении теперь уже забытого «енчменизма». Ян Стэн был хороший товарищ, скромен, никогда не кичился своими знаниями или своим партийным положением, но был твёрд и упорен в своих убеждениях [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 1806. Л. 165].

Приведу рассказ В.Д. Резника, который учился вместе с Я.Э. Стэном и дружил с ним:

Пришло время сказать о Стэне – одной из ярких фигур нашего кружка. В январе 1931 года обнародовано постановление ЦК о журнале «Под знаменем марксизма», отбрасывающее в сторону самую влиятельную группу философов. В постановлении говорится, что журнал попал под влияние «группы Деборина, Карева, Стэна и пр.». Прошло уже около шестидесяти лет, как создана эта удивительная формулировка: «меньшевиствующий идеализм», но никто не пытался объяснить, что это значит. Через несколько дней после опубликования постановления Деборин, Карев, Стэн (и я, грешный) были единогласно исключены из Общества диалектиков-материалистов. Особенно сильно постановление ударило по Стэну, который был как бы негласным советником ЦК по философским вопросам. Он и раньше информировал нас о курьёзных претензиях Сталина в учении о диалектике. Сталин спросил Стэна: «Как вы понимаете закон отрицания отрицания, на котором так настаивает Энгельс?» Было известно, что Сталин Энгельса недолюбливает. Стэн постарался как можно яснее объяснить, что закон отрицания отрицания логически уста-

навливает различие между изменением и развитием. Сталин некоторое время ходил молча, а затем сказал: «Вы так думаете, а я полагаю, что мы отлично обойдёмся без этого закона». Таково было первое открытие Сталина в теории диалектики. И он не забыл об этом своём заявлении. В «Кратком курсе» автор сократил законы диалектики с трёх до двух. Ян Стэн – крупный, подвижный, с большой шапкой по-северному светлых волос, при всяком резком движении головы распадавшимися прядями. Гневным он становился легко, и в гневе бегал по комнате, извергая проклятия, затем вдруг успокаивался. Мне никогда не приходилось видеть столь образованного и умного человека, который смеялся бы так много, как Ян Стэн. Смеялся от веселья, для осмеяния противника в споре, сопровождая ироническим смехом характеристику персонажа, в котором никто из нас не умел найти ничего смешного. Общаясь с ним хоть полчаса, каждый мог сказать, что перед ним ярко выраженный холерический темперамент. Но шумное легкомыслие было только верхним слоем. Неожиданно он высказывал серьёзные и тонкие мысли, доставлявшие истинное удовольствие. Можно сказать, что у него был талантливый ум, – слово «талантливый» подчёркивает его специфичность. Две его небольшие статьи оказались началом обширной философской дискуссии с «механистами». Мы обычно находили его сидящим на стуле посреди большой красной комнаты, а кругом на полу грудами лежали книги самого разнообразного содержания. Даже строгий в оценках Рязанов считал его очень образованным человеком и сделал своим помощником по институту. Стэн поглощал книги в немыслимом изобилии, так как поставил нешуточную цель: написать материалистическую феноменологию духа; если воспользоваться выражением Ленина, он хотел прочитать гегелевскую феноменологию материалистически. Но обширность и сложность задачи лишали его воли, и поэтому за годы наших с ним отношений он так и ничего не написал, хотя потенциально он был человеком большого духовного размаха. Когда была выпущена троица Митин, Юдин, Ральцевич для нападения на группу Деборина, Карева, Стэна, Стэн расправлялся с их инсинуациями, разнося их в пух и прах. Здесь и пригодился зажигательный темперамент Стэна в сочетании с точностью мысли [Днепров 1991: 197].

О Я.Э. Стэне как о преподавателе философского факультета МИФЛИ вспоминал академик Т.И. Ойзерман: «Запомнился Я.Э. Стэн. Это был рослый красивый мужчина, умевший говорить на языке философии, но ему доверяли вести только семинары по французскому Просвещению и материализму» [Как это было… 2010: 129].

В автобиографии, незадолго до последнего ареста, Я.Э. Стэн указал:

Закончил ранее начатые работы «"Фауст" Гёте и "Феноменология духа" Гегеля», «"Феноменология духа" Гегеля в свете материалистического понимания истории». Здесь я даю разбор высшей формы синтеза, которого достигла буржуазная философская мысль в гётевском «Фаусте» и в гегелевской «Феноменологии духа», и анализ условий краха этого синтеза в последующий период развития. Для «Большой советской энциклопедии» пишу диалектику «Капитала» К. Маркса [РГАСПИ. Ф .589. Оп. 3. Д. 1806. Л. 199].

Можно себе представить, чего лишилась наша философия с гибелью рукописей этих главных произведений Я.Э. Стэна при его аресте.

Когда реабилитировали Б.М. Гессена, отзыв о нем для следствия написал лауреат Нобелевской премии академик И.Е. Тамм:

Я был дружен с Б.М. Гессеном с детства, которое мы провели в одном и том же городе – Елисаветграде. Мы учились в одном классе со дня поступления в гимназию и до её окончания в 1913 году, после чего мы вместе учились в Эдинбургском университете в Англии в 1913–1914 гг. Нас всегда связывала тесная дружба, к тому же примерно с 1928 г. до самого ареста Б.М. Гессена в 1936 г. мы работали в одном и том же учреждении – физическом факультете МГУ. В научном отношении Б.М. Гессен, по моему мнению, был самым крупным из всех известных мне философов-марксистов, работавших по проблемам

современной физики, и резко выделялся среди них сочетанием глубокой эрудиции и четкости мысли как в области философии, так и в области физики. В политическом отношении Б.М. Гессен был наиболее последовательным и глубоко убежденным коммунистом из всех тех людей, с которыми мне приходилось близко общаться в моей жизни. Коммунистическое учение и марксистская философия определяли не только его политические и философские убеждения, но всю его жизнь и деятельность. С самого момента поступления в партию в 1919 году коммунистическое мировоззрение не на словах, а на деле определяло весь его жизненный путь, его отношение к окружающему, все серьёзные решения, которые человеку приходится принимать в жизни. В наших дружеских беседах всегда, когда в бурные двадцатые и в первой половине тридцатых годов у меня возникали какие-либо сомнения в политических вопросах, Б.М. Гессен с необыкновенной ясностью и логичностью мысли умел устранить во мне эти сомнения и убедить меня в правильности и исторической необходимости той линии, которую проводит партия. Поэтому я убеждён, что Б.М. Гессен не только не был виновен в каких бы то ни было преступлениях, но что его жизнь и деятельность может служить образцом жизни подлинного коммуниста. Герой Социалистического Труда, академик Иг. Тамм [ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-29017. Л. 305–306].

Вот что вспоминал об И.К. Лупполе его слушатель:

Встречаясь с И.К. Лупполом, каждый раз я удивлялся, как внутреннее благородство этого человека отражается на его внешнем облике. Выше среднего роста, светловолосый, с большими серо-голубыми глазами, всегда подтянутый, элегантно одетый, всем своим обликом он производил впечатление удивительно спокойного и рассудительного человека. За годы знакомства с ним я никогда не слышал повышенного голоса, раздражительного тона. Он был всегда спокоен и вежлив. Луначарский был оратор и трибун, а Луппол – учёный, философ. В выступлениях Луппола не было той страсти, лихости и эмоциональной напряжённости, которая была свойственна Луначарскому. Он свои доказательства как бы раскладывал по отдельным полочкам, суммируя их затем в окончательные выводы [Березин 1990: 95].

Профессор МГУ Б.Г. Сафронов, студентом слушавший лекции И.К. Луппола, рассказывал:

Обладавший особым природным педагогическим талантом, Иван Капитонович умел заинтересовать, как никто, слушателей содержанием своих лекций. В них каждое слово было на своём месте, имело свой удельный вес, обладало силой убеждения. Каждой лекции был присущ свой простой, ясный и мобилизующий стиль, который электризовал студенческую аудиторию, делал её очень деятельной [Нирка 1988: 125].

Об И.Я. Вайнштейне академик А.М. Деборин высказался так:

Если позволено будет сказать несколько слов об этом «террористе» (по провокационному заявлению Митина), то я могу охарактеризовать Вайнштейна как святого человека, как ни странно могут показаться в моих устах такие слова. Для этого человека ничто в мире не существовало, кроме учения марксизма-ленинизма. Он не проявлял никакой заботы о материальных интересах, вообще о чем-либо «земном», существовал для науки о социализме-коммунизме. И этот человек исчез с земной поверхности. Имя его мало кому известно. Книга его была изъята из обращения, и её найти нельзя. Впрочем, зачем нужен Вайнштейн, раз есть воплощение всей человеческой мудрости в одном лице. Остальные люди излишни, можно обойтись без них. Человек – ничтожный «винтик» [Воспоминания академика А.М. Деборина: 125–126].

Академик Н.П. Дубинин писал в своих воспоминаниях об И.И. Аголе: «Он был на редкость красив, его матовое лицо освещали глубокие темные глаза. Будучи левшой, он смешно оперировал кисточкой, когда разбирал на стекле эфиризированных дрозофил» [Дубинин 1989: 85].

Академик Б.М. Кедров писал вдове расстрелянного философа И.П. Роцена, проведшей годы в лагерях, и его дочери Айне:

> Получил Ваше сообщение о реабилитации и восстановлении в партии Ивана Петровича, моего близкого товарища, а Вашего – мужа и отца. От души рад, что и в данном случае справедливость восторжествовала над злом и насилием. Все эти годы, с момента его ареста, я никогда не сомневался в его невиновности, а потому особенно радуюсь, что хотя, увы, и посмертно, но его чистое и честное имя восстановлено. Я думаю о том, что если после Ивана Петровича остались какие-нибудь рукописи, статьи, переводы и т. д., словом работы, которые можно было бы напечатать, я охотно бы помог Вам в этом. Ещё раз – радуюсь вместе с Вами, и горюю, как и Вы, о безвременной смерти близкого Вам и мне человека.

Совсем немного свидетельств осталось о Н.А. Кареве. Насколько Я.Э. Стэн был углублён в фундаментальные теоретические вопросы, настолько Н.А. Карев откликался на весь спектр тогдашних философских споров. Именно ему А.М. Деборин передал исполнение обязанностей директора Института философии, когда заболел сердцем в условиях начавшейся политической травли. Приведу слова дочери Н.А. Карева, которую удалось разыскать:

> В феврале 1933 г. мы с мамой встречали поезд из Ленинграда. Отчётливо помню длинную платформу; очень много народу. Я иду между отцом и мамой, они держат меня за руки. Смотрю на фотографию отца и ясно вижу его: невысокий, лёгкий, быстрый. Немного коренастый, надо лбом густой ёжик тёмно-русых волос, взгляд пристальный, немного прикрывает глаза.

О Н.А. Кареве рассказал в своей мемуарной статье о поколении 1920-х годов В.Д. Резник:

> Карева – одного из многообещающих философов поколения – связывали с Зиновьевым. Но я, хотя был с Каревым почти дружен, ни разу не слышал от него фамилии Зиновьева. Карева и меня объединял интерес к философским проблемам. Мы одинаково оценивали значимость ленинских конспектов «Науки логики» Гегеля. Карев привносил в наши беседы гораздо более высокую философскую культуру, а я – результаты моей работы о логике «Капитала» Маркса. Карев был не только умён, разносторонне культурен, но, так сказать, на редкость сообразителен: он работал в несколько раз быстрее меня и при этом не упускал ничего глубокого и важного. К нему необычайно подходило определение поэта: «быстрый разумом». Говорил он тоже быстро и очень чётко, двигался легко и быстро. Я относился к нему не только с сердечной привязанностью, но и с заслуженным восхищением. Он много серьёзных задач себе поставил, но ни одной не успел осуществить: он был расстрелян примерно в то же время, что Зиновьев и Каменев. Да, революция дала толчок многим талантам явиться и начать своё движение вверх. Это было в своём роде поколение талантов (и Карев был одним из ярчайших). Но пуля в затылок не позволила поколению войти в зрелость. Так что Сталин расстрелял целое поколение, если иметь в виду его передовых людей [Днепров Указ. соч.: 188–189].

В воспоминаниях, собранных сыном о Д.И. Гачеве, занимавшемся философскими вопросами музыки, есть отзыв великого композитора А.И. Хачатуряна:

> По своей внешности Гачев заметно выделялся. У него был острый взгляд, горячий темперамент, быстрые, порывистые движения. Это был человек большого ума, большой

культуры. Казалось, что, несмотря на свою любовь к музыке и её всестороннее изучение, ему словно «тесно» в мире музыки и что он может смело вторгаться в область смежных искусств [Гачев 1989: 168].

Музыковед Д.В. Житомирский вспоминал о Д.И. Гачеве:

Неистовость проявлялась и в его внешнем облике. Смуглый и сухощавый, с очень чёрными и жёсткими волосами, в глазах – и фанатический огонёк, и доброта, и даже детскость; движения энергичны, русская речь, иногда немного неправильная – ораторски приподнята, чуть театральна, но без всякого самолюбования – только от неподдельного чувства и заинтересованности. Когда мы с ним вместе шагали по улицам Москвы и, особенно, по дорогам Подмосковья, он неизменно сопровождал наш шаг «Ракоци-маршем» Берлиоза. Когда Гачев увлекался ритмом и кипучей мелодией берлиозовского марша и, что называется, «входил в раж», мне казалось, что он уже не развлекается, не просто изливает избыточную энергию и жизнерадостность, но яростно ораторствует, героически призывает, обращается к какой-то воображаемой толпе и воспламеняет её [Там же: 171–172].

Вдове А.К. Столярова на самом излёте оттепели удалось поместить небольшую заметку памяти мужа в «Вопросах философии»:

А.К. Столяров был весьма разносторонним научным работником – философом. Он охватывал в своих исследованиях широкий круг проблем и обладал способностью сочетать самые широкие философские обобщения с постановкой актуальных вопросов своего времени. Его умение глубоко проникнуть в суть затронутых им вопросов, знание и чутье жизни, способность схватить главное, существенное делали его работы особенно ценными [Каспарова и др. 1967: 125].

Ю.Р. Закгейм не был деборинцем, но принадлежал к тому же философскому поколению. Преподавал в МГУ философские проблемы биологии. Его вдова, прошедшая лагеря, рассказывает в книге воспоминаний:

Я не знаю никого, кто так бы любил педагогическую работу, как Юдель. Он преподавал историю биологии. Рассматривая какой-либо период, будь то XVI или XVIII век, он старался, чтобы студенты вжились в эту эпоху, почувствовали её быт, религию, искусство. В 1935 году было 250-летие со дня рождения Баха. Из Ленинграда приехала капелла с двумя концертами: «Страсти господни по Матфею» и «Месса». Юдель решил повести своих студентов на «Страсти». Он собрал их в аудиторию (и я там была) и рассказал о творчестве Баха, о содержании «Страстей». У него был хороший, хотя и небольшой голос и абсолютная музыкальность. Он даже напел некоторые темы из «Страстей». Назавтра мы все (человек пятнадцать) пошли в консерваторию. Я думаю, никто из нас без подготовки не пережил бы этот великолепный концерт так горячо. Я до сих пор помню пережитое потрясение, я не могла сдержать слез во время исполнения. То же было с другими. В ту же зиму он повёл весь свой курс на выставку картин XVII века (студенты тогда изучали историю естествознания XVII века). Картины были в основном на библейские сюжеты, а кто в 30-х годах знал Библию? Юдель так интересно рассказывал о картинах, о художниках, что около нас образовалась большая толпа – все хотели слушать такого экскурсовода. Юдель очень любил, когда к нам заходил кто-либо из его бывших учеников, иногда даже приехавших в Москву всего на пару дней. Он не знал, куда посадить гостя, как обласкать. Они разговаривали часами о жизни и работе друг друга. Сам он очень любил и уважал своих учеников, интересовался их жизнью и творческой судьбой [Адамова-Слиозберг 2012: 238].

По словам сына Ю.Р. Закгейма:

> Мне выпало лишь мимолётное и очень давнее знакомство с теми, кто учился у папы. Почти ничего не помню, кроме одного: все отзывы были восторженными. Для характеристики стиля его преподавания приведу рассказ мамы. Предположим, изучалась тема: взгляды на высшую нервную деятельность в XVII веке. Вначале папа проводил экскурсию в Музей изобразительных искусств, во время которой на профессиональном уровне рассказывал об эволюции искусства в этом веке, её связи с эволюцией философии, о смене стилей, ведущей тематики. А потом на лекции использовал эти знания, увязывая их с развитием науки. От попытки распространить папин опыт на практику других преподавателей пришлось отказаться, почти ни у кого не оказалось такой ширины взглядов, которая для Закгейма была естественной [Воспоминания о Ю.Р. Закгейме 2015: 211–212].

Некоторые наши коллеги ещё застали О.М. Танхилевич. А.Л. Субботин рассказывал мне, что видел её в редакции «Вопросов философии» – с уже угасшим после лагеря взглядом. Неповторимый облик О.М. Танхилевич запечатлели Г.И. Григоров и А.Л. Войтоловская, которые знали её по ИКП, а потом встречались с ней в лагере.

Вот рассказ А.Л. Войтоловской:

> В ней сочетался блеск таланта и душевная прелесть, женская красота и обаяние со строго логическим мышлением. В Институте красной профессуры, куда она поступила до 20 лет, об Оле говорили с восторгом и восхищением преподаватели и студенты, а в 23 года она уже стала гонимой. И так на протяжении сорока лет. Ольга занималась сутками с азартом, вдохновенно, много времени отдавала партийной пропагандистской работе, как все студенты Института красной профессуры, и преподавала историю философии в военной академии. Я смотрела на неё с интересом – о ней шла слава, как о восходящей звезде, умнейшей женщине и талантливом преподавателе. Она была очень хороша собой, всегда оживлена, говорила громко, часто смеялась, постоянно окружена товарищами. То была группа работников Ленинградского отделения Комакадемии, преподавателей вузов, большей частью закончивших Институт красной профессуры. В знании ей всё давалось удивительно легко, в жизни – непомерно трудно. Особенностью её ещё было то, что детское уменье мечтать и фантазировать у нее превратилось в уменье широко охватить предмет и предугадать перспективы развития. Любая обстановка не мешала ей уйти с головой в то, что в данный период времени становилось смыслом существования, будь это увлечение Карнапом, Винером, Лейбницем, Гофманом, Ростаном, Рильке, математической логикой, или преподаванием немецкого языка, перепиской с учёным физиком, или посылками Танечке и её детям предметов своего шитья и вязанья. Разные по характеру области знаний и деятельности не превращались в хаос, а гармонично сочетались и последовательно чередовались. В ранней юности она совмещала марксизм и большевизм с увлечением Блоковской «Прекрасной дамой», Гофманом и мистикой, писала поэму «Даймон», потом, как платье, сбросив всё это, безраздельно отдавалась партийной работе. Она была соткана из духа и творчества, не нуждалась ни в чьей подсказке, самостоятельна в поисках: натура страстная, не останавливающаяся на полпути в своих увлечениях идеями и людьми [Войтоловская 1991: 253–260].

Муж А.Л. Войтоловской, историк Н.И. Карпов, придя домой после заседания в Комакадемии, в восторженных тонах говорил о блестящем докладе О.М. Танхилевич о французской просветительской философии:

> Ты знаешь, там много способных людей, но Ольга произвела впечатление свободно парящей в небе птицы. Мысли и слова слиты, внимание всех ни на минуту не ослабевает, она покоряет аудиторию доказательностью, логикой, остроумием, эрудицией, филигранностью речи. У этой женщины большое будущее [Там же: 264].

Об О.М. Танхилевич вспоминает её однокурсник Г.И. Григоров:

Я познакомился с ней в 1922 году, когда поступил в Институт красной профессуры. Однажды по главной лестнице в ИКП поднималась симпатичная, хрупкая девушка с очень живыми глазами и двумя туго заплетёнными косичками. Я принял её за гимназистку старших классов, подошёл к ней и спросил: «Девочка, к кому ты идёшь?» Она улыбнулась и ответила: «Иду на философский семинар». Это была Ольга Танхилевич. Вскоре мы встретились на занятиях по философии. Ольга, как 51 и я, училась на философском отделении, занималась в семинаре А.М. Деборина, но иногда посещала и семинар Л.И. Аксельрод, в котором занимался и я. Ольга Танхилевич на философском отделении ИКП специализировалась на логике. Она переводила много статей с немецкого на русский язык и вообще была одаренным от природы человеком. Я внимательно присмотрелся к Ольге, она была не просто симпатичной, как мне показалось при первой встрече, а очень привлекательной. Несколько ироничное выражение лица с тонкими чертами, очень выразительные живые глаза, хрупкая изящная фигурка, порывистые движения. В этой молодой женщине, выглядевшей как гимназистка, чувствовался сильный характер. Познакомившись с Ольгой поближе, я понял, что она – человек необычайно одарённый, самобытный, свободолюбивый, широко эрудированный, очень работоспособный и волевой, и, что для меня было неожиданным, мятущийся. Вскоре мне открылось в Ольге уникальное качество, которое я больше не встречал ни у одного человека. В ней шла скрытая, никогда не прекращающаяся, напряжённая внутренняя борьба, обусловленная, с одной стороны, её без преувеличения огромным духовным и интеллектуальным потенциалом, с другой – осознанием невозможности реализовать этот потенциал в полной мере. В результате постоянное внутреннее напряжение, жёсткий самоконтроль, что трудно выдержать обычному человеку. Нужно обладать очень большой духовной силой. При этом необычайно широкий диапазон интересов и органическая потребность всесторонне изучить интересующую ее проблему. Вот только некоторые области, в которых она ещё в молодости достигла очень больших высот: философия, математическая логика, иностранные языки, педагогика, восприятие и понимание поэзии. Если её интересовал какой-то философ или поэт, писавший на незнакомом ей языке, она без труда осваивала новый язык, чтобы читать его произведения в оригинале. Ольга знала бесчисленное множество стихов, могла часами читать их наизусть, она свободно владела несколькими европейскими языками, латынью, греческим и древнееврейским. Трудно было представить, что эта хрупкая, эмоциональная женщина обладала сильнейшей волей и способностью к безжалостному самоконтролю. Она постоянно ставила перед собой новые цели, а когда достигала их, наступало некоторое разочарование, за которым следовало увлечение новой целью. Так и с её замужествами, – до замужества она в своих избранниках видела идеал, а после довольно быстро понимала, что до идеала далеко. А поскольку у неё дела не расходились с убеждениями и принципами, следовал развод. Я был знаком с первым и вторым мужьями Ольги. Они по своему интеллектуальному, духовному и нравственному уровню, по волевым качествам, самокритичности и требованиям к личности человека стояли несравненно ниже Ольги. Думаю, что только крупный писатель смог бы достаточно полно нарисовать образ Ольги Танхилевич. Удивительно, что при большом разнообразии интересов Ольга со страстью, присущей её натуре, с молодых лет окунулась в политические проблемы. Она рассказывала, что ещё в гимназические годы увлекалась одновременно А.И. Герценом и К. Марксом. Герцена она называла «чародеем и мудрецом», считала умнейшим и образованнейшим революционным демократом. Маркс, по её мнению, был гениальным учёным в области политэкономии, а его теорию пролетарской революции Ольга считала слабой, однобокой, нежизненной. Философией занялась серьёзно в семнадцать лет, особенно много изучала Лейбница, Гегеля, Канта и Спинозу. Неутолимая жажда познания в сочетании с природными способностями и редкой трудоспособностью были основой её глубоких и одновременно очень обширных знаний в самых различных областях, вплоть до мистики и каббалы. Поэтому Ольга пришла в ИКП уже

> с большим научным багажом. Пожалуй, я не ошибусь, если скажу, что в ИКП не было более талантливого студента, чем Ольга Танхилевич, о ней с восхищением говорили и преподаватели, и студенты. В научных интересах Ольги особое место отводилось Лейбницу – философу, математику, физику и языковеду. Лейбниц предвосхитил принципы современной математической логики. Ольгу привлекала многогранность научных интересов Лейбница и его теория монад – монадология, представляющая мир как совокупность бесчисленных психически активных субстанций. Всё это было близко общему духовному складу и характеру мышления Ольги. В те давние годы официальная советская наука к математической логике, как и ко многим другим новым направлениям в науке, интенсивно развивавшимся на Западе, приклеила ярлык буржуазного идеализма и тем самым исключила на много лет возможность широкого развития этих очень перспективных направлений. Несмотря на это, Ольга занималась тем, что её влекло, решительно отметала всякие ограничения. Поскольку у неё не было проблем с иностранными языками, она основательно прорабатывала всё, что публиковалось за рубежом в области математической логики. В те годы крупнейшими авторитетами в этой области считались Бертран Рассел – философ, математик и крупный общественный деятель, и Альфред Уайтхед, тоже философ и математик. Их фундаментальный труд «Основания математики» был настольной книгой Ольги. Она объяснила мне, что авторы этой книги философски обосновали логическую состоятельность всей математики. Я всегда получал большое удовольствие от бесед с Ольгой на самые различные темы, после каждой беседы узнавал что-то новое, даже давно знакомое иногда открывалось в несколько неожиданном ракурсе. Ольга умела просто излагать сложные проблемы и теории, что свойственно тем, кто хорошо знает предмет, о котором говорит. Ольга в двадцать три года обладала сильно развитым системным мышлением. Это позволяло ей глубоко и в разных аспектах анализировать события, явления, поведение и высказывания людей [Григоров 2005–2010. Кн. 1 : 299; Кн. 2: 341; Кн.: 3: 117–12].

ИКП окончен. На дворе 1927 год. О.М. Танхилевич работает в философском секторе Ленинградского института марксизма, на базе которого потом было организовано Ленинградское отделение Института философии. Продолжает Г.И. Григоров:

> В этот же день я побывал у Ольги Танхилевич, где встретил моего друга Володю Яцика. Ольга сидела за пишущей машинкой, печатала перевод с немецкого какой-то статьи по логике. Мы с Володей начали разговор о логике в политике, пришли к общему мнению, что в XX веке логика вообще не в почёте, поэтому бессмысленно ждать от политических деятелей, особенно уже находящихся у власти, логически обоснованных действий. Оля услышала наш разговор, перестала печатать и подключилась к обсуждению. Она сказала, что логика не терпит извращения и фальсификации фактов, поскольку в субъективном сознании логика должна отражать правду жизни, там, где нет правды, нет и логики. Я затронул несколько иной аспект той же проблемы: «Где нет свободы мысли и борьбы различных мнений, там не может развиваться логическое мышление. Без свободы нет логики». После такой речи экспансивная Оля расцеловала меня. Я очень ценил мнение этой необыкновенной женщины, её поцелуй воспринял как лучшую оценку моей позиции [Григоров Кн. 1: 489-490].

А.Я. Зись оставил зарисовку облика еще одного слушателя первого набора философского отделения ИКП В.А. Юринца, ставшего позже украинским академиком и также расстрелянного:

> Юринец – скорее флегматик, тихая спокойная речь, сосредоточенность на самой рассматриваемой проблеме и т. д. Юринец был более близок к направлению «диалектиков» в деборинской интерпретации. Диапазон научных интересов Юринца был многообразным. Его исследования были посвящены западноевропейской философии XX в. (Гуссерль,

Фрейд), философским вопросам естествознания, занимали его и вопросы искусства, особенно поэзия. Под его руководством в начале 1930-х годов авторским коллективом был создан учебник для вузов «Диалектический материализм» (книга была опубликована на украинском языке). В сущности, это был не учебник, а коллективная монография, посвящённая актуальным проблемам философской науки. Юринец родился в Галиции (нынешней Западной Украине), входившей до Первой мировой войны в состав Австро-Венгрии, учился в Вене и в 1920 г. окончил Венский университет. Правда, он вскоре оказался в России и в 1921 г. окончил аспирантуру у Деборина. И, следовательно, во-первых, зарубежное происхождение, австрийское образование и кто его знает, какие остались там связи и, во-вторых, непосредственный ученик лидера «меньшевиствующих идеалистов» – основания для подозрений сами собой напрашивались [Зись 1996: 134].

Рой и Жорес Медведевы в книге воспоминаний рассказали об интересной черте их отца, философа А.Р. Медведева:

Отец всегда много писал, но почти ничего не публиковал в то время. Он был старшим преподавателем философии в Военно-политической академии имени Ленина, считался там лучшим лектором. Любил говорить друзьям и дома, что начнёт публиковать работы и лекции после того, как ему исполнится сорок лет. «Философ должен обладать зрелым умом, – говорил он часто, – его мысли должны быть взвешены годами раздумий и опыта. Молодой философ – явление неестественное и печальное». И приводил множество примеров, когда ранние работы знаменитых философов полностью противоречили их исследованиям, написанным в зрелом возрасте. Для рукописей отец покупал только лучшие толстые тетради с гладкой бумагой. В эти тетради он переписывал начисто свои работы, тексты лекций, конспекты некоторых книг. Он писал мелким, но необыкновенно чётким и красивым почерком. Этими тетрадями был заполнен весь огромный письменный стол отца. В день ареста ему было 39 лет и 7 месяцев [Медведев, Медведев Указ. соч.: 5].

Сорокалетний порог философы 1920-х годов не переступили.

* * *

Попробую теперь нащупать несколько общих черт поколения философов 1920-х годов. Первое, что можно отметить, говоря о периоде формирования личности, это страстная тяга к знанию, науке, философии. Страстность в особенности подогревалась тем, что для удовлетворения страсти не было условий. Поэтому любовь к философии естественно соединялась с ненавистью к социальному порядку, который стоял на пути её удовлетворения. Отсюда понятны раннее интеллектуальное и социальное созревание, начитанность и зрелость теоретических убеждений, определённость жизненных позиций этих людей в молодом возрасте.

Вспоминает дочь Н.А. Карева:

Мой отец, Николай Афанасьевич Карев, родился в 1901 году. Его отец – крестьянин, рано умер. Воспитывался в семье отчима, народного учителя. У моего отца было три сводных брата. После смерти матери и отчима сводные братья оказались в детдоме. После окончания школы он забрал их, всех троих, из детдома, устроил с жильём, помогал. После окончания сельской школы поступил в реальное училище, которое окончил в конце 1917 года. С четвёртого класса реального училища зарабатывал уроками.

Потом годы революции и Гражданской войны. А в 1923 году Н.А. Карев публикует свою первую статью: о Гендрике Де Руа, голландском последователе и критике Декарта. С тех пор об этом философе у нас была только одна статья, принадлежавшая Б.Э. Быховскому.

Вот выдержки из автобиографии Я.Э. Стэна:

Родился в семье батрака. До двенадцати лет был пастухом. Учился в сельской начальной школе. После двенадцати лет работал в сельском хозяйстве по найму. До тринадцати лет находился под влиянием религиозной идеологии. Дедушка в раннем детстве обучал меня грамоте по Библии. В тринадцатилетнем возрасте пережил кризис, который привёл меня к разрыву с религией и толкнул меня к чтению Э. Геккеля и Л. Бюхнера. Книга Эрнста Геккеля «Мировые загадки», о существовании которой впервые узнал из одной проповеди местного пастора, стала моей любимой книгой. Страстная любовь к природе и интерес к вопросам естествознания охватили и заполнили всю мою детскую душу. Наблюдал окружающие явления природы, собирал коллекции камней, растений и насекомых. Прочитав «Астрономию» Фламмариона и заимствовав у соседа старый морской бинокль, изучал по книгам звёздное небо. Проштудировав «Школу химии» Освальда и приучив сына местного аптекаря, моего школьного товарища по начальной школе, таскать из аптеки склянки, колбочки, кислоты и всякого рода химические вещества, организовал в роще своеобразную химическую лабораторию. Все эти стремления и наклонности не могли получить свободного развития. Нужда и тяжёлая борьба за кусок хлеба были уделом сельскохозяйственного батрака. Кормить и воспитывать детей не было никакой возможности. Дети сами должны зарабатывать себе хлеб. Больная, согнувшаяся под тяжким бременем труда мать. Болезненные брат и сестра. Умирает брат, сестра, а потом и мать. Отец горел ненавистью против немецких помещиков и латышских кулаков, в 1905 году принимал участие в движении батраков и примыкал к латвийской социал-демократии. Вся обстановка, в которой я рос, неизбежно должна была поставить передо мною вопросы общественного развития. В августе 1914 года вошёл в состав социал-демократического кружка молодёжи. Первая марксистская книжка, с которой я ознакомился в этот период, была книга латвийского социал-демократа Янсона «Исторический материализм». Впервые имя Ленина я услышал в 1915 году. Оканчивая начальную школу, я стремился к тому, чтобы продолжить учение, но дорога в гимназию и реальное училище была закрыта ввиду отсутствия средств. Оставалась только учительская семинария, куда неохотно шли дети зажиточных родителей и вынуждены были идти дети бедняков. В пятнадцать лет я поступил в учительскую семинарию. Занятия в семинарии давали чрезвычайно мало, но усиленная работа над собой, чтение философской, естественно-научной и марксистской литературы заменили её. Прочитал «АнтиДюринг» Энгельса, «Критику наших критиков» Плеханова, «Социальную революцию» Каутского. Начал, может быть не очень отчётливо, сознавать различие между вульгарным механическим материализмом, которым я увлёкся в период разрыва с религией, и диалектическим материализмом Маркса и Энгельса. В шестнадцать лет в социал-демократическом кружке мы на гектографе издавали журнал, в котором я поместил свои первые статьи и ряд стихотворений, направленных против власти. Летом 1916 года был арестован по подозрению в распространении антивоенных прокламаций [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 1806. Л. 193–199].

Вдова Я.Э. Стэна Валерия Львовна, сумевшая не только сохранить бодрость духа после лагерей, но и наказать Митина за плагиат, рассказывала правнучке о Яне: «Когда он был ещё подростком, он уже работал. Пока пас овец, читал Спинозу».

О том же из воспоминаний И.И. Агола о днях юности:

Нигде не могу найти работы. Только весной мне, наконец, удаётся устроиться грузчиком в порту. Когда в порт приходят баржи, нагруженные мукой или солью, я целый день таскаю мешки на согнутой спине, карабкаясь снизу вверх по узким сходням. Когда барж нет в порту, я в ожидании их обыкновенно лежу на берегу, лицом к небу, с закрытыми глазами, подложив руки под голову, и предаюсь мечтам о лучших днях. Счастливая звезда Максима Горького, Джека Лондона, Августа Бебеля маячит надо мною: она такая желанная и кажется совсем близкой и легко достижимой. Нередко я приношу с собою какую-нибудь книгу и в свободное время усердно занимаюсь под открытым небом. Товарищи

в порту за эти занятия зовут меня философом, а запойный пьяница, бывший студент-филолог, торжественно величает меня Спинозой: «Что ты читаешь, Спиноза?» Днём я работаю в порту, а вечером и ночью гектографирую листовки, веду беседы с рабочими, спорю с бундовцами [Агол, Агол 2011: 155, 161].

Пожалуй, ярче всего типическая ситуация формирования личности и устремлений этих людей показана в воспоминаниях вдовы И.Я. Вайнштейна:

Мой муж в возрасте девяти лет был отдан в услужение в магазин. Он должен был прислуживать в доме в то время, когда не работал в магазине, в остальное время помогать продавцам. Получал он за это жилье в доме хозяина, питание, одежду и целый рубль деньгами за… год службы. Он исполнял всю работу, трудился, не жалея сил, чтобы… вступить в житомирскую библиотеку, куда требовался взнос – один рубль. И вот год прошёл. Хозяин вручил ему заработанный рубль. Получив деньги, он рассчитался с хозяином, в тот же день пришел в библиотеку. И вот радость! Он стал читателем библиотеки, может даже брать книги на дом. Взяв первую партию книг, он ушёл в Коростышев домой. Просидев следующий день в библиотеке, он вечером ушёл вновь в Коростышев. Каждое утро он шел многие километры из Коростышева в Житомир, чтобы провести день в библиотеке, а вечером вновь на голодный желудок шагать домой. В библиотеке он на клочках дешёвой бумаги писал и приносил эти записи домой. Иногда в его отсутствие эти «конспекты» использовали дома для разжигания печи. Питался очень плохо – только утром и вечером, ощущая укоризненные взгляды других членов семьи. Ведь он в их глазах был дармоедом. Скоро он сносил обувь, одежду, полученные от хозяина житомирского магазина, поэтому, если было не очень холодно, ходил босиком. Прошёл год, ещё год. Сносилась рубашка, совсем разорвались и превратились в лохмотья брюки. Но он изо дня в день в любую погоду (исключения делал только в очень суровые вьюжные зимние дни – ведь надо было беречь остатки обуви для библиотеки) шел в библиотеку, а потом домой. Но это не страшило его, не делало несчастным, наоборот – он только теперь был по-настоящему счастлив: ведь он открыл мир, и какой мир! Уже в эти годы он читал Аристотеля и Платона, Дидро и Чернышевского, Пушкина и Толстого. А что не было одежды? Он выходил из положения тем, что носил длинное до пят пальто, которое он не снимал и в библиотеке. Сидел в нем у керосиновой лампы, застегнувшись на все пуговицы. В библиотеке привыкли к этому странному нищему и худому подростку, который не приходил сюда только в сильную стужу и брал читать не по возрасту серьёзные книги, которые до того годами пылились на полках. Уже в первый «библиотечный год» он, пользуясь учебниками, самостоятельно изучил латынь, немецкий, начал изучать французский. На второй «библиотечный год» он открыл для себя Маркса, Плеханова, Канта, Гегеля. Когда ему было тринадцать лет, в холодную осеннюю пору, он, находясь в библиотеке, почувствовал себя очень плохо, плохо было все эти последние дни. И он понял, что долго не сможет ходить в библиотеку. Сдал книги и признался библиотекарю, что ходить не сможет, что болеет, и попросил одну из книг домой, обещал сразу же по выздоровлении отнести её обратно. Книгу получил. Добрался с трудом домой, как всегда, шел пешком. Свалился в горячке. Когда немного стало лучше, дочитал книгу, но идти в Житомир не мог. А тут как раз отец должен был ехать в этот город. И тогда отец взял эту книгу, пообещал её сдать и взять ту, которую в записке просил сын, если библиотекарь даст. Когда отец вернулся, книги у него не было. «Почему ты не привёз книгу?» – спросил мальчик. «Потому не привёз – сдал твою книгу и забрал рубль залога. Он, этот рубль, ой как нужен в доме. Ты ведь ничего не зарабатываешь, а ешь!» В ужасе больной ещё мальчик выскочил на улицу и сел, содрогаясь в рыданиях. Вдруг почувствовал, что кто-то взял его за плечо. Это был дальний родственник – продавец здешнего магазина. «Почему ты так плачешь, Изя?» Мальчик рассказал. «Ну что ж, – сказал подошедший родственник, – я книг не читаю, не выучился. Так читай же за меня и возьми мой подарок – этот рубль». Через несколько дней Израиль шагал по дороге в библиотеку. Всё больше и больше привлекали

> его идеи революционеров. Но такой литературы в библиотеке почти не было. Скоро он установил связь с местными житомирскими революционерами. Получил первые задания. Начал агитацию среди рабочих. Весной 1914 г. как «большевик» – рабочий агитатор (хотя он тогда ещё формально и не был членом партии) он был арестован [Воспоминания об И.Я. Вайнбштейне. 2015: 240–244].

Во всех приведённых рассказах путь формирования личности и убеждений, философских интересов однотипен. Были и те, чьи семьи жили более благополучно. Но траектория развития оставалась той же. Отец Б.М. Гессена заведовал Елизаветградским отделением Русского банка. Б.М. Гессен учился в Елизаветградской мужской гимназии. В классической гимназии Б.М. Гессен овладел латинским, немецким, французским и английским языками, причём английским и немецким – свободно. Его близким другом с первого дня учёбы стал И.Е. Тамм. Вместе они год проучились в Эдинбургском университете, где слушали лекции нобелевских лауреатов. Началась война, и Б.М. Гессен не смог продолжить образование в Эдинбурге. Из-за процентных ограничений он не мог быть принят на физико-математический факультет Петроградского университета и поступил на экономическое отделение Петроградского политехникума. В декабре 1917 года Б.М. Гессен вошёл в состав Елизаветградского ревкома и участвовал в национализации того банка, которым заведовал его отец. Потом участвовал в Гражданской войне.

И.К. Луппол родился в семье управляющего Курским отделением Госбанка. В 1914 году он окончил гимназию. Изучил классические языки, свободно овладел французским, английским и немецким языками. Поступил на юридический факультет Московского университета. Но отец вскоре умер. И.К. Лупполу пришлось зарабатывать на жизнь уроками или же брать на дом работу по переписке набело тех или иных документов. И.К. Луппол так вспоминал о своей учёбе в университете:

> Я поступил на юридический факультет Московского университета. Факультет, разгромленный Кассо в 1911 г., не блистал преподавателями. Теоретические кафедры были заняты молодыми последышами идеалистической школы Трубецкого и Новгородцева. Я изучал историю философии права и через этот специфический канал впервые знакомился с великими философскими системами древности и нового времени. Это развило интерес к теоретической мысли и её истории. Желание связать историю мысли с жизнью в условиях юридического факультета привело к специальному изучению истории общественных учений, истории русского права и истории государственного права, в особенности английского [Архив РАН. Ф. 394. Оп. 12. Д. 3. Л. 6].

В 1919 году И.К. Луппол окончил с отличием Московский университет. К этому времени он понял, что он «никакой юрист», и вступил в Красную армию в качестве лектора и пропагандиста.

Погружение в водоворот событий революции и войны не притупляло, а обостряло стремление к философскому познанию. Из воспоминаний В.Д. Резника (Днепрова):

> Может быть оттого, что я провёл детство в угнетающей скукой и бедностью среде, в некрасивом, подобно горьковскому, дворе в Кривом переулке, – я твердо выбрал большевиков. Когда ноги мои окоченевали, я бегом пускался домой. Дома с аппетитом хлебал суп из костей с пшеничной крупой, выбивал мозг из костей, красиво распределяя на куске хлеба, – и мне казалось, что более вкусного кушанья не существует. В 1920 году, ввиду польского наступления, в помещении киевской думы был объявлен набор добровольцев. Хотя я ещё не дожил до семнадцати лет, члены комиссии не усомнились в моей способности воевать. В атаке у самого Днепра я почувствовал, будто ветер пошёл через левую часть моей груди. Тронул рукой, а она мокрая от крови. Мой друг дотащил меня к телеге для тяжелораненых. Я так и не попрощался с ним, надолго потерял сознание. Госпиталь

стал этапом моей жизни не только потому, что я провёл в нем много месяцев. Сначала из-за непрерывной лихорадки не мог ничего есть, кроме кисленького киселя (его каждый день приносил мне, как выразились бы сегодня, комсомольский пост), и ссохся в щепку. Но как только стал оправляться, погрузился в нескончаемое, запойное чтение. Просыпаясь, открывал книгу, а откладывал её, когда глаза слипались. Однажды мои комсомольские снабженцы принесли мне книгу Плеханова «Критика наших критиков». Не могу сказать, с каким наслаждением читал эту книгу. Впервые почувствовал вкус к философии. А изящество и тонкость полемики Плеханова, его убеждённость и способность удивлять читателя восхищали меня. Когда, много позже, я прочитал в воспоминаниях Ленина «Как чуть не потухла "Искра"», что и автор этих воспоминаний был долго влюблён в Плеханова, – это ленинское слово доставило мне особое удовольствие. Так я прочитал все философское из Плеханова, что могли достать мои комсомольцы. Главным, определившим мою жизнь, стало чтение сочинений Ленина, которые читал я без всякого порядка (собрания сочинений ещё не было), перечитывая каждую книгу или статью по много раз. Мне в них открывались не только гигантская его мощь и воля, не только поразительная историческая проницательность и смелость; я видел личность, единственную в своём роде. Марксизм насквозь всемирный и насквозь русский. Преданность тому, чему учит Ленин, стала основой моего отношения ко всем вещам на свете. К маю 1921 года меня выпустили из госпиталя и отчислили из армии как инвалида второй группы. Но отдых в дачной местности Пуще-Водице под Киевом был недолог. ЦК комсомола Украины, узнав обо мне из рассказов приезжавших из Киева, телеграммой вытребовал меня в Харьков для работы в коллегии политпросвета. Это важный момент. Здесь я узнал передовых людей поколения двадцатых годов – моего поколения – людей, которых можно было бы назвать идейными во всей многозначительности этого слова. Всё это люди, которые по праву должны быть названы положительными героями. Чем больше я общался с ними, тем более убеждался в том, что положительные герои на самом деле существуют. Не идеальные, которых не бывает, а положительные, которые существуют в действительности [Днепров Указ. соч.: 179–181].

Как происходил тот же процесс становления у девушек-философов? Их было очень мало, конечно. Самая яркая из них – О.М. Танхилевич. О её юности рассказала А.Л. Войтоловская, которая сидела с ней в лагере:

Мать её умерла рано, оставив мужу пятерых детей. Оля матери не помнила, но нередко в разговорах вспоминала нежно любимую мачеху. Ранее она работала гувернанткой детей, и вскоре после смерти матери отец на ней женился. От неё у Оли совершенное знание немецкого языка. Отец Ольги, строгий умный человек, был простым служащим в торговой фирме, со скромным заработком. О нем слышала от Оли как о человеке-самоучке с прогрессивными идеями, крайне самолюбивом и вспыльчивом. Он выписывал «Русское богатство» и преклонялся перед Михайловским. По натуре общительный, остроумный, любящий отец, но после ранней смерти жены и быстро последовавшей трагической гибели сына не смог оправиться и жил непонятной для детей жизнью. У Оли была, правда, проходная, но отдельная комнатка. Ничего лишнего – кровать, стол, шкаф. Любила кукол и фантастические приключения. Читала запоем и без разбора: сказки и классику, издания «детской библиотеки», Чарскую и «Русское богатство». Училась блестяще все годы, гимназию закончила с золотой медалью. Над уроками не корпела, но работать умела с первых лет учения. Сочиняла стихи и прозу и знала на память несметное количество стихов. Романтизм нашёл полное выражение в страстной отдаче себя революции. Февральская революция всё прежде важное сделала неважным, незначительным. Появилось новое: ходить на демонстрации, митинги, слушать ораторов, верить им или сомневаться, спорить по дороге домой в 12 часов ночи и позднее, не слушаться отца, не спускать весь вечер глаз с кого-нибудь из юношей, а назавтра не помнить, о чем шла речь. Обязательные уроки стали необязательными, а под партой хранится «История

культуры» Липперта или даже вырванная глава из «Капитала» Маркса, которую необходимо срочно дочитать. Вечером мчаться в Коммерческое училище, где заседает «Комитет средних школ», куда Оля избрана делегатом от женской гимназии. Отчёт Оли о деятельности «Комитета» в гимназии, где она училась, был принят в штыки – возмущались учителя и родители. Она посещала «Дом Школьника», где, со слов Оли, произошло её «второе рождение». Здесь происходили дискуссии обо всем на свете: о железных законах истории и о гегемоне революции, о правде и справедливости и о безумстве храбрых, о месте революции в мировом развитии и о всесторонне развитой личности, о прекрасном будущем человечества, о художественном театре, об импрессионизме Шопена и о политическом ренегатстве Вагнера, и о многом, многом другом. С семнадцати лет она серьёзно занялась философией. Вместе с друзьями они читали и конспектировали Канта, Гегеля и других философов, и, как говорила Оля, «сквозь мир ирреальных феноменов неожиданно проступил мир сущих ноуменов». Как только большевики в 1920 г. укрепились в Ростове, Оля вошла в партию большевиков и работала секретарём у А.И. Муралова. Весной она заболела тифом с тяжёлыми последствиями, болела бурно, едва выжила. Вскоре Ольга переехала в Москву, где поступила в Институт красной профессуры на отделение философии [Войтоловская Указ. соч.: 260–263].

Приведённые свидетельства позволяют объяснить раннее профессиональное созревание философов поколения 1920-х годов. Почти все они были выпускниками философского отделения Института красной профессуры. А.М. Деборин организовал его на следующих началах: учёба в течение трёх лет, включавшая семинары по проработке первоисточников, изучение иностранных языков, заграничная стажировка и выход на публикацию самостоятельного исследования. Рассказывает слушатель философского отделения ИКП Г.И. Григоров:

Меня включили в философский семинар Л.И. Аксельрод. Мы работали над подлинниками классиков философии. После досократиков изучали Платона, Аристотеля, Эпикура, Лукреция Кара, средневековых схоластов и теософию. Затем перешли к изучению английских и французских материалистов, Декарта, Спинозы и всей немецкой школы. У нас не было лекционной системы. Мы сами готовили доклады по тому или другому философу и зачитывали их на семинаре. Вокруг доклада обменивались мнениями, были горячие споры. Заключительное слово принадлежало руководителю семинара, он оценивал степень научности разработанной темы. Я разработал тему «Свобода и необходимость в философской системе Спинозы» [Григоров Указ. соч.: 290].

В первом философском наборе ИКП оказалось созвездие талантов: Я.Э. Стэн, Н.А. Карев, И.К. Луппол, Б.М. Гессен, О.М. Танхилевич, А.К. Столяров, А.Я. Троицкий, М.Л. Ширвиндт, В.А. Юринец, С.Ф. Васильев, Ф.Е. Тележников. Когда О.М. Танхилевич сдавала вступительные экзамены, Л.И. Аксельрод была поражена глубиной её ответов и той свободой, с которой она владела материалом. Со свойственным ею юмором она спросила у Ольги: «Откуда ты, прелестное дитя?» [Войтоловская Указ. соч.: 264]. Во время учёбы в ИКП на философском семинаре Л.И. Аксельрод говорила о ней: «Ведь Оля ещё совсем юная, когда же она успела проработать огромный, сложнейший материал и всё увязать в единую систему» [Григоров Кн. 3: 120].

С И.Я. Вайнштейном на экзамене случилась ещё более любопытная история. Выслушав его ответы, А.М. Деборин сказал: «Товарищи, знания Вайнштейна очень серьёзные, систематические и фундаментальные, в особенности в области марксистской философии. Учиться ему незачем. Он знает не меньше нас – преподавателей. И сам может готовить красных профессоров» [Воспоминания об И.Я. Вайнштейне: 245].

Его оставили в ИКП преподавателем философии.

Показательно впечатление В.Д. Резника, учившегося в те годы на философском отделении ИКП:

> Многие молодые люди, способные стать выдающимися деятелями новой культуры, вышли из первых трёх наборов Института красной профессуры. Пустили шутку: пока учится – он будущий красный профессор, а как закончит – делается бывшим красным профессором. Шутка злая, поверхностная и несправедливая. В Великие эпохи внутренний толчок из глубин бытия выносит на его поверхность немыслимое число талантов и даже гениев. Этот исторический закон проявился и в том, что смелый замысел «красной профессуры» оказался удачным. В первых трёх наборах в этом институте – десятки молодых людей, чьи таланты готовы были расцвести на ниве общественной деятельности. А школа Бухарина, где было несколько ярких талантов, а такие выдающиеся философы, как Карев и Стэн. В кругу закончивших Институт было немало людей, чья ранняя деятельность указывала на выдающиеся способности. Я, разумеется, не помню их имён, но помню впечатление, произведённое их исследованиями. Но жизнь этих людей была оборвана в самом начале – все умные и даровитые были расстреляны, и мы можем лишь гадать, что они могли принести науке и жизни. Конечно же, их расцвет был бы не менее значительным, чем расцвет театра или изобразительного искусства двадцатых годов. Сталин перерубил пополам лучших людей поколения, которое могло бы принести выдающиеся результаты [Днепров Указ. соч.: 189].

Чудо первых наборов философского ИКП в дальнейшем не повторилось. Но поколенческий всплеск 1920-х годов был. В первую половину десятилетия его эпицентром был ИКП, а во вторую – Институт философии, куда перешли работать выпускники философского отделения.

* * *

Вторая половина 1920-х годов стала для этих людей порой интеллектуального расцвета. И вместе с тем они совершили жизненные шаги, которые привели их к гибели. Это – второй после периода формирования узловой пункт их жизненного пути, который я попробую истолковать. Какая черта их поколенческого типа во многом привела советских философов 1920-х годов к массовой гибели?

Представьте себе тип талантливого ученика в школе. Не записного отличника, который знает порядки, учитывает характеры учителей и ведёт себя по пути успеха. Но начитанного, способного, развитого, думающего и самостоятельно мыслящего молодого человека. Он не молчит, высказывается, особенно когда видит или слышит неправду, тем более в публичной ситуации, например на собрании. Наличие публики воспринимается как вызов, обращенность к твоему Я, как испытание твоей честности и чести. В такой ситуации он просто не может промолчать, ему надо обязательно вылезти, высказаться, засвидетельствовать собой истину.

Вдова Ю.Р. Закгейма вспоминала об одном молодом талантливом учёном, который посещал философский кружок её мужа. Этот человек не только блестяще знал философию и естествознание, но всегда имел своё мнение по принципиальным мировоззренческим вопросам и отстаивал его, несмотря на идеологические обвинения. Он, например, считал, что теория Дарвина не выдерживает проверки с точки зрения и философии, и естествознания. На допросе следователь спросил её, какого мнения об этом человеке был её муж:

> Наивно полагая, что я говорю что-то полезное для него, я ответила: – Муж считал его необыкновенно знающим, талантливым человеком, говорил, что он будет крупным учёным… На это следователь цинично ответил: – Все они умники. Нам таких и надо, дураки нам ни к чему [Адамова-Слиозберг Указ. соч.: 239].

Известный эстетик и философ музыки Д.И. Гачев вполне выражал собой поколение 1920-х годов. Его сын, Г.Д. Гачев, собрал свидетельства об отце. Соученик по гимназии вспоминал: «Оратор! Буйный! Пел, декламировал! Сразу было видно, что этот человек не доживёт до своей старости. Потому что не поступал как положено, не ходил проторёнными путями» [Гачев Воспамятование …: 165].

Брат Д.И. Гачева говорил ему: «Ты неисправимый идеалист с донкихотскими замашками… Считайся с действительностью, не будь таким односторонним ницшеанцем. Неужели ты не можешь понять, что искусство и голодный желудок непримиримы и несовместимы?» [Там же: 167].

Не у всех такой человек будет вызывать симпатию. Особенно у тех, кому нечего сказать, или же у тех, кто считает, что думать положено начальству. В 1930-е годы для подобного поведения нашли прелестное определение: «зазнайство». Об этом ярлыке в годы оттепели напомнил Э.Ю. Соловьев в своей социологически точной балладе о Полупортянцеве и Гершензоне. Добавьте к тому же, что мировоззрение этих «знаек-зазнаек» было марксистским. Как они его выработали, мы уже видели. Оно сплавилось с их личностью. Личности же были таковы, что готовы были заслонить идею своей грудью. Нелишне вспомнить, что в отличие от многих других учений марксизм даёт цельное мировоззрение и позволяет человеку всякий встретившийся факт объяснить исходя из единой системы. В нем философия прямо стыкуется с повседневной жизнью, а осознание какой-либо мысли как марксистской даёт душевные силы придерживаться этой мысли. Люди, самостоятельно пришедшие к способности всё объяснить, отождествляли то, что считали истинным, с сердцевиной своего Я. Внутренний совет с истиной значил для них всё, а указание свыше – ничто. Если указание противоречило истине. В этом смысле то были идейные люди.

О Я.Э. Стэне академик А.М. Деборин написал:

> Ян Эрнестович Стэн, состоявший одно время в близких отношениях со Сталиным, к которому был вхож в дом. Стэн работал в Коминтерне, был членом Центральной контрольной комиссии ВКП(б). Стэн был один из самых честных людей, каких мне приходилось встречать. Его искренность и откровенность, абсолютное неумение кривить душою выделяли его среди товарищей. Он не способен был уступить Сталину хотя бы формально в чем-нибудь, раз он не был согласен. Я лично был свидетелем столкновения Стэна со Сталиным. Когда началась «критика» деятельности и теоретических установок так называемого «деборинского философского руководства», и Сталин, не высказавшись ещё открыто, занимал двусмысленную позицию, Стэн бросил ему в глаза обвинение в том, что он, Сталин, «торгует марксизмом». Разговор происходил по телефону. Должен сознаться, что по моему телу пробежал холод. По окончании разговора я набросился на Стэна: «Что ты натворил? Ты знаешь, чем рискуешь?» Стэн только рассмеялся. Он принадлежал к железной когорте большевиков, не зная ни сомнений, ни подхалимства. Он знал Сталина лучше других и не доверял ему, говоря мне: «Ты увидишь, сколько зла он ещё принесёт», присовокупляя слова «впрочем, он окончит свои дни под забором» [Воспоминания академика Деборина 125].

В последнем Я.Э. Стэн, как мы знаем, ошибся.

Крестный путь Я.Э. Стэна начался с его статьи в «Комсомольской правде». В ней говорилось:

> Каждый комсомолец должен на своём примере прорабатывать серьёзно все вопросы и таким путём убеждаться в правильности генеральной линии нашей партии. Только такая убеждённость, приобретённая на своём собственном опыте, путём самостоятельного продумывания всех основных вопросов, может иметь вес и ударную силу в практической деятельности. Без этого условия практическая деятельность превращается в «службу», в чиновничье отношение к социалистическому строительству [Стэн 1929, 26 июля].

Правильность линии партии должна быть удостоверена моей убеждённостью, приобретённой самостоятельно. Сталин пришел в бешенство, когда прочитал эти слова в газете, и буквально в тот же день отдал приказание разобраться со Стэном. Слова молодого философа попали в цель, потому что специально были написаны как вызов своему одному-единственному читателю. Для того и писались. Сила индивидуального выражения мысли философа была такова, что Сталину и спустя более десяти лет после расстрела Стэна пришлось дать ему слово в собственном собрании «Сочинений». Во время одного сталинского доклада Стэн посмел ему дважды возразить и остался при своей позиции. И стенограмму доклада пришлось воспроизвести в «Сочинениях» такой, какая она была. Стэн десять лет как лежал в общей могиле, имя Стэна поминать было тогда запрещено, но оно бесстрашно смотрело на всех со страниц самого катехизиса фараона.

Людей философского поколения 1920-х годов отличала почти инстинктивная готовность встать на защиту своего интеллектуального и человеческого достоинства. Во время разгрома «деборинщины» на собрании Ленинградского института красной профессуры философии стали травить специалиста по философским вопросам математики и физики, учёного секретаря Ленинградского отделения Института философии деборинца Ю.П. Шейна. В таких ситуациях кто-то пытался защищаться, кто-то оправдываться, кто-то каяться. После нескольких грубых реплик Ю.П. Шейн встал и вместо выступления демонстративно ушёл с собрания. Он посчитал неуважением к себе давать какие-то объяснения клеветникам. К прежним обвинениям в «меньшевиствующем идеализме» теперь добавилось обвинение в «барском отношении к критике». Когда против Ю.П. Шейна началось партийное следствие, он написал в объяснительной записке:

> Против меня велась беспардонная клевета, свистопляска со стороны А.С. Джидарьяна и других. Было выдвинуто обвинение в меньшевиствующем идеализме и, – что в квантовой механике и в математике самые реакционные идеи – принципы неопределённости и ненаблюдаемости. Когда же меня критиковали с таких позиций – я и должен был так поступить – уйти [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 1653. Л. 39].

И.Я. Вайнштейн и в сибирском застенке не смирился с подавлением человеческого достоинства сталинским режимом. Повторное обвинение И.Я. Вайнштейна было основано на доносах охранников и некоторых сокамерников. В них говорилось, что в тюрьме среди заключенных он заявлял о невиновности большинства репрессированных, среди которых много рабочих и крестьян – и это в государстве, провозгласившем рабоче-крестьянскую власть, о недовольстве населения сталинской политикой, которая в дальнейшем приведёт к крушению Советского Союза. В справке начальника тюрьмы, на основании которой была осуществлена внесудебная расправа над И.Я. Вайнштейном, говорилось, что он «восхвалял врагов народа, высказывался о падении Верховной власти, нарушал правила тюремного режима и оскорблял надзирательский состав» [Воспоминания об И.Я. Вацйнштейне: 236].

Каким нужно было обладать чувством собственного достоинства, какой силой духа, чтобы в таком положении «оскорблять надзирательский состав»! Несломленных пытками практически не было. Но восстановиться, вернуть себе своё Я помогало слияние личностной устремлённости с надличностными идеалами, пропитывание идеалов твоей экзистенцией.

О многих поступках, которые сегодня нельзя назвать иначе, как духовным подвигом, манифестом личного достоинства думающего человека, мы просто не знаем, а если узнаем, то просеивая руду документов – по одной лишь фразе. Горько думать о тех, кто стал безвинной жертвой сталинского режима. Но вдесятеро важнее помнить о тех, кто находил в себе душевные силы бросить обвинение палачам в лицо. Силы эти давало философское мышление. Изучая личные карточки студентов философского факультета МИФЛИ и выясняя их по-

следующие судьбы, я узнал удивительный факт. Выпускник философского факультета МИФЛИ Д.П. Ипполитов стал преподавателем кафедры философии Казанского пединститута. В 1938 году он был отправлен в лагерь, что сталось с ним потом, я не знаю. В обвинительном приговоре его преступление формулировалось так: «…порвал свой партбилет из-за несогласия с политикой партии по индустриализации». Речь идёт не о впечатлительном юноше, а о тридцатилетнем мужчине, бывшем рабочем, который к тому времени почти десять лет состоял в партии, во время учёбы в Москве на самом идеологическом факультете параллельно преподавал в партшколе. Но он научился на философском факультете мыслить и узнал, как философы в прежние эпохи грудью своей заслоняли истину. И когда сам он встал за кафедру и обратился со словом к студентам, то понял, что должен нести им лишь выработанную мышлением истину. Потому что философия не только оболванивала, но и просветляла, у неё была собственная жизненная логика, будившая в человеке совесть. Наступал момент, когда философ говорил себе: нет, я больше так не могу – и шел на тот костёр, который приготовил ему его век.

Отличительную черту поколения можно наименовать публичной акцентуацией личной философской позиции в качестве интеллектуального и нравственного убеждения. В обыденной жизни она чаще всего опознаётся посторонними как наивность. Но ведь таким и должен быть философ – человек не от мира сего, говорящий истину подобно младенцу из сказки Андерсена – с незамутнённой душой. Человеческая черта, о которой мы говорим, особенно драматично проявилась в инфернальной реальности сталинского застенка.

Философ в какой-то момент переставал воспринимать античеловеческую реальность именно в силу её античеловечности, он отрицал её так же, как душевнобольной отрицает травмирующее его событие. Но в этом сказывалась не иллюзорность мышления философа, а неподлинность самой реальности, её несовместимость с разумом и гуманностью.

Во время пятнадцатиминутной пародии на суд, когда И.И. Агола приговаривали к расстрелу и спросили, есть ли ему что добавить, он попросил внести исправление в обвинительное заключение. В нем указано, что подсудимый работал в Институте зообиологии [Агол Указ. соч.: 177]. Вот так написали грамотеи из органов. Но это бессмысленное соединение слов. Он работал в Институте зообиологии. В этой мелочи – вся суть поколения, о котором я пишу. Человека через пару часов расстреляют. Он это прекрасно знает. Палачам всё равно, что в бумажки записывать. Но у учёного срабатывает рефлекс истины. Поколенческий типаж проявляется на уровне социокультурного «инстинкта». Другой бы на его месте заметил очередную нелепость и промолчал. Как будто можно было ожидать от палачей понимания и культуры. Но специфика этого поколения проявляется в том, что человек даже на таком вот «собрании» не смог не встать и не поправить безграмотных судей и прокуроров. Без какой-либо практической цели, ничего иного не имея в виду. Такого человека можно забить до состояния, когда он подпишет фантастические признания. Но из него никогда не сделаешь добровольного слугу режима.

Насколько философ мог существовать параллельно миру сталинской диктатуры, говорит случай с профессором В.К. Серёжниковым. В застенке он беспокоился о судьбе сданных в печать работ. Он наивно полагал, что они могли выйти в свет после его ареста, надеялся через это материально поддержать семью и в письмах просил своих родных навести справки, получить гонорары и даже потребовать авторские экземпляры. Он не допускал мысли, что за ним уже не признают никаких гражданских прав, что его невышедшие тексты просто выбросят, а само имя предадут забвению. В этой трогательной наивности в действительности проявляется подлинное величие духа.

Поколение философов 1920-х годов на интуитивном уровне осознавало расхождение марксистских идей и сталинской действительности. Но выйти за пределы своего времени,

посмотреть на него со стороны невероятно трудно, особенно тем, кто сам боролся за это новое общество и участвовал в его строительстве. Лишь немногие поняли, что построено вовсе не то, что предполагалось. Среди них нужно назвать имя И.П. Роцена. Он много лет заведовал в МГУ кафедрой истории и философии науки. И.П. Роцен успел в своей жизни послужить в царской армии, в латышских стрелках, в разведке, в ВЧК, в ЦК ВКП(б). Окончив МГУ, он год стажировался в Германии по истории и философии химии и стал её глубоким знатоком. Со своим жизненным опытом он сумел распознать за красными транспарантами античеловеческую диктатуру. Кафедра И.П. Роцена отличалась не только уникальным опытом постановки курсов по истории и философии наук (астрономии, математики, физики, химии, биологии). Он сознательно собирал на кафедре первоклассных философов, изгнанных из других научно-учебных учреждений за «деборинщину» (Б.М. Гессен, М.Л. Левин, А.О. Апирин), и создавал им спокойные условия для работы. Он ходил по инстанциям, добивался снятия с них идеологических обвинений. Неслучайно в итоге почти весь состав кафедры был репрессирован и погиб вместе со своим заведующим. И.П. Роцена взяли «в разработку» и стали фиксировать его разговоры. Он говорил коллегам:

> Сталин хочет расправиться со своими политическими противниками. Проводимая сейчас партией политика озлобляет людей в силу её несправедливости и жестокости. Политика Сталина и партии в области науки и культуры идёт вразрез с действительно необходимыми мероприятиями в этой части и вызвана тем, что вопросами науки и культуры в ЦК ВКП(б) занимаются люди, в значительной степени далёкие от понимания и способности разрешить те или иные вопросы научной и культурной политики. Невозможно применить стахановское движение к науке, а само стахановское движение это погоня за рублём и выжимание пота из рабочих. В отношении Сталина к науке много показного, и в этом вопросе решающим являются личные вкусы Сталина. На словах признается необходимость разработки теоретических вопросов, а на деле этому не придаётся никакого значения, и от самого Сталина исходят директивы практицизма в противовес необходимости разработки теоретических вопросов [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 2643. Л. 1–2].

Г.И. Григоров учился в 1920-е годы на философском отделении ИКП и на факультете общественных наук МГУ. В мемуарах он попытался осмыслить феномен своего поколения:

> В годы перед Февральской революцией 1917 года все мы были захвачены бурным водоворотом событий. Нам было тогда по пятнадцать – восемнадцать лет, все были увлечены работой в подполье, ощущали, что скоро рухнет режим царского самодержавия. После Гражданской войны наше поколение успело немного подышать воздухом свободы. Мы голодали, страдали от холода в университетских аудиториях, студенческих общежитиях и библиотеках, но яростно учились. Нас интересовало всё, мы жарко спорили на самые различные темы и верили в торжество разума и справедливости. Эта эйфория продолжалась недолго. Пройдя сталинские тюрьмы и концлагеря, я задумался над вопросом: если бы наше поколение знало об уготованной ему судьбе, когда одни должны будут погибнуть, другие будут обречены на адские муки, то повело бы оно себя как-то иначе, отказалось бы от борьбы с царским самодержавием? Ответ у меня один – нет, мы продолжили бы борьбу, мы боролись за свободу человека и глубоко верили, что в этой борьбе, в конце концов, обретём её. Я вспоминаю своих друзей, товарищей, рабочую и учащуюся молодёжь, окружавшую меня в 1915–1917 годы. Моё поколение, родившееся на рубеже XIX и XX веков, жило идеалами XIX века, аккумулировало многое из того, чем жил XIX век, что в конечном итоге породило ту революционную энергию, которая выплеснулась взрывом в феврале 1917 года. Во всей истории России не было и, вероятно, больше не будет такого периода расцвета, как не будет и такого поколения революционных романтиков, выросших на идеалах XIX века. Это была особая когорта людей энергичных,

мужественных, целеустремлённых, самоотверженных, политически грамотных и духовно сильных [Григоров. Указ. соч., кн. 3: 89–92.

К сходным выводам о своём поколении пришел В.Д. Резник:

Поколение двадцатых годов шаг за шагом отходило от поддержки Сталина, и отходило тем дальше, чем большую личную власть приобретал Сталин. Впитанные в плоть и кровь с молодых лет демократические традиции ленинской поры не мирились с державной властью одного лица. Это справедливо не только относительно нашего кружка, не только относительно бухаринской «школки», не только Карева и ему подобных, но и любого человека, способного к независимому мышлению. Можно с уверенностью сказать: политически мыслящая часть поколения 1920-х годов всё дальше шла по пути противопоставления себя Сталину, – хотя и с отдельными срывами и колебаниями. Принципиально то же происходило в среде учёных, вошедших в науку в 1920-х годах, – здесь решающее значение имело варварское отношение Сталина к современной науке и ужас «лысенковщины». Это предрешало судьбу поколения 1920-х годов – его можно назвать погубленным поколением. Какая скорбь и боль охватывает, когда думаешь о громадных духовных, интеллектуальных и нравственных ценностях, которые погибли вместе с ним. Не побоюсь сказать: поколение 1920-х годов, родившееся в Октябре, было в лучшей своей части поколением положительных героев. Всё же меня тревожит мысль, не подумает ли читатель, что я идеализирую поколение, вышедшее из Октябрьской революции. Я прекрасно знаю, сколько всякой скверны было даже и в передовом слое моего поколения. Достоевский, заглянув в него, без труда нашёл бы множество подтверждений амбивалентности в их нравственной природе. И множество склок, и проявления мелочного честолюбия, и зависть к чужому таланту, недобрые ссоры, вытекающие из недоверия друг другу, – и эти и другие моральные пороки мы в изобилии найдём даже и в передовом слое поколения. Пожалуй, только сребролюбия не было или почти не было. Но была черта, которая перекрыла все эти проявления нравственной недостаточности и которая – особенно в критических ситуациях – определила лицо поколения. То, что Ленин называет энтузиазмом великой революции, охватывает всю душу целиком. Идея становится над раздробленностью и недостатками личности. Мысль о главенстве идеи над характером была у Толстого. Утверждение этой мысли руководит построением всего образа Пьера Безухова. Но в цветущий период революции это главенство идеи над характером становится явлением массовым [Днепров Указ. соч.: 198–199].

В наши дни образ «советских философов» конструируется в масскультурном сознании авторами, кого по терминологии настоящей книги нужно отнести к «семидесятникам» и которые по-прежнему задают тон в философской жизни страны. Их интеллектуальная органика формировалась так, что они привыкли думать одно, писать другое, а делать третье. С семидесятых годов сменилось несколько исторических эпох, но приёмы мысли и поведения никуда не денешь, они сидят в «нейронах». Пытаться с подобной системой мировоззренческих координат судить о советских философах двадцатых годов бесперспективно. Они не будут поняты. Поэтому тексты и выступления, трактующие сейчас о советской философии 1920-х годов, скорее подпадают под гегелевское определение прагматической рефлексии, когда автор стремится использовать описываемые явления и факты истории для каких-то выводов или поучений своих современников, но не на философскую историю философии.

Попытка аутентичного истолкования поведения поколения философов 1920-х годов требует отделять убеждённость как от фанатизма, так и от чиновничьей нетерпимости к квалифицированному свыше инакомыслию. В этом ключ к пониманию парадокса: как это в социалистическом государстве целая генерация философов была уничтожена за высказывание марксистских взглядов.

* * *

Гибель поколения философов – это и «семейная история», разлом времени, уход в небытие срезанного пласта культуры и её носителей. В воспоминаниях жён и детей погибших философов запечатлён резкий контраст между жизнью «до» и «после», истории повседневной жизни семей философов и гибели этой жизни.

Аресты философов по идеологическим обвинениям влекли за собой аресты их жён, часть из которых также была расстреляна, беспризорность детей. Семьи репрессированных «уплотняли», но чаще – выселяли из квартир. Гибли библиотеки. В тонком культурном слое зияли новые пробоины. Прочувствовать культурно-психологический шок от внезапной трансформации всей жизненной среды можно по воспоминаниям детей репрессированных, для которых контраст между счастливым и благополучным детством и бесправной и нищей юностью был особенно резок. Некоторые из детей репрессированных философов ещё живы сегодня. Они в преклонных годах. Но боль их не утихает. Островки боли тлеют в московских квартирах, и мне приходилось их заставать во всей остроте.

Профессор Г.Г. Шпет не принадлежал к философам поколения 1920-х годов, но работал и погиб он вместе с ними. О жизни семьи до и после ареста отца вспоминала дочь Г.Г. Шпета Т.Г. Максимова:

> Папа в основном сидел в кабинете и занимался. В это время входить туда было нельзя, трогать что-то в кабинете без спроса тоже запрещалось, и шуметь было строго запрещено, чтобы не мешать папе работать. У папы была грандиозная библиотека, располагавшаяся в его просторном кабинете в Брюсовом переулке. С папой мы стали больше общаться, когда я подросла, когда пошли вопросы и разговоры уже посерьёзнее. Или когда, например, читала книжку и чего-то не могла понять. Тогда я приходила к папе и спрашивала, что это значит. А он обычно подходил к шкафу и вынимал какую-то другую книжку со словами: «На вот, прочитай ещё это, и потом мы с тобой поговорим». Он всё время работал. Сидел в своём кабинете с переводами, с книгами. Папа много занимался до поздней ночи, поэтому вставал поздно, мы к тому времени обычно уже уходили. Пил кофе и отправлялся в свою Академию. Но он никогда не позволял себе выйти к завтраку в халате, в небритом виде, даже если за столом были только свои. Я помню его всегда подтянутым, чисто выбритым, в крахмальном воротничке. Этот белоснежный крахмальный воротничок был всегда, в любой сезон. Лето, жара – и всё равно папа в белом воротничке, прямом и жёстком. Очень удачно, что, когда мы переехали в Брюсов переулок, там рядом оказалась китайская прачечная, где прекрасно умели стирать и крахмалить эти воротнички, дома так не получалось. Ходить в китайскую прачечную было моей обязанностью, и благодаря этому я даже выучила некоторые китайские слова. В семье относились к папиной работе с большим уважением, с большим почтением, которое внушала нам мама, на этом мы воспитывались. «Папа занимается, папа пишет» – в это время его беспокоить никому было нельзя, и мы в детской старались играть тихо, не шуметь. А сам папа очень серьёзно относился не только к своей работе, но и к семье, и к дружбе. Папа любил вместе со мной куда-нибудь сходить, взять меня с собой: например, в театр, в гости к В.Э. Мейерхольду, к К.С. Станиславскому, к А.Я. Таирову. Не обязательно на целый вечер, а просто так зайти, навестить, на пару часов. Папа абсолютно не умел отдыхать! Он сразу начинал скучать, и это была проблема всей нашей семьи. Нас, детей, каждый год вывозили на дачу, мы ездили в самые разные места, снимали дачу под Москвой, снимали и где-то подальше. А папа ездить отдыхать с нами не соглашался, он только приезжал нас навещать на один-два дня, и если он оставался на три, то это уже было чудо, такое бывало не больше чем один раз за всё лето, и то не каждый год. И ещё папа писал нам письма, к сожалению, они после его ареста пропали. Он писал нам совершенно изумительные письма, некоторые прямо как сказки. Чувство юмора у него было исключительное, высмеивать он умел всех и вся. Особенно глупость. А с умными людьми всё было наоборот. Вот такой пример. Мы как раз были на даче, приехал и папа, и все вместе

пошли погулять. Не знаю, как он вообще согласился «погулять» – «идти просто так по дороге без дела?» – такого он совершенно не переносил, как пустую трату времени. Ну, тем не менее, мы идём, и нам встретилась простая баба деревенская, в платочке и с коромыслом на плечах, которая ходила за водой. Уже не помню, как получилось, но мы на что-то отвлеклись, а потом смотрим, папы рядом нет, озираемся – а он стоит и разговаривает о чем-то с той бабой. Вернулся к нам весь сияющий, и восклицает: «Приятно поговорить с умным человеком!» Для него ум – это была совсем не только образованность, а что-то большее, более глубокое [Первый директор Института научной философии Г.Г. Шпет 2010: 141–143, 145].

Об аресте Г.Г. Шпета Т.Г. Максимова рассказала:

Явились, как всегда, ночью, примерно во втором часу. Всех разбудили, начали копаться в квартире, копались везде и всюду. Папина колоссальная библиотека их очень смутила, потому что все книги проверить было невозможно. Какие-то книги они снимали, какие-то листали, что-то делали у папы в кабинете, что там происходило – я не знаю, мы туда в это время не входили. А потом они пошли по квартире. Пришли ко мне в комнату, начали рыться, а у меня был небольшой письменный столик, там лежали мои личные бумаги, письма с объяснениями в любви и дневник. Я вела дневник и записывала туда почти всё. Эти НКВДшники нашли дневник, стали его читать и смеяться над моими девичьими вздохами и переживаниями. Я была в совершенном ужасе… Потом они ушли и папу увели. А я после этого порвала дневник, порвала все письма. Сначала он какое-то время сидел на Лубянке. Несколько раз звонил следователь, задавал маме разные вопросы. Потом надо было отнести туда какие-то справки, бумажки, послали меня. Ощущение ужасное. Я помню, как поднималась по лестнице здания на Лубянской площади, входила в кабинет следователя. Кстати, это был молодой, приличный и любезный человек, как ни странно. Потом через некоторое время нам позвонили и сообщили, что папа приговорён к ссылке и что он будет отправлен такого-то числа с такого-то вокзала. Нам разрешили прийти его проводить. Конечно, вся семья поехала провожать папу, в том числе дочери от первого брака, Нора и Маргарита. А на соседней платформе стоял и наблюдал за нами тот самый следователь из НКВД. Это и был последний раз, когда я видела папу. В ссылке первое время он прожил в Енисейске, потом ему выхлопотали перевод в Томск – более крупный, университетский город. Мама туда ездила к нему, другие дети ездили тоже. Я, к сожалению, не смогла поехать, потому что не было возможности, просто элементарно не хватало денег на билет. Жизнь была непростая. Я тогда работала в Румянцевском музее, получала очень мало, мама пошла преподавать французский язык, подрабатывала ещё машинописью. Когда-то она освоила печатную машинку вовсе не для заработка, а специально, чтобы готовить рукописи папиных книг, которые все без исключения она перепечатывала, потому что другие люди с трудом разбирались в папином почерке. Кто мог тогда представить, что эти навыки понадобятся совсем для другого…[Там же: 146].

Перелом в жизни семьи запечатлела в воспоминаниях дочь В.К. Серёжникова. В.К. Серёжников был деканом факультета общественных наук МГУ, когда при факультете создавался Институт научной философии, а затем заведовал кафедрой истории философии философского факультета МИФЛИ. О жизни московской профессорской семьи до ареста вспоминает дочь В.К. Серёжникова:

Отец был большим любителем после обеда (обедали часов в шесть) пойти на прогулку в Петровский парк, находящийся на современном Ленинградском шоссе, и всегда брал меня с собой. Мы проходили через триумфальные ворота – огромные и грандиозные: они возвышались в конце Тверской-Ямской улицы. Во время нашего гуляния отец часто останавливался, глядел на небосвод и рассказывал много интересного о звёздах. Обыкновенно доходили мы до ипподрома, на котором происходили конные бега и скачки, и возвра-

> щались домой к ужину. По-семейному садились за большой обеденный стол с кипящим самоваром. Собиралась вся семья, и начиналось вечернее чаепитие с вкуснейшими пирожками. После ужина каждый занимался своим делом: кто-то шил, кто-то читал вслух интересную книгу. Я любила вышивать. В десять часов дети шли спать. Отец уходил в свой кабинет на отдых, а ночью вставал работать. С головой погружался в свои книги и любимую философию. В кабинете отца стояли большой письменный стол с зелёным сукном и старинное кресло. На столе: лампа с зелёным абажуром, письменный прибор бювар, много карандашей, ручек, набор ножей для разрезания журналов и книг, три бронзовые статуэтки (Шиллер, Шекспир, Гёте), в рамке портрет Ламетри, этажерка, полная словарей, несколько специальных ящиков с каталогом библиотеки. которая насчитывала около 15 000 томов по философии, истории, русскому языку, иностранным языкам и другим отраслям знаний. Часто отец писал стоя за конторкой. Для спанья – широкий диван, на стене висела карта мира. Несколько раз были с отцом в Большом театре на балетах: «Спящая красавица», «Щелкунчик», «Лебединое озеро». В Художественном театре с отцом смотрели спектакль «Синяя птица». Меня учили музыке, шитью и вышиванию. Подготовкой к школе со мною занимался сам отец. Я поступила в образцовую школу № 25 Свердловского района г. Москвы, созданную специально для «кремлёвских детей» и детей вышестоящих партийных работников. Светлана Сталина, Лев Булганин были моими ровесниками, Серго Берия Воля Маленкова – на один год старше, Светлана Молотова – на три года моложе, одна внучка Горького была моей ровесницей, другая – на один год моложе и т. п. Только Василий Сталин был старше лет на пять. В те счастливые годы, казалось, ничего ещё не предвещало будущих трагедий. Отец был окружен братьями, сёстрами и детьми. По праздникам собиралось много гостей. Взрослые беседовали, веселились, танцевали, пели, читали стихи. Обыкновенно в дом приходило много народа. Часто бывал Николай Иванович Бухарин. Я помню его летом в сандалиях, в толстовке, в холщевых летних брюках. Он играл с детьми, сестру отца учил кататься на велосипеде. С ним всегда всем было весело. Частым посетителем был В.Н. Сарабьянов. Мой отец готовил его когда-то в Астраханскую гимназию. Они были неразлучными друзьями вплоть до ареста отца. В 1920–1930-е годы отец много работал с молодёжью. Как лектор пользовался у слушателей заслуженным глубоким уважением. Помню отца со строгим выражением лица, с задумчивыми глазами. Зимой в школьные каникулы мы выезжали на дачу. Отца это очень радовало. Он любил в тиши от городского шума писать свои труды. Но, увы, в 1938 году отца арестовали, и моё счастливое детство закончилось. Благополучию нашей семьи пришел конец [Сережникова 2015: 160–161].

В.К. Серёжников был арестован после клеветнической статьи декана факультета А.П. Гагарина, приговорён к тюремному заключению и умер в лагере. Немыслимость, невозможность произошедшего угнетала его. Ему удалось переслать семье несколько писем. О своём аресте он писал: «Я и до сего времени не могу вспомнить о нем и вызывать все подробности этого злосчастного дня 27 апреля, и боюсь. Боюсь, потому что разрываюсь. Избегаю вспоминать, несмотря на то, что протекло уже пять с половиной лет, долгих и страдальческих лет» [Корсаков 2015: 153].

О жизни семьи А.Р. Медведева, работавшего в Ленинградском отделении Института философии и в Военно-политической академии, вспоминает Р.А. Медведев:

> Отец очень любил нас, своих сыновей-близнецов. Мы отвечали отцу такой же сильной любовью. Никого и никогда я не любил больше, чем отца, и никто не оказал на мою жизнь и взгляды большее влияние, хотя я видел его в последний раз, когда нам с братом не было и тринадцати лет. Это была не просто любовь детей к родителям. Многие говорили мне позже, что наш отец был человеком очень умным и обаятельным, эрудитом, остроумным собеседником и превосходным оратором. Кроме того, он был комиссаром Красной Армии, а это очень много значило тогда, в начале 30-х годов, – видеть своего

отца в военной форме с тремя шпалами или ромбом в петлицах. Когда он вечером приходил домой и садился на железную «походную» кровать, стоявшую в его полном книг кабинете, мы с радостью бросались к нему, чтобы не только рассказать что-то о своих школьных делах, но и стянуть с него командирские, тонкой выделки сапоги. Известно, что пионеры 30-х годов (а в пионеры попадали тогда далеко не все школьники младших классов) воспитывались главным образом на примерах и образах революции и особенно Гражданской войны. Мой отец был именно таким комиссаром 20-х годов, и у меня были все основания не только любить его, но и гордиться им. Отец был очень занятым человеком. Он был «красным профессором», преподавателем и заместителем заведующего на кафедре диалектического и исторического материализма в Военно-политической академии, читал лекции в Ленинградском университете. Помню и нечастые прогулки с отцом в пригородных парках, катание на велосипедах. Почти каждую неделю отец бывал в букинистических магазинах. У него была очень большая библиотека – не менее четырёх-пяти тысяч книг, и я любил просматривать их, читал отдельные страницы, статьи в энциклопедиях [Медведев, Медведев Указ. соч.: 5].

Арест делил жизнь красной чертой на «до» и «после», на бытие и небытие. Слово Ж.А. Медведеву:

Прошло тридцать пять лет после той летней ночи, когда сон нашей семьи был нарушен сильным стуком в дверь, а я могу вспомнить все подробности. Проснувшись от стука, необычно громкого и настойчивого, я услышал как-то очень странно прозвучавший в передней голос отца: «Что же вы так поздно, товарищи?» Затем послышался звук захлопнувшейся двери, чужие голоса. Гости прошли в кабинет, и я снова уснул. Когда я проснулся, было уже светло, но очень рано. За стеной слышались разговоры, звуки передвигаемой мебели. Закончив обыск в кабинете, группа из НКВД должна была обыскать и детскую комнату. Перевёртывали наши подушки, матрасики, поднимали половики, копались в игрушках. Вдруг в дверях детской появился отец. На нем была гимнастёрка, но почему-то без пояса и без столь привычного ромба в петлицах. Рой тоже проснулся и, испуганный, сидел в кровати. Неожиданно отец подошёл к нашим кроватям, обнял нас обоих вместе двумя руками, прижал к колючему небритому лицу и, не говоря ни слова, вдруг заплакал. Это было так страшно, что мы тоже заплакали, а мать, вошедшая в комнату, громко зарыдала. Недалеко от двери я увидел военного с петлицами НКВД. Всё мгновенно стало понятно. Отец поцеловал каждого из нас и вышел. Через несколько секунд в передней снова хлопнула входная дверь. Мы долго сидели, не зная, что делать. Мама плакала. Затем она достала из буфета бутылку вина, налила полный стакан и выпила. Потом опять долго сидела, молчала, не замечая ничего. Очнувшись минут через тридцать, она заговорила срывающимся голосом: «Ваш отец ни в чем не виновен… это ошибка… Это Чагин и Пручанский оклеветали его… и Васюков вместе с ними… Его должны отпустить, он скоро вернётся… Мы сейчас сразу пойдём в ЦК…» Я помню, что этим же утром мама, с горящими от отчаяния глазами, взяла нас за руки и почти побежала к автобусной остановке, чтобы ехать в центр города. Вскоре мы оказались у ворот Кремля, возле Спасской башни. Охрана нас, конечно, никуда не пустила. Спустя месяц к нам в квартиру опять пришла группа людей вместе с военным в форме НКВД. Они сняли печать с кабинета отца и провели тщательный обыск, затем увезли все рукописи, тетради, записные книжки, картотеку, переписку – всё, что было когда-либо написано отцом. Заодно взяли именные золотые часы, подарок наркома обороны, облигации государственных займов и ряд ценных вещей, хранившихся в столе у отца. Так прошло несколько месяцев. Все мы находились в напряжённом ожидании, вздрагивая при каждом стуке в дверь, при каждом звонке телефона. Мне тогда и много лет потом снился один и тот же сон о возвращении отца домой. Однажды зимой, вернувшись из школы, по заплаканному, искажённому горем лицу матери я понял, что случилось что-то страшное. Я бросился к ней, стал расспрашивать. Она плача рассказала, что был закрытый суд, что папу приговорили

к восьми годам заключения. При этом она громко ругала всех: Ежова, прокурора, НКВД, судей и неизвестных мне Чагина, Пручанского и Васюкова, которые, по её словам, подали на отца клеветническое заявление, а ещё раньше – на его друга Тымянского и на кого-то ещё. Примерно через неделю мама нашла в почтовом ящике извещение от жилотдела Академии. Согласно распоряжению жилотдела, наша семья должна была в течение двух дней освободить ведомственную квартиру. Но уезжать нам было некуда, никакой другой квартиры или комнаты нам не предлагали. Через три дня рано утром в дверь снова громко постучали. На лестнице стояли управдом, дворник и милиционер. У них были виноватые, но решительные выражения лиц. Дворник с каким-то помощником и милиционер вошли в квартиру и стали выносить вещи во двор, складывая их прямо на снег. Мы не пытались им помочь. Но когда очередь дошла до книг, до прекрасной библиотеки отца, мать встала и начала всё делать сама. Она заворачивала пачки книг в простыни, завязывала верёвками и бережно сносила вниз. Возле кучи вещей на снегу собралась небольшая группа любопытных. Все нас знали – дом был академический, а отец работал в Академии больше десяти лет, – но никто не предлагал помощи. После суда мама получила право на короткое свидание с отцом, но об этом свидании она никогда нам не рассказывала. Она не могла не увидеть следов жестоких пыток, которым подвергали отца и которые всё же не заставили его признать себя виновным. Отец разрешил маме продавать все книги из своей библиотеки, кроме книг по философии, истории, политэкономии. Эти книги, однако, пропали позднее по разным причинам в перипетиях войны и эвакуации, и только две книги из отцовской библиотеки сохранились ныне на моих книжных полках. От отца приходили не только письма, но иногда и подробные заявления, пересылаемые, очевидно, через «вольных». В этих заявлениях, адресованных в ЦК ВКП(б), в Прокуратуру СССР, в Верховный суд СССР, новому наркому внутренних дел Л.П. Берии, отец подробно доказывал необоснованность обвинений, описывал издевательства, которым подвергался, приводил имена следователей, применявших пытки. Я помню почему-то лишь одно из этих истязаний – сидение на торчащей из земли палке, упиравшейся в копчик. Отец писал, что он, несмотря ни на что, отказался подписать фальшивые признания. В заявлениях отца указывались и имена тех, кто подал на него и на многих других сотрудников Академии клеветнические доносы. Но на все заявления приходил обычно один и тот же ответ: «В пересмотре дела отказано» [Там же: 4–5].

В ходе нашей работы удалось разыскать правнука сотрудника Института философии Ю.Ф. Геккера, который сохранил воспоминания двоюродной бабушки, одной из дочерей этого социолога и религиоведа. Ю.Ф. Геккер происходил из голландской семьи, поселившейся в России во времена Петра Первого. Приверженец методистской церкви, он уехал в США, где окончил Колумбийский университет и опубликовал книгу по истории русской социологии, которую до сих пор используют студенты на Западе. В 1921 году по приглашению А.В. Луначарского он вернулся в Россию. Путь для поколения философов 1920-х годов нечастый, но его нельзя назвать нетипичным. Возвращение из эмиграции в Советскую Россию было одним из ручейков формирования того поколения. Из США, например, вернулся Д.Ю. Квитко, ставший профессором кафедры истории философии философского факультета МИФЛИ-МГУ и написавший книгу о философии Толстого. Ю.Ф. Геккера отличало сильное религиозное чувство, слитое для него с верой в будущее справедливое устройство общества. В неопубликованных пока воспоминаниях дочери прекрасно показаны мотивы поведения учёного:

Отец глубоко верил в стройные социальные теории для будущего общества, и он хотел, ещё при своей жизни, создать «Царство Божие на Земле», и никакая «Голгофа» не отпугивала его. Для Юлия Федоровича учение Иисуса Христа с идеей социализма были идентичны. Желание быть последователем Христа руководило его деятельностью, и в сочетании с его сильным характером идеи его становились столь убедительными, что он нико-

му не казался смешным. Отца притягивало любое общество, борющееся за «правое дело», и он включался и вёл огромную общественную работу. Будучи прекрасным оратором, он собирал большие аудитории. Он говорил, что установление новой социальной системы на Земле должно стать делом каждого, а для этого надо быть готовым идти на жертвы. На этой работе он сложился как личность, и в это время окончательно сформировалось его мировоззрение. Ему шел тридцатый год. Есть старая истина о том, что жизнь двигают люди, верящие в идею, хотя правыми всегда оказываются скептики; так и наивная вера отца в то, что можно за одну жизнь перестроить общество, напоминает идеалистов из истории прошлого, – не только философов, но и исследователей. Невольно вспоминаю я, как мы с папой стоим на небольшой возвышенности, и он показывает мне реку Гудзон, и рассказывает о мореплавателе Гудзоне, который открыл её; и как голландцы вторично отправили его к берегам Канады – найти морской путь в Китай. Гудзон верил, что вот, – на горизонте откроется Китай. О бесконечности Тихого океана географы тогда ещё не знали. Но наступил декабрь месяц, команда восстала: они высадили своего капитана вместе с его семилетним сыном в открытую лодку и оставили там на погибель…

В воспоминаниях дочери Ю.Ф. Геккера юношескими глазами передан перелом жизни семьи московского философа на до ареста и после:

Мы жили тогда на Староконюшенном переулке в Москве. У папы был большой кабинет, где он работал. В доме часто обедали за нашим семейным столом разные люди: иногда знакомые, как наш учитель скрипки и другие, а также и незнакомые. За столом всегда велся оживленный разговор. Часто подолгу горячо говорил папа, и его слушали, а часто и дискутировали. Понять я могла лишь некоторые слова, имена и фамилии. Некоторых наши называли «это толстовец» – и я действительно помню белые толстовки. Часто папа что-то рассказывал, и все смеялись. Папа же иногда смеялся до слез. Я это хорошо помню, т. к. на это обращала внимание. Лучше всего запомнились праздники, особенно Рождество, к которому родители долго готовились. Мама уединялась в своей комнате и готовила на всех пятерых детей подарки. Вечером накануне сочельника папа притаскивал большую ёлку, краешек которой можно было случайно увидеть. Создавалось особенное настроение: чувство приближения чего-то великого, особо торжественного и значимого; а в день сочельника волнение, ожидание и даже трепет охватывали нас в тот момент, когда всех пятерых папа выстраивал перед входом в гостиную, откуда пахло ёлкой и зажжёнными свечами, а мама уже сидела за роялем. После традиционных хоралов папа при свете ёлочных свечей читал Евангелие от Матфея, где рассказывается о рождении Христа, а затем мы пели рождественские песни, после чего рассматривали подарки. Хорошо запомнились и воскресные прогулки, когда всех пятерых сажали на большие сани, и в них впрягался наш белый сеттер Джим. Джим тянул со всей мочи, а папа бежал рядом с санями по Пречистенскому бульвару до храма Христа Спасителя. А там мы катались на санях по лестницам храма – вниз к замёрзшей Москве-реке.

Папа хотел перевести на русский язык некоторые труды западных философов и частично напечатать их в научном журнале или, по крайней мере, прочитать о них доклады, чтобы советские философы были в курсе, как развивается мышление на Западе, и увидели, в какую сторону «вибрирует» магнитная стрелка философского «компаса». М.Б. Митин, один из руководителей Института философии, разрешил Юлию Федоровичу рецензировать иностранные книги, но предупредил, чтобы никаких своих мыслей Юлий Федорович не добавлял, а выводы делал бы только цитатами из марксизма-ленинизма, и повторил «только цитатами, только цитатами». Следовательно, опять перед отцом встала дилемма. Когда папа ложился спать, он долго не засыпал и тяжело вздыхал. Из его комнаты вздохи были слышны такие болезные, что казалось, что это стоны. Однажды отец рассказал, что он приехал в Институт философии, чтобы получить книги, которые надо было рецензировать, и что их долго искали. Наконец, парторг сказал, что книги заперты в парткабинете и на руки не выдаются. «Как же я буду докладывать Митину и другим об этих книгах,

если я их даже не читал?» – спросил Юлий Федорович. «А их и не нужно читать, – ответил парторг, – напишите в Ваших рецензиях, что они плохие». А затем ехидно взглянул на отца и добавил: «Печатать Вас всё равно не будут, бумаги нет».

У папы был свой режим. Утром после топки печей он работал в своём кабинете. После обеда – отдыхал, затем занимался хозяйством: колол и складывал дрова, а затем опять садился заниматься допоздна. Иногда вечером он сидел в кресле в гостиной и читал с карандашом в руке. В это время мне очень нравилось заниматься на рояле, и я просила папу оторваться от чтения и слушать. Папа соглашался, но всё же продолжал своё чтение. Длинными зимними вечерами родители сидели вместе. Мама печатала на машинке под папину, на английском языке, диктовку. Иногда прерывался этот стук, и они подолгу что-то обсуждали, дискутировали или просто тихо беседовали. В такое время меня всегда охватывало чувство счастья. Я смотрела на это, как на какую-то идиллию. А когда родители вместе куда-то уезжали в город, красиво одетые, прекрасные, меня охватывало чувство гордости. Но всё прекрасное для меня перемежалось с очень тяжёлым чувством, когда из папиной комнаты, во время его отдыха, доносился тяжёлый вздох, такой тяжкий, что казался стоном. Я чувствовала, что это неспроста и что-то тяжкое, тревожное мучает его: наступали 1936–1937 годы. Новый, 1938 год мы встретили вместе с родителями на Клязьме. Всё было очень скромно, серьёзно, напряжённо. Никто не улыбался. Ёлка была, но без игрушек, лишь с белыми горящими свечами и немного «дождя». Папа тихо что-то говорил, а мы больше молчали. А через полтора месяца, 16-го февраля, мама приехала к нам в город и сообщила, что папу «взяли».

Следователи с глубочайшим цинизмом относились к отчаянной борьбе жён арестованных за жизнь своих мужей. Вместе с Б.М. Гессеном был расстрелян его аспирант А.О. Апирин. Б.М. Гессен не выдержал и подписал признательные показания. А.О. Апирина же сломить не удалось, он боролся до конца. Следователи использовали против него показания его первой жены, с которой он был в разводе, женившись на другой женщине. Внучка А.О. Апирина от его второго брака чтит память деда и навещает символическую могилу жертв репрессий на Донском кладбище Москвы.

Жены арестованных были лишены возможности повторить путь декабристок. Но когда они пытались бороться за освобождение мужей, это оборачивалось противоположным результатом.

В числе ленинградских философов был арестован, осуждён к пяти годам заключения и направлен в лагерь Ю.П. Шейн. Его жена написала в Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б), добиваясь возвращения мужа из лагеря и пересмотра его дела:

По состоянию здоровья он очень слаб, страдает грудной жабой, малокровием и расстройством нервной системы. Его направили в очень тяжёлую и суровую обстановку концлагеря в Чибью Коми автономной области на реке Ухта. Из его письма я узнала, что его состояние здоровья вызывает опасения. Его сердечная болезнь (грудная жаба) усилилась, и он не выдержал тяжёлого перехода и начиная от станции Пинюг у него начались сердечные припадки после пилки и колки дров в течение десяти часов. А при переходе пешком по этапу в Чибью из Усть-Выми, пройдя 150 км, он слёг и лежал в больнице на этапном пункте Ропча с 24 мая по 8 июня, откуда его 16 июня на грузовике отправили в Чибью на распределительный пункт Шор и дальше этапом на пункт Воркута за 200 км за Северный полярный круг, где идёт добыча угля для судов. Но по состоянию здоровья его всё же вернули на Шор, откуда в тяжёлом состоянии (несколько сердечных припадков) направили в сангородок при Чибье. Ведь он же не преступник, и даже не политический. К нему есть только недоверие, за которое он несёт непомерное наказание. Как научного работника его знает т. Деборин, академик Иоффе. Как физика-теоретика марксиста его в Физико-техническом институте Иоффе ставили выше т. Гессена. Сейчас он – ученик слесаря. Прошу дать ему возможность работать как некоторым осужденным инженерам –

по специальности. Он слишком серьёзно болен, и прожить ему ещё два-три года – ещё вопрос? Нужно спасти его для науки и не допустить его до гибели. Верю и надеюсь, что когда разъяснится, всё изменится, и вернут его науке, а ему вернут науку! [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 1653. Л. 24–26].

Сидевший тогда в Чибье философ Г.И. Григоров вспоминал:

В конце 1936 года режим стал ужесточаться, часть администрации заменили. Лагерным санчастям строго предписали ограничить число освобождаемых от работы по болезни – не более 5 %, хотя больных было очень много. Усилили «шмон» в бараках, проверку посылок и переписку с родственниками. Участились самоубийства, человеку физически слабому, а особенно слабому духом, становилось очень тяжело справиться со всеми тяготами лагерной жизни. Из барака специалистов нескольких человек увезли в Москву, говорили – для пересмотра дела. Увезли и моего знакомого, профессора Юрия Шейна. Он пришел ко мне прощаться, вид у него был неважный, руки тряслись, он нервно протирал стекла очков. Он, в отличие от некоторых, не ждал ничего хорошего и прощался, как приговорённый к смерти [Григоров Указ. соч. Кн. 2: 288–289].

Ю.П. Шейна этапировали назад в Ленинград, пересмотрели дело, вынесли новый приговор и расстреляли.

Жена И.Я. Вайнштейна обивала пороги, пытаясь спасти мужа. Вот как она рассказала о посещении ею Института философии на Волхонке:

Я решила пойти к М.Б. Митину – одному из руководителей Института философии, который, как я была убеждена, сможет чем-то помочь, посоветовать, как быть. Я вошла с надеждой в большую светлую комнату дирекции Института философии и обратилась к восседавшему там Митину. Узнав, что я жена репрессированного Вайнштейна, он с нескрываемо злым и холодным выражением лица сказал: «Без несомненной вины у нас никого не арестовывают. Я ничем не могу помочь». И, посмотрев на часы, встал, давая понять, что ему некогда. Я возразила, что он ведь много лет знает Вайнштейна, что тот всегда был марксистом-ленинцем. Резко оборвав меня, Митин буквально закричал, чтобы я немедленно, сию секунду, покинула его кабинет, иначе он вызовет милицию и меня уведут куда следует… Не имея сил сдержать рыдания, я вышла [Воспоминания об И.Я. Вайнштейне: 251].

И.Я. Вайнштейна осудили и отправили в лагерь. Ему удалось переправить жене несколько писем, где он говорил об истязаниях, которым подвергался, и просил обратиться к Сталину с просьбой о пересмотре его дела. Жена написала письмо Сталину. В конверт она вложила книгу мужа о диалектике Гегеля, Маркса и Ленина и последнее письмо из заключения. Это была роковая ошибка: разглашение на воле того, что происходит за колючей проволокой ГУЛАГа, было по тем временам страшным преступлением, за которым следовала смертная кара. Позже она всю жизнь мучилась сознанием того, что стала невольной виновницей гибели мужа. После расстрела мужа её с сыном выселили из квартиры на улицу.

Сын Севьян стал впоследствии выдающимся учёным, гордостью нашей этнографии. Когда в перестройку родственникам разрешили прочитать уголовные дела, он пошёл на Лубянку, начал читать дело отца и вернулся потрясённым. Когда же он на другой день вышел из дома, чтобы вновь пойти туда, то ему стало плохо и он упал на автобусной остановке. После этого дело ходила читать уже его жена.

* * *

Способность остаться человеком в нечеловеческих условиях лагеря и вопреки им, видимо, и составляет ещё одну, третью отличительную черту поколения философов 1920-х годов.

Вот что рассказал о Д.И. Гачеве человек, сидевший с ним в лагере:

> Как-то работали мы с ним в ночную смену в открытом золотоносном карьере. Два кайла, две совковые лопаты, огромный санный короб с лямками-упряжками – весь наш нехитрый арсенал. Задача состояла в том, что мы должны были разрыхлить кайлами взорванный и промёрзший золотоносный грунт, загрузить им до отказа короб и, впрягшись в него, потащить его на высоченную насыпь. Мороз не менее 55 градусов. Туман. Едва видим друг друга. И вот в эту ночь, когда наш короб был заполнен до отказа, Гачев подошёл ко мне почти вплотную:
>
> – Послушай, Миша! – сказал он мне и вдруг стал напевать мелодию. Это был лейтмотив Второго фортепианного концерта Рахманинова. Всё это настолько не вязалось с обстановкой, что я попросту обалдел.
>
> – Ты только подумай, Миша, как это истинно русский гений Рахманинов создал творения с таким глубоким пониманием восточного ладотонального строя, а?
>
> Когда кто-то нечаянно или нарочно опустил в шурф, наполненный водой, очень нужный инструмент, Гачев первый вызвался его достать. Бригада была в простое и могла пострадать не только материально. Он трижды нырял в шурф при 50-градусном морозе. Достал наконец. А когда одевался у костра, лязгая челюстями, сказал:
>
> – Знаешь, Миша, вода не такая уж холодная… [Гачев 2002. 13–19 февраля].

А.Р. Медведев и в нечеловеческих условиях лагеря сумел сохранить человечность и достоинство. В лагере А.Р. Медведева неожиданно повстречал бывший сослуживец И.П. Гаврилов. Рой и Жорес Медведевы записали его рассказ:

> Я встретился на Колыме с Александром Романовичем в трагической обстановке. Представьте себе: гонят колоннами нескончаемые многотысячные этапы под строжайшей охраной – со злыми немецкими овчарками, в нестерпимый пятидесятиградусный мороз. Большинство заключённых истощены, перенесли и голод, и болезни (пеллагру, дистрофию, цингу, глубокий авитаминоз и другие). И вот в Среднем Кане охрана нашей этапной колонны завела нас в одну из палаток, в которых размещались возвращавшиеся из Сеймчанских рудников сактированные врачебной комиссией заключённые, направляющиеся под Магадан на 23-й километр, где находился мрачный лагерь изуродованных, обмороженных, истощённых, слепых – словом, абсолютно нетрудоспособных, безнадёжных людей. Этот лагерь называли на Колыме лагерем живых трупов. Когда мы вошли в палатку, нам приказали снять с этих несчастных, слабых людей заработанные кровным трудом почти новые бушлаты и пимы, отдав им в обмен наше рванье. Поднялся вопль этих людей, мольба пощадить их и дать возможность добраться в своём обмундировании до лагеря 23-го километра. Вдруг я слышу знакомый голос старшего этой палатки. Это был Александр Романович Медведев. Он своим звонким баритоном призывал наш конвой прекратить мародёрство над своими же товарищами. Надо сказать, что большинство нашего этапа отказалось от захвата чужого обмундирования. Но нашлись такие, которые без колебаний отнимали всё что могли у более слабых. Узнав друг друга, я и Александр Романович трогательно расцеловались и обменялись сведениями о пережитом. Много мы размышляли, как дошли мы до жизни такой, в чем же наша вина? Что теперь будет с партией и страной? Вопросов было много, но ответа дать мы не могли. Но вот команда строиться в этап, и мы с грустью расстались [Медведев, Медведев Указ. соч.: 3].

Философы, находясь в заключении, становились духовной опорой для товарищей по несчастью. Мотив этот пронизывает многие воспоминания. Дочь Ю.Ф. Геккера рассказывает о произошедшей однажды случайной встрече:

> Выходила я из кабинета начальника отдела торопливо, стараясь как можно быстрее закрыть за собой клеёнчатую дверь, и торопливо шла по старому обшарпанному коридору. Тяжёлое чувство ещё продолжало давить меня. Старинная неуклюжая дверь – и я выхожу на большую площадку, соединяющую два здания, и спускаюсь по широкой лестнице, которая выходит прямо на тротуар. Кто-то окликнул меня:
> – Подождите, ваша фамилия Геккер? Юлий Федорович – ваш отец?
> Я замерла на месте:
> – Да.
> Кто-то наклоняется близко ко мне. Он высокий, какой-то измождённый, лицо как будто преждевременно состарившееся. Но ему не больше сорока пяти лет. Одет он плохо, в руке портфель.
> – Я знал вашего отца. Я сидел с ним в одной камере в 38-м году… Когда назвали вашу фамилию, я сразу понял, что вы – его дочь. Как вас зовут? Вас пять дочерей – Юлий Федорович нам рассказывал. Я помню каждое его слово… Идёмте, не надо здесь стоять.
> Мы спустились, пошли налево. Ужасный шум на улице, много людей, они путаются вокруг нас, толкают. В голове тоже шум, и путаются мысли.
> Человек продолжил разговор:
> – Я его никогда не забуду. Он так много рассказывал о себе, о своей жене, обо всех вас… Мы были в ужасном состоянии, слова вашего отца были нашим спасением, они глубоко запали в душу, он был для нас как Христос…
> Теперь мы вышли на ул. 25-го Октября и повернули ещё раз налево. Перед нами Красная площадь и Кремлёвская стена.
> – Скажите, его мучили на допросах?.. Его пытали? (С трудом выговариваю это слово.) В каком он был состоянии?
> Прямого ответа не последовало:
> – Я пробыл с ним в камере недолго. Я был одним из тех немногих, которых отпустил Берия вначале, когда он сменил Ежова. Почему это был я, а не кто-нибудь другой, никто не знает. Но оправиться от пережитого там я так и не смог. Посмотрите на меня, зубы они выбили… Они выбили мою душу. Вскоре началась война. Я был на фронте, и всё это как во сне, но то – как будто было вчера. Я ничего не могу забыть.
> Мы остановились. Встретиться ли нам ещё раз? Я подняла, наконец, голову, чтобы посмотреть на него. Он рыдал неслышно. На лице его была ужасная гримаса. Провалившиеся щеки дрожали, сутулые плечи вздрагивали. Сдерживаться я тоже больше не могла. Молча, я протянула ему руку:
> – Спасибо!..
> Не знаю, куда он ушёл. Я тоже не знала, куда шла. Но только помню, что на Красную площадь я не вышла…

Как во времена Боэция, философия становилась для заключённого утешением. И.К. Луппол сидел в камере смертников вместе с академиком Н.И. Вавиловым. Инженер И.Ф. Филатов, сидевший с ними и выживший, рассказывал:

> Камера была очень узкая, с одной койкой, прикованной к стене, окон не имела. Находилась эта камера в подвальном помещении тюрьмы. Тюрьму эту многоэтажную арестанты по сходству со знаменитым многопалубным кораблём, погибшим в Атлантике, звали «Титаник». В камере круглосуточно горела лампочка. Жара, духота. Температура доходила до тридцати градусов. Сидели потные. Одежду свою – холщовый мешок с прорезью для головы и для рук – заключённые называли хитоном. На ногах лапти, плетённые из коры липы. Луппол говорил, что такую одежду носили рабы в Древнем Риме. Питание

> было трёхразовое: две ложки каши и миска супа из тухлых помидоров солёных с кусочком ржавой селёдки – обед и ложка каши на ужин. Кроме того, полагалось триста или четыреста граммов чёрного хлеба из ячменной муки. Передачи и приобретения для этой категории заключённых были запрещены. Вавилов навёл дисциплину в камере. Ободрял своих товарищей. Чтобы отвлечь их от тяжёлой действительности, завёл чтение лекций. Лекции читали по очереди все трое. Читали вполголоса, при громком разговоре вахтер открывал дверь или смотровое окно и приказывал разговаривать только шёпотом. На койке спали в порядке очереди двое. Третий дремал за столом, прикованным к стене и к полу камеры. Так проходил день за днём: утром после завтрака лекции, потом отдых, обед, снова лекции до ужина и сон. К двум академикам подсадили какого-то умалишённого, который отнимал у них утреннюю пайку хлеба. Остаться без хлеба в тех условиях – верная смерть. Луппол и Вавилов, естественно, пытались справиться с безумным, но тот пускал в ход кулаки и зубы и не раз выходил из этой «битвы за хлеб» «победителем» [Поповский 1991: 93–94].

Перед лицом смерти от голода, которая их в итоге настигла, Вавилов и Луппол читают друг другу в камере лекции: Вавилов по биологии, Луппол по философии. Это способ остаться личностью в нечеловеческих условиях. Причём здесь ипостаси личности и философа совпадали: не потерять себя, продолжать мыслить и обращаться с философским словом к сокамерникам. Палаческая система в такой как будто бы безобидной вещи, как чтение философских лекций, чувствовала непокорность узников, их выключенность из отношений господства и рабства. Луппола и Вавилова обрывали на полуслове. Но они и так были в камере смертников.

Для других же попытка остаться философом в тюремной камере стоила жизни. Дебринец Э.Ф. Лепинь на свободе занимался философскими проблемами физики [Корсаков 2019: 76–89]. В колымском лагере он стал читать тем, кто был вместе с ним в заключении, лекции по философии. Вокруг Э.Ф. Лепиня сложился кружок интересующихся.

В вину лектору и слушателям было поставлено то, что они присутствовали на собрании, слушали и обсуждали лекции, участвовали в массовых отказах от работы и саботаже. Э.Ф. Лепиня направили в дальний лагпункт на общие работы. Но и там он продолжал, по донесениям соглядатаев:

> …заниматься теоретической деятельностью, направленной на перемену существующего строя, пишет тезисы об изменении в преподавании философии, с ревизией Маркса, Энгельса. Ленина, Сталина, выражая в таковых развёрнутую ярко зиновьевско-троцкисгскую контрреволюционную платформу [Мета, Диденко 2000: 69].

В итоге лагерное начальство, чтобы отличиться, сфабриковало «дело философов». Э.Ф. Лепинь был обвинён в том, что:

> …отбывая наказание в Севвостлаге, организовал из заключённых контрреволюционную группу с целью продолжения активной борьбы с Советской властью. Руководил нелегальными собраниями, на которых читал лекции по философии контрреволюционного содержания [Там же: 60].

По «делу философов» Севвостлага Э.Ф. Лепиня и троих его слушателей расстреляли. Его – за то, что он писал философские тексты и читал лекции по философии, остальных – за то, что эти лекции слушали. В обиходе мы часто говорим о том, сколько стоят часы лекционного времени. Вот для этих людей ценой философской лекции стала жизнь – и для лектора, и для слушателей.

Совершенно пронзительный случай произошёл с Ю.Р. Закгеймом. «Доблестные труженики» НКВД фабриковали «заговор» очередной «контрреволюционной троцкистской террористической группы» из философов. Ю.Р. Закгейм был записан в «заговор» как участник террористической группы, который готовил «покушение» на Сталина. В нечеловеческих условиях заключения у человека оставался небогатый выбор: погибнуть самому или, погибая, вовлечь других, и сколько будет этих других. Через всё уголовное дело Ю.Р. Закгейма проходит сюжет о том, что он завербовал нескольких своих студентов в террористическую группу. Пункт об этом вошёл даже в смертный приговор. Но вопреки практике НКВД никаких имён в обвинительном заключении не названо. Потому что их не назвал Ю.Р. Закгейм. Каких страданий, каких новых пыток и издевательств это ему стоило – мы не узнаем. Несомненно одно. Своей смертью Ю.Р. Закгейм спас жизни нескольких своих студентов.

Ценой каких душевных жертв О.М. Танхилевич смогла сохранить себя в лагере как личность, женщину и философа, поделилась в своих воспоминаниях её подруга А.Л. Войтоловская. Они встретились, когда А.Л. Войтоловская во время работы потихоньку «мурлыкала себе под нос» любимые произведения: романсы Глинки, Чайковского, Римского-Корсакова, Шуберта, Шумана, шотландские песни Бетховена:

> В один из таких рабочих дней на нашу половину пришла Ольга и тонким протяжно-ласковым голосом заговорила – Кто здесь распевает всё то, что я люблю? Оля дождалась, пока я закончила, собрала и помыла инструмент, и по дороге заговорила мягко, просто, будто мы давно знаем и понимаем друг друга. Дружба возникла мгновенно и длилась почти до Олиной смерти только потому, что Оля её так же внезапно оборвала. Мне кажется, и в любви она создавала отношения и рвала, когда любовь не могла её поглотить целиком. Передо мной был другой человек, близкий к той, которую мельком знала на воле. Подавленность горем исчезла, она могла смеяться заразительно, весело, но какой-то порог она никогда не переступала, чему причиной высокая степень нравственного целомудрия, не позволявшая раскрыть себя. В ней для меня оставалась всегда некая неуловимость, нельзя было и предугадать, как будет реагировать она на события. К ней невозможно подойти с обычным критерием. Поразительна была в Ольге её редкостная способность в развитии той или иной мысли – доводы, обоснования кратки, чётко нанизаны, импровизация легка, как дыхание, а создаётся стройная и убедительная концепция, система взглядов [Войтоловская Указ. соч.: 255].

О.М. Танхилевич прошла через целый ряд арестов, ссылок и лагерей, дала отпор домогательствам следователя, переносила унижения, бесправие и голод. В лагере её любимый мужчина (они не были расписаны) и отец её ребёнка был расстрелян. Там же она родила, и забота о дочери вернула ей интерес к жизни. Г.И. Григоров, знавший её по философскому отделению ИКП, вновь встретил Ольгу Марковну в лагерном пункте Кочмес Воркутинских лагерей:

> Эту молодую женщину природа одарила очень богатой, глубокой и тонкой душой, сильной волей, необыкновенным интеллектом, свободолюбием и мужеством. Когда бы я ни беседовал с ней, всегда испытывал восхищение от глубины, логичности и изящества её мыслей, от её всегда очень интересного анализа явлений, событий, философских направлений, отдельных личностей, искусства, поэзии и т. д. И при этом меня удивляло, что все годы она сохраняла веру в то, что найдутся силы, которые положат конец сталинскому произволу. Об этом Ольга говорила и при нашей встрече в Кочмесе. Принимая во внимание способность Ольги глубоко анализировать самые сложные ситуации и предсказывать их дальнейшее развитие, её постоянную надежду на сокрушение сталинской диктатуры, я связываю с совершенно особыми свойствами её души и характера. Люди по-разному воспринимают подобные судьбоносные поражения. Для Ольги смириться с этим было

равносильно смерти, вот она и пыталась удержать в себе веру в то, что не всё потеряно [Григоров Кн. 2: 341–343].

Но чрезвычайная отзывчивость, острое переживание любой окружающей её несправедливости сказались на душевном состоянии О.М. Танхилевич. Она нашла способ выключаться из кошмарной реальности. Сложными путями ей удавалось сохранить в лагере два тома Гегеля и толстую тетрадь с конспектом его «Логики». Но наибольший интерес вызвала у неё не гегелевская, а математическая логика, тем более что для занятий ею книги не были так необходимы. Она сознательно стремилась разделить в своей истерзанной душе логическую ипостась, в которую она могла погружаться, и чувства, которые связывали её с реальностью. Своей подруге А.Л. Войтоловской она говорила:

Часть моей психики, а значит и памяти, кровоточит. Я должна подавить её беспощадно, иначе я лишусь возможности творческой деятельности, а значит, не смогу и не захочу жить. Единственный выход – расчленить память, а она сгусток наблюдений и опыта, на элементы. Для меня лично возможен теперь лишь один способ существования – заниматься математикой. Здесь я владею собой. Если увижу своё бессилие и в этой области, тогда конец. Танечке я тоже нужна только в таком случае. Мир, в котором я росла, думала, образовалась и до некоторой степени сама создавала, была очень счастлива и очень несчастна, от меня отказался безвозвратно [Войтоловская Указ. соч.: 258–259].

После всех перенесённых испытаний О.М. Танхилевич вернулась в философию и написала статью о Лейбнице как предшественнике кибернетики [Танхилевич 1957: 120–132]. Кибернетику как раз только начали реабилитировать, а она продумала её историко-философские предпосылки, находясь в лагере. Но возвращение к работе было куплено дорогой ценой. Состояние выключения из неприемлемой реальности у чувствительной натуры и так бы происходило, но оно ещё и культивировалось. У О.М. Танхилевич развилась циклотимия, когда периоды депрессии чередовались с периодами повышенной интеллектуальной и социальной активности. Она это знала и не хотела, чтобы болезнь развивалась бесконтрольно. Окончательно доконал её отказ восстановить её в партии. Для человека из поколения 1920-х годов потрясение понятное. Событие, равнозначное отторжению тебя социумом. Она выпила большую дозу снотворного и ушла из жизни.

Письма из лагеря – это такой эпистолярный жанр, который заслуживает специального исследования. Нам они важны сейчас как свидетельства неубиваемой человечности и неугасимой потребности мыслящего человека в философском творчестве.

А.Р. Медведев умер в Сеймчанских рудниках на Колыме. Он сумел переправить сыновьям предсмертное письмо. В нём он писал:

Физически я очень далеко от вас. Но в своих мыслях и чувствах я близок вам, как никогда: вы «главный предмет моих привычных дум», смысл и цель жизни. Я без устали перебираю в обострившейся памяти все домашние эпизоды, вплоть до мелочных, и воспроизвожу ваши милые образы. И в этом моя утеха и радость. Я вступил в возраст, который древние греки называли «акме». Это позднее лето и начало осени – период творческого плодоношения. В этот период особенно тянет к философии. И я когда-то дал себе слово не выступать в научной печати до сорока лет, чтобы выпускать действительно зрелые произведения. Поэтому я и ограничивался научно-популярной, педагогической деятельностью, накопляя и обрабатывая материал – «заготовки». Именно теперь, на пороге вашего вступления в юношеский возраст, в пору цветения жизни, я бы хотел быть подле вас – передать вам свои знания и опыт и, по возможности, уберечь вас от юношеских ошибок. Но судьба решила иначе! Главное – учитесь, упорно, настойчиво, не ограничиваясь школьной программой. Учитесь думать и быть организованными, вырабатывайте твёрдый характер и волю. Терпение, выдержка – вот что вам особенно нужно. Учитесь

преодолевать трудности, как бы велики они ни оказались [Медведев, Медведев Указ. соч.: 6].

Наставляя дочь в предсмертном письме из лагеря, В.К. Серёжников написал:

Наука – самое дорогое, что есть в жизни. Помни только, что занятия наукой требуют бескорыстной преданности ей и настойчивости, связанной с тяжёлым и упорным трудом. Как бы ни была продолжительна наша жизнь, никогда не устанешь заниматься наукой. Наука неисчерпаема, как неисчерпаема природа. Жаль только, что жизнь наша коротка. Тем более продуктивно надо проводить её [ГАРФ. Ф. 10022. Оп. 1. Д. 12. Л. 6,7 об.].

Мы говорили вначале, что подпись автора под философскими статьями в ряде случаев служила основанием для ареста. Так было с сотрудником Института философии и профессором философского факультета МИФЛИ деборинцем Ф.Е. Тележниковым. В предсмертном письме из лагеря он писал родным:

Один из самых тяжёлых моментов в здешней жизни – это полное отсутствие умственной работы, это отрыв от той большой научной кипучей жизни, которую я в последнее время так развил. Ведь я должен был реализовать то, над чем работал в течение пятнадцати лет. Неужели я не смогу оформить, осуществить то, над чем так скрупулёзно работал многие годы. Мои «Очерки истории буржуазной социологии» должны были заполнить пробел, существовавший в марксистской литературе. Ведь нет ни одной работы в этой области. Пройдёт время, я буду ходатайствовать о том, чтобы мне разрешили хотя бы понемногу, урывками продолжать эту работу, которая несомненно представляет общественный интерес [Тележников 2013: 6–7].

Но ему, как и почти всему его поколению, заткнули рот, не дали реализоваться их думам и устремлениям, их творческой страсти. Тема мучительной невысказанности, иссушающей работы мышления, лишённой возможности плодоносить, пронизывает лагерные письма. Д.И. Гачев писал жене из Адыгалаха, где и умер «на дорожных работах с использованием тачки»:

Мой дорогой дружок! Хочу признаться тебе в одной искушающей меня идее, над которой я думаю вот уже год. Правда, виновником этой идеи являешься ты. Как-то раз, несколько лет тому назад, я рассказывал тебе несколько эпизодов из моей жизни. Они тебе так понравились, что ты высказала мысль, что они достойны художественного отображения; после этого я стал думать о романе, посвящённом Сентябрьскому восстанию в Болгарии. Эту мысль, как только она появлялась, я изгонял, будучи убеждённым, что я или не созрел для этого, или вообще не способен к художественному творчеству. Последние годы я совсем перестал думать об этом. Однако с тех пор как я сменил профессию советского литератора на профессию колымского горняка, я опять возвратился к этой старой идее. Хотел я этого или не хотел, но голова, будучи абсолютно свободной от какой бы то ни было другой деятельности, стала лихорадочно работать. Таким образом, я уже мысленно создал сюжет, каркас, отдельные главы, отдельные эпизоды и положения, характеристики отдельных героев двух повестей – первой, посвящённой советской жизни, второй – западной. По своему жанру повести эти будут близки к философским повестям Вольтера и Дидро. Боже упаси обвинять меня в «чванстве» – сравнивать себя с этими титанами. Основное содержание их – изображение нового человека, новых отношений между людьми, вопросы социалистической культуры в действии. Главное: герои должны быть конкретно раскрыты посредством их страстной любви к природе, музыке, философии. Горький когда-то и где-то говорил: «Если у тебя в голове заведутся вши, это, правда, неприятно, но если в ней зародятся мысли – как будешь жить?» И вот мысли, творческие мысли меня терзают уже полтора года непрерывно. Но довольно морочить тебе голову мечтами и планами о творчестве. «Голодной курице просо снится», – говорит старая поговорка.

И неужели надолго мне будет сниться это просо, неужели я «враг народа» и должен пропадать в далёкой и холодной Колыме? [Гачев Господин Восхищение].

В осколках собранных воспоминаний, из которых мы попытались сложить некую мозаику, всё время просвечивает тема добра и зла и тема смерти и общения душ, разъединённых, оторванных друг от друга. Поневоле сюда включается мистический элемент, элемент контакта с запредельным. Ведь приходят же к нам вновь во сне ушедшие близкие. Мы жаждем встречи с ними, но приходят они сами. Тогда телепатия оборачивается ясновидением. Мистика пронизывает жизнь, так как становится единственным способом разрешить те главные проблемы, что не отпускают душу.

В воспоминаниях сына И.Я. Вайнштейна есть такой мистический сюжет:

Помню, как мы с мамой отнесли письмо на Центральный почтамт и послали: «Москва, Кремль, лично товарищу Сталину». Было это в самом конце декабря 1937 г., в канун нового, 1938 г. Маленький мальчик, я, конечно же, тоже безмерно верил Сталину, а потому каждое утро забирался на табуретку, чтобы заглянуть в почтовый ящик, где должен был быть ответ. Но его не было. Прошло около трёх недель, и вдруг… среди ночи проснулся от крика матери. Вся в слезах, она подбежала ко мне со словами:

– Твоего отца только что убили. Я почувствовала страшный удар. Пуля прошла здесь.

И она свалилась в рыданиях. Я запомнил: это было в ночь с 18 на 19 января 1938 г. Больше писем от отца не было. Мы пошли в приёмную на Кузнецком, и там нам сказали, что он осуждён уже на 10 лет без права переписки. После XX съезда партии мы получили извещение о посмертной реабилитации отца. Но даты смерти в извещении не было, попытки выяснить её – безрезультатны. В анкетах я всё же эту дату указывал – дату той страшной ночи, писал – 18 января 1938 г. Лишь два года назад на ещё одну просьбу матери пришел ответ: отец умер 19 января 1938 г. [Воспоминания об И.Я. Вайнштейне: 254].

Дочь Ю.Ф. Геккера вспоминает:

Когда за ним пришли, мама увидела у него на письменном столе недописанное письмо, адресованное Сталину. Письмо начиналось: «Уважаемый Иосиф Виссарионович!..» Это письмо было конфисковано вместе со многими рукописями отца и перепиской с Англией и США. Что произошло далее – точно неизвестно. Мы могли только предполагать, что следствие и суд продолжались со дня ареста, т. е. с 16 февраля и до 5 апреля 1938 года. Это день, когда арестовали нашу мать, потому что очень часто жён «изменников родины» брали после закрытия дела осуждённого, и их без суда и следствия высылали в лагеря вместе с уголовными преступниками. И вот, во время этих полутора месяцев, мне приснились два сна, которые я считаю практически вещими. Ведь сны – это образное проявление предчувствий или, как сейчас говорят, это психоанализ. Так что ничего особо удивительного здесь нет, и сны мои только подтвердились другими событиями. Такие как мой отец – были для Сталина ненавистными врагами. Сталин никому не верил. Будучи сам ни во что не верующим человеком, он не верил, что существуют принципиальные люди, которые могут принести себя в жертву новым идеям. Он верил только тем, у кого есть личные интересы и выгоды, или же тем людям, которых можно подкупить или запугать. Моего отца нельзя было ни подкупить, ни запугать, и не было у него никаких личных интересов, кроме чувства долга или ощущения какой-то миссии, данной ему свыше, – распространять по свету веру в свои идеалы. Эта «вера в коммунизм» влекла его вперёд, он видел прекрасное будущее, отражённое в тысячах зеркал, и если бы он не погиб, он верил бы в эти идеалы и по сей день. Итак, в первом сне я увидела всю нашу семью в Швейцарии, там где родилась наша сестра Оля. Охваченные какой-то страшной тревогой, мы идём торопливо по шпалам горной железной дороги. Справа поднималась гора, слева – дорога шла над пропастью; а вдали виднеется вход в пробитый через скалы тоннель. Впереди идём моя сестра Оля и я, и мы несём какие-то вещи. За нами мама,

Ирма и Верочка тащат больную сестру Алису. Позади всех идёт папа, он всё оглядывается назад и торопит нас. У входа в тоннель мы с Олей слышим, как мама умоляет папу идти вперёд и не ждать нас, но он настоял, чтобы мы все скрылись в тоннель, а потом он догонит нас. И вот мы идём молча в полной темноте. Потом мы с Олей видим на расстоянии дневной свет, но мама с девочками отстали от нас, и у выхода из тоннеля мы останавливаемся, чтобы подождать остальных. Вдруг раздаётся выстрел. Как удар прогремел сквозь тоннель и стал эхом биться о скалы, и долго-долго мы слышим, как он повторяется вдали. Когда из тоннеля выходят мама с измученной Алисой, а за ними Ирма и Вера, то мама крича спрашивает: «Где папа?» В зловещей пустоте тоннеля мы все понимаем, что папы больше нет. Этот сон тревогой отравил мне жизнь: несколько дней я еле волочила ноги на работу. Сон стал «телепатическим», так как он отразил дальнейшую жизнь семьи. Двум сёстрам удалось избегнуть ареста, их мама и трое других сестёр (все те, кто вышел из тоннеля несколько позже) – были арестованы и провели годы в тюрьме и в ссылке. Отец погиб и не вернулся. Вскоре, дней через десять или чуть меньше, мне снится второй сон. Опять я с Олечкой, но теперь мы с ней в Москве и совсем одни. Глубокой ночью мы идём по Староконюшенному переулку, где мы жили в детстве и где напротив нашего дома № 39 стоял особняк в глубине заросшего сада за железной решетчатой оградой. Мы идём мимо ограды, и внезапно из сада до нас доносится плач и причитания. Мы останавливаемся и, не сговариваясь, интуитивно лезем через решётку и, спустившись на руках по другую сторону, пробираемся среди кустов и деревьев туда, откуда слышны были стон и плач. На земле один за другим, всё чаще и чаще, лежат люди, все закутанные в белом, и среди них мы видим папу. «Почему ты плачешь?» – спрашиваем мы. И папа отвечает: «Как нам не плакать; нас сейчас отправят на северный необитаемый остров, а вам, родным, скажут, что мы умерли. Мы будем мучиться до самой смерти, и вы даже не будете знать, что мы живы».

Вдова Ю.Р. Закгейма так закончила свои воспоминания о муже:

Я прожила с Юделем всего восемь лет из моей долгой жизни. Всякое было в эти восемь лет. Он был абсолютно не приспособлен к решению житейских проблем. Такие трудноразрешимые (и в то, и в нынешнее время) задачи, как замена разбитого стекла, ремонт крыши, наем дачи и пр., всегда ложились на меня. Но эти мелочи не вспоминаются. Я помню только восемь лет жизни с ним, полные глубокого счастья. Прошло более полувека, как Юделя нет в живых, а боль за него, сны о нем не покидают меня. И до сих пор мне снятся сны, что его любимого ученика бьют палками по его чудесной голове, а Юделя садист-палач расстреливает не в затылок, а в лоб, чтобы насладиться предсмертным ужасом на его лице…[Адамова-Слиозбекрг Указ. соч.: 240].

* * *

Итак, три черты, которые я мог бы выделить, чтобы очертить поколенческий типаж философов 1920-х годов. В период формирования личности – стремление к философскому образованию на фоне преодоления неблагоприятных стартовых социальных условий. В период недолгого творческого расцвета – публичная акцентуация личной философской позиции в качестве интеллектуального и нравственного убеждения. В ситуации сталинского застенка – способность остаться человеком вопреки нечеловеческим условиям.

Вот что в виде небольшого очерка можно сказать о философах – «людях двадцатых годов». В нашей философско-мемуарной литературе была подзабытая ныне попытка создать поколенческий миф о «людях тридцатых годов», предпринятая М.А. Лифшицем [Лифшиц 1985: 189–312]. Сюжет этот стоит того, чтобы на нем остановиться поподробнее. Прошу простить читателей за это отступление от темы, его надобность вскоре разъяснится. Пример

с М.А. Лифшицем весьма характерен, так как показывает механизм выстраивания посмертных репутаций кумиров поколений.

М.А. Лифшиц противопоставлял своё поколение как поколению 1920-х годов, так и поколению шестидесятников. Конфликт его с шестидесятниками известен хорошо. А вот его отношение к своим непосредственным предшественникам требует пояснения. Перо М.А. Лифшица с лёгкостью, но без оснований перенесло на людей его «поколения» лучшие черты «людей двадцатых годов», в том числе понимание глубоких историко-философских истоков марксизма. Самих же «людей двадцатых годов» он наименовал «первыми учениками» (сиречь отличниками), и в этом был, видимо, прав. «Первых учеников», по его словам, «не любит история» за их «слишком передовые рассуждения», «бессодержательную жвачку» и «празднословие». История полюбила таких, как М.А. Лифшиц, которые «высказывались с большой осторожностью, полезной во все времена, а в 30-е годы особенно» [Там же: 291, 308]. «Первые ученики» не смогли промолчать, вылезли со своими идеями, стали поучать власть и – погибли. «Вторые ученики» вовремя промолчали, вовремя ославили кого следовало, вовремя составили подходящую речь для начальственного мыслителя. Таким способом оказалось возможным выжить и даже стать академиком.

М.А. Лифшиц не пошёл с «людьми двадцатых годов», потому что не хотел встраиваться в школу Деборина и считал себя самого годным на роль лидера самостоятельной философской школы:

> Монополия принадлежала в области философии А. Деборину и его школе… Моё направление, не имевшее никаких организационных позиций, должно было рано или поздно потерпеть неудачу, – воспоминал М.А. Лифшиц. – Как раз в начале 30-х годов возникла дискуссия, которая опрокинула монопольное положение Деборина, деборинскую школу в области философии и подорвала преобладание аналогичных групп в области литературоведения, искусствоведения и т. д. Было бы, разумеется, неверно с исторической точки зрения забывать, что анти-деборинская дискуссия стала возможной только благодаря вмешательству Сталина. Это была «революция сверху». Тем не менее, более молодое поколение людей, занимавшихся философией, обучавшихся в Институтах красной профессуры, активно поддерживали критику деборинской школы. Понимая всю односторонность этой кампании, они, однако, не оплакивали прошлое. Кстати сказать, в этой дискуссии в 1931 г. Рязанов поддержал Деборина, и на этом произошёл мой разрыв с ним или, если хотите, его разрыв со мной [Из автобиографии идей…1988: 278, 280].

М.А. Лифшиц деликатно назвал сталинский погром гуманитарной науки «дискуссией» и скромно умолчал о своей роли в событиях тех лет. Сделанный выбор привёл его не к статусу главы школы, а на стезю литературного подручного сталинских погромщиков философии. В стенгазете Института Маркса и Энгельса он прорабатывал Я.Э. Стэна, В.А. Тер-Ваганяна и других руководителей философского отдела ИМЭ [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 101342. Л. 5]. Директор Д.Б. Рязанов уволил его. Но через месяц сам был арестован. Специальная комиссия ЦК по проверке и чистке перетряхнула весь институт. Заведовать философским отделом был назначен сталинский погромщик П.Ф. Юдин. Он сразу же вернул М.А. Лифшица в ИМЭ как полезного и проявившего себя человека. На собрании ИМЭ М.А. Лифшиц заявил:

> Недаром буржуазные газеты в настоящее время пишут о победе «сталинского курса». Мы должны принять это как лозунг и практически показать, что победа этого курса приведёт к повышению качества работы и в научном отношении [Мосолов 2010: 192].

Я.Э. Стэн, В.А. Тер-Ваганян вскоре оказались в лагере и были расстреляны. Заслужив доверие, М.А. Лифшиц получил должность заведующего сектором в Институте философии

и журнал «Литературный критик». Сектор и журнал стали опорой и источником текстов для делавшего придворную карьеру П.Ф. Юдина.

Позицию М.А. Лифшица и его круга в период репрессий хорошо характеризует заметка из его дневника, относящаяся, по-видимому, к периоду «оттепели», но повествующая о событиях 30-х годов. Удивляюсь, что интеллектуальные душеприказчики её опубликовали.

> Дело было в начале тридцатых годов, – писал М.А. Лифшиц. – Андрей Платонов, сидя за стопкой водки в нашей доброй компании и узнав, что арестован Динамов или другой какой-то сатрап, окружённый теперь венцом мученичества, сказал: «Братцы, а не в нашу ли это пользу?» [Лифшиц 1992: 106].

С.С. Динамов – философ и литературовед, главный редактор журнала «Интернациональная литература». Он не был идеальной фигурой. Но это был профессионал, который много публиковался по англо-американской литературе, их коллега, не совершивший никаких преступлений. Меня сейчас не занимает мнение писателя Андрея Платонова. Бог с ним. Важно то, что в разгар сталинских репрессий в тёплой компании за столом у М.А. Лифшица сидят философы, писатели и литературоведы – «люди тридцатых годов», интеллигенты, и поднимают полную рюмку водки за очередной сталинский расстрел, ибо это «в их пользу». И этот человек включён у нас в серию «Философы России второй половины XX века» и пользуется репутацией интеллектуального гуру. Но дело даже не в нем самом. Дело в качестве поколения, которое сменило уничтожаемое поколение. В своей посмертно вышедшей книге М.А. Лифшиц сокрушался, что дело «людей тридцатых годов» не нашло продолжения. Немудрено, ведь из портрета «людей тридцатых годов», предъявленного будущим поколениям, им было утаено самое главное: активное содействие уничтожению сталинским режимом советских философов-марксистов. А на неправде ничего прочного и долговременного построить нельзя.

Экскурс о «стопке водки» позволяет выявить критерий, по которому разделились советские философы на рубеже 1920–1930-х годов, и одни из них так и остались «людьми двадцатых годов». Критерий не выведен задним числом. Он работал на практике. Люди проходили своего рода проверку, и противоестественный отбор выбраковывал тех, кто не смог, не нашёл в себе сил сдать, скормить Левиафану своего коллегу, желательно более способного и занимающего руководящую должность. Кто не смог этого сделать – погибал наверняка, кто смог – обретал шанс выжить, а в перспективе удостоиться Сталинской премии. Неслучайно то, что А.М. Деборин остался жив, обернулось против его последующей репутации, дало повод клевете. Между тем он претерпевал гонения именно потому, что так и не пошёл на публичное поношение своих учеников. Сам же он, как мною было установлено, должен был стать жертвой антисемитского процесса, не состоявшегося вследствие смерти Сталина [Корсаков, Деборин 2014: 117–139]. Справедливости ради надо сказать, что среди деборинцев были такие, кто занимался информированием властей о своих философских противниках. Кто преступил грань между философской дискуссией и политическим преследованием оппонента (К.К. Милонов, А.А. Максимов, В.П. Егоршин). Но именно эти люди первыми стали клясть своего учителя, как только выяснилось, что власть решила его низвергнуть. Они выжили, остальные погибли. Исключение, подтвердившее правило.

Мой опыт изучения персональных дел членов партии показывает, что акт добровольной «выдачи врага» специально выделялся партийными следователями как важное смягчающее обстоятельство. Главное в том, чтоб совершить его вовремя. Кто не делал этого или делал вынужденно и потому поздно – погибали наверняка, кто делал – могли выжить. Когда я опубликовал работу, в которой показано, как В.Ф. Асмус поступил подобным образом в от-

ношении А.Ф. Лосева и Андрея Белого, это не встретило понимания большинства коллег[4]. Я, правда, не рассчитывал на пересмотр устоявшихся оценок и был готов к возмущению моей наглостью. Но меня удивили высказывания другого рода: «Время было такое. Все так поступали». Иными словами, для того, кто признан эталоном «человеческой и научной нравственности» [Валентин Фердинадович Асмус 2010: 63], подобное допустимо. А ведь в лице таких эталонов и выступили тыняновские «лица удивительной немоты». От «немоты» до «голубого канта» рукой подать. Коллегам, быть может, следовало сделать иной вывод: тайная приверженность религиозно-веховской идеологии (если, вообще, допустить в данном случае наличие способности к идейной приверженности) не может сама по себе служить пропуском в сферу человеческой порядочности.

В отношении «людей тридцатых годов» возможен только один вопрос: с кем, на какой стороне был «мастер философии», когда Сталин уничтожал русскую интеллигенцию – среди гонимых или же словом и делом помогал гонителям? Гонители подчас превращались в гонимых, но сути дела это никак не меняет. Имеет значение внутренний экзистенциальный выбор, готовность поступить так или иначе.

По мере усиления давления «сверху», извне, и превращения начётничества, склок и доносов в повседневность в философской среде происходило и человеческое размежевание изнутри. Суть процесса будет ясна, если мы присмотримся к антиподу деборинцев М.Б. Митину. Ведь он формировался несколькими годами позже в том же философском отделении ИКП. Но его не отнесёшь к поколению, о котором идёт речь. Сегодня мы знаем его как главного сталинского философа, доносчика и палача, организатора травли А.М. Деборина и его последователей. Каким путём он шел? Почему противоестественный отбор сохранил именно его? Митин вспоминал, как в годы своей учёбы он корпел в общежитии ИКП над книгами Канта: «Я спал по четыре часа в ночь, вставал в 4–5 часов утра и садился штудировать по-настоящему. Но мы хотели знать – для чего это делать» [Архив РАН. Ф. 1992. Оп. 1. Д. 83. Л. 12].

Усидчивость не восполняла отсутствия способностей и таланта; результатов не было. «Пережёвывать» скучные тексты Канта, когда вовремя осёдланный поворот судьбы может раскрыть перед тобой богатства жизни во всех её проявлениях? Рождалось глухое раздражение. Тогда обманутый в своих ожиданиях Митин решил обратиться к Деборину:

> Мы относились к Деборину как к Энгельсу на Земле. Он имел очень большой авторитет для нас, поступивших в Институт, он был для нас величиной недосягаемой. Первый год – изучали только Канта. Второй, третий – только Гегеля. И, как мы шутили, до «понятия» так и не дошли. Но Канта изучали основательно. Во втором семинаре изучалась политэкономия, «Капитал» Маркса и т. д. В философском семинаре было шесть человек. Деборин сделал большой доклад, полтора часа – где, как надо изучать Канта, основные его произведения. Это был очень хороший инструктаж по изучению Канта. Когда он закончил, я ему задал вопрос: Всё, что Вы здесь сказали, очень хорошо, интересно, – я с большим пиететом высказал моё отношение к нему. – Канта мы хотя и будем изучать, мы для этого пришли в Институт красной профессуры, но в какой мере связывать изучение Канта с критикой неокантианской ревизии марксизма со стороны меньшевиков, социал-демократов – Бернштейна, Бауэра [Там же: 10–11].

Митин не ожидал последовавшей реакции патрона: «Он с таким гневом обрушился на меня! Он минут двадцать говорил: Вы должны штудировать, изучать, а потом будете заниматься этими делами» [Там же: 11].

[4] Хотя некоторые из коллег добавили любопытнейшие штрихи к портрету этого философа [См.: Петров 2018: 415–452].

Просто сцена между профессором Преображенским и Шариковым: «Зарубите себе на носу, что вы должны молчать и слушать, молчать и слушать, что вам говорят! Учиться и стараться стать хоть сколько-нибудь приемлемым членом социального общества». Митин вспоминал эту историю в начале 1960-х годов на собрании в Институте философии. По иронии истории в те же годы Деборин писал в стол свои воспоминания, в которых мысленно обращался к Митину:

> Дорогой недруг Митин! Вы повинны во многих грехах и даже преступлениях Сталина. Я учил Вас лучшему, несмотря на то, что у Вас хватает смелости меня обучать ленинизму. Я и мои ученики – речь здесь идёт о других моих учениках, стали жертвами Вашей травли, Вашего гнусного карьеризма. Кто ещё Вас так хорошо знает, как я. Ведь было время, когда Вы были со мною более или менее откровенны и говорили, что не пойдёте по научной линии, а по партийной, и надеетесь, что, когда попадёте в ЦК, Вы будете гарантированы от проработки. Таков был Ваш идеал! [Воспоминания академика А.М. Деборина: 130].

Вот такой состоялся заочный обмен воспоминаниями.

После окончания ИКП Митин не попал в число сотрудников Института философии. Более того, известный советолог-эмигрант А.Г. Авторханов, учившийся в ИКП, вспоминал, что Митин тогда не допускался и к преподаванию в ИКП; он состоял преподавателем стоящей ниже по статусу Академии коммунистического воспитания им. Крупской [Авторханов Указ. соч.: 154]. Видимо, Деборин ещё в ходе занятий в ИКП понял, что имеет дело с лицом малоспособным, к тому же ненадёжным в человеческом плане. Как известно, Шариков сделал из внушения профессора Преображенского свои выводы и пошёл другим путем, приведшим его к пайку и должности. Митин поступил именно так.

> В 1928 году М.Б. Митин, работавший в Академии коммунистического воспитания им. Крупской, представил на обсуждение кафедры философии ИКП трактат под необычным тогда названием: «Ленин и Сталин как продолжатели философского учения Маркса и Энгельса». Руководитель кафедры А.М. Деборин, профессор И.К. Луппол и профессор Н.А. Карев забраковали работу и даже высмеяли Митина, отважившегося назвать Ленина и Сталина «философами». Другого мнения оказался секретарь ячейки философского отделения, в то время ещё слушатель ИКП Юдин – он решительно восстал против своих профессоров и довёл дело до ЦК. Из ЦК последовал довольно загадочный ответ – Сообщите Юдину и Митину, что тема весьма интересная, но не актуальная. Но через два года она стала актуальной – начали появляться главы из этой работы на страницах «Правды», «Под знаменем марксизма» и «Большевика» за подписями Митина, Юдина и Ральцевича [Там же: 105–106].

Речь идёт о знаменитой «статье трёх», с которой началась травля деборинцев. Ясно, почему наверху Митина за два года до начала разгрома Института философии взяли на заметку как подходящего для «грязной» работы человека.

Мы пока что не осмыслили беспрецедентное массовое уничтожение целого поколения философов в России. Философов и вообще-то немного в стране. Счёт же уничтоженных шел на сотни. Пока в нашей культурной памяти запёкшаяся кровь коллег, которые работали в тех же комнатах на Волхонке, что и мы, не станет точкой отсчёта, мы вновь будем натыкаться на те же грабли. Если о гибели поколения 1920-х годов и заходит у нас иногда речь, то чаще всего со злорадством в отношении погибших, ибо они одобрили некогда высылку религиозных философов. Если честно сказать, то высылка действительно оказалась благом, иначе

нечем было бы заполнять фонды Дома русского зарубежья[5]. Но нужно понимать, что к самой акции по высылке философов в 1922 году деборинцы были непричастны. Они, правда, считали, что высылка возымеет благотворные последствия для развития профессиональной философии в России. В этом они ошиблись.

Беда философского процесса в России в том, что у нас один вид монополизма сменяется другим, другой – третьим. Более ста лет назад Вл.С. Соловьев обратил внимание на несчастную особенность русской мысли, в развитии которой одна крайность вызывает в качестве реакции другую – противоположную крайность:

> Но неужели это такая неотвратимая для нас судьба – одну неправду уравновешивать другою и подчинить наше умственное развитие дурно и «жестокосердно» понятному закону возмездия: око за око и зуб за зуб? Если, как обыкновенно говорят, одно заблуждение естественно вызывает другое, противоположное, то подчиняться такому естественному процессу заблуждений не совсем естественно для человека, как существа разумного [Соловьев 1991: 90].

При этом стилистика дискуссии русских философов всех исторических эпох и идейных направлений нацелена на унижение оппонента и явно не оставляет инакомыслящим права на существование. Ситуация не изменилась со времён П.Н. Ткачева, писавшего:

> Я знаю, что не только беседовать с российскими философами, но беседовать даже по поводу их не всегда безопасно. Российские философы – люди крайне амбициозные, на язык очень невоздержные и даже ядовитые. А уж какие они ругатели – боже мой, какие ругатели! Вы, вероятно, согласитесь со мною, что известная поговорка: «Бранятся, как извозчики» – далеко не выражает собою высшей степени брани и что её следовало бы заменить другой, более соответствующей действительности: «Бранятся, как русские философы». Дело в том, что извозчичья брань по существу своему довольно невинна; направляясь главным образом не столько на личность ругаемого лица, сколько на личности его родителей и отдалённых предков, она, очевидно, не грозит самому обруганному лицу никакими «неприятными последствиями». Совершенно другой характер имеет брань не извозчиков, а наших философов: родителей они не трогают, но зато все их усилия исключительно устремляются к оскорблению личного характера и к учинению всяческой пакости объекту брани. И чего-чего только они не наговаривают друг на друга, каких клевет и небылиц не взводят на своих противников! Намёки чисто личного и крайне недвусмысленного свойства, инсинуации – всё пускается в ход! [Ткачев 1976: 324].

Академик А.А. Гусейнов говорил как-то, что неплохо бы нам научиться сосуществованию разных философий на одной общей площадке. В это слабо верится. Во всяком случае, мне пришлось в начале 1990-х годов наблюдать на философском факультете МГУ последнюю по счёту историческую «смену ориентиров», сопровождавшуюся закрытием кафедр, массовым списанием литературы, удивительными человеческими «перевоплощениями» и, главное, новым контекстом политкорректности, который посредством страха табуировал определённые понятийные пласты.

Чего же ожидать русской философии в будущем? Очередную «смену вех» теми же методами?

Авторханов А.Г. 1976. *Технология власти*. – Франкфурт-на-Майне: Посев.

[5] Кстати, по косвенным признакам спасение мыслителей входило составной частью в мотивы этой акции. Во всяком случае, дочь Г.Г. Шпета Т.Г. Максимова свидетельствовала, что А.В. Луначарский уговаривал её отца уехать из страны, когда высылали в 1922 г. философов.

Агол И.И., Агол В.И. 2011. *Хочу жить. Так и жили*. – М.: АГРАФ.

Адамова-Слиозберг О.Л. 2012. *Путь*. – М.: Возвращение,.

Березин А. 1990. Иван Луппол. – *Вопросы литературы*. – № 9. – С. 91–95.

Валентин Фердинандович Асмус… 2010. *Валентин Фердинандович Асмус*. – М.: РОССПЭН.

Вестник Коммунистической академии… 1930. *Вестник Коммунистической академии*. – Кн. 40–41.

Войтоловская А.Л. 1991. *Последам судьбы моего поколения*. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во.

Воспоминания академика А.М. Деборина… 2009. Воспоминания академика А.М. Деборина / Публ. С.Н. Корсакова. – *Вопросы философии*. – № 2. – С. 113–133.

Воспоминания об И.Я. Вайнштейне… 2015. Воспоминания об И.Я. Вайнштейне / Публ. С.Н. Корсакова. – *Вестник Тверского гос. ун-та. Сер.: Философия*. – № 2. – С. 234–255.

Воспоминания о Ю.Р. Закгейме… 2015. Воспоминания о Ю.Р. Закгейме / Публ. С.Н. Корсакова. – *Вестник Тверского гос. ун-та. Сер.: Философия*. – № 3. С. 203–216.

Гачев Г.Д. 1989. Воспамятование об отцах. – *Дружба народов*. – № 7. С. 161–223.

Гачев Г.Д. 2002. «Господин Восхищение». – *Литературная газета*. – 13–19 февраля.

Григоров Г.И. 2005–2010. П*оворо*ты *судьбы и произвол*. Кн. 1–3. – М.: ОГИ.

Днепров (Резник) В.Д. 1991. Люди двадцатых годов. – *Звезда*. – № 5. – С. 179–204.

Дубинин Н.П. 1989. *Вечное движение*. – М.: Политиздат.

Записки Санкт-Петербургского религиозно-философского общества… 1908. *Записки Санкт-Петербургского религиозно-философского общества*. – СПб. – Вып. II.

Зись А.Я. 1996. Чему свидетелем был. – *Вопросы философии*. – № 2. – С. 127–136.

Из автобиографии идей… 1988. Из автобиографии идей. Беседа с М.А. Лифшицем / Публ. А.А. Вишневского. – *Контекст 1987. Литературно-теоретические исследования*. – М.: Наука. – С. 264–318.

Как это было… 2010. *Как это было: воспоминания и размышления* / Под ред. В.А. Лекторского. –М.: РОССПЭН.

Каспарова М.С., Анчишкин И.А., Максимов А.Л. 1967. Памяти А.К. Столярова. – *Вопросы философии*. – № 12. – С.124–125.

Корсаков С.Н. 2010. О первом проекте «Философской энциклопедии». – *Философский журнал*. – № 2. – С. 122–148.

Корсаков С.Н. 2015. Виктор Константинович Серёжников: биографический очерк. – *Философский журнал*. – № 3. – С. 144–157.

Корсаков С.Н. 2019. Страничка из истории философских проблем физики в СССР: Эдуард Фрицевич Лепинь (1893‑1937). – *Философия науки и техники*. – № 1. – С. 76–89.

Корсаков С.Н., Деборин М.Г. 2014. Борьба академика А.М. Деборина за научную и общественную реабилитацию: повесть в документах и свидетельствах. – *Философский журнал*. – № 1. – С. 117–139.

Корсаков С.Н., Козенко А.В. 2007. Об эпистемологических основаниях биографики. – *Архив истории науки и техники*. – М.: Наука. – Вып. III. – С. 247–267.

Ларина А.М. 2002. *Незабываемое*. – М.: Вагриус.

Лифшиц М.А. 1985. *В мире эстетики*. – М.: Изобразительное искусство.

Лифшиц М.А. 1992. Сейчас вам кажется, что истины нет… / Публ. В.Г. Арсланова. – *Свободная мысль*. – № 6. – С .99–112.

Лотман Ю.М. 2003. *Воспитание души*. – СПб.: Искусство-СПБ.

Медведев Ж.А., Медведев Р.А. 2004. *Из воспоминаний*. – М.: ЛитМир.

Медведев Р.А. 1990. *Политические портреты: Очерки и статьи*. – Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во.

Мета В.И., Диденко В.В. 2000. *Жертвы Колымы. Магадан: Документальные очерки и рассказы*. – Магадан: МАОБТИ.

Мосолов В.Г. 2010. *ИМЭЛ – цитадель партийной ортодоксии*. – М.: Новый хронограф.

Нирка Е. 1988. Возвращение имени. – *Кодры*. – № 9. – С .125–128.

Первый директор Института научной философии Г.Г. Шпет… 2010. Первый директор Института научной философии Г.Г. Шпет. Воспоминания дочери философа Т.Г. Максимовой / Публ. А.В. Черняева. – *Философский журнал*. – № 1. – С. 137–147.

Петров В.В. 2018. В.Ф. Асмус и Андрей Белый в 1936 году. – *Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем*. – Вып. 4. – С. 415–452.

Письма И.В. Сталина В.М. Молотову… 1995. *Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг*. – М.: Россия молодая.

Поповский М.А. 1991. *Дело академика Вавилова*. – М.: Книга.

Серёжникова В.В. 2015. Воспоминания омоем отце / Публ. С.Н. Корсакова. – *Философский журнал*. – № 3. – С. 158–162.

Соловьев Вл.С. 1991. *Философия искусства и литературная критика*. – М.: Искусство.

Стэн Я.Э. 1929. Выше коммунистическое знамя марксизма-ленинизма. – *Комсомольская правда*. – 26 июля.

Танхилевич О.М. 1957. Лейбницевская концепция символической науки. – *Философские науки*. – № 4. – С. 120–132.

Тележников Ф.Е. 2013. *Лекции по социологии и философии*. – М.: ЛИБРОКОМ.

Ткачев П.Н. 1976. *Сочинения: в 2 т.* Т. 2. – М.: Мысль.

Тынянов Ю.Н. 1988. *Смерть Вазир-Мухтара*. – М.: Художественная литература.

Чичерин Б.Н. 1990. *Воспоминания*. – М.: Изд-во МГУ.

Шапошников Л.Е. 1989. Православное богословие и философская апология религии (конец XVIII–XX вв.) – *Философские науки*. – № 5. – С. 41–50.

Luppol I. 1936. *Diderot, ses idées philosophiques*. – Paris: Éditions Sociales Internationales.

Luppol I. 1931. Is a philosophy of history consistent with the facts of history? – *Proceedings of the Seventh International Congress of Philosophy*. – Oxford; London. – P. 31–38.

О МОЁМ ФИЛОСОФСКОМ ПОКОЛЕНИИ «ПЯТИДЕСЯТНИКОВ», ФИЛОСОФИИ И ФИЛОСОФАХ. ФАКТЫ И РАЗМЫШЛЕНИЯ[1]

Д.И. Дубровский
Институт философии РАН

Аннотация: *В статье выясняются особенности философского поколения «пятидесятников». Рассмотрение проводится на примерах из биографии автора и на материалах деятельности многих видных философов и учёных того времени, с учётом знаковых социально-политических условий, связанных со смертью Сталина, «хрущевской оттепелью», других событий, которые повлияли на оживление философской жизни. Оно проявилось в заметном обновлении философской проблематики, возникновении дискуссий по ключевым проблемам диалектического материализма (вопросам теории познания и методологии науки, проблеме идеального, соотношении индивидуального и общественного сознания, природного и социального, физиологического и психического). В этой связи освещаются вопросы известной дискуссии автора с Э.В. Ильенковым, материалы критического рассмотрения Загорского эксперимента. В статье содержатся ответы на ряд вопросов, поставленных участникам проекта его руководителем Ю.В. Синеокой.*

Ключевые слова: *философское поколение «пятидесятников», его особенности, обновление философской проблематики во второй половине 50-х годов, методология науки, психика и мозг, природное и социальное, проблема идеального, общественное и индивидуальное сознание, концепция субъективной реальности.*

Вначале важно уточнить, что означает понятие «философское поколение». Взятое в общем виде, оно требует конкретизации по временным, социокультурным, национальным, а возможно, по региональным и некоторым другим признакам, чтобы далее выяснять особенности и результаты его профессиональной деятельности, отличные от предыдущего или следующего поколения. Оно может быть весьма полезно в историко-философских исследованиях, так как позволяет комплексно отобразить и осмыслить определённые знаковые периоды, в которых выдвигались новые идеи, проблемы, формировались новые направления философской мысли с их яркими лидерами (как, впрочем, и наоборот, когда имеются в виду периоды застоя, «безвременья», расправы со свободомыслием). Здесь, правда, возникает ряд трудно-

[1] См.: Дубровский Д.И. О моем философском поколении «пятидесятников», философии и философах. Факты и размышления. – *Философские поколения* / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – С. 143–193

DOI: 10.18522/2218-5518.2022.2.118155

стей, связанных с определением временных рамок, оценками персоналий, анализом зависимости философской мысли от наличных социальных условий.

Вопросы такого рода облегчаются, когда речь идёт о чётко определённых периодах, обозначенных в проекте Юлии Вадимовны Синеокой, начиная с «пятидесятников». Здесь сразу заданы конкретные ограничения. Это – советские философы, начавшие и развивавшие свою философскую деятельность в 50-е годы прошлого века, в строгих рамках марксистской идеологии, под влиянием хорошо известных социально-политических условий и событий того времени и с учётом по крайней мере десятилетнего предыдущего периода их жизни и деятельности, когда формировалось их мировоззрение. Это были люди, прошедшие войну, их мышление воспитывалось в жестокой альтернативе: «друг – враг», «правда – ложь», «жизнь – смерть», создававшей особое, неподдельное чувство подлинности, душевной открытости. Но после войны, когда началась обыденная жизнь с её материальными и моральными трудностями и разнообразными интересами, эта жёсткая альтернатива стала тускнеть и расползаться. Однако у философов-марксистов, как у «бойцов идеологического фронта», эта альтернатива целиком сохранилась, даже обострилась в связи с послевоенным возрастанием борьбы против буржуазной идеологии.

Надо отметить, что войну прошли и те, кто был старше «пятидесятников» на 10, 20 и даже на 30 лет. Но советские философы этих поколений всё же обладали особым социально-политическим и экзистенциальным опытом (старшие из них прошли революцию и Гражданскую войну, те, кто помоложе, – бесконечные партийные разборки и чистки, а главное, сталинские репрессии). У них было более вышколенное сознание, более узкое проблемное поле, строго ограниченное официально поставленными задачами партии. В 50-е годы они представляли в подавляющем большинстве самую догматичную, надзорную часть философов-марксистов. Хотя «пятидесятники» тоже пережили острый «накал идеологической борьбы» конца сороковых – начала пятидесятых годов, после смерти Сталина диапазон возможностей их философского мышления расширился, они могли до некоторой степени расслабиться в период «хрущевской оттепели». Поэтому можно говорить о специфических чертах деятельности «пятидесятников», несмотря на разнообразие и зачастую противоположность их позиций по ряду философских вопросов. Правда, в последующие годы они уже мало отличались от тех, кого по временному признаку именуют «шестидесятниками» и «семидесятниками».

Я уверен, что проект Юлии Вадимовны Синеокой будет интересен и полезен новым поколениям философов. Важно чувствовать и всемерно сохранять связь времён! К тому же некоторые «пятидесятники» продолжают успешно работать до сих пор и могут содействовать обозрению философской деятельности в последовавшие десятилетия.

О тернистом пути в философию

Я окончил философский факультет Киевского университета в 1952 году и вполне могу быть отнесён к «пятидесятникам» – группе самых «древних» сотрудников нашего института. Мой путь в философию был, наверное, нетипичным. Я попал на философский факультет случайно, и об этом стоит, наверное, рассказать.

Когда началась война, мне было 12 лет. Отец с первых дней войны был уже в армии. Нас с матерью, семилетним братом и новорожденной сестрой эвакуировали в Сталинградскую область, в село, где я сразу стал работать в колхозе – сначала на конюшне, потом прицепщиком на тракторе, а потом мне доверили ответственное дело – возить для комбайнов бочки с бензином на волах из райцентра за 30 километров. Прибавив себе год, я вступил в комсомол. В сентябре 1942 года, когда немцы окружили Сталинград, нас вторично эвакуиро-

вали километров за триста в город Маркс Саратовской области. Там я сразу поступил на военный завод, работал токарем. В конце же 1943 года я удрал на фронт со своим приятелем. Мы были ярыми патриотами, как тысячи других мальчишек, мы рвались защищать Родину. Но нас не брали. Тем более что в 1943 году вышел приказ: убрать из действующей армии всех, кто не достиг призывного возраста. Удивительно, что нам удалось по дорогам военного времени добраться за тысячу километров почти до самого переднего края в Белоруссии. Но там нас арестовали. Через две недели выпустили. Мой приятель вернулся домой, а я остался. И мне невероятно повезло. Я попал всё же в свои 14 лет в действующую армию.

Меня демобилизовали в августе 1945-го. Я вернулся домой в город Мелитополь. Горком комсомола направил меня секретарём комитета комсомола на завод. Там, занимаясь комсомольскими делами, я работал токарем и пошёл учиться сразу в 7-й класс вечерней школы (до войны окончил 5 классов и больше не учился). Надо было навёрстывать упущенное, мои сверстники учились уже в 10-м классе. Через год я поступил на подготовительное отделение Мелитопольского института инженеров-механиков сельского хозяйства. Туда брали после 8-го класса, за один год обучали программе 9-го и 10-го классов, принимали экзамены на аттестат зрелости и зачисляли в институт. Меня взяли туда, правда, с большим трудом, после 7-го класса. Но я не хотел быть инженером-механиком. Меня, необразованного, почти ничего не читавшего за четыре года войны, как ни странно, сильно привлекала художественная литература и поэзия. Я мечтал поступить на филологический факультет университета.

После окончания подготовительного отделения сдал экстерном экзамены на аттестат зрелости и поехал поступать в Киевский университет. Там оказалось, что на филологический очень большой конкурс, надо сдавать вступительные, в том числе иностранный язык, а у меня с ним – беда (учил английский только в 7-м классе вечерней школе и через пень-колоду на подготовительном отделении). Как быть? И тут вижу объявление о приёме на философский факультет, где конкурс два человека на место. Я тогда вообще не знал ничего о философии, слышал, будто это что-то очень умное, возвышенное. Очень хотелось поступить в университет, потом, может быть, удастся перевестись на филологический. Взял и подал на философский. Все экзамены сдал неплохо, а на английском – полный провал. Экзаменатор, пожилая женщина, посмотрела на мою застиранную солдатскую форму, на регалии, и поставила тройку, спасла меня. А как участнику войны, мне были положены ещё и льготы. Так я поступил на философский факультет.

Философский факультет Киевского университета

Я учился на этом философском факультете в самые мрачные для меня (и не только для меня!) годы: 1947–1952. Всё время, особенно в первые три года, начиная с 1948-го, гремели партийные и прочие собрания, на которых клеймили Зощенко и Ахматову за безыдейность, Шостаковича и Прокофьева за формализм в музыке, а главное «безродных космополитов» и всевозможных прислужников буржуазной идеологии, сионистов и двурушников, враждебную нам генетику, сторонников идеализма в физике, отступников от павловского учения, от марксистского языкознания и т. д. А на горизонте уже маячило знаменитое «дело врачей», «убийц в белых халатах».

Я был идейным комсомольцем, но душа моя страдала от вопиющих противоречий, неправды и несправедливости. Почему, за что изгоняют из университета самых лучших, талантливых преподавателей и студентов? Почему уважаемые мной люди, в том числе офицеры-фронтовики с нашего курса, члены партии, молча сидят на собрании, а кое-кто ещё дипломатично поддакивает. И кто же выступает с трибуны в роли праведников, защитников высоких идей? Кроме официальных лиц и членов парткома, чаще всего – заведомые приспособленцы и самые отвратные личности. Был в нашей группе великовозрастный студент

по фамилии Масько, прослуживший всю войну в звании старшины охранником в сибирских лагерях, член партии, конечно. Он выступал почти на каждом собрании с яростными речами, призывая к большевистской бдительности и к расправам. Вскоре он стал членом парткома и поучал теперь не только нас, студентов, но и преподавателей.

Учебный процесс был сильно идеологизирован. Подавляющая часть времени отводилась изучению трудов классиков марксизма-ленинизма, в первую очередь, конечно, «гениальных произведений великого вождя и учителя советского народа, горячо любимого товарища Сталина». Нам, конечно, читали лекции по истории философии, рассказывали об учениях Гегеля, Фейербаха, но экзамены мы сдавали по учебнику, по примитивной схеме, которая соответствовала планам лекций. Преподаватель, какой-то невзрачный пожилой субъект, держась за кафедру, монотонно читал свой конспект. Как бы не оступиться, не сказать лишнего, к чему может придраться бдительный проверяющий.

На факультете, конечно, были уважаемые преподаватели, но многих уже смутно помню. С третьего курса лекции по истории философии стал читать доцент Третьяк. Он тоже пользовался конспектом, но его лекции были чёткими, весьма содержательными, прививавшими интерес к трудам классиков философии. Ярко осталась в памяти Мария Львовна Злотина. Она прошла всю войну, дважды была тяжело ранена, ходила с палкой, а временами на костылях, и лицо её было сильно обезображено. Но она оставалась весёлым, добрым человеком, курила вместе с нами на переменах и вела горячие дискуссии. Мария Львовна читала лекции и проводила семинары по диалектической логике. Этот предмет давал обильную пищу для острых вопросов. И, к удивлению, она смело отвечала на них, затрагивая часто запретные моменты. Масько писал на неё гнусные доносы. Но Мария Львовна была непотопляема, продолжала в том же духе. И ещё заступалась за студентов, которым «шили» уклонения от марксизма-ленинизма. Ничего не боялась! Говорили, что её поддерживал один из секретарей ЦК Компартии Украины, с которым она прошла самые тяжёлые годы войны.

На факультете было три профессора: декан Шлепаков, заведовавший кафедрой истории философии, но редко читавший лекции. Это нам нравилось, ибо в них после нудного разжевывания общих мест следовали долгие и скучные воспоминания о его общении с сильными мира сего и о своём преподавательском опыте. Как декан, он выглядел добреньким, доступным, мог выслушивать просьбы студентов на ходу в коридоре, всегда сочувствовал, обещал, но никогда ничего не делал, не подписал ни разу ни одной простейшей справки, отправлял всех к заместителю декана, доценту Федоренко, который умел быстро решать все вопросы.

Другим профессором был зав. отделением логики Москаленко – высокий пятидесятилетний вдовец, весьма неравнодушный к женскому полу. Он всегда был тщательно выбрит, носил усы щёточкой и бородку клином. В добротном костюме, с жилеткой, в пенсне и перстнем на правой руке, он имел вид эдакого высокомерного вельможи. Но на таком фоне особенно резко выступала его неграмотная русская речь, пестревшая украинизмами, били в уши плоские суждения, неуместные плебейские шуточки. Он был амбициозным и вспыльчивым, всех студентов грубо называл на «ты», то кричал, а то вдруг иногда панибратски хлопал по плечу. Но большей частью мы слышали от него длинные язвительные замечания, и в них было что-то явно базарное. Мы дружно не любили Москаленко, и он платил нам той же монетой, особенно на экзаменах.

Москаленко и Шлепаков не были докторами философских наук, получили свои гордые профессорские звания за идеологические заслуги на образовательном поприще.

А вот третий профессор, руководитель отделения психологии Раевский, был настоящим профессором и украшением факультета. Высокий и статный, лет за 60, с красивой сединой и благородным выражением лица – явный недобиток старой русской интеллигенции, – он был в общении сдержан, но учтив, внимателен к вопросам студентов, чётко, убедительно

отвечал на них. Будучи в окружении студентов, задававших вопросы, умел одной своей осанкой, выражением лица, взглядом «выключать» хамоватых студентов и нагловатых партийцев, таких как Масько; они почему-то быстро оказывались у него за спиной, а он, как бы не замечая этого, продолжал беседу. Его лекции мы не пропускали, профессор Раевский не просто излагал интересные вопросы психологии, но учил самостоятельно мыслить, строить доказательства и контраргументы. Опасный человек! Как его столько лет держали на факультете? На его лекции часто приходил «проверяльщик» из какой-то инстанции, в том числе связанный с КГБ. Мы его легко вычисляли, как и сам Раевский. И вот тогда я наблюдал, с каким отточенным искусством лектор обходил минные поля, сохраняя достаточно полное изложение темы.

Киевский университет – тяжелейшая, мрачная полоса моей жизни. Единственные добрые воспоминания – о профессоре Раевском, Марии Львовне Злотиной, ещё о нескольких порядочных людях и друзьях. И пожалуй, одно, действительно светлое пятно: занятие в парашютном кружке, пару десятков прыжков на четвёртом курсе, жуткое чувство вначале, когда проваливаешься в бездну, а потом необыкновенной радости, восторга от нескольких секунд свободного полёта без раскрытия парашюта и затем плавного снижения.

Философия и слесарное дело

После окончания факультета выпускники получали разные назначения: не говоря уже об аспирантуре, некоторых, хорошо «проверенных», взяли в КГБ, других в партийные органы и на идеологическую работу, преподавателями философии в институты и высшие партийные школы. А вот определённый контингент («инвалиды пятой группы», как их называли, в силу пятого пункта «национальность» в личном листке по учёту кадров) направили большей частью в села Киевской области учителями в школы и заведующими клубами. Для меня, относившегося к этому контингенту, все привилегированные назначения были закрыты, но я всё же получил, видимо, как участник войны, неплохое назначение – в город Донецк (в то время он назывался Сталино), в среднюю школу, преподавателем логики и психологии (тогда эти предметы только были введены). Правда, через два года их отменили, и я вернулся к своей пролетарской профессии – стал преподавателем труда, слесарного дела, организовал в нашей мужской школе хорошо оборудованную мастерскую. Новая работа мне очень нравилась. Начав с простого, с болтов и гаек, мы стали делать сложные приспособления для физического кабинета, детали для ремонта школьной системы отопления и многое другое. Ребятня ходила за мной табунами, почувствовала свою значительность, а вслед за нею это почувствовал и я; вот что значит уметь делать из железа своими руками полезные вещи. Никогда после я не пользовался таким авторитетом у своих учеников, как тогда.

Это было хорошее для меня время. В донецкой областной библиотеке я нашёл немного запылённые труды почти всех философских классиков, выписывал журнал «Вопросы философии», читал философские книги по интересующей меня тематике (которые удавалось доставать). В общем, по всем канонам марксизма сочетал физический труд с умственным. Вместе со мной в Донецк получили назначение ещё два человека. Не выдержав и года, они вернулись домой, в Киев. Я долго оставался единственным дипломированным философом в Донецке. Но меня это нисколько не тревожило, даже, пожалуй, являлось благом. Самому приходилось делать первые робкие шаги. А они, как со временем стало ясным, оказываются в жизни самыми важными. После пяти лет учёбы в Киевском университете я теперь переучивался.

К тому было много новых стимулов. Умер Сталин. Прошёл XX съезд партии с разоблачением культа личности. Началась так называемая хрущевская оттепель, которую я и многие

встретили с воодушевлением и большими надеждами. Меня, правда, по-прежнему не брали в Донецкий университет даже преподавателем логики, хотя вот уже два года как её ввели в программу, но лекций не читали из-за отсутствия специалистов (я же был не в счёт).

В 1954 году, после двухлетней упорной подготовки, я поехал в Москву поступать в аспирантуру Института философии (вот когда я с ним впервые встретился!). Друзья говорили: не будь наивным, не трать даром время и нервы. Я точно знал: в Киеве нет никаких шансов, но верил, что Москва не Киев, там больше правды и справедливости.

Первый вступительный экзамен по диалектическому материализму принимал доцент Дмитрий Павлович Горский, молодой, симпатичный и по виду добрый человек. Я хорошо отвечал на все вопросы, он задавал дополнительные, не совсем по теме, с каким-то чувством неуверенности, я почувствовал, что ему неловко со своей совестью, и начал понимать, что у него, наверное, инструкция. Со вздохом, он поставил четвёрку. На следующем экзамене по историческому материализму не было никакой дипломатии: через две-три минуты после начала ответа сурового вида дядя сказал «хватит!» и поставил тройку. Так я, наконец, твердо понял, что мне не светят никакие «аспирантуры». Хочешь диссертацию – делай сам! А не хочешь или слаба гайка – не лезь туда!

Это был своевременный и очень полезный урок, преподнесённый мне Институтом философии. Надеяться на себя, рассчитывать на себя! Хотя мне в жизни очень сильно везло с хорошими людьми, помогавшими мне, причём на самых разных уровнях, иногда даже на уровне большого начальства. И часто не просто помогали, но спасали жизнь и выручали в самых тяжёлых случаях. Если бы не они, меня просто бы давно не было! О некоторых я дальше, хотя бы кратко, расскажу.

Кстати, через двадцать лет, когда я был уже профессором философского факультета МГУ и заведующим отделом диалектического материализма, логики и философских вопросов естествознания журнала «Философские науки», а Дмитрий Павлович Горский был членом редколлегии журнала по моему отделу, мы с ним приятельствовали. Но он, конечно, не помнил о нашей столь давней встрече, а мне незачем было ему напоминать.

Проблема сознания

Как я уже говорил, моё «одиночество» в Донецке было весьма полезным, тем более что главный мой философский интерес определился пусть не совсем ясно, но уже в первый год преподавания психологии в школе. Для этого, конечно, были и более глубокие источники – особо значимые события собственной жизни. Мой главный интерес был, если говорить кратко: «Проблема сознания». Как он возник?

Во время войны, особенно на фронте, я не раз попадал в экстремальные ситуации, когда надо было что-то сделать во что бы то ни стало, а сил не было и веры не было в то, что смогу, но после мучительных усилий вдруг получалось, и я сильно удивлялся самому себе.

Вот пример. Это произошло в Белоруссии летом 1944 года во время знаменитой наступательной операции «Багратион». После затянувшегося до поздней ночи боя нам не удалось даже часа поспать. Подъём! И марш-бросок на 30 километров по песчаным белорусским дорогам в «полном боевом». Это означает, что помимо автомата и патронов в двух дисках и ещё около килограмма россыпью, двух гранат, продзапаса, включая большую банку американской тушёнки, разных солдатских вещей в рюкзаке, сапёрной лопатки, шинели, плащ-палатки и т. д. – всего на тебе навьючено килограммов 15, если не больше. Хорошо ещё старшина сдал противогазы куда-то в батальонный склад своему дружку.

В таких переходах под такой нагрузкой я ещё не участвовал. И мне тогда было 15 лет. Первые десять – двенадцать километров я выдержал. Помню, забрезжил рассвет и у меня на-

чались проблемы: почувствовал сильно нарастающую усталость, тяжесть дыхания, и с каждым шагом всё хуже и хуже; и вот уже явно нет никаких сил, последние шаги, сознание мутится, Последний шаг, всё! Больше не могу; и тут я вдруг увидел в уме картину, как я упал, старшина толкает меня сапогом «поднимайся», комвзвода ругается матом. В самом деле: что делать? Не тащить же меня на носилках, и оставить нельзя, взвод остановился, сейчас придут смотреть на меня остальные… Это – невозможно! Какой жуткий позор! Какой ужас! Что-то происходит со мной, я, не замечая, делаю ещё шаг, потом ещё один шаг, а потом как бы можно идти дальше, и через минуту-другую ты опять начинаешь чувствовать свои силы. Короче, у меня было ещё потом и третье дыхание, но я достойно выдержал марш-бросок. Более того, дойдя до указанной деревушки, мы с ходу выбили из неё немцев, хорошо окопались и только после этого упали на землю, закурили…

В чем же дело? Значит, мой организм имел силы, обманывал, ослабил сознание, волю? Зачем? Где же они таятся, эти силы, и как их взять, когда доходит до края? На фронте не до размышлений такого рода. Пронесло, и ладно! Но что-то застревает в сознании, незримо повышает веру в себя.

Приведу ещё один показательный пример. После неудачной атаки сильно поредевшую в боях роту пустили в обход укреплённой позиции по болоту, считавшемуся малопроходимым, – открытая местность метров триста, за ней лес. Дело было в начале марта 1945 года, в Восточной Пруссии. Только мы прошли метров 50, как из леса ударил пулемёт. Рядом упал один, другой, третий, и мы все дружно бросились в болото. Помню, как мне за шиворот стала затекать ледяная вода. Начало марта, ночью ещё заморозки. Мы пролежали в болоте два часа, пока не стемнело. Шевелиться особенно нельзя, сразу по тебе врежут. Пулемётчик был один, но его хватало на всех. Человека три, нетерпеливые, были сразу убиты. И теперь вопрос: что было бы сейчас с вами или со мной, если бы мы пролежали в таком болоте хотя бы 15 минут?

Когда стемнело, мы рванули вперёд, конечно, прыгали, махали руками, мчались изо всех сил на позиции, куда мы должны были выйти, но там располагались уже наши солдаты, и они не пожалели для нас ударной выпивки. В роте оставалось около 30 человек, все были на виду пару дней. Никто не заболел! Я собрал потом множество подобных фактов, не только времён войны, – ясное свидетельство огромных жизненных ресурсов, до которых наше сознание не может добраться, хотя временами оно и способно творить чудеса. Дело ведь не только в физических силах, а, главное, в нравственных, духовных силах, которых нам так часто недостаёт. Однако мы хорошо знаем многие факты великих духовных подвигов, совершенных известными личностями. Значит, такие силы тоже реальны, они, несомненно, существуют.

Конечно, высокие духовные ценности представлены в системе культуры, хорошо всем знакомы, но речь идёт не просто о знании, а о реализации их в своих убеждениях и действиях, что способны совершать лишь конкретные личности. И такого рода действенные высокие идеи и ценности тоже хранятся не где-то в горних высях, а опять же в нашем бренном теле и нашем целеполагающем сознании, в нашем Я.

Вот вам и «проблема Сознания», взятая во всей её исключительной многомерности, органически включающая связь с нашей биологической историей, генетикой, телесностью и мозгом, а также вместе со всеми социальными эволюциями и революциями, мировой культурой, этническими, экзистенциальными, национальными, религиозными, этическими, политическими, экономическими, технологическими и др. особенностями, в единстве со всем этим многообразием. Хочу подчеркнуть, что проблема сознания должна осмысливаться в неразрывной взаимосвязи индивидуального и общественного сознания. Это вопрос принципиальный важности.

Разумеется, определяя для себя проблему сознания, я отдавал себе отчёт в её чрезвычайной сложности, многомерности и необходимости выбирать один аспект, который не закрывал бы, однако, всё проблемное поле сознания и позволял бы ясно видеть его, а затем переходить к другим её существенным аспектам и углублять осмысление проблемы сознания в целом.

Я выбрал классические вопросы связи сознания и мозга. Но они тоже оказались весьма широкими и сложными, требовали серьёзного изучения нейрофизиологии.

После долгих размышлений я, наконец, сформулировал приемлемую тему диссертации, которая сегодня звучит непривычно, но составляла в те годы предмет реального и сравнительно оригинального исследования: «Анализ-синтез как всеобщая форма отражательной деятельности мозга». Речь шла о соотношении категорий анализа и синтеза в философии (теории познания), логике, психологии и нейрофизиологии (в учении И.П. Павлова эти категории выполняли важную объяснительную функцию в управлении организмом и мозгом). Тем самым я пытался раскрыть особую роль аналитико-синтетической деятельности мозга – как на уровне познавательных процессов, так и на уровне психической деятельности мозга, управляющей целеполаганием, саморегуляцией и напряжением воли.

«Хрущёвская оттепель»

Надо признать, что «хрущевская оттепель» заметно оживила философскую жизнь, появились проблемы, которые ранее считались нежелательными, расширился диапазон их интерпретации. Это особенно ярко проявлялось в области теории познания, логики, философских вопросов психологии, ряда аспектов проблемы сознания и др. Большую роль сыграло издание «Философской энциклопедии», главным редактором которой числился академик Константинов, но вся работа, как мы знали, лежала на плечах его заместителя Александра Георгиевича Спиркина с его друзьями и коллегами. Статьи энциклопедии активно обсуждались, вызывали, как правило, острый интерес. У Спиркина были большие неприятности и споры с Константиновым, но ему часто удавалось пробивать такие нестандартные статьи. В этой энциклопедии я прочёл известную статью Э.В. Ильенкова «Идеальное» [Ильенков 1962], которая произвела на меня большое впечатление, стала стимулом моих размышлений и в дальнейшем основой известной дискуссии с автором.

Большое оживление философской жизни произошло в наших так называемых странах народной демократии. Там стали выходить интересные философские журналы, особенно в Польше, где они всегда скользили по самому краю марксизма, а тут уж совсем начали «срываться с цепи»; их, правда, временами охолаживали. Академический журнал «Studia Philosoficzna» для меня был весьма интересен, в нем широко освещались вопросы эпистемологиии и методологии науки с позиций логического позитивизма, идей Рассела, Витгенштейна, Поппера, крупных польских специалистов по логике. На социальные темы там витийствовали Ежи Бауман и другие свободомыслящие фигуры. Я выписывал этот журнал и внимательно читал многое с большим интересом, но всё же нередко под привычным критическим углом.

Дело в том, что я неплохо знал украинский язык и мне легко было освоить славянские языки: быстро научился читать не только на польском, но и на чешском, словацком, болгарском и даже на сербском. Сразу стал выписывать и читать все эти философские издания. Было весьма полезно: всё же другая жизнь, другая ментальность. Хотя они старались, особенно болгары, идти с советскими товарищами нога в ногу, но не всегда получалось. В журналах чаще всего у чехов велись более свободные дискуссии, у болгар широко обсуждалась проблема психики и мозга, я принимал в них участие. Это была тоже неплохая выучка. Ведь

я (и, думаю, мои сверстники) почти ничего не знал тогда о современной западной философии, а тут всё же были многие, часто существенные сведения.

Более того, у нас на волне «хрущевской оттепели» возникла новая тенденция – деловой критики различных конкретных направлений западной философии. Но критикуя «буржуазных философов», авторы обычно подробно излагали их учения и тем самым знакомили с их содержанием, расширяя наш философский кругозор. У представителей постпозитивистского движения, занимавшихся методологией науки, было немало рациональных положений, которые облекались в марксистскую форму и использовались уже в виде «наших» эпистемологических концепций. Это сыграло важную положительную роль. Значительный вклад в вопросы методологии и гносеологии внёс профессор Павел Васильевич Копнин, ставший в то время лидером этого направления; следует также отметить заслуги в этом плане ленинградского профессора Виктора Александровичах Штофа, многих других авторов, успешно развивавших это важное направление.

С начала шестидесятых в Институте философии возник сектор под руководством В.А. Лекторского, который успешно развивал вопросы теории познания, опираясь на деятельностный подход. Вокруг него, опубликовавшего ещё в середине 60-х свою известную книгу о проблеме субъекта и объекта [Лекторский 1965], собралась группа очень способных исследователей. В ней был и Э.В. Ильенков, приобретший своими работами по диалектической логике и проблеме идеального значительный авторитет.

Важно сказать, что со второй половины 50-х в западной философии позитивистского направления начался распад знаменитого «Венского кружка» (Гемпель, Карнап, Шлик, Фейгл и др.) – школы логического позитивизма. Она категорически отрицала онтологическую и вообще метафизическую проблематику в философии науки, занимала радикальную позицию физикализма (все подлинно научные знания должны сводиться к физическому, психология – раздел физики, классическая психофизическая проблема – это псевдопроблема в силу её онтологической сути). В 1958 году вышла знаменитая статья Герберта Фейгла «Физическое и ментальное», порывавшая с «Венским кружком» и открывавшая широкую дорогу так называемому постпозитивистскому движению, с его реабилитацией и актуализацией онтологической и метафизической проблематики в науке (интересно, что в этом же году вышла и моя первая статья по кандидатской диссертации). С работы Фейгла начался тот этап развития аналитической философии, в центре внимания которого встала именно психофизическая проблема, чаще всего в виде её конкретизации как «Сознание и мозг», «Психическое и мозг» (Mind-Brain Problem) – тема очень близкая к тому, что меня интересовало с самого начала.

Счастливый 1957 год!

Работая в школе, я много читал, преподавание слесарного дела шло мне на пользу, освежало и обостряло мой ум. Я интересовался не только сознанием, но и многими другими проблемами. В самом начале 1957 года в «Вопросах философии» проходило обсуждение проблемы соотношения категорий необходимости и случайности. Меня, конечно, остро интересовала столь близкая судьбе солдата тайна случайности (жизни и смерти на войне).

Я часто думал об этом, перечитал многое и написал статью «К вопросу об определении категории случайности». Мне приходилось множество раз посылать свои статьи в разные издания, но большей частью мне даже не отвечали. На этот раз я был в плохом настроении, набрался наглости и послал впервые эту статью прямо в журнал «Вопросы философии», который выходил тогда 6 раз в год. Разумеется, без малейшей надежды! И скоро забыл об этом. Но вот примерно через полтора-два месяца я открываю почтовый ящик и вижу письмо со штампом журнала «Вопросы философии». Это был шок. Открываю с замирающим сердцем и

читаю (помню до сих пор наизусть): «Дорогой товарищ Дубровский, извините, не знаем вашего имени и отчества. Ваша интересная статья обсуждена на редколлегии и принята к печати. Она будет опубликована в №3 нашего журнала за 1957 год. Сообщите, пожалуйста, над чем вы работаете, что бы хотели написать для нашего журнала. С уважением, зав. отделом Г. Гургенидзе».

Можете представить, что для меня, преподавателя слесарного дела, означало это письмо! Оно окрылило, удвоило силы. И что с тех пор для меня значило имя «Гургенидзе»!

Я с нетерпением ждал журнала, и он, наконец, оказался в моих руках [Дубровский 1957: 217–220]. Это радостное событие совпало с другим, ещё более радостным. Во всех высших учебных заведениях ввели преподавание философии. Меня, как единственного специалиста, взяли всё-таки на кафедру философии Донецкого медицинского института. Остальные преподаватели философии были с кафедр истории КПСС, политэкономии, из партработников. Меня загрузили с головой, и я с энтузиазмом читал по три-четыре лекции в день и вёл ещё семинары. Сбылась пятилетняя мечта преподавать философию.

И ещё одна неожиданная удача. Партком назначил меня руководить семинаром по философии среди профессоров-клиницистов. Тогда это была для них обязательная форма повышения марксистской идейности. Но кто они были такие? Оказалось, что это – знаменитые, выдающиеся советские терапевты. Во время не столь давней кампании по «делу врачей» они были изгнаны с ведущих кафедр Москвы, Киева и Харькова. Некоторое время они оставались без работы. А наш директор мединститута А.М. Ганичкин, друживший с первым секретарём Донецкого обкома партии, быстро сообразил и, не теряя времени, с его помощью их подобрал, дал им хорошие квартиры, создал все условия, сделал заведующими кафедрами (начальству ведь тоже нужны хорошие врачи!). Так в Донецке появилась блестящая плеяда профессоров, кстати, авторов основных учебников по терапии для медицинских институтов. И меня назначили учить их философии. Это были очень солидные личности, пользовавшиеся в советской медицине большим авторитетом, и они взирали на меня, невзрачного, неряшливо одетого молодого человека, с плохо скрытым презрением, почти как на пустое место (но были обязаны подчиняться требованиям власти, изучать марксизм, никуда не денешься, хлебнули унижения и горя предостаточно).

Я понял, что мне предстоит, и хорошо подготовился. Предложил им тему, согласованную мной не без труда в парткоме: «Философские и методологические вопросы медицинской диагностики». Это ведь вопросы анализа клинического мышления, их родное дело. Вначале они удивились, что могут быть такие занятия по марксизму. Но потом обрадовались, и дело пошло. На каждом семинаре я ставил интересные вопросы, разгорались дискуссии. Скоро они прониклись ко мне уважением и добрыми чувствами, приглашали на консилиумы, где разбирались сложные случаи болезни и выздоровления. Это были люди высокой культуры, знатоки живописи, художественной литературы, искусства – профессора Воронов, Губергриц, Франкфурт и несколько других менее известных, был и один психиатр, профессор Сливко. Я вёл этот семинар 11 лет и прошёл у них блестящую школу не только клинического мышления и практики, но и глубокого изучения человеческого сознания во всех его ипостасях.

Надо сказать, что у меня лично был в 1948 году опыт преодоления тяжелейшей болезни – туберкулёза лёгких и одновременно туберкулёза позвоночника, – считавшейся тогда неизлечимой, ещё не было антибиотиков. Меня из Киева, где я начал в сентябре учиться на втором курсе и попал в туберкулёзную клинику, привезли домой в Мелитополь (сам уже не мог ходить), привезли, по существу, умирать. Я нашёл способ победить эту болезнь и через два с половиной месяца вернулся в Киев и успел сдать экзаменационную сессию. Этот случай мы тоже обсуждали с моими учителями по медицинской части. Я показывал им свои

справки и описания болезни, выданные мне из больницы (они у меня хранятся до сих пор). В их многолетнем опыте, оказывается, тоже были такие случаи. О моих медицинских университетах и о процессе преодоления мной туберкулёза лёгких и позвоночника я подробно написал в своих «Воспоминаниях» [Дубровский 2010], так как считал, что это может быть полезным для моих детей и внуков. Кроме того, такой личный опыт, когда человек оказывается на пороге смерти, безусловно, имеет отношение к существенным вопросам проблемы сознания, прежде всего к её экзистенциальным аспектам.

1957 год был для меня счастливым. Мало того что опубликовали статью в «Вопросах философии» и я стал преподавателем института, мне ещё после пятилетней жизни по углам с неопрятными, шумными соседями дали восьмиметровую комнату в коммуналке. Какое счастье! И самое главное, самое важное, самое счастливое – я женился на замечательной девушке, моей студентке старшего курса Евгении Петровне Ковалевой. Теперь началась совсем уже другая жизнь!

Я настойчиво, систематически работал над кандидатской диссертацией, выписал «Журнал высшей нервной деятельности», изучал учебники по нейрофизиологии, посещал лекции профессоров института.

В 1958 году вышла моя статья, в которой излагались основные результаты диссертации [Дубровский 1958: 18–25]. Несколько раз я переписывал её текст, так как не знал точно, какой диссертация должна быть по форме, и хотел сделать её лучше по структуре и по содержанию. Закончил её осенью 1959 года и пытался подать к защите на философский факультет Киевского университета. Там её обсуждали на двух кафедрах, потом на кафедре философии Института усовершенствования преподавателей, потом в Киевском педагогическом институте, посылали в какие-то места на рецензии. Всё это длилось больше двух лет. Мне возвращали её с одним и тем же приговором: работа не философская, обращайтесь к физиологам. Без малейших надежд, я обратился к ним, и, к большому удивлению, это сразу решило все вопросы. Решило, благодаря поддержке директора Института высшей нервной деятельности, вице-президента Академии наук Украины Александра Федоровича Макарченко, который нашёл время вникнуть в содержание диссертации, решительно одобрил её, позвонил самому ректору Киевского университета с укором, что его болтуны-философы не дают хода важным для науки работам, что с этим надо разобраться (мне об этом рассказал Николай Горбач, старший научный сотрудник института, правая рука Макарченко, которому он поручил быть вторым оппонентом по диссертации; мы с ним потом стали друзьями и сотрудничали по методологическим вопросам нейрофизиологии). В итоге ровно через два месяца, летом 1962 года, я защитил диссертацию. Сильно повезло! Замечательный был человек Александр Федорович Макарченко, я так ему благодарен!

Научный совет по кибернетике при Президиуме Академии наук. Встреча с Геннадием Сардионовичем Гургенидзе

Сразу после кандидатской диссертации я взялся за докторскую. У меня не было руководителя. Придумал уже более широкую тему: «Философский анализ психофизиологической проблемы», которая охватывала ставшие весьма актуальными вопросы нейрокибернетики и информатики. Тогда академик Аксель Иванович Берг создал при Президиуме Академии наук Научный совет по кибернетике. Ему удалось реабилитировать кибернетику, которая тоже имела клеймо чуждой нам науки. При Совете была организована философская секция, которую возглавил профессор Борис Владимирович Бирюков, важную роль в ней играл Александр Георгиевич Спиркин и их активный помощник по всем вопросам Ефим Геллер. Для

меня очень важен был этот Совет, а главное, я должен был, наконец, лично познакомиться с дорогим моему сердцу Гургенидзе.

Я собрался и поехал в Москву, встретился в редакции с Гургенидзе, и мы быстро подружились – ещё одна очень большая удача в моей жизни! Геннадий Сардионович Гургенидзе был, без преувеличения, выдающейся личностью. Он прошёл войну с первого дня до конца, от рядового бойца до майора, заместителя командира полка, был трижды ранен, награждён многими орденами, но очень долго скрывал это от меня. Он сочетал в себе исключительную скромность и доброжелательность с жёсткой принципиальностью в вопросах науки и философии. Он не был ни кандидатом, ни доктором наук, хотя по своей эрудиции и глубине философских знаний мог бы легко стать и тем и другим. Но он пользовался в «Вопросах философии» непререкаемым авторитетом, мог выступать против главного редактора, резко спорил с академиками, убедительно аргументировал, и только благодаря его принципиальности и настойчивости в журнале увидели свет статьи таких выдающихся, тогда опальных учёных, как Николай Александрович Бернштейн и Владимир Павлович Эфроимсон.

Гургенидзе находил и публиковал в журнале многих молодых провинциальных философов (взять хотя бы мой пример), весьма часто он долго и настойчиво работал с ними, не жалея времени и сил, доводя статью до публикации. Какой огромный, повседневный, бескорыстный труд, не получавший должной оценки! Можно назвать немало ведущих нынешних философов, которым Гургенидзе открыл дорогу в большую философскую жизнь. Наблюдая в течение многих лет его подвижнический труд, я глубоко убеждён, что он сделал для развития нашей философской мысли гораздо больше множества посредственных профессоров с их многочисленными аспирантами. И я хочу, чтобы имя Геннадия Сардионовича Гургенидзе помнили и чтили!

Редакция журнала «Вопросы философии» размещалась тогда на первом этаже Института философии на Волхонке. Гургенидзе помог мне познакомиться со многими очень интересными людьми. Сначала это был Лёва Баженов и его друзья, занимавшиеся философскими вопросами науки, ставшие уже вполне профессиональными исследователями, у которых можно было многому поучиться. И конечно, я сразу познакомился со Спиркиным и Бирюковым, тоже при участии Гургенидзе, с которым они давно дружили. С тех пор я тесно сотрудничал с философским сектором Научного совета по кибернетике при Президиуме Академии наук, и это была ещё одна большая удача, открывшая новый этап моей философской жизни.

Трёхкратная защита докторской диссертации. Начало дискуссии с Э.В. Ильенковым

Я завершил работу над диссертацией в конце 1967 года. При её подготовке мне оказывал большую поддержку Совет по кибернетике. В ней анализировались категории физиологического и психического, на основе предложенного мной информационного подхода решался вопрос о характере связи психических процессов, сознания с деятельностью мозга, т. е. наиболее важный вопрос психофизической проблемы, по которому у нас шли тогда горячие дискуссии. Ряд наших видных философов считали, что для объяснения сознания с позиций диалектического материализма психофизиологическая проблема неуместна; сознание – сугубо социальное явление, а его пытаются биологизировать. Такую позицию как раз активно защищали Михайлов и Ильенков. Но главное место в диссертации отводилось обоснованию связи явлений субъективной реальности с мозговыми процессами, управляющей и организующей функции психических процессов, психической причинности как виду информационной причинности и задачам расшифровки мозговых нейродинамических кодов явлений субъективной реальности.

Диссертация была рекомендована к защите Научным советом по кибернетике. Оппонентами назначили Спиркина и Бирюкова. Отзыв и рекомендацию к защите прислали академик П.К. Анохин и председатель секции медицинской кибернетики совета, академик В.В. Парин, а при поддержке Гургенидзе – и академик Б.М. Кедров. Тогда докторские диссертации можно было защищать только в Москве, Ленинграде, Киеве и Ростове-на-Дону. Я выбрал Ростов, как город близкий к Донецку.

После некоторых проволочек, связанных с позицией ректора Ростовского университета Ю. Жданова, и обсуждений диссертацию приняли к защите. Третьим оппонентом назначили заведующего кафедрой нейрофизиологии Ростовского университета, профессора Александра Борисовича Когана – крупного специалиста по нейрокибернетике (после его смерти в Ростове создали Институт по нейрокибернетике, названный его именем). Председателем диссертационного совета в Ростове был профессор Михаил Михайлович Карпов, специалист по методологии науки, который весьма одобрительно относился к моим работам. Но в совете было много ярых сторонников Ильенкова, занимавшихся социальной проблематикой, которым вся эта нейрофизиология, кибернетика была глубоко чуждой. Среди них был только один специалист социального профиля, который поддерживал меня, человек весьма авторитетный в Ростове и в Москве – профессор Всеволод Евгеньевич Давидович.

В общем, всё складывалось терпимо. Но надо же! Ровно за два месяца до защиты в «Вопросах философии» вышла моя статья «Мозг и психика. О необоснованности отрицания психофизиологической проблемы», посвященная критике позиции Ф.Т. Михайлова и Э.В. Ильенкова [Дубровский 1968: 119–135]. А в следующем номере журнала, накануне защиты, вышла статья Ильенкова [Ильенков 1968: 145–155], в которой он, отвечая на критику, в ряде случаев не пренебрегал аргументами идеологического характера. Моя статья вызвала бурю негодования в Ростове. Ведь Ильенков для студентов, многих преподавателей и для самого Жданова был тогда кумиром, самым прогрессивным творческим философом, его недавно слегка потрепали в своих выступлениях представители крайне догматического марксистского крыла. А тут какой-то доцентик из Донецка посмел нападать со всякими инсинуациями… Народ дружно организовался, настроился провалить меня во что бы то ни стало.

Большой зал был набит до отказа, защита длилась около 8 часов, какие только антимарксистские ярлыки на меня не навешивали. Но противники умели хорошо считать и видели, что я всё равно соберу достаточное число голосов. И тогда они решили нокаутировать меня проверенным способом. Один из членов совета бросил в урну лишний бюллетень, а счётная комиссия скрыла это. По правилам надо было объявить об этом и заново переголосовать. А зачем? Он ведь и так проходит с двумя голосами. Отсидели 8 часов, пора в ресторан, стол давно накрыт. Тогда это было священным долгом диссертанта. Все члены совета, и сторонники и ругатели, пили за моё здоровье, поздравляли. А назавтра в 9 утра в обкоме партии уже лежало письмо о нарушениях при защите правил ВАК и об антимарксистской диссертации Дубровского. Уже в середине дня срочно был собран совет, притащили одного, еле передвигающего ноги, кого не было вчера, а кого-то «забыли» пригласить, и после краткого обсуждения устроили переголосование и провалили меня одним голосом. Это произошло в конце декабря 1968 года.

Но, как показало голосование, у меня было тоже много активных сторонников, они подняли шум, дошедший до Москвы. Короче, через месяц собрали ещё раз совет и отменили оба голосования. Признали защиту несостоявшейся. Меня вызвал Жданов и сурово посоветовал забрать диссертацию и защищаться в Москве: тут вас точно провалят. Я наотрез отказался. Примерно через месяц-полтора назначили третью защиту. Она была самой «весёлой», длилась 6 часов. Противники строго соблюдали продуманный порядок выступлений, и каждый обвинял меня по очередному пункту моей антимарксистской позиции. Но опять не вы-

шло. Снова я получил лишних два голоса. Снова пришлось устраивать банкет. Я по-солдатски выпил разом почти стакан водки: Всё! Но ошибся. Меня достали, теперь уже в ВАКе, послали большую «телегу» на 22 страницы машинописи, вызвали туда ещё на одну защиту. Но там всё прошло быстро и гладко.

Я, наверное, занял слишком много внимания у читателей этой защитой. Ведь уже писал о ней раньше. Но поскольку это моя, так сказать, итоговая статья, на 92-м году жизни, то хотелось бы о ней напомнить, ибо она ярко характеризует атмосферу того времени, философские баталии, марксистские страсти и убеждения массы вузовских преподавателей. Тем более эта история имела долгое продолжение, дошла из «60-летия» прошлого века до конца «двадцатилетия» этого века. Тоже любопытный феномен, заслуживающий внимания.

До сих пор апологеты Ильенкова в своих ежегодных сборниках «Ильенковские чтения» называют меня «биологизатором», «позитивистом», «вульгарным материалистом» и ещё похлеще: «Дубровский и его сторонники создали некий абрис современной криптопозитивистской софистической гносеологии… в рамках которой все идеалы и ценности латентно сводились к текучим, мимолётным и субъективным психическим феноменам» [Ильенковские чтения… 2016: 53].

Два главных пункта дискуссии с Э.В. Ильенковым и две фундаментальные философские проблемы

После защиты диссертации редакция «Вопросов философии» продолжила нашу дискуссию с Ильенковым. Было опубликовано около десятка статей, причём большинство авторов однозначно поддерживали мою позицию.

До сих пор, однако, содержание дискуссии часто излагается превратно, мне приписывают явно абсурдные положения. Например, в Википедии изложение моей позиции даётся в интерпретации Ильенкова, и вы можете там сегодня прочесть, что «теория Дубровского ведёт к превращению нейрофизиологии в орудие селекции детей и к построению общества по модели Олдокса Хаксли в «Прекрасном новом мире», а не коммунистического общества по модели Маркса и Ленина» [Дубровский Википедия. «Дискуссия». Раздел 2.1]. И конечно, мои оппоненты легко и торжествующе опровергают мою позицию. Даже на сайте Института философии вопросы дискуссии изложены не вполне корректно. Поэтому я хочу точно воспроизвести два основных положения моей позиции и, соответственно, два пункта, по которым я критиковал Ильенкова и Михайлова:

1. Необоснованность отрицания психофизиологической проблемы, которую они считали «пережитком позитивизма»; доказательство её важного значения для защиты материалистической позиции и для объяснения существенных свойств психических явлений (в подтверждение приводились общепринятые фундаментальные результаты научных исследований). Всё это являлось общим местом даже в те времена. О чем здесь дискутировать? Правда, наряду с этим я подчёркивал, что на современном уровне научного знания психофизиологическая проблема выступает «как задача исследования нейродинамического кода субъективных явлений, как задача познания специфических закономерностей информационных процессов в головном мозгу» [Дубровский 1968: 126]. Это положение, конечно, могло вызвать критическое отношение, но мои оппоненты его не обсуждали.

2. В формировании личности, в её развитии необходимо учитывать роль генетических факторов, определяющих ряд её индивидуальных особенностей и их влияние на развитие задатков, формирование характера, успехов в обучении и т. п. (опять же, вроде бы не о чем спорить). Но мои оппоненты изображали мою позицию так, будто я вообще подменяю социальное биологическим, отрицаю решающую роль культуры, воспитания, социальной среды

(т. е. приписывали мне заведомый нонсенс). Тем не менее по второму вопросу у нас остался предмет для дискуссии, так как я признавал, а Э.В. Ильенков категорически отрицал роль биологических, генетических факторов в формировании личности. Известна его знаменитая фраза, что формирование личности есть исключительно социальный процесс на «все 100 %, а не на 90 и даже не на 99 %» [Ильенков 1968: 149]. К тому времени был уже расшифрован генетический код, присуждена за это Нобелевская премия, накоплен огромный материал по генетике человека. Но всё это для него не существовало.

Изложенные вопросы дискуссии сами по себе, как легко увидеть, не представляли особого научного интереса. Но они имели важное значение в том смысле, что за ними возвышались фундаментальные философские проблемы, которые по-разному оценивались и решались нашими сторонниками. Именно эти фундаментальные проблемы продлевали дискуссию и сохранили её актуальность до сих пор (за последние 10 лет было опубликовано более двух десятков статей, касающихся нашей дискуссии, из них многие в журнале «Вопросы философии» [Вопросы философии 2010; 2013а; 2013б; 2013в; 2015; 2020].

Коротко обозначу эти фундаментальные проблемы. Первая из них это биосоциальная проблема – широкий комплекс вопросов о связи, взаимообусловленности природного и социального, причём не только в формировании личности, но в истории возникновения социума, во всем социальном развитии, в нынешнем неуклонном обострении глобальных проблем нашей цивилизации и её мрачной перспективы. Это – ключевая, судьбоносная проблема нашего времени.

Во времена дискуссии с Ильенковым у нас в философии и в общественном сознании доминировала, как известно, крайняя социологизаторская установка, ярким выразителем которой он как раз и являлся. Всё определяется социальными причинами, государством, деятельностью партии, марксистской идеологией, общественными организациями, социальным управлением и воспитанием. Человек – властелин природы, он продукт всей этой деятельности, воспитание – демиург личности, оно формирует из него строителя нового мира. При чем тут генетика?

Но разве неясно, что отрицание роли генетических, природных факторов в формировании личности означает не только разрыв с наукой, но и средство оправдания тотальной уравниловки. Все одинаковы от рождения, и государство из любого сделает такую личность, какая ему нужна. Генетика же свидетельствует, что каждый из нас уникален от рождения и что эта исходная уникальность есть фундаментальная ценность, ибо в процессе социализации, формирования личности она обусловливает неповторимый набор способностей и возможностей социальной жизнедеятельности и может упрямо противостоять нежелательным социальным воздействиям. Получается, что генетика – препятствие на пути марксистской программы формирования личности и на пути преобразования природы. Она ограничивает, а нередко и посрамляет широковещательные цели и действия партийного руководства.

И тут естественно возникает вопрос о причинах варварского разгрома отечественной генетики (занимавшей лидирующее место в мире), произведённого в 1948 году Лысенко на знаменитой сессии ВАСХНИЛ. Его доклад был одобрен Сталиным. Безусловно, это была продуманная и тщательно подготовленная акция. Надо помнить, что при поддержке партийных органов в неё внесли большой вклад философы – подручные Лысенко в лице таких фигур, как Презент и др., которые обосновывали разгром генетики высокими идеологическими соображениями. И нельзя забывать, чего это стоило советской науке! Выдающиеся генетики были не только изгнаны из своих институтов, но многие из них оказались в лагерях, в тюрьмах и были уничтожены, как великий генетик, директор Всероссийского института растениеводства, академик Николай Иванович Вавилов, а до этого, надо помнить, были расстреля-

ны директор Медико-генетического института С.Г. Левит и выдающийся генетик Н.К. Беляев. Число таких примеров можно продолжить.

Радикальная социологизаторская установка с её принципом всесилия общественного воспитания принижала личность, отнимала свободу целеполагания. Всё определяет всемогущий Воспитатель. Но хорошо известно, что непременными факторами формирования личности являются самовоспитание, самопознание, самосовершенствование, основанные на принципе свободы воли. И здесь перед нами встаёт вторая фундаментальная проблема – проблема индивидуального сознания и его связи с общественным сознанием.

Безусловно, общественное сознание программирует во многих отношениях индивидуальное сознание, но, с другой стороны, индивидуальное сознание создаёт широкие возможности ценностных и смысловых новообразований, которые могут в дальнейшем обрести статус общественного сознания. Во всяком случае, все новые идеи первично возникают в форме субъективной реальности отдельной личности, выражаются вначале от 1-го лица, имеют автора; они проходят часто сложную обработку на уровне аутокоммуникации, приобретают ясную словесную форму выражения от 3-го лица, передаются затем во внешние коммуникативные контуры, где определяется их интерсубъективный статус, а возможно, и качество истинности.

Но это только одна сторона дела. Особенно важны вопросы социальной действенности сознания, действенности новых идей. Она осуществляется только в форме активности индивидуальных сознаний, убеждениями, волей конкретных личностей. Здесь – широкий комплекс вопросов, требующих основательного анализа, от которого зависит глубокое понимание проблемы сознания в целом и дальнейшая разработка её чрезвычайно актуальных для нашего времени вопросов.

Проблема индивидуального сознания была для меня одним из центральных пунктов дискуссии с Ильенковым. Дело в том, что он, как и многие его сторонники, твердо считал, что проблема индивидуального сознания не является философской, что это сугубо психологическая проблема. Всё вершит общественный субъект («народ», «класс» «партия»). Что значил «индивидуум»? Если он в чем-то выпадал из «народа», «класса», «партии», он просто переставал существовать. Философской является только проблема общественного сознания, предметом изучения тут являются нормы и формы культуры, сущность социальных процессов, социальной практики, а не какие-то психологические состояния и мимолётные переживания типа ощущений, восприятий или эмоций.

Проблема идеального. Объективная реальность и субъективная реальность

Отрицание Ильенковым философского статуса индивидуального сознания связано с его концепцией идеального и определяет основные разногласия в нашей дискуссии. Его позиция во многом напоминала мне своего рода «марксизированный» вариант концепций Платона и Гегеля. Идеальное истолковывалось как всеобщая и необходимая форма деятельности человека, как объективная «схема предметной деятельности», независимая от сознания индивида, но управляющая им. Поэтому все чувственные отображения или эмоциональные состояния, мимолётные мысленные догадки или решения, более того, умозаключения данного индивида не являются идеальными. Но тогда они должны быть названы материальными. И замечу, что всё это Ильенков обязан был относить и к самому себе, к своим мимолётным и не мимолётным мыслям и к своим личным убеждениям о природе идеального. Иначе выходит, что он – некий Супер-Мыслитель с особым устройством своего сознания, избранник Абсолютной Идеи Гегеля.

Именно исходные посылки концепции идеального у Ильенкова выглядели, на мой взгляд, недостаточно чётко определёнными в плане соотнесения и различения марксистского, материалистического и платонистского, идеалистического подходов к проблеме сознания.

С конца 60-х вплоть до начала нашего века дискуссии по проблеме идеального то вдруг вспыхивали, то угасали. В них принимали участие многие известные философы и психологи: И.С. Нарский, В.Н. Сагатовский, В.С. Тюхтин, М. Лившиц, А.Я. Пономарев, Л.А. Абрамян и др. А в 2000 году вышла книга К. Любутина и Д. Пивоварова, в которой они объявили, что на основе критического рассмотрения концепций Ильенкова, Дубровского и Лившица они создали «синтетическую теорию идеального», объединяющую сильные стороны концепций трёх авторов, и таким образом решили проблему идеального. При этом они выступают против «нематериальности идеального», оно определяется как «система операций» в смысле, близком к концепции Бриджмена, на которого они и ссылаются, посвящая ему целый раздел книги. На мой взгляд, всё это не выдерживает элементарной критики, что я попытался показать [Дубровский 2000; Дубровский 2002: 241–270].

Теперь кратко напомню о моей концепции идеального. Она прямо заявляет, что служит защите материалистической позиции и объяснению ключевых вопросов проблемы сознания. Отсюда исходная посылка: если материальное есть объективная реальность, то противоположное понятие идеального должно означать субъективную реальность и тем самым призвано выражать специфическое и неотъемлемое свойство сознания. Само качество субъективной реальности требует основательного осмысления, и прежде всего в том отношении, что оно – персонально и что только оно удостоверяет существование личности для неё самой. Вне этого качества не может быть никакого сознания. В глубоком сне без сновидений, в состояниях наркоза, при обмороке и т. п. личность для себя не существует.

Понятие субъективной реальности охватывает всё огромное множество осознаваемых психических явлений – от простейших ощущений, восприятий, эмоциональных состояний, смутных разнородных переживаний, в том числе мимолётных или стойких, до отчётливо сформулированных в языке мыслей, абстрактных понятий, нравственных установок, целеполаганий, волевых усилий, экзистенциальных смыслов, концептуальных построений и самых высоких идей и идеалов. Конечно, все эти состояния объективируются в памяти, языке, практических навыках, достояниях культуры. Но это особый вопрос, требующий специального рассмотрения. Ясно одно, что сознательная активность человека проявляется только в форме его субъективной реальности, его мыслей, желаний, стремлений, воли.

Субъективная реальность – первичная форма виртуальной реальности, но не менее значимая для человека, чем стол, за которым мы сейчас сидим. Субъективная реальность – неотъемлемое свойство индивидуального сознания. Она присуща и общественному сознанию, но только в том смысле, если определённое содержание общественного сознания становится достоянием индивидуальных сознаний. В объективированных формах и нормах культуры самих по себе нет идеального, это объективно существующие явления социальной реальности, социальная информация. Центром всего является живая человеческая личность, она творит – умно ли, глупо, по-доброму или преступно, системно или безалаберно – социальную действительность и несёт за это всю полноту ответственности. Вот почему без индивидуального сознания нет и не может быть никакого общественного сознания.

Отрицая философский статус индивидуального сознания, Ильенков перечёркивает важнейшие философские традиции и направления, не говоря уже о таких, как экзистенциализм, феноменология, философская антропология. Для него не существовало, например, Тацита и Монтеня, великой философской поэзии Ницше, произведений Ясперса, Бердяева, Ортеги-и-Гассета, выдающихся философских прозрений природы человека. Он фабрикует абстракт-

ный концепт, в котором нет единичного, индивидуального, нет реального сознания, живого человека.

Я разрабатывал концепцию субъективной реальности в течение 60–70-х годов, имея целью реабилитацию философской проблемы индивидуального сознания. Сейчас она в этом уже не нуждается, но многие актуальные вопросы этой проблематики разрабатываются до сих пор крайне слабо, наша марксистская традиция в смысле её прежней проблематики всё ещё даёт себя знать в массовом философском сознании, что сказывается на нынешнем уровне разработки проблем индивидуального сознания.

В начале 80-х я написал книгу «Проблема идеального», которую долго мариновали в издательстве «Мысль». Но она всё же вышла там в 1983 году [Дубровский 1983; Дубровский 2002]. Это была первая книга, первое монографическое исследование в нашей философской литературе, специально посвящённое проблеме идеального. Об этом факте, насколько мне известно, почему-то никогда никто не упоминал. В ней помимо обзора и анализа дискуссий по этой проблеме содержалось систематическое рассмотрение всех основных аспектов категории идеального как субъективной реальности: объяснение связи явлений субъективной реальности с мозговыми и – в целом – с физическими процессами, её информационная природа, отношение к бессознательному, к самопознанию и основным эпистемологическим вопросам. Были подробно рассмотрены: взаимообусловленность индивидуального и общественного сознания, коммуникативные аспекты проблемы идеального, его связь с языком, соотношение категории идеального с понятиями идеи, идеализации и идеала. При этом главное внимание уделялось анализу ценностно-смысловой и деятельно-волевой структуры субъективной реальности и, думаю, самое важное – разработке феноменологии субъективной реальности. Спустя 20 лет вышло второе, существенно дополненное издание этой книги [Там же]. Этой проблематике я и далее посвящал ряд работ. Обобщающая статья «Субъективная реальность» вышла недавно в новой «Философской энциклопедии».

Говоря о фундаментальной структуре философского знания, я выделяю в нем четыре основных категориальных измерения: онтологическое, гносеологическое, аксиологическое (ценностное) и праксеологическое (целеполагание и целереализация, воля, вера, творческая и в целом деятельная активность); соответственно, выделяются четыре основные типа философских проблем. Эти категориальные измерения не редуцируемы друг к другу, но они взаиморефлексируемы. Это означает, что, разрабатывая онтологический план проблемы субъективной реальности, необходимо анализировать те познавательные средства, с помощью которых мы описываем и объясняем эту реальность, а также рассматривать её сквозь призму остальных категориальных измерений.

Помимо указанных четырёх выделенных категориальных планов есть ещё один синтетический план, объединяющий все эти планы, а именно – экзистенциальный, представляющий особенно актуальную в наше время проблематику подлинных человеческих смыслов и ценностей, которая оборачивается их дефицитом, нарастающим абсурдом во всех сферах жизни. Убеждён, что именно экзистенциальная проблема, взятая в её личностном, социальном и глобальном, цивилизационном аспектах, является главной философской проблемой нашего времени. Поэтому я целиком разделяю концептуальную установку Ю.В. Синеокой, которая выделяет специфику понятия экзистенциала по сравнению с понятием идеи и справедливо утверждает, что вне экзистенциального личного опыта и его осмысления философия невозможна [Синеокая 2020: 5–14]. «Поэтому, – пишет она, – отдавая дань традиционному взгляду на историю философии как летописи логики становления идей и смыслов, я уверена в перспективности иного историко-философского измерения, отправным пунктом которого служат экзистенциалы» [Там же: 8]. «В основе любой философской темы лежит личная экзи-

стенциальная человеческая проблема». И важно осмыслить, «как из переплетения личных и творческих судеб мыслителей кристаллизуются философские тексты» [Там же: 9].

Именно в указанных выше пяти планах должна основательно разрабатываться проблема сознания, как, впрочем, и другие фундаментальные философские проблемы (у меня по этому вопросу была в своё время опубликована специальная статья: Дубровский 1984 19).

Я уделил так много места проблеме субъективной реальности потому, что она, как и проблема «Сознание и мозг», занимала главное место в моих научных интересах и научной деятельности на протяжении всей моей жизни.

Загорский эксперимент

В середине 70-х всё, что касалось дискуссии с Ильенковым, получило своеобразный поворот, о чем я обязан напомнить. Тогда вся наша пресса трубила и била в фанфары по поводу «выдающегося мирового достижения советской науки». Четверо полностью слепых и глухих от рождения из Загорского интерната окончили психологический факультет МГУ, обрели высокий уровень образования и культуры, что было достигнуто на основе новых методов воспитания, основанных на марксистской теории формирования личности. Это получило название «Загорский эксперимент», во главе которого стоял Э.В. Ильенков. Его активно поддерживали известные психологи А.Н. Леонтьев, В.В. Давыдов, академик Н.П. Дубинин. Ю.А. Жданов, главный редактор журнала «Коммунист» Р.И. Косолапов, многие видные философы. В партийной прессе всему этому была дана самая высокая оценка. В органе ЦК КПСС, журнале «Коммунист», вышла статья Э.В. Ильенкова [Ильенков 1977: 68–79].

Геннадий Гургенидзе искренне радовался такому достижению, я вместе с ним тоже, хотя меня смущали теоретические обоснования, согласно которым у этой четвёрки психика якобы была сформирована «с нуля» (выражение А.Н. Леонтьева), являлась исключительно делом рук воспитателя. А это служило блестящим доказательством марксистской теории формирования личности в изложении Ильенкова. Суть вопроса была именно в том, что все четверо окончивших МГУ признавались тотально слепыми и глухими от рождения и не имевшими вообще человеческой психики. Поскольку она была создана у них воспитателем, то отсюда следовало, что врождённые факторы не играют никакой роли в формировании личности, и однозначно подтверждалась позиция Ильенкова в нашей дискуссии. Можно представить, как встрепенулось философское сообщество, как воспрянули сторонники Ильенкова, какие эпитеты посыпались в мой адрес. В короткое время было защищено около десяти философских диссертаций на эту тему.

И тут в разгар триумфа со мной познакомилась одна молодая женщина, знавшая, что я оппонент Ильенкова, и потому искавшая со мной встречи. Она являлась сотрудником Института дефектологии и, что самое главное, преподавателем у знаменитой четвёрки, окончившей МГУ. Выражая острое недовольство действиями Ильенкова и тем, что он намеренно искажает факты, она сообщила, что никто из этой знаменитой четвёрки не был слепым и глухим от рождения, что они стали терять зрение и слух в довольно позднем возрасте, когда у них уже целиком сформировались образы мира, сознание и речь. Более того, у двух из них сохранились остатки слуха, а у двух других остатки зрения (например, один из них – Александр Суворов – самостоятельно передвигался по Москве, что вызывало возмущение Ильенкова, так как нарушало «чистоту» Загорского эксперимента).

С помощью этой женщины (она просила не называть её имени) я прошёл неофициально в Институт дефектологии, скопировал истории болезней четвёрки и другие документы, подтверждающие её слова, а потом перечитал указанные ею многие неизвестные мне материалы, опубликованные в Алма-Ате, в которых двое из этой четвёрки – Сергей Сироткин и

Александр Суворов – сами рассказывают о своих возможностях, скрываемых Ильенковым. После этого в лекциях, которые я читал не только в МГУ, но и в других местах, я стал разоблачать фальсификации. Тогда тема слепоглухих была притчей во языцех, слушатели обязательно задавали вопросы, я отвечал, вызывая сильные эмоции как у моих сторонников, так и у противников.

Прошёл примерно месяц, меня вызвали в партком МГУ, предъявили анонимное письмо, в котором меня обвиняли в том, что я «обливаю грязью выдающееся достижение марксистской науки» и т. п. Это письмо было переслано заведующим отделом науки и культуры журнала «Коммунист», доктором философских наук Г. Волковым с настоятельной просьбой «принять меры». Я категорически отказался отвечать на анонимку, несмотря на настойчивые требования партийного чиновника. И тогда по мне дали залп из тяжёлой артиллерии.

В органе ЦК КПСС, журнале «Коммунист», вышла статья академика Дубинина, в которой были подвергнуты разгромной критике мои основные работы [Дубинин 1980: 62–74]. Потом выяснилось, что всё, касавшееся меня, было написано сотрудником редакции «Коммунист» и вставлено в статью Дубинина, который не возражал, так как поддерживал Ильенкова и сам в этой статье громил за «биологизацию социальных явлений» своих коллег – академика Астаурова и профессора Эфроимсона. В отношении меня после цитат из моей книги и статей говорилось, что Дубровский «в своих софистических рассуждениях, отталкиваясь от биологизации социального, соскальзывает в плоскость проблем, имеющих уже отнюдь не естественно-научный, но общественно-политический аспект [Там же: 72–73]. Провозглашая возможность расшифровки мозговых кодов психических явлений, он заявляет «претензию на рекомендации с совершенно чуждых нам научных и идеологических позиций», игнорирует «азбучные истины исторического материализма»» [Там же: 73]. И заключительный аккорд: «Тут налицо открытая ревизия марксистско-ленинского понимания сознания» [Там же].

Философы старшего поколения хорошо помнят, что тогда значили такие аттестации в органе ЦК КПСС, журнале «Коммунист». Как человек, который выступает с «совершенно чуждых нам научных и идеологических позиций», демонстрирующий «открытую ревизию марксистско-ленинского понимания сознания», мог быть профессором философского факультета МГУ и заведующим отделом диалектического материализма журнала «Философские науки»? Надо было искать 169 работу по старой моей пролетарской специальности. В МГУ вокруг меня возникло подобие вакуума. Академик Бехтерева, с которой я тесно сотрудничал несколько лет, сразу порвала со мной отношения и запретила своим сотрудником общаться со мной (они, правда, её не послушали).

Меня в буквальном смысле спас Владимир Спиридонович Готт, который опять пошёл в ЦК к очень высокопоставленному партийному руководителю, и дело спустили на тормозах.

Что касается Загорского эксперимента, то у многих остался вопрос: занимался ли действительно Ильенков фальсификацией, утверждал ли он строго и однозначно, что его подопечные были целиком слепыми и глухими от рождения, совершенно не обладали психикой, которая была потом выработана у них «с нуля»? На этот счёт, к сожалению, нет ни малейших сомнений.

Вот его слова из статьи, опубликованной в журнале «Коммунист»:

> Редко, но случается, что в руки воспитателя попадает существо, по всем биологическим показателям принадлежащее к виду «Homo Sapiens», но не обнаруживающее признаков человеческой психики – ни сознания, ни даже примитивных проявлений целенаправленной деятельности. Такое существо растёт, увеличивается в размерах, однако психическое развитие так и не начинается. Непосредственная причина этого – слепо-глухота…[Ильенков 1977: 68–69].

> Советская наука показала и доказала в данном случае, что научно организованный процесс воспитания даже при таком, казалось бы, неодолимом препятствии, как полное отсутствие сразу зрения и слуха, может вывести ребёнка на путь полнокровного человеческого развития и сформировать в нем не только психику вообще, но и психику самого высокого порядка… В этом сразу же убеждается каждый, кому удалось познакомиться с четырьмя удивительными людьми – Сергеем Сироткиным, Натальей Корнеевой, Александром Суворовым и Юрием Лернером [Там же: 69].

Ильенков ещё раз подчёркивает, что они, «если бы не специально разработанная система воспитания, были бы обречены на бессознательное существование» [Там же: 70]. «Исходное условие жёсткое: психики нет вообще, и «сама» она не возникает. Её надо сделать, сформировать, воспитать» [Там же: 71]. Всё это, однако, вопиюще противоречит фактам.

После того как во времена перестройки были сняты все партийные запреты, мы по линии секции «Философские проблемы психорегуляции, самосовершенствования и резервных возможностей человека», которой я руководил в Философском обществе, организовали и провели научную конференцию, посвящённую методологическим, историческим и этическим аспектам проблемы слепоглухоты. Она была весьма представительной. В ней приняли участие директор Института дефектологии В.И. Лубовский и ведущие сотрудники этого института: проф. В.И. Бельтюков, зав. лабораторией изучения и воспитания слепоглухонемых детей В.Н. Чулков и др., а также директор Института психологии А.М. Матюшкин, главный редактор «Психологического журнала» А.В. Брушлинский, известный психолог М.Г. Ярошевский, философы Г.С. Батищев, И.С. Нарский, С.Н. Мареев, И.З. Налетов, сотрудник Загорского интерната Д.П. Андрианов, ряд других философов и учёных. С докладом выступили заведующий сектором социальной реабилитации слепоглухих СКБ ВОС С.А. Сироткин и Э.К. Шакенова – кандидат философских наук, известный специалист в этой области.

По материалам конференции вышел сборник [Слепогрухонемота 1988; 2018]. В нем была чётко выявлена реальная картина, рассмотрены сложные методологические вопросы обучения слепоглухих, те творческие усилия сотрудников Института дефектологии, специалистов по тифлосурдопедагогике, которые позволили добиться успехов в окончании четырьмя слепоглухими психологического факультета МГУ. Вместе с этим были чётко показаны все фальсификации, связанные с Загорским экспериментом, о которых речь шла выше.

Несмотря на то что факты фальсификации получили несомненное доказательство, сторонники Ильенкова многие годы, как ни в чем не бывало, выдвигают Загорский эксперимент в качестве главного доказательства истинности концепции Ильенкова [Ильенковские чтения 2016: 96–99, 127–130, 135, 136, 139 и др.]. Тоже своего рода феномен слепоты и глухоты (а скорее, всё та же фальсификация).

Особого внимания заслуживает в этом плане недавно опубликованная статья А. Майданского [Майданнский 2019: 81–101] – давнего, весьма изобретательного апологета концепции Ильенкова, страстного борца против её критиков. Она ярко показывает, на каком уровне и какими средствами действуют такие борцы. Вначале автор обрушивается на крупного представителя генетики А.А. Малиновского, упрекая его в том, что он неправильно понимает «сущность человека», к которой генетика не имеет никакого отношения, ссылаясь на позицию Ильенкова и Загорский эксперимент. При этом Майданский (обратите внимание!) использует только одну его статью, опубликованную в 1970 году [Малиновский 1970: 92–95], и заявляет, что после этой статьи Малиновского «научный уровень полемики устремился к нулю», что «Дубровский со товарищи сместили дискуссию в этическую плоскость» [Майданский 2019: 84], что им «и в голову не пришло поразмыслить над тем, что такое пси-

хика вообще» [Там же: 91]; что они не понимают «теоретического уровня науки», «сущности теоретического мышления», «силы абстракции». «Только не у всякого эта сила абстракции между ушами имеется в нужном количестве» [Там же]. Тем же, кто говорит о сокрытии Ильенковым противоречащих его концепции фактов, – «от науки как до Луны».

Перечень таких страстных восклицаний можно продолжить. Как будто после 1970 года не было десятков публикаций, посвящённых критическому разбору концепции Ильенкова и его трактовки Загорского эксперимента. Неоднократно называя меня в качестве главного критика и высокомерно, одним махом ниспровергая мои оценки и выводы, он ни разу не приводит ссылок на мои работы, даже нигде их не упоминает.

Однако Майданский, судя по всему, всё же прочёл указанный выше сборник, посвящённый столь подробному критическому рассмотрению Загорского эксперимента. И что же? Наш «высоконравственный» борец за правду начисто игнорирует все многочисленные критические аргументы видных философов, психологов и, главное, специалистов-дефектологов. Он не оставляет камня на камне от основного доклада Сироткина и Шакеновой, не обращая внимания на слова директора Института дефектологии В.И. Лубовского: «Институт дефектологии поддерживает позицию по проблемам слепоглухоты и педагогической практики Загорского детского дома, изложенную в докладе С.А. Сироткина и Э.К. Шакеновой… Это нашло отражение в публикации их статьи в журнале «Дефектология», 1988, № 1, основные положения которой разделяет не только редколлегия журнала, но и коллектив учёных нашего института (см. статью в Приложении)» [Слепоглухонемота : 117].

До этого Майданскому нет дела. Он оценивает всё оптом, в таких выражениях: «Сборник докладов буквально сочился ядом и научной безграмотностью» [Майданский 2019: 91]. «Яд» и «безграмотность», конечно, относятся к докладам всех главных критиков. А ими были не только такие авторитетные философы, как Батищев, Нарский, но и ведущие психологи Ярошевский, Брушлинский, директор Института психологии АПН Матюшкин и, самое важное, директор Института дефектологии Лубовский и ряд сотрудников его института, т. е. те, кто своим неустанным трудом обеспечивал успешную учёбу в МГУ знаменитой четвёрки. Это они, оказывается, «сочились ядом и научной безграмотностью». Такое злобное оскорбление большой группы специалистов – возмутительно. Понятно, что это способ компенсации своих пылающих амбиций и собственной интеллектуальной ограниченности.

Я снова хочу «сместить дискуссию в этическую плоскость», ибо в научном плане с Майданским не о чем дискутировать. Как можно вести обсуждения с человеком недобросовестным, грубо нарушающим элементарные нормы научной этики.

Поскольку в последние годы вопросы дискуссии с Ильенковым и результаты Загорского эксперимента снова активно обсуждаются, а первое издание указанного сборника стало библиографической редкостью, возникла необходимость второго издания этой книги [Слепоглухонемота 2018].

Хочу особо подчеркнуть, что всё это вовсе не является чем-то наподобие сведения счетов с Э.В. Ильенковым. Я относился к нему с уважением, считал его талантливым человеком, искренним в выражениях своих марксистских убеждений. Безусловно, его неприглядная позиция, изложенная выше, была продиктована не личными интересами, а страстным желанием обосновать марксистскую концепцию воспитания личности и её гуманистическое значение. Это подогревалось в те годы «накалом идеологической борьбы» и не афишированной, но твёрдой уверенностью, что для борьбы против буржуазной идеологии все средства приемлемы.

Однако благие намерения не могут оправдывать искажения реальных фактов или их сокрытия. На эту тему в «Вопросах философии» были опубликованы две большие статьи Ю.В. Пущаева [Пущаев 2013а: 132–147; Пущаев 2013б]. Автор, признавая сами факты фальси-

фикации, тем не менее пытался оправдывать их благими намерениями и следствиями из общих установок концепции Ильенкова.

Издание первой книги

Здесь мне хотелось бы ещё раз вернуться в конец 60-х. После защиты я оформил диссертацию в виде монографии и подал в Совет по кибернетике, где с ней были уже давно знакомы. Её обсудили и две секции – по философским вопросам кибернетики и по медицинской кибернетике, рекомендовали её к публикации в академическом издательстве «Наука» – большая честь по тем временам. Я был счастлив и во всем обязан Научному совету, который проводил многочисленные мероприятия (конференции, дискуссии, издания сборников, в которых я активно участвовал). В них участвовали мои единомышленники и те, с кем я дискутировал, коллеги, оказавшие на меня значительное научное влияние. Помимо упоминавшихся выше, среди них были И.Б. Новик. В.С. Тюхтин, Ю.А. Шрейдер и др.

Рукопись книги передали в издательство, и началась следующая эпопея. Заведующий редакцией Кондаков был против, под разными предлогами почти два года тянул дело. Я много раз звонил и писал ему из Донецка, он вяло обещал, но впустую. Не реагировал он и на письма из Совета и на другие обращения, пока в редакцию на работу не поступил новый рядовой редактор Я.А. Мильнер-Иринин. Об этом замечательном философе и человеке надо знать и помнить.

Он был ещё до войны кандидатом философских наук, защитил диссертацию о Спинозе, потом специализировался в марксистской этике. Он обладал колоссальной работоспособностью, которую широко использовали его бывшие коллеги, ставшие перед войной и после неё главными философскими идеологами (академик Митин и др.). Он был убеждённым коммунистом в самом высшем смысле, бескомпромиссным, жёстко отстаивавшим свои взгляды вопреки замысловатым партийным «играм на верху», всяким «приливам» и «отливам». Как он выжил в период сталинской мясорубки конца тридцатых – большая загадка. Но его не раз сажали, выпускали, исключали из партии, опять сажали. И даже при «хрущевской оттепели» за его статью, которую ему удалось опубликовать, по этике его обвинили в антимарксистском «абстрактном гуманизме», и он был опять вне партии и безработным. Кто-то из его знакомых идеологических бонз всё же устроил его в редакцию. Он сразу пересмотрел длинный ряд рукописей, пылившихся на полках, нашёл мою, перечитал, она ему понравилось. И когда узнал, что Кондаков два года маринует её, обрушился на него с обвинениями в перестраховке и чуть ли не во вредительстве. А он был резким, громогласным, бескомпромиссным, никого и ничего не боялся. Он устроил Кондакову скандал, чего тот опасался больше всего. В итоге через месяц Яков Абрамович Мильнер-Иринин добился, чтобы мою рукопись включили в план издания на 1971 год.

В 1969 году, после защиты диссертации, я ещё долго жил в Донецке. И когда стал здесь единственным доктором философских наук, у меня начались большие проблемы. Мой зав. кафедрой, бывший партийный работник, боявшийся, что займу его место, стал строить мне козни. Я всегда читал лекции только по диалектическому материализму и ни разу по историческому материализму, всячески избегал идеологической фразеологии. Но теперь меня обвинили, что я ухожу от марксистской идеологии, и обязали читать этот курс. Я категорически отказался, мотивируя тем, что нужна специализация и что даже в крупных вузах Москвы кафедры диалектического и исторического материализма разделены. Это никого не интересовало. Назревали партийные наказания. Я собирался уехать в Москву. Спиркин, которого прочили директором вновь создаваемого Института психологии РАН, обещал меня взять старшим сотрудником. Я подал заявление об увольнении из мединститута. Меня вызвали в об-

ком партии и грозили строгим выговором с занесением в личное дело. Но тут выручил сам зав. кафедрой, он понял, что я не конкурент, и рад был поскорее выдворить меня из Донецка. Пошёл в обком к близкому ему начальству, стал убеждать, что у меня большие связи в Москве, даже якобы в ЦК, лучше не связываться. Завалили на защите, а его вытащили, печатают в «Вопросах философии», приглашают в Москву. Зачем нам всякие сложности. Пусть проваливает. Дали команду ректору, и он сразу подписал моё заявление об увольнении. Свободен, как птица!

Я занял денег и уехал в Москву, снял с помощью знакомых комнату, сразу позвонил моему редактору Мильнеру-Иринину и начал с ним работать. Каждый день по шесть часов. С ним было трудно. «В книге нет мелочей!» – повторял он. Мы шли черепашьим шагом по каждой странице. Это для меня была строгая наука редакторского дела. Через два с половиной месяца такой напряжённой работы книга была готова и сдана в печать.

Но так же как со мной, с той же тщательностью он работал над своими публикациями, которые всегда отличались строгим и вместе с тем своеобразным стилем. Он создал фундаментальный труд «Этика, или Принципы истинной человечности» (32 а. л., писал его более 10 лет). В нем глубоко раскрывались общечеловеческие нормы нравственности. Книга делилась на разделы, которые назывались: «Принцип совести», «Принцип свободы», «Принцип самосовершенствования», «Принцип благородства», «Принцип благодарности». Эти «принципы истинной человечности» с непреклонным убеждением, страстно, афористично, часто в форме императива выражены автором. «Совесть – это свет разума», «самоконтроль разума» [Мильнер-Иринин 1963: 32–33]. «Повинуясь велениям совести, ты повинуешься своей осознанной сокровеннейшей и возвышенной сущности человека», «Высокое достоинство человека да будет для тебя священно!» Ещё несколько цитат, дающих представление об авторе:

> Борись за добро, – всем существом своим, каждым биением сердца, каждым дыханием, борись за истину, борись за правду, борись за красоту… В этом одном – верховный смысл существования человека на земле, его наивысшее удовлетворение, полная реализация его творческой сущности, его истинное счастье [Там же: 149–150];
>
> Всякое посягательство на свободу мысли есть непосредственное посягательство на внутреннюю духовную, или нравственную, свободу человека. Подавление свободы мысли есть не что иное, как методическое и систематическое разрушение человеческой природы [Там же: 375].

Не забудьте, что всё это писалось ещё в 50-х годах. А вот насчёт того, как не надо строить коммунизм:

> Никто не может поручиться за то, что несомненный вред, наносимый человечеству и его моральному сознанию недозволенными средствами борьбы, будет хотя когда-нибудь возмещён осуществлением какой бы то ни было высокой цели. Тем более сомнительной цели, сомнительной потому, что не могут низкие средства привести к осуществлению истинно высокой цели [Там же: 390].

Разумеется, рукопись книги вызвала резкий отпор титулованных рецензентов. Автора обвинили в игнорировании классового подхода к этике, в «абстрактном гуманизме», который «льёт воду на мельницу буржуазной идеологии». Но Яков Абрамович не останавливался ни перед какими угрозами и репрессиями, он бил и бил головой в эту каменную стену. И случилось что-то похожее на фантастику: в самом начале 60-х, не знаю уж каким способом, ему удалось опубликовать свой труд тиражом в 60 экземпляров по специальному разрешению Секретариата ЦК КПСС, с пометкой «для служебного пользования». Все 60 экземпляров были пронумерованы и разосланы партийным чиновникам. Автор получил два экземпляра,

потом добыл ещё три (и у меня в качестве реликвии хранится один, бесценный подарок автора). Приведённые цитаты с указанием страниц взяты из этой книги.

Я специально уделил ей столько внимания, ибо удивительный факт издания этой книги и самоотверженная борьба Я.А. Мильнера-Иринина за принципы «истинной человечности» забыты. А ведь именно он был ведущей фигурой в преодолении нагромождений и ухищрений классовой этики, восстановления её общечеловеческого содержания (пусть и под флагом марксизма). Уже в 80-х, когда ещё давали о себе знать партийные шоры, возникла дискуссия по этике. Ему удалось тогда опубликовать статью, в которой он снова поднимал на щит «принципы истинной человечности». Но это опять завершилось резким осуждением в журнале «Коммунист».

Через несколько лет, во времена начавшейся перестройки, этика постепенно вошла в общечеловеческую колею, но о Мильнере-Иринине наши ведущие этики предпочитали уже не вспоминать. Обычная, знакомая ситуация: мавр сделал своё дело… Сколько раз мы уже видели такую несправедливость. Но его имя, безусловно, должно занять достойное место в истории советской этики и философии.

Из Донецка в Москву.
Журнал «Философские науки». Философский факультет МГУ

После переезда в Москву намечавшаяся перспектива устройства на работу сразу рассеялась. Спиркина не назначили директором Института психологии. Он был человек открытый, доверчивый, не очень практичный, и его легко отодвинул в сторону Ломов – опытный чиновник, зав. отделом в Министерстве просвещения, друг которого работал в ЦК КПСС и ведал этими вопросами. Заместителем Ломов взял Шорохову – суровую партийную даму из Института философии.

Мне надо было искать работу. А это оказалось нелёгким делом. Обошёл многие институты, но безуспешно. Нет мест, или зав. кафедрой кандидат, зачем брать доктора. Друзья хотят, но не могут помочь. И тут мне посоветовали обратиться к главному редактору журнала «Философские науки» Владимиру Спиридоновичу Готту, он, мол, тебя знает, хорошо говорил о твоей статье. Готт очень по-доброму встретил и сразу, что сильно удивило, сказал, что возьмёт меня. Скоро освободится место зав. отдела. Но месяца два надо поработать простым редактором. Пока его занимает профессор Коршунов из МГУ. Он станет зам. главного редактора, а вы пойдёте на его место. Я очень обрадовался, взялся за работу. Готт был мной доволен. Анатолия Михайловича Коршунова назначили заместителем главного редактора. Через несколько дней Готт пришел в редакцию хмурый, расстроенный чем-то. Вызвал меня в свою комнату и сказал, что очень огорчён, извиняется предо мной, ему не удалось решить мой вопрос, предложил взять меня к себе на кафедру, пока на полставки. Ну и замечательно, главное есть работа. Я искренне его поблагодарил, не сомневаясь, что он старался сделать для меня всё, что мог.

Прошло две недели, Готт попросил приехать в редакцию. Захожу к нему в комнату, он сидит довольный, хитро поглядывает на меня, улыбается: «Я решил ваш вопрос! Завтра утром поезжайте в партком МГУ, там всё известно». А дело, оказывается, было в следующем: должность заведующего отделом диалектического материализма, логики и философских вопросов естествознания являлась на самом деле ставкой профессора философского факультета МГУ. Номенклатура ЦК КПСС. Заманчивая должность, сразу без конкурса – профессором. На это место первый зам. министра высшего образования ставил своего человека и, опередив Готта, уже согласовал это в инстанциях. Не знаю, что произошло, что подвигло Готта, но он пошёл к гораздо более высокому партийному деятелю и перебил эту карту. Так

я вдруг неожиданно для себя и для всех сразу стал профессором кафедры диалектического материализма философского факультета МГУ.

Откуда же у него такое всемогущество?

Об этом замечательном человеке, встреча с которым дала мне так много, открыла новый этап моей жизни, я обязан рассказать молодому поколению, хотя о нем много писали и он был и останется крупной фигурой в нашей философской жизни. Владимир Спиридонович Готт в период сталинских репрессий работал в Харьковском физическом институте, был учеником Ландау, в 25 лет стал кандидатом физико-математических наук, был членом партии и секретарём комитета комсомола института. В условиях разгрома партийных и комсомольских кадров его назначили в 1937 году первым секретарём Харьковского райкома комсомола, потом горкома комсомола, а через пару месяцев он был уже в обкоме партии, а накануне войны – в ЦК Украины. Затем был секретарём обкомов партии, в том числе Одесского, тесно работал с Хрущевым, занимал очень высокие должности и стал помощником Молотова по науке и культуре. После отставки Молотова он по своей воле ушёл на научную и преподавательскую работу, защитил докторскую диссертацию по философии на тему «Проблема симметрии и асимметрии в физике», возглавил кафедру философии Московского педагогического университета и стал главным редактором журнала «Философские науки».

Готт был по натуре общительным, добрым человеком, почти всегда с позитивным настроем, готовым помочь, посоветовать, поддержать, от него шла живительная энергия, доставлявшая собеседнику приятные чувства. Когда Готт был большим начальником, почти все нынешние партийные деятели самого высокого ранга были под его началом или на одном уровне с ним, и они сохраняли хорошие отношения с ним, даже поздравляли его с днём рождения. Но я точно знал, что он никогда не пользовался этими связями в личных интересах. Было несколько случаев, когда он обращался наверх для решения каких-то важных общественных дел, и был ещё один случай, касавшийся лично меня, когда он выручил из беды.

В журнале сложилась очень дружная деловая обстановка. Заместителями главного редактора были А.М. Коршунов и В.Н. Шевченко. Последний являлся заведующим отделом исторического материализма, и мы с ним по очереди готовили к печати каждый следующий номер журнала, разумеется, под руководством В.С. Готта. Владимир Николаевич Шевченко, с которым мы дружно работали 16 лет, стал со временем ведущим специалистом по проблемам социальной философии, заведующим сектором Института философии.

С Анатолием Михайловичем Коршуновым, который, работая в журнале, оставался заведующим кафедрой философии гуманитарных факультетов МГУ, мы быстро подружились. Он был известным мастером по прохождению на байдарках порогов высокого уровня (в притоках Оби и Печоры). Он вовлёк меня в эти замечательные походы, и мы с ним однажды вдвоём, на одной байдарке, прошли весьма сложный маршрут по порогам реки Щугор, притоку Печоры (правила безопасности запрещали такие походы с одной байдаркой, требовалось по крайней мере два экипажа; но у нас всё прошло удачно).

В редакции был ещё отдел – истории философии, которым заведовал Алексей Терентьевич Павлов, хороший, близкий нам человек. Но главную организационную роль играла Аврора Пружинина – ответственный секретарь журнала, отвечавшая за слаженную работу всех звеньев редакции. Мы её очень уважали и ценили. Она работала в журнале 50 лет. После её смерти в прошлом году в журнале сразу возникли трудные проблемы.

На кафедре диалектического материализма в МГУ, где я занял должность профессора, тоже была хорошая обстановка, руководил ею профессор Арчжил Якимович Ильин, о котором сейчас, к великому сожалению, мало кто помнит, а это был человек высокой философской культуры, тонкого ума, очень доброжелательный, к большому сожалению, рано умерший. Потом заведующим кафедрой стал С.Т. Мелюхин. Коллектив у нас был большей ча-

стью молодёжный: А. Панин, В. Купцов, С. Лебедев, В. Борзенков, а аспирантом был Владимир Миронов. Потом на кафедру пришли П. Алексеев и Ю. Петров. Я постепенно вписался в работу философского факультета, читал курсы лекций, руководил аспирантами, мне даже пришлось по настоянию Мелюхина, ставшего деканом факультета, быть два года председателем совета по защитам диссертаций по диалектическому материализму и логике (в этой тяжкой ноше мне помогал Александр Панин, который потом долгое время был деканом факультета).

У меня сложились хорошие отношения с профессорами других кафедр: Е.И. Войшвилло, А.С. Старченко, особенно с А.С. Богомоловым (кафедра истории западной философии). С ним у меня возникли общие научные интересы, касавшиеся развития в последние десятилетия одного из направлений постпозитивистского движения, которое именовалось «Научный материализм» и занималось как раз проблемой ментального и телесного, сознания и мозга. Оно было представлено многими известными западными философами, резко выступало против дуализма и идеализма, но отстаивало редукционистские принципы. При поддержке Богомолова, я серьёзно занялся чтением и осмыслением весьма обширной литературы этого направления. Он помогал знакомиться с новыми публикациями (тогда это было сложно), прикрепил ко мне свою аспирантку Светлану Бадмаеву (по его инициативе я стал её неофициальным руководителем; она хорошо знала английский и помогала мне в сложных случаях с переводами; в дальнейшем она стала крупным специалистом по этой проблематике). Я опубликовал ряд статей, посвящённых критике ведущих представителей «научного материализма», а затем написал книгу, в первой части которой критически рассматривались основные концепции этого направления, как физикалистского, так и функционалистского типа, а во второй части излагалась моя, более развитая к тому времени, концепция решения проблемы «Сознание и мозг». При этом подробно анализировалась специфика информационных процессов по сравнению с сугубо физическими процессами и главное внимание уделялось теоретическим и методологическим вопросам проблемы расшифровки кодов в общем виде и применительно к расшифровке мозговых кодов явлений субъективной реальности [Дубровский 1980; Дубровский 2020].

Осенью 1971 года, как и планировалось, в издательстве «Наука» вышла моя первая книга [Дубровский 1971; Дубровский 2020]. Она получила положительную оценку академика П.К. Анохина, ряда известных специалистов в области нейрофизиологии, психофизиологии и неврологии, таких как Л.П. Латаш, М.Г. Ярошевский, Е.И. Бойко и др. Особенно внимательно прочёл книгу профессор Евгений Иванович Бойко, человек ещё старого закала, высокой образованности и подлинной интеллигентности, который был заведующим отделом психофизиологии Института психологии и заведующим соответствующей кафедрой психологического факультета МГУ. Он пригласил меня выступить с докладом о моей концепции на заседании своего отдела. После этого я стал принимать участие в его работе. Мы с Евгением Ивановичем плодотворно сотрудничали ряд лет, я бывал у него дома, где мы за чашкой чая обсуждали сложные вопросы. После его смерти его жена передала мне мою книгу с множеством пометок, замечаний, высказываний Евгения Ивановича почти на каждой странице – столь необходимые для автора доказательства, что кто-то действительно прочёл книгу и она была для него интересна. На последних чистых листах книги были подробно высказаны общие, крайне лестные для меня оценки. Эту книгу я берегу как реликвию в память об этом замечательном человеке, общение с которым для меня было исключительно плодотворным. Как ни странно, эту книгу пятидесятилетней давности, к удивлению, переиздали в 2020 году [Там же].

Об учителях и учениках

Теперь надо ответить на заданный всем участникам проекта вопрос об учителях и учениках – для меня не такой уж простой. Если речь идёт о конкретных науках, со сложившимися направлениями и признанными лидерами, то там всегда есть действительные учителя и их ученики, и это очень важно. В философии – немного по-другому. Конечно, и тут есть определённые направления и «школы» с их признанными лидерами и теми, кто считает их своими учителями. Но в условиях советской, а в какой-то мере и постсоветской, действительности у меня сложилось своеобразное, может быть, не совсем обоснованное представление об учителе в философии. Ещё с университетских лет я насмотрелся на стольких философских учителей с их амбициями, фарисейством, страстью к самоутверждению и превосходству над другими, с их изощрёнными компенсациями своих комплексов, что мне хватило этого на всю оставшуюся жизнь.

Разумеется, это не означало, что для меня не было авторитетов, тех, кого я высоко ценил за их талант и высокие человеческие качества. К счастью, на моем пути встречались выдающиеся личности, перед которыми я преклонялся и которые оказали на меня неизгладимое впечатление. О некоторых я хотя бы кратко расскажу.

За мою долгую жизнь у меня было много подопечных – дипломников, аспирантов, докторантов и разных неофициальных искателей моей научной поддержки. Общение с некоторыми продолжалось долгие годы. Но я никогда не чувствовал себя в роли учителя. Более того, само слово «учитель», позиция «учителя» в философии вызывали у меня сложное, скорее скептическое отношение.

Что касается моих подопечных в научном плане, то я никогда не навязывал им своих концептуальных структур, уважал их самостоятельный выбор, помогал достигнуть приличного профессионального уровня, радовался их удачам. В большинстве случаев они были не учениками, а скорее коллегами. Может быть, поэтому среди них было так мало тех, кто шел по моим стопам, развивал мои концепции.

Кем из них я горжусь? – «сильный» вопрос. Среди них сейчас немало профессионалов высокого уровня и тех, кто реализовал свой философский дар. Например, мой самый первый в жизни аспирант Юрий Михайлович Сердюков из Хабаровска, давно ставший доктором наук и профессором, но помимо этого достигший высокого уровня в освоении восточных практик и в их философском осмыслении (у него тесные связи с китайской культурой). Он автор нескольких оригинальных монографических исследований, касающихся экстремальных состояний сознания, изучавший обширные материалы так называемого «околосмертного опыта» (Near Death Experience), процесса патологической деградации сознания и этапов его восстановления на материалах знаменитых исследований и восточных медитативных практик. Это имеет большое значение для разработки феноменологии субъективной реальности, а кроме того, весьма важно и в плане экзистенциальной проблематики.

Ещё один пример: Светлана Фарвазовна Нагуманова из Казани, защитившая три года тому назад докторскую диссертацию у нас в Институте философии, посвящённую критическому анализу попыток решения «Трудной проблемы сознания» в современной аналитической философии. Её монография на эту тему отличается высоким профессионализмом, потребовала глубокого знания чрезвычайно обширной англоязычной литературы и её кропотливого анализа. Думаю, это одна из лучших работ последних лет на эту тему.

И всё же я решил не оставить без ответа вопрос: кем я могу гордиться. Это – Гагик Микаэлович Назлоян. Он был моим студентом с первого курса учёбы в Донецком мединституте (с 1957 года) и, что удивительно, с самого начала проявлял интерес к философии и психофизиологической проблеме. Он стал со временем для меня близким, родным человеком, вер-

ным другом, жил несколько лет в нашей семье. Когда я переехал в Москву, мне удалось перевести его в Первый московский мединститут, который он окончил по специальности «психиатрия». Потом он поступил в психологическую аспирантуру к профессору М.Г. Ярошевскому, защитил кандидатскую диссертацию и стал работать психиатром в подмосковной психиатрической больнице.

Все эти годы мы постоянно сотрудничали, обсуждали трудные вопросы проблемы сознания, особенно под углом вопросов психиатрии, лечения шизофрении и аутизма. Психиатрия всегда была для меня важным ресурсом разработки проблемы сознания – ведь в норме динамические структуры субъективной реальности как бы слиты, а при психическом заболевании происходят различные диссоциации этих структур и во многом выявляется их сложное реальное устройство. Творческая мысль Гагика была в постоянном напряжении, он искал и находил новые подходы к лечению больных, пытался осмыслить глубокие теоретические вопросы нарушения сознания, диагностики и терапии психических болезней. Это был человек, без преувеличения, выдающегося таланта. Причём не только как врач. Он был замечательным художником и скульптором. Сделанные им скульптурные портреты своих пациентов поражали изумительно точным воспроизведением их патопсихических состояний.

Это определило новый этап его врачебной деятельности. Он создал свой метод лечения тяжелейших психических заболеваний, который назвал «портретным методом», «маскотерапией». В ряде существенных пунктов этот метод опирался на мою концепцию субъективной реальности, которую мы с ним постоянно обсуждали. Суть их том, что всякое явление субъективной реальности бивалентно, является единством иноотображения и самоотображения (т. е. в нем одновременно дано отображение некоторого объекта и самого себя). В простейшем случае самоотображение переживается в форме чувства принадлежности мне моего текущего субъективного состояния. Нарушение этого чувства вызывает феномен деперсонализации, т. е. нарушение отображения и переживания собственного Я, что чревато диссоциациями психической деятельности. В свою очередь, феномен деперсонализации вызывает феномен дереализации, т. е. нарушение восприятия внешних явлений и собственного тела. Таким образом, наше сознание обладает фундаментальным единством, взаимообусловленностью самоотображения и иноотображения.

Источники психопатологии – в нарушении этого единства. Поэтому главная задача при многих заболеваниях заключалась прежде всего в восстановление адекватного самоотображения собственного Я. Метод Г.М. Назлояна состоит в том, что при создании скульптурного портрета больного, в котором он участвует совместно с врачом, постепенно происходит восстановление адекватного отображения собственного Я, а тем самым его целостности, единства Я и не-Я. Этот метод обозначен мной в самых общих чертах, в нем есть много других компонентов и дополнительных действий. Но главное – искусство, методические приёмы врача-скульптора и активное участие в процессе самого пациента. Метод оказался исключительно продуктивным. Гагик Микаэлович Назлоян создал свой Институт маскотерапии, успешно практиковал во Франции и Швейцарии. На основе этого метода он излечил несколько сотен тяжелейших больных, которых безуспешно и долго лечили в разных других клиниках. У него была выставка множества скульптурных портретов излеченных им больных и хранились документальные материалы о каждом, которые свидетельствовали, что многие его пациенты стали известными математиками, поэтами, художниками, бизнесменами, обрели семью. Эти результаты представлены в его статьях и книгах [Назлоян 1994; Назлоян 2001].

Гагик Микаэлович Назлоян прошёл со мной всю мою жизнь, более полувека, прошёл все мои перипетии с защитами, гонениями и житейскими неурядицами. Это был талант самого высокого ранга, и он был моим самым верным, самым надёжным другом. Он умер четыре

года тому назад, и что-то в моей душе сильно опустело. Вот о нем я могу точно сказать, что горжусь им!

Кто больше всех повлиял на моё философское и научное развитие?

Из философов мне трудно кого-либо выбрать. О многих, кто оказал существенное влияние и кому многим обязан, я уже говорил. Но был один человек, о ком я могу точно сказать, что именно он оказал на меня самое сильное влияние: это – Владимир Павлович Эфроимсон, самая выдающаяся личность, с которой мне когда-либо приходилось состоять в дружеских отношениях. На его высоком лбу, в его сосредоточенном взгляде, одухотворённости облика, мощной энергетике проступала печать гениальности. Он был учеником патриарха российской генетики академика Кольцова. Я уже говорил о разгроме советской генетики в 1948 году, но серьёзные наезды на неё происходили уже в начале 30-х, когда стали плести сети вокруг Кольцова. В 1932 году Эфроимсона арестовали по надуманному предлогу и пытались выбить у него компромат на Кольцова. Не добившись ничего, его осудили по политической статье, и он провёл в тюрьмах и лагерях почти четыре года.

Он уцелел, удивительным образом не попал в начавшуюся вскоре мясорубку 1937 года. Может быть потому, что сразу после освобождения из лагеря уехал в Ташкент, где ему повезло устроиться и примерно год поработать в Институте шелководства. Здесь за столь короткий срок ему удалось, благодаря невероятной работоспособности, сделать выдающееся открытие в области генетики шелкопряда, которое имело прямое отношение к решению основных вопросов генетики, опередившее на несколько лет результаты западных учёных (за которые они потом получили Нобелевскую премию). Более того, он изложил свои результаты в книге, которая была уже набрана в типографии. Однако поднялась очередная волна гонений на генетику, и его изгнали из института, а набор книги рассыпали. Эфроимсон уехал в Харьков, преподавал в школе немецкий язык, а потом всё же устроился на Всеукраинскую станцию шелководства в г. Мерефе, где пытался продолжить свои исследования и восстановить уничтоженную книгу. Ему удалось защитить в Харьковском университете кандидатскую диссертацию, где ещё не успели добить генетику до конца.

Владимир Павлович был полон творческих планов. Но тут началась война, и он, будучи уже кандидатом наук, освобождённым от мобилизации, в первые же дни уходит добровольно на фронт. Он в совершенстве владел немецким и служил в разведбатальоне, воевал потом в разных частях, вернулся с войны со многими боевыми наградами. Успел в конце 1947 года защитить в Харьковском университете докторскую диссертацию по результатам довоенных исследований. Успел, так как уже через два месяца, в самом начале 1948 года, его изгнали из университета за «раболепство перед Западом».

Для него сразу после войны открылся новый фронт – борьбы за генетику, против всесильной лысенковщины. Уже к 1948 году он провёл детальный анализ всех публикаций и опытов Лысенко, результатом чего явился обширный труд в почти 300 машинописных страниц, переплетённый на манер диссертации (у него сохранился один экземпляр, и он давал мне его почитать в 1983 году). В нем разоблачались подтасовки фактов, ложные обобщения, фальсификации в экспериментах. Владимир Павлович озаглавил этот труд предельно коротко и ясно: «О преступной деятельности Т.Д. Лысенко» – и пытался подать на Лысенко в суд, инкриминируя ему фальсификации, «наносящие невосполнимый ущерб науке и сельскому хозяйству страны». И это происходило в 1948 году! Подать в суд на президента ВАСХНИЛ Лысенко, любимца самого товарища Сталина! Его не посадили сразу, так как сочли, видимо, психически ненормальным. После того как его даже не пустили в здание суда, он подаёт заявление на Лысенко в отдел науки ЦК КПСС и прилагает к нему свой трёхсотстранич-

ный труд (что интересно, заведующим этим отделом тогда был знакомый уже нам Юрий Жданов).

После этого Эфроимсона арестовали, причём опять по политической, 58-й статье. И теперь он получил 10 лет, а заодно его лишили степени доктора наук. Снова тюрьмы, лагеря, каторжные работы, окружение уголовников. Вряд ли ему удалось бы выжить на этот раз, если бы не смерть Сталина.

В 1954 году его освободили, но не реабилитировали. Он не имел права жить в Москве, снимал угол в Клину, но с места в карьер включился в борьбу против лысенковщины, которая оставалась ещё в большой силе, так как получала поддержку Хрущева. Он направляет Генеральному прокурору СССР заявление против Лысенко под заглавием «О подрыве сельского хозяйства Советского Союза и международного престижа советской науки» (с приложением текста в 250 страниц, в котором документально излагаются факты фальсификации и обмана). Но это не имело никаких последствий. Со временем он переезжает в Москву, однако не может устроиться на работу. После разгрома генетики все руководящие посты в институтах, исследовательских учреждениях по биологии и медицине заняли сторонники Лысенко, а также, ещё в большей мере, ловкие приспособленцы, генетики, «признавшие свои ошибки». Владимир Павлович занимается рефератами, переводами (знает в совершенстве 6 языков), и так около 8 лет, до тех пор, пока не получил, наконец, возможности для исследовательской работы (и ему вернули отнятую докторскую степень).

Он написал и издал первую в нашей стране фундаментальную монографию по медицинской генетике [Эфроимсон 1964], которая несколько раз переиздавалась. А через несколько лет выходит его другой фундаментальный труд по иммуногенетике Эфроимсон 1971 50, положивший начало развитию этого чрезвычайно актуального направления в советской медицине. Его особенно интересовали вопросы генетики психических заболеваний, и он со своими учениками создал новое направление исследований, опубликовал выдающиеся по своему значению работы в этой области и опять-таки первую монографию [Эфроимсон 1977].

Но слегка подмаскированные лысенковцы, занимавшие высокие позиции, постоянно ставили ему палки в колеса, и они добились увольнения Эфроимсона с должности руководителя генетической лаборатории Института психиатрии и перевода его на пенсию, хотя для этого не было ни малейших оснований. Особенно поспособствовал этому ловкий интриган, энергичный приспособленец, умевший подлаживаться к любым партийным установкам, открытый и давний враг Эфроимсона Н.П. Дубинин (его недаром прозвали «Лысенко № 2»). Он обрёл к тому времени все самые высокие должности, звания и награды (академик, директор Института генетики, лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда и т. д. и т. п.).

Лишенный лаборатории, Владимир Павлович с присущей ему энергией и последовательностью занялся теоретической деятельностью, опираясь на полученные им научные результаты и обобщая колоссальную информацию по генетике человека. В последние годы жизни он написал три выдающиеся по своему научному и философскому значению книги: «Генетика этики и эстетики», «Педагогика и генетика» и «Гениальность и генетика» [Эфроимсон 1995; Эфроимсон 1998]. Но несмотря на все его усилия и содействие друзей, ему так и не удалось издать эти книги, пробить дубининские заслоны.

Они были изданы лишь после его смерти. Владимир Павлович оставил мне их рукописи, и после ряда попыток и неудач мне удалось опубликовать две последние книги с помощью Елены Артемовны Изюмовой, которая в последние годы жизни Владимира Павловича была его добровольным секретарём и верным другом (у неё тоже были рукописи этих книг). Мы под одной обложкой издали не только указанные две книги, но и его пионерскую статью

«Родословная альтруизма», опубликованную журналом «Новый мир» в 1971 году и вызвавшую тогда большой резонанс в научной и философской среде, а также опубликовали обширное интервью, взятое у него незадолго до смерти, биографическую статью о нем, подготовленную Еленой Артемовной, мою статью о нем и впечатляющий список всех его научных работ [См.: Эфроимсон 1998].

Хочу подчеркнуть, что труды В.П. Эфроимсона имеют важное философское значение в плане разработки биосоциальной проблемы и, более широко, – для философской антропологии. У него были философские публикации, две из них – в «Вопросах философии» (см. журналы за 1966 г. № 2 и № 8). Владимир Павлович обладал высочайшей эрудицией не только в генетике и медицине, но и в области искусства, истории, психологии, был хорошо осведомлен в актуальных философских вопросах, которые мы с ним постоянно обсуждали.

Но главное состояло в том, что он был для меня образцом подлинного благородства, силы духа, неукоснительной принципиальности в научных и нравственных вопросах – живым свидетельством того, что высшие ценности реально существуют. Всё сказанное о нем позволяет понять, почему Владимир Павлович Эфроимсон оказал на меня наиболее сильное влияние из всех, с кем мне пришлось встречаться на жизненном пути.

Но это не отменяло, конечно, значительного влияния других личностей, которые по своей профессии тоже не принадлежали к философской епархии. Я много лет близко дружил с Теодором Юрьевичем Вульфовичем, известным кинорежиссёром и писателем. Он создал такие замечательные фильмы, как «Последний дюйм», «Крепкий орешек», «Товарищ генерал» и др., сохранившие свою ценность и сегодня. Он опубликовал несколько книг, посвящённых Великой Отечественной войне. Прошёл сам её с первых дней, был командиром взвода разведки в знаменитом Уральском добровольческом танковом корпусе, горел в танке, был несколько раз ранен, награждён боевыми орденами. Общение с ним и его другом, кинорежиссёром Григорием Чухраем, было для меня исключительно плодотворным, открывало новые истоки душевных сил и творческих побуждений.

Много лет я тесно общался с Анатолием Зверевым, несомненно, гениальным художником («природным гением», как его назвал бы Эфроимсон). Он был человеком «не от мира сего», часто месяцами жил не у себя, а у знакомых, много пил и бескорыстно раздавал свои великолепные работы. У меня с ним сложились добрые отношения, одно время я даже недолго жил в его квартире. Он не раз шутливо говорил: «Давай, старик, я тебя увековечу!» – и быстро, быстро делал чёрным карандашом наброски, в которых я узнавал в себе что-то не знакомое ранее. Зверев сделал три моих больших портрета маслом и несколько карандашом и тушью. И он создал гениальный, без малейшего преувеличения, совместный портрет моей дочери Иры и моего внука Вани, когда тому было два года. Эту работу высоко оценивали лучшие специалисты по изучению творчества Зверева. Я был свидетелем того, как со временем быстро нарастал интерес к произведениям Анатолия Зверева и как его творчество стало общепризнанным национальным достоянием. Открыты музей и постоянные выставки его работ, которые посещают тысячи любителей его живописи.

В последние примерно 15 лет у меня сложились дружеские отношения с писателем Михаилом Веллером. Это было связано с его давними философскими интересами и оригинальными, я бы сказал, дерзкими публикациями на философские темы, которые я подверг критике в «Литературной газете». Однако, познакомившись потом с его другими работами и с трёхтомником, посвящённым проблеме энергоэволюции, я проникся к нему большим уважением. Эти три объёмистые книги впечатляют глубокими знаниями автора в области физики и биологии, его самостоятельными по своей направленности и результатам исследованиями философских проблем эволюции. Им написана весьма интересная книга о соотношении правды и обмана, в которой поставлены острые философские и социальные вопросы. Ведь я

тоже, ещё с начала 90-х, занимался проблемой обмана и самообмана, издал в 1994 году небольшую книгу, первую в нашей философской литературе; потом вышло второе, дополненное её издание [Дубровский 1994; Дубровский 2010]. По вопросам обмана и самообмана года три тому назад мы с М.И. Веллером провели в Институте философии дискуссию, в которой принимали участие многие наши сотрудники.

Должен сказать и о моем сорокалетнем стаже общения и сотрудничества с заслуженным артистом России, известным мастером психологических опытов Юрием Горным. Его хорошо знают в нашем институте, он не раз демонстрировал нам свои удивительные способности и стремился дать их научное объяснение, страстно выступал против расплодившихся магов, экстрасенсов, лжецелителей, активно помогал их разоблачению. Он был членом бюро нашей секции по проблемам психорегуляции, самосовершенствования и резервных возможностей человека, внёс большой вклад в её работу, особенно в период, когда мы добивались и, наконец, добились запрета деятельности «всемогущего» всероссийского телевизионного лекаря Кашпировского.

Остался последний вопрос: об участии в разных философских сообществах и организациях, которые были для меня особенно значимы. За долгую жизнь я участвовал во многих, трудно перечислить. Поэтому я назову только две организации. Первая – это Научный совет РАН по методологии искусственного интеллекта и когнитивных исследований (сокращённо НСМИИ). Он был создан по инициативе моей, А.Ю. Алексеева и В.А. Лекторского в результате организованной нами в начале 2005 года Всероссийской конференции «Философия искусственного интеллекта». Для меня это было особенно важно, как задача возрождения Научного совета РАН по кибернетике, которому я стольким обязан (после смерти академика А. И. Берга он через некоторое время распался).

Председателем НСМИИ согласился стать академик В.Л. Макаров, тогда член Президиума РАН, академик-секретарь Отделения общественных наук, директор Экономико-математического института РАН. Академик В.А. Лекторский, я и академик С.Н. Васильев стали сопредседателями, А.Ю. Алексеев – учёным секретарём и координатором научных программ совета. В состав совета вошли ведущие российские учёные (кроме философов, специалисты в области компьютерных дисциплин, информатики, математики, нейрофизиологии, психологии, лингвистики, учитывая, что задачей совета является комплексная разработка междисциплинарных проблем искусственного интеллекта). Сейчас членами совета являются 18 академиков и членов-корреспондентов РАН. В июне 2020 года статус совета был повышен. Теперь он является Научным советом при Президиуме РАН. На протяжении более 16 (!) лет мы работаем на общественных началах, у нас 18 секций по отдельным актуальным проблемам и 17 отделений совета в крупных научных центрах страны. Вся эта большая работа ведётся все годы на базе Института философии, который предоставляет нам помещение и создаёт необходимые условия для проведения заседаний совета, научных конференций, симпозиумов, для ежемесячных теоретических семинаров совета. Недавно мы отметили юбилейное, 100-е заседание совета и нашего теоретического семинара. Хочу подчеркнуть, что все директора Института философии, академики В.С. Стёпин, А.А. Гусейнов, А.В. Смирнов, оказывали совету всемерную поддержку. Особенно мы благодарны Андрею Вадимовичу Смирнову за то внимание, которое он уделил организации работы нашего совета в новом помещении института, и за то, что, благодаря его инициативе, он получил статус Научного совета при Президиуме РАН.

Вторая организация, о которой я хочу сказать, не имела прямого отношения к моим служебным делам, но сыграла очень важную роль в личной жизни, так как помогла сохранять долгие годы жизненный тонус и работоспособность. Это – школа карате-до Уёчи-рю. Я занимаюсь карате с 1971 года. У меня был замечательный учитель, Владимир Елисеев,

один из самых крупных мастеров карате в Советском Союзе. Будучи профессором МГУ, я учился у него 8 лет, и он открыл мне новые горизонты самопознания и психической саморегуляции. В 1986 году я получил чёрный пояс и диплом от имени Японской федерации карате, стажировался в Китае у шаолиньских мастеров, сам вёл многие группы своих учеников, в том числе 7 лет в нашем институте. В ней занимались Руткевич, Лисеев, Коняев, Майленова, Божко, Пронин, Пирожкова, мои аспиранты и др. Ряд из них достигли хороших результатов, а А.М. Руткевич получил коричневый пояс. Это – весьма высокий ранг в нашем стиле карате-до, достигнутый им в процессе многолетних систематических занятий.

В конце 80-х, когда карате у нас было запрещено (действовала ещё статья 219 Уголовного кодекса), мы создали при Философском обществе Всесоюзный центр изучения восточных единоборств. Это стало возможным при поддержке академика Ивана Тимофеевича Фролова, который занял посты Секретаря ЦК КПСС и главного редактора газеты «Правда», оставаясь президентом Философского общества. Я около трёх лет был председателем этого центра, мы создали его отделения в республиках и крупных городах Советского Союза, организовывали показательные выступления и соревнования, издавали литературу, в которой обсуждались философские аспекты восточных единоборств [Феномен каратэ-до 1989]. Меня вызвали в прокуратуру, но после того, как я адресовал тех, кто вёл допросы, к Фролову, меня оставили в покое (для ЦК КПСС закон не писан). После отмены уголовной статьи я передал центр своему заместителю, который, к сожалению, его быстро развалил. Я пытался издавать журнал по карате и газету, но неудачно. Однако в последующие годы опубликовал ряд статей по философским вопросам восточных единоборств и истории их развития в нашей стране [Дубровский 1989: 4–8; Дубровский 1998: 46–57; Дубровский 2011: 153–173 и др.].

Концепции восточной философии, связанные с проблемой сознания, всегда представляли для меня большой интерес. В последние годы мне выпала счастливая возможность обсуждать их с Его Святейшеством Далай-ламой, который дважды приглашал с этой целью небольшую группу российских учёных (В. Лысенко, акад. К. Анохин, Т. Черниговская, Ю. Александров, акад. Н. Янковский) в Нью-Дели (2017), а потом в свою резиденцию в Дхарамсале (2018). Это были весьма поучительные обсуждения проблемы сознания под углом философии буддизма, оставившие глубокое впечатление о личности Далай-ламы и, что важно подчеркнуть, о его эрудиции в современной науке. Читая его книги, я всякий раз удивлялся этому. По просьбе «Тибетского Центра» я написал обстоятельное предисловие к его замечательной книге «Вселенная в одном атоме» [Дубровский 2018: 3–21], в которой он рассматривает отношение буддизма к современной науке.

Вместо заключения

Хотел бы высказать несколько общих соображений о нашей философской деятельности и моем отношении к её чрезвычайно многомерному содержанию. Мои оппоненты до сих пор называют меня сциентистом и позитивистом. Мне это смешно. Я всегда ясно понимал первостепенную роль социогуманитарных подходов к исследованию сознания и значение теоретической работы в этой области. Но во всем нужна определённая мера, которая регулируется историческим, по существу, эмпирическим, жизненным, экзистенциальным опытом, результатами научных исследований, апробированными положениями эпистемологии о соотношении теоретического и эмпирического знания, рядом других средств. Когда эта мера нарушается, нам предлагаются велеречивые неопределённости или схоластические упражнения. Поэтому я всегда придавал принципиальное значение анализу средств обоснования того, что утверждает или отрицает философ, и отдавал предпочтение строгому, концептуаль-

ному способу изложения своих собственных рассуждений и обоснований в тех случаях, где это было возможно.

Безусловно, философия располагает разными жанрами вплоть до эссе и публицистики. Вопрос лишь в уровне исполнения работ в соответствующих жанрах. У меня тоже есть публикации в жанре эссе (например, «Величие Эпихариды», «Смысл смерти и достоинство личности» и др.). Выношу их на суд читателя [Дубровский 2010: 216–235], чтобы подтвердить, что мне близки не только строгие теоретические работы, как, например, предложенное мной решение основных вопросов «Трудной проблемы сознания» [Дубровский 2015; Dubrovsky 2019: 85–103], но и работы, требующие свободного гуманитарного мышления с использованием художественных средств.

Я убеждён, что великая поэзия, художественная литература – не только необходимый источник осмысления проблемы сознания, но важнейший фактор философской деятельности в целом. Без этого духовного источника философский ум узок и «засушен». Гениальные поэтические образы и метафоры, доставляя эстетическое наслаждение, легко пересекают привычные границы противоположных смыслов, разрушают комфортные клише, обнаруживают неизвестные ранее степени свободы в нашем мышлении, создают в нем новые ценностно-смысловые образования и векторы активности, просветляют наш духовный мир. Когда мне было тридцать лет, меня поразил Лермонтов, который в 14 лет написал: «Находишь корень зла в себе самом, и небо обвинить нельзя ни в чем». Поэтическое прозрение – особый тип познания, оно обладает исключительной жизненной ценностью. У меня большая библиотека поэзии разных эпох и разных народов. Нетрудно почувствовать поэтическую связь времён и эстетическое, экзистенциальное, провидческое родство гениальных поэтов, принадлежащих к разным культурам, осознать их неоценимый вклад в мировую философскую мысль.

Другим непременным источником философской деятельности для меня всегда служила история. Особенно привлекали три её периода, которые я изучал всю жизнь: Древний Рим, эпоха цезарей; Французская революция и Наполеон; а в советское время – период сталинских репрессий и история Великой Отечественной войны. В последние лет сорок я тщательно изучал катастрофические события 1941 и 1942 годов, наряду с массовым героизмом на фронте и в тылу, а в итоге – крах блицкрига, Ржевскую битву, тяжкие сражения и победоносные операции в последующие годы. У меня по этой тематике есть публикации [Дубровский 2016: 91–130; Дубровский 2018: 272–298], а также ряд интервью [Разговор о войне 8 мая 2020 // URL: https://philos.msu.ru/node/3820 (дата обращения: 23.05.2020)].

Война – пробный камень изучения природы человека с её сильными и слабыми, положительными и отрицательными свойствами. Экстремальный опыт войны даёт достоверный материал для реалистических философских размышлений о противоречиях человеческой натуры, нашего сознания, который может быть полезен для философских размышлений о самом философском сознании, в том числе о сознании выдающихся философов. У меня в этом отношении за долгие годы сложилась одна из точек зрения, которую я назвал бы философским здравым смыслом. Она представляет собой своего рода интеграл опыта философских размышлений о природе человека, о критериях реального и нереального, о том, что все философы – идеалисты, материалисты, скептики, релятивисты и т. д. и т. п. – не более чем гомо сапиенсы, со своими личными концептуальными предпочтениями, ограничениями, амбициями, ментальными завихрениями, символами веры, ведущие к тому же постоянные тяжбы со своей упрямой плотью, то и дело посрамляющей их высокий дух, Они в своей обыденной и даже в профессиональной жизни, как правило, хорошо знают, «что почём в этом мире», в большинстве своём очень реалистично, практически оценивают свою наличную действительность, стремятся её улучшить для себя и близких. Вы скажете, это – банально, не имеет отношения к делу. Я же думаю, что иногда переключение на такой угол зрения полез-

но, позволяет разглядеть сквозь все концептуальные нагромождения, искусные, правдоподобные, безупречные логичные построения и всевозможные хитросплетения мысли некоторый глубинный, экзистенциальный инвариант подлинной реальности и жизненного смысла.

Внимательно изучая биографии выдающихся философов, мы и у них обнаруживаем дефицит жизненной радости и любви, недовольство собой и особенно другими, знакомый нам, всё тот же дефицит укоренённости в себе и в «жизненном мире» («Человеческое, слишком человеческое!», как говорил Ницше). И это может служить стимулом для более детального размышления о мировоззренческих особенностях философа и истоках его концепций. Вот почему предложенный Юлией Вадимовной подход вносит свежую, столь необходимую реалистическую струю в осмысление историко-философского процесса. Ведь хорошо известно, что недостаток материнской любви к своему ребёнку способен существенно влиять на формирование его мироощущения и мировоззрения. Или, наоборот, сильная, подлинная любовь в зрелом возрасте способна служить мощным творческим стимулом глубоких философских размышлений и откровений. Эти личностные факторы существенны для понимания и объяснения творчества философа. Их перечень можно расширить, включив другие стойкие эмоциональные установки позитивного и негативного характера. Необходимо усилить личностный акцент в историко-философских исследованиях. Установка, связанная со здравым философским смыслом, может этому способствовать. Думаю, что она в той или иной мере присуща многим из нас, но зачастую слабо рефлексируется.

Несколько слов о впечатлениях об особенностях нынешней популяризации деятелей советской философии в средствах массовых коммуникаций и специальной литературе. Куда ни повернёшься, со всех сторон – Мамардашвили, Ильенков, Мамардашвили, Ильенков, немного реже – Зиновьев. Стараются родственники, друзья, активные сторонники. Увековечивают! Изобильно переиздаются их книги, выходят статьи, воспоминания и даже книги о них. По телевидению, в публицистике, в Интернете – опять они же. Создаётся впечатление, что такая избирательность поддерживается отдельными влиятельными философами и группами их близких сторонников, что у них в этом есть свой особый интерес.

Странная избирательность! Как будто у нас не было Лосева, Асмуса, Копнина, Кедрова, Рубинштейна, Готта, Бахтина, многих значительных фигур, действительно внёсших реальный вклад в развитие отечественной философской мысли, таких, например, как А. Спиркин, Б. Бирюков, В. Смирнов, А. Богомолов, Е. Войшвилло, Е. Никитин, В. Келле, М. Каган, и многих других. Особенно хотелось бы отметить труды таких выдающихся мыслителей, как Г.С. Кнабе, С.С. Аверинцев, Ю.М. Лотман, на фоне которых тексты многих наших ведущих философов выглядят весьма бледно и худосочно. На мой взгляд, надо создать в нашем институте хотя бы группу профессиональных специалистов по истории советской философии. Проект Юлии Вадимовны отвечает этой задаче.

Дубинин Н.П. 1980. Наследование биологическое и социальное. – *Коммунист*. – № 11. – С. 62–74.

Дубровский Д.И. *Википедия. «Дискуссия»*. – Раздел 2.1.

Дубровский Д.И. 1957. К вопросу об определении категории случайности. – *Вопросы философии*. – № 3. – С. 217–220.

Дубровский Д.И. 1958. Анализ-синтез как всеобщая форма отражательной деятельности мозга. – *Труды Сталинского медицинского ин-та им. А.М. Горького*. – Т. XI. – С. 18–25.

Дубровский Д.И. 1968. Мозг и психика. О необоснованности отрицания психофизиологической проблемы. – *Вопросы философии*. – № 8. – С. 119–135.

Дубровский Д.И. 1969. По поводу статьи Э.В. Ильенкова «Психика и мозг». – *Вопросы философии*. – № 3. – С. 142–146.

Дубровский Д.И. 2020. *Психические явления и мозг: философский анализ проблемы в связи с некоторыми актуальными задачами нейрофизиологии, психологии и кибернетики*. – М.: Наука, 1971. (2-е изд., доп. – М.: ЛЕНАНД, 2020.)

Дубровский Д.И. 2020. *Информация, сознание, мозг*. – М.: Высшая школа, 1980. (2-е изд., доп. – М.: ЛЕНАНД, 2020.)

Дубровский Д.И. 2002. *Проблема идеального*. – М.: Мысль, 1983. (2-е изд. Дубровский Д.И. *Проблема идеального. Субъективная реальность*. – М.: Канон+, 2002.)

Дубровский Д.И. 1984. О специфике философской проблематики и основных категориальных структурах философского знания. – *Вопросы философии*. – № 11.

Дубровский Д.И. 1989. Феномен каратэ-до. Восток и Запад. – *Феномен каратэ-до: философские, этико-психологические и юридические аспекты*. – М.: Философское общество СССР. Секция «Философские проблемы психорегуляции, самосовершенствования и резервных возможностей человека». – С. 4–8.

Дубровский Д.И. 2010. *Обман: философско-психологический анализ*. – М.: РЭЙ, 1994. (2-е изд., доп. М.: Канон+, 2010.)

Дубровский Д.И. 1998. Восточные и боевые искусства в контексте взаимодействия западной и восточной культур. – *Полигнозис*. – № 3. – С. 46–57.

Дубровский Д.И. 2000. *Ещё раз о проблеме идеального (В связи с книгой К. Любутина и Д. Пивоварова «Синтетическая теория идеального»)*. – Екатеринбург; Псков, 2000. Статья переиздана в кн.: Дубровский Д.И. *Проблема идеального. Субъективная реальность*. – М.: Канон+. – С. 241–270.

Дубровский Д.И. 2007. *Сознание, мозг, искусственный интеллект*. – М.: Стратегия-Центр.

Дубровский Д.И.2010. *Воспоминания*. – М.: Канон+.

Дубровский Д.И. 2011. Великий учитель Гитин Фунакоси: философия, поэзия и проза каратэ-до. – *Гитин Фунакоси. Каратэ-до. Мой жизненный путь*. – М.: Канон+. – С. 153–173.

Дубровский Д.И. 2015. *Проблема «Сознание и мозг». Теоретическое решение*. – М.: Канон+.

Дубровский Д.И. 2016. Великий подвиг советского народа. К вопросу о цене Победы. – *Философия войны и мира*. – М.: СИДИ ПРЕСС АРТ. – С. 91–130.

Дубровский Д.И. 2018. Буддизм и наука. (Предисловие). – *Далай-лама. Вселенная в одном атоме. Наука и духовность на службе миру*. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Фонд «Сохраним Тибет». – С. 3–21.

Дубровский Д.И. 2018. Философ и война. – *Личность, культура, общество*. – Т. XX. – Вып. 1–2 (№ 97–98). – С. 272–298.

Дубровский Д.И. 2019. *Проблема сознания. Теория и критика альтернативных концепций*. – М.: URSS.

Ильенков Э.В. 1962. Проблема идеального. – *Философская энциклопедия: в 5 т.* – Т. 2. – М.: Советская энциклопедия.

Ильенков Э.В. 1968. Психика и мозг (ответ Д.И. Дубровскому). – *Вопросы философии*. – № 11. – С. 145–155.

Ильенков Э.В. 1977. Становление личности: к итогам научного эксперимента. – *Коммунист*. – № 2. – С. 68–79.

Ильенковские чтения… 2016. *Ильенковские чтения. Материалы XVIII междунар. конф. Белгород 28–29 апреля 2016*. – Белгород: Издательский дом «Белгород».

Лекторский В.А. 1965. *Проблема субъекта и объекта в классической и современной буржуазной философии*. – М.

Литвак Л.М. 2007. *«Жизнь после смерти»: предсмертные переживания и природа психоза. Опыт самонаблюдения и психоневрологического исследования*. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. и со вступит. ст. Д.И. Дубровского. – М.: Канон+.

Любутин К., Пивоваров Д. 2000. *Синтетическая теория идеального*. – Псков; Екатеринбург. 2000.

Майданский А. 2019. Воспитание и природа: уроки Загорского эксперимента. – *Философская антропология*. – Т. 5. – № 1. – С. 81–101.

Малиновский А.А. 1970. Некоторые возражения Э.В. Ильенкову и А.И. Мещерякову. – *Природа*. – № 1. – С. 92–95.

Мильнер-Иринин А.Я. 1963. *Этика, или Принципы истинной человечности (На правах рукописи)*. – М.: Наука. – С. 32–33.

Мильнер-Иринин Я.А. 1987. Понятие о природе человека и его место в системе науки этики. – *Вопросы философии*. – № 5. – С. 71–82.

Михайлов Ф.Т. 1964. *Загадка человеческого «Я»*. – М..

Назлоян Г.М. 1994. *Зеркальный двойник: утрата и обретение*. – М.: Друза.

Назлоян Г.М. 2001. *Портретный метод в психотерапии*. – М.: ПЕР СЭ.

Пущаев Ю.В. 2013. История и теория Загорского эксперимента. Начало (1). – *Вопросы философии*. – № 3. – С. 132–147.

Пущаев Ю.В. 2013. История и теория Загорского эксперимента. Была ли фальсификация? (2). – *Вопросы философии*. – № 9. – С. 124–134.

Разговор о войне… 2020. *Разговор о войне: профессор Давид Израилевич Дубровский. 8 мая 2020 г. Интервью ведёт А.П. Козырев*. – Доступно: https://philos.msu.ru/node/3820. – Проверено: 23.05.2020.

Синеокая Ю.В. 2020. «Философия это не столько профессия, сколько образ жизни». Беседа Б.И. Пружинина с Ю.В. Синеокой. – *Вопросы философии*. – № 7. – С. 5‑14.

Слепоглухонемота… 2018. *Слепоглухонемота: исторические и методологические аспекты. Мифы и реальность*. – М.: Философское общество, 1988. (2-е изд., доп. / Под ред. и с предисл. Д.И. Дубровского. – М.: Интелл, 2018.)

Феномен каратэ-до… 1989. *Феномен каратэ-до: философские, этико-психологические и юридические аспекты* / Отв. ред. Д.И. Дубровский. – М.: Философское общество СССР. Секция «Философские проблемы психорегуляции, самосовершенствования и резервных возможностей человека».

Эфроимсон В.П. 1964. *Введение в медицинскую генетику*. – М.: Медгиз.

Эфроимсон В.П. 1971. *Иммуногенетика*. – М.: Медицина.

Эфроимсон В.П. 1977. *Генетика олигофрений, психозов и эпилепсий*. – М.: Медицина.

Эфроимсон В.П. 1995. *Генетика этики и эстетики*. – СПб.: Талисман.

Эфроимсон В.П. 1998. *Гениальность и генетика*. – М.: Русский мир.

Dubrovsky D.I. 2019. «The Hard Problem of Consciousness». Theoretical solution of its main questions. – *AIMS Neuroscience*. – No. 6 (2). – P. 85–103.

Поиск альтернатив

ФЕНОМЕН ЯЗЫКА И ЗНАКА У ГЕГЕЛЯ, МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА

С.С. Неретина
Институт философии РАН

Аннотация: *В статье предпринята попытка осмысления представлений о языке у Гегеля, Маркса и Энгельса. Интерес к марксизму как мировоззрению в XXI в. связан не столько с философией, сколько с деидеологизацией, что произошло с «кончиной» СССР, когда приговорили к исчезновению не столько марксизм-ленинизм, сколько марксизм как таковой. Но парадокс заключается в том, что объявление о смерти марксизма совпадает с продолжающимся существованием капитализма, а марксизм является наукой о капитализме. Поэтому возникла необходимость в анализе его новой динамики, связанной с учётом таких явлений, как глобализация, высокоразвитая технология, международная организация радикальных интеллектуалов и пр.*

Осуществляется попытка анализа языка и знака прежде всего у Маркса и Энгельса, а также у Гегеля, как его учителя. В «Феноменологии духа» Гегель понимает язык как форму объективации мышления. Язык у него – это наличное бытие чистой самости «Я». Язык оживотворяет вещи, которые без языка только мнятся. Но через язык и с помощью языка, дающего всему своё имя, любая вещь становится не мнимой, а действительной. Гегель видит смысл языка в том, что он показывает способ деятельности и самосознания всех сущностей, их связь и переход друг в друга.

Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» также показывают связь сознания и языка, поскольку в сознании складывается структура «речи другого»; когда же реальные отношения объективно опущены и замещены определёнными трансформациями, социальное значение смещается на физические свойства тела, приводящее к натурализации знаков и связанных с ним значений. Они выступали против разнофункциональности знака в пользу его перформативности – эквивалентности действию, совершаемому в момент произнесения высказывания.

Ключевые слова: *язык, знак, марксизм, перформатив, сознание, история, время, высказывание, революция, пролетариат.*

Проблема понимания

Некоторое время назад вновь возник интерес к марксизму как мировоззрению, связанному не столько даже с философией, сколько, как считал Ф. Джеймисон, с «общим обозначе-

DOI: 10.18522/2218-5518.2022.2.156164

нием операции, которую мы можем назвать деидеологизацией» [Джеймисон 2005: 208]. Это произошло в результате исчезновения СССР, когда вместо того (и наряду с тем), чтобы говорить о смерти марксизма-ленинизма, стали заявлять о «смерти марксизма», не заботясь «о проведении границ между самим марксизмом как способом мышления и анализа, социализмом как политической и общественной целью и мечтой и коммунизмом как историческим движением» [Там же]. «Совершенно иная динамика», спровоцированная необходимостью влиться в мировой рынок, высокоразвитой (в том числе информационной) технологией, глобализацией, международной организацией радикальных интеллектуалов и пр., вызвала к жизни стремление проанализировать достижения или неудачи и того, что считалось социализмом, и того, что продолжает называться капитализмом, разумеется, с этической составляющей, «наподобие того, что было дано в "Манифесте Коммунистической партии", где одновременно превозносились разрушительные и прогрессивные черты последнего [т. е. капитализма] и подчёркивалась его способность к освобождению и масштабному насилию» [Там же: 245] на, как считает Джеймисон, третьей – постмодернистской – стадии его развития. Потому «кажется парадоксальным объявлять о смерти марксизма, одновременно празднуя окончательный триумф капитализма. Ибо марксизм, в сущности, является наукой о капитализме; его эпистемологическое отличие состоит в непревзойдённой способности описания исторической новизны капитализма, основные структурные противоречия которого наделяют его политическим и пророческим призванием, едва ли отделимым от его аналитического призвания» [Там же: 246].

Вместе с новым осмыслением марксизма заново требует внимания сравнение и противопоставление Гегеля и Маркса не только в их понимании диалектики или исторического процесса, но в их осмыслении роли языка для постижения этого процесса, без осмысления которого обнаруживается «пустое место всякого видения Истории», при этом вовсе не обязательно, как пишет Джеймисон, что мир будет марксистским и что «только марксизм упрямо сохраняет свою основополагающую связь с Историей как таковой» [Там же: 242].

В этой работе меня при попытке осуществления такого анализа более всего будет интересовать «дискурсивная борьба» внутри этих идеологических позиций и то, в какой мере они могут стать легитимными.

Гегеля, разумеется, надо перечитывать заново, ибо он долго воспринимался через призму Марксовой мысли. Достаточно напомнить, что гегелевские термины, касающиеся мира сознания и вещных отношений как в-себе-бытия, замещались марксистскими терминами, выражающими «товарные отношения» в «буржуазном обществе» и соответственно изменяющими смысл того, что говорил Гегель. Конечно, сейчас представляет методологический интерес сама способность прочитать одного мыслителя сквозь взгляды другого и тем самым суметь незаметно и подчас неосознанно подменить термины одного терминами другого: «общество» – «*буржуазным* обществом», «вещь» – «товаром», «полезность» – «господством товарных отношений» и пр., подтягивая к ним мысль и ставя не столько учение с ног на голову, сколько обоих творцов учений. Позиция властвующей идеологии позволяла и заставляла исследователя называть государство как таковое, право и законы которого анализировал Гегель, капиталистическим, полагая, что мы лучше знаем, как его называть. Гегель же имел в виду процесс складывания в обществе этой высшей институции, системы отношений, употребления властных функций, его природы, идеи и пр., пытаясь «изобразить государство как нечто разумное в себе» и не желая поучать, каким ему должно быть: его, Гегеля, «цель лишь показать, как государство, этот нравственный универсум, должно быть познано» [Гегель 1990: 54–55], считая философской задачей «постичь то, что есть, ибо то, что есть, есть разум» [Там же: 55]. Поскольку же мы живём в определённое время, то и философию можно определить как «время, постигнутое в мысли» [Там же].

Можно, наверное согласиться, что это «идеологические иллюзии… помешавшие ему выразить противоречия буржуазного производства и обмена» [Огурцов 1967: 30], если под последними словами понимать «общественный порядок», но как существенно заземляется и исчезает гегелевская мысль. Нет этого у Гегеля, как нет и товаровладельцев. Это не язык Гегеля, его язык – это язык идей и понятий, язык воли и свободы.

Язык как форма объективации мышления

Правда, в почти любой сто́ящей работе второй половины XX в. (Э.В. Ильенков, А.А. Зиновьев, А.П. Огурцов, В.С. Швырев) есть своеобразные «переключатели» смены стилей, когда стиль идеологической ортодоксии буквально в следующем абзаце может смениться свободным, не зависящим от идеологии философским рассуждением и акцентированием внимания на прежде «незамеченном» исследователями предмете. Так, А.П. Огурцов, анализируя проблему отчуждения, вдруг заметил, что «предметность, в которой воплощается дух, есть не что иное, как предметность *языка* (курсив мой. – *С.Н.*). Объективация мышления в языке – вот та форма объективации, которую исследует Гегель. «Именно сила языкового выражения как такового осуществляет то, что должно быть осуществлено, ибо язык есть наличное бытие чистой самости как самости; в нем для себя сущая единичность самосознания как таковая вступает в существование в том смысле, что она есть для других. "Я" как этого чистого "Я" в наличности иначе нет... Язык же содержит "Я" в его чистоте, он один высказывает "я" его само» [Гегель 1959: 272–273]. И хотя самосознание, объективируясь в языке, становится всеобщим самосознанием [Огурцов 1967: 22–23], но выражено оно через «это я», конкретное, единичное «я» – это чисто концептуалистский ход. Кажется, что Гегель повторяет некоторым образом средневековое понимание концепта, образующегося так же – через речь говорящего/слушающего, через слух. «Я» *высказывает* себя, образуя, как говорит Гегель, «заразительный контакт» с тем, кому высказывание предназначалось, образовав с ним единство. При этом на краткий миг вот это услышанное бытие, ставшее тем самым наличным, замирает. Чаемое Гёте мгновение останавливается, притом что речь продолжается. Это позволит впоследствии гегельянцу Дж. МакТаггарту поставить вопрос о двойственности времени, которое в одной системе отсчёта будет прошедшим, настоящим или будущим, а в другой – только настоящим [МакТаггарт 2019: 116, 119, 123, 125 и др.]. Концепт и дозволяет эту двойственность. Замирание, на котором настаивает Гегель, превращает наличное бытие «я» в инобытие самого себя: оно исчезает в «теперь». Оно наличествует и исчезает, а исчезая, наличествует. Преображение «я», позволяющее ему наличествовать и исчезать, связанное у Гегеля с отрешением от наличного бытия, завершающемся в смерти, и тем самым создающее «непримирённую противоположность», Гегель называет пожертвованием. И в этом пожертвовании, в котором наличное бытие отдаёт себя так же, как в смерти, оно отрешается от себя, сохраняя себя в самом этом отрешении [Гегель 1959: 272]. Вот здесь-то в качестве действительности отчуждения (отрешения, отдачи себя) выступает язык. Другого способа выражения нет. О человеческом сознании, по Гегелю, можно говорить только с появлением языка, «который здесь выступает в свойственном ему значении <…> Именно сила языкового выражения как такового осуществляет то, что должно быть осуществлено» [Там же]. В языке как в наличном бытии чистой самости, каковой является «я», единичное самосознание «вступает в существование в том смысле, что она есть *для других*» [Там же] – иначе чистого я нет. Только в другом оно находится в действительности.

Язык оживотворяет то, что соединяет. Гегель *логически* выводит это на примере единства крайних терминов в любом суждении, где средним термином в опосредующем движении от одного к другому является язык. Любая единичность без языка только *мнится.*

Но через язык и с помощью языка, дающего всему своё имя, любая вещь становится не мнимой, а действительной. Открытие действительного можно считать заслугой Гегеля.

В «Феноменологии духа» у Гегеля одно из делений главы «Дух» называется «Язык как действительность отчуждения и образования». Все сказанное им о языке напоминает или скорее намекает на то, что впоследствии будет названо перформативом, означающим образование и обозначающим действие, сродни поступку, создающим ту самую действительность, о которой говорил Гегель (хотя ещё у Юма были наблюдения, схожие с гегелевским описанием действительности и связанные с чистым сознанием «я»). Как и в перформативах, у Гегеля язык как дух этого мира, как *чистая образованность* не оценивается на истинность или ложность [Там же: 279]. И все же Гегеля, конечно, больше интересует проблема сознания, чем языка. Важно, однако, то, что язык действительности осознан как проблема, связанная с действием. Возможно также, что про язык можно сказать, что он весь перформативен, не отдельные высказывания. Это связано с христианским постижением мира, где божественное слово тотчас оказывается действием: «сказал и сделал». «Дух *реализован* в множественности наличного сознания» [Там же: 237]. Но реализован так, что внутри этой множественности проявляются «различия и ступени», «что и составляет их движение и собственную их жизнь. Рассмотрение этих различий показывает способ *деятельности* и *самосознания* обоих (божественной и человеческой. – *С.Н.*) *всеобщих сущностей* нравственного мира, равно как и их *связь* и *переход* друг в друга» [Там же: 241]. Это последнее и позволяет предполагать, что Гегель переносит функции божественного слова на человеческое. И это же последнее позволяет допустить существование различий в Духе как основание и обоснование всех мировых различий и повторов, обеспечивающих его связь с божественным основанием, что и стало впоследствии предметом обсуждения в постмодернистской философии, прежде всего у Делёза [см.: Делёз 1998: 9, 317 и далее]. Но сначала у Маркса.

Двуосмысленность знака

«Манифест Коммунистической партии», явно написанный для возбуждения способности к действию, начинается тем не менее с явления призрака («Призрак бродит по Европе – призрак коммунизма»), что тоже можно назвать иллюзией и что вполне соотносимо, во-первых, с ожиданием будущего, во-вторых, прямо и непосредственно вводит читателя в «драматургию великих проектов» Европы, как определил этот феномен Призрака по аналогии с Призраком отца Гамлета Ж. Деррида [Деррида 2006: 17]. Если прочитать под этим углом зрения «Немецкую идеологию», то драматургию представить ещё легче: она словно разделена на голоса: К. Маркса и Ф. Энгельса, М. Штирнера. Л. Фейербаха и, конечно, Гегеля. Но авторы «Немецкой идеологии» выступали против разнофункциональности знака в пользу его перформативности – эквивалентности действию, совершаемому в момент произнесения высказывания.

Одной из загадок является то, что Маркс, отличавшийся большим трудолюбием, не закончил «Капитала». Я сейчас почти процитировала сказанное М.К. Мамардашвили на одной из его публичных лекций в МГУ, лекции не опубликованной, но на которой я присутствовала. Я не помню ответа Мамардашвили. Но неожиданно для себя обнаружила ответ у тогда же слушавшего его М.Я. Гефтера, представившего спор позднего Маркса с самим собой – автором «Манифеста коммунистической партии», который, Манифест, «рухнул в одночасье» [Гефтер 2015: 125] из-за того, что случившиеся в его время европейские кризисы не переросли в европейскую революцию. Из этого Маркс, если следовать Гефтеру, сделал вывод, что капитализм обладает неучтенным коммунистической теорией ресурсом – неосвоенным «*пространством» планеты* [Гефтер 2015: 259]. Дело не в том, что встал вопрос о победе капитализма в одной части Европы над другим капитализмом в другой её части, а в том, что для

Маркса «единственный исторический процесс» перестал быть единственным: он понял значение альтернативы в истории, значение разнонаправленных развитий [Гефтер 2015: 129, 133], хотя все же держал в уме и идею «пролетариата-могильщика», а значит – и идею бродящего призрака.

Маркс прекрасно понимал, что такое слово как знак вещи, которое показывает уму, что за ним стоит она сама, чувствуемая, понимаемая, не перестающая быть вполне реальной – ведь был учеником (его называют даже «лучшим учеником) Гегеля. Любая вещь в силу такого понимания знака двойственна (дву-о-смысленна): она есть то, что она есть сама по себе, и то, что она вещает о себе, и каждая из этих её сторон может быть взята по отдельности. Любая вещь – по сути веще-знак. Одно не существует без другого, но можно абсолютизировать одну из сторон этой сложности.

Знанием Маркса о знаке и тем, как он им распорядился, занимались столь же мало, сколь и языком Гегеля. Об идеологии знака («где нет знака – там нет и идеологии») писал М.М. Бахтин [Волошин[1] 1993: 13]. Х. Арендт называла Марксовы уравнения экономического и жизненного процессов метафорическими [Арендт 2000: 136, 150]. И. Валлерстайн, неомарксист, один из создателей мир-системного анализа, рассматривает Марксов универсализм через троп синекдохи (перенесение общего на часть) [Валлерстайн 2003]. Проблему знака изучает Мамардашвили, обращая внимание на то, что Маркс связывает сознание и язык, хотя это-то он точно повторил за Гегелем, как и то, что связывает их постольку, поскольку в сознании складывается структура «речи другого»; когда же «реальные отношения объективно опущены и заменены определёнными преобразованиями», то происходит «смещение социального значения на побочные, физические свойства предметного тела, приводящие к натурализации знаков значения» [Мамардашвили 2011: 229–230]. А занимаясь схемами системной причинности, как замечает Мамардашвили, Маркс «ищет каждый раз те пункты, где отношения "кажутся именно тем, что они представляют собой на самом деле"… В особенности это касается тех случаев, когда Маркс развивает анализ "чудес" и "привидений" тварного мира, которые ведь ни из какого акта размышляющего индивида им не выводятся» [Там же: 225].

Деррида посвятил проблеме знака свои «Призраки Маркса». И говорит о призраке, не невзначай, а серьёзно, представляя Призрак образом или знаком какой-либо вещи, только ещё собравшийся воплотиться или только недавно развоплотившийся. Тело в нем как бы просматривается.

Для нашего восприятия сама эта идея кажется к делу отношения не имеющей, хотя мы живём в мире, зависимом от слов. Часто первые слова «Манифеста» о бродящем призраке понимаются так, будто это некий словесный изыск, а на деле по Европе бродит сам коммунизм. Но Марксу важен был именно призрак, он описывал призрачные феномены, что позволяло предполагать у него склонность к идеологическим изменениям, ибо, по Бахтину, «всякий идеологический знак является не только отражением… действительности, но и материальной частью этой действительности», рождающей и «новые знаки» [Волошинов 1993: 15][2].

Маркс «миллионами духов» был заворожён, хотя пенял Штирнеру, что его «мир кишит привидениями» [Маркс, Энгельс 1955: 139]. Вся философия (Гегеля и гегельянцев), как это вычитывается из «Немецкой идеологии», имела дело именно с духом (Абсолютным, прежде

[1] Псевдоним Бахтина.

[2] Работа Бахтина требует специального исследования, поскольку её критический пафос связан с тем же, о чем пишет Маркс, – о том, что «идеалистическая философия… помещает идеологию в сознание, для которого «внешнее тело – только оболочка, только техническое средство для реализации внутреннего эффекта – понимания» [Волошинов 1993: 15].

всего). И Маркс обдумывал этот опыт превращения *всего* «в мысли, в Святое, в привидение, в дух, в духов, в призраки» [Маркс, Энгельс 1955: 163].

То, что в «Манифесте» он употребляет слово «призрак», все же удивительно, потому что в начале «Немецкой идеологии» (1846), написанной раньше «Манифеста» (1848), говорилось: надо «поднять восстание против этого господства мыслей», согласно которым люди создали себе иллюзии, идеи, воображаемые существа. И вдруг снова «призрак»… Гегель оказался необорим. И здесь, как у Гегеля, намёк, отсылающий к раннехристианскому докетизму, к учению гностиков, с которым он соотносил «философию». «Самосознание, – написано в «Немецкой идеологии, – должно бродить призраком до тех пор, пока оно не вберёт в себя обратно *все вещи*, вытекающие из него и в него вливающиеся» [Маркс, Энгельс 1955: 80]. Но это значит, что «Манифест» чего-то в себя не добрал...

«Немецкая идеология» была не просто критикой однозначно понятого призрака-знака, сигнализирующего о вещи, о которой неизвестно, есть ли она, но напоминанием о многозначности веще-знака, сила которого неизмеримо выше его половинчатости. Однозначно понятый призрак, не воплощённый, остающийся только мыслью, будет разделять веру только в то, «что вся предшествующая история была будто бы историей теологии» [Там же: 78]. Терминология раннего Маркса действительно была расчётом с христианской теологией, считавшей земной мир иллюзией, а истинным миром – небесный. Поэтому он хотел напомнить о вещном характере знака, возвращая ему не только мыслительную, но физическую и производительную мощь. Если раньше истинной и единственной Вещью считался Бог, то теперь Его (её) место должна была занять любая *сделанная*, тем самым означенная вещь. Не означенная вещь делалась (Гегель), а само дело становилось знаком. Можно сказать: здесь нащупывался раскол с Гегелем.

Такого рода *воплощённая* сила «работала» в пользу не только «мыслить», но «быть» – экзистенциально, физически, сейчас. Это и породило новое отношение к знаку – с учётом его перформативности, мгновенно переключающей сказанное в действие. Кажется, что Маркс лучше и больше понимал Гегеля и его диалектику.

Маркса и Энгельса всерьёз интересовала «*телесная* организация» живых человеческих индивидов, совершающих «первый исторический акт»: они начинают отличать себя от животных, как только начинают (не сознавать, а) *производить* необходимые им жизненные средства». Маркс подчёркивает: этот акт – *исторический* (не природный), и он обусловлен телесной организацией. Телесная же организация *уже* устроена так, что люди, хотя и косвенным образом, «*производят и саму свою материальную жизнь*» [Маркс, Энгельс 1955: 14]. Но это значит, во-первых, что реально человек начинал свою историю задолго до истории Нового времени, с момента, как человек стал человеком, а во-вторых, что под действительным состоянием, лишённом призрачности, имелся в виду физический *неорганический* труд на производстве. Но сами отношения к нему индивида *органически* принадлежат этому индивиду. Вот это *единство промышленности с природой, неорганического и органического*, которое Маркс называет *generatio aequivoca*[3], двуосмысленным по происхождению, и создаёт то, что он называет новым обществом (коммунизмом, со-дарением). В гибридном единстве неорганического и органического размывается принятое в Новое время деление мира на природу и общество, но не *научные* основания Нового времени. Ибо опора на перформативность знака, – это был научный *эксперимент* с целью понять силу вещи.

Маркс был первым поставившим такой эксперимент. Перформатив становился условием возникновения новой действительности. Когда Мамардашвили говорил, что инверсия

[3] Это выражение в т. III Собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса [Маркс, Энгельс 1955: 24] почему-то перевели как «самопроизвольное зарождение»: свидетельство, что к тому моменту у нас не было переводчиков, не понаслышке знакомых с христианской философией.

у Маркса, «где движение, идущее от производственных отношений в обмене деятельностью к значащему предмету, оборачивается так, будто значащий предмет приводит в движение деятельность и форму общения, *причём практически так оно и есть на самом деле*» [Мамардашвили 2011: 230], он говорил о перформативном знаке. Но это значит, что общая речевая основа для создания нового мира остаётся, значит остаётся и старое убеждение, что мир творится по Слову при учёте смещения истории с неба на землю. Опора на *целое* любой вещи означала освоение и присвоение нововременным человеком божественной функции (сказал и сделал). Споря с Гегелем и К°, лучший ученик Гегеля показал, как можно стать Богом без действия Абсолютного духа.

Тезис Маркса: философы лишь различным образом *объясняли* мир, а надо бы *изменить* его – исходит из реальных возможностей высказывания. Практический язык – это язык дела. Он основан на социальных конвенциях, имеет определённую структуру, которую в XX в. описывали многие, в том числе Деррида, Дж. Остин [Остин 1999: 19], Р. Уильямс [Williams 1977: 128–135], на идеи которого обратила внимание Е.В. Петровская, потому что его интересовали макрокатегории марксистского анализа сознания и «преобразования опыта в готовые продукты» [Петровская 2018: 5]. Удивительно другое: Деррида, Остин и Уильямс в XX в. используют те же термины из физического словаря («физический», «органический»), какими пользовался Маркс в XIX в., полагая, что такие практически ориентированные знаки могут изменять существующее, составлять комбинации из тел, языка и внешних обстоятельств. Делёз и Гваттари называют это бестелесной трансформацией, совершаемой текстом. Согласно их интерпретации, пролетариат как «сцепление высказывания» возникает до того, как появляются условия для его существования в качестве материального тела. Такая «бестелесная семиотика» придаст ускорение вещам, помогая новым политическим «телам» включаться в действие [Deleuze, Guattari 1987: 111–112]. Она становится преображающим событием, провоцирующим на «"созидание социального", осуществляемого свободным и творческим путём» [Петровская 2018: 8]. Это значит, что вот этот живой мир предлагает видеть в знаке не только означаемое и значение, но «вбирает в себя саму гетерогенность внешнего мира, и в этом качестве он противоположен представлению, имеющему дело с тем, что уже известно… Вот почему представление не схватывает то, что изменяется, что находится в движении». Знак указывает на свёрнутый в нем возможный смысл «и одновременно его же полноценно выражает» [Там же: 10]. Маркс и Энгельс поняли это задолго до постмодернизма, написав, что «производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно *вплетено* в материальную деятельность.., в язык реальной жизни» [Маркс, Энгельс 1955: 24]. Но, заметим, эту попытку предпринял и Гегель, знавший жизненное движение языковых значений [сошлюсь ещё раз на с. 241 его «Феноменологии духа»], и заинтересованно заострявший и другие проблемы: сознания, истин разума, общего и индивидуального в момент их застывания и т. д.

Но вернёмся к Марксову «*поклонению делу*», на котором, как сказал Гефтер, Марксова теория «повредилась» [Гефтер 2015: 254]. А Ханна Арендт, условно говоря, поставила здесь жирный восклицательный знак, напомнив, что жизнь человека или общества вообще-то не сводится к удовлетворению её прямых нужд.

Знак, подчёркнуто опирающийся на свой физический, телесный аспект начал «мстить» за лишение равенства своих выразительных аспектов (материального и идеального). Материальный знак оказался репрессивным. Маркс, критиковавший гегельянцев за однобокость, сам привёл к тому, что «нарушилась самотождественность» не только «живого настоящего», как говорил Деррида, но «всякой реальности».

Гетерогенность времени

При чтении «Призраков Маркса» поражает простенькая вроде мысль, что Деррида, перечитав «Манифест» с его Призраком, «сказал себе, что сложно… найти какой-то другой текст, принадлежащий философской традиции, чьи уроки представлялись бы столь своевременными *сегодня,* особенно если принять во внимание то, что говорят сами Маркс и Энгельс… о возможности "устаревания" их самих – о неизбежно историческом характере их учения» [Деррида 2006: 27].

Что имел в виду Маркс, предполагая своё устаревание? Ответ на этот вопрос, как правило, облегчается вводом единого хронологического ряда истории, неявно допускающего, что и до этого была какая-то история, но в другом времени, которое мы потеряли. Потому и нет уверенности в неизменности прошлого, которого уже нет, ибо, говоря о прошлом, мы говорим из другого времени. Маркс знал, что время гетерогенно, что, помимо линейного, проходящего времени, есть другое время, в котором прошлое, настоящее и будущее рядоположены. В христианстве его называли вечными временами. В *этом* времени сохраняется все, что и имел в виду Маркс, пеняя Бауэру на то, что он страшился будущих времён, события которых сохранятся на «веки вечные» [Маркс, Энгельс 1955: 88–89].

Упомянутый выше МакТаггарт в работе «Природа экзистении» [McTaggart, 1927] ставит проблему *двойственности времени,* различая к тому же действительность и реальность. Для нас это важно, поскольку нечто, являющееся настоящим в одной системе отсчёта, в другой может быть прошлым, будущим или даже не существующим. Если одна предполагает прошлое и будущее относительно настоящего, то другая может предполагать только различение раньше/позже. Вторая система перманентна, а первая – нет, поскольку в ней прошлое когда-то было будущим, а будущее прошлым. Вопрос, поставленный МакТаггартом, заключается в том, имеет ли значение для понимания реальности времени то, что должны формировать его события» обе системы отсчёта. Поскольку мы никогда не наблюдаем полностью того события, которое происходит в первой системе, то считать, что мы это событие знаем, – «стойкая иллюзия» нашего разума. Во втором случае мы вообще имеем дело только с *мыслью* о времени, а не с его *восприятием* как оно есть на самом деле. И мы должны учитывать обе эти возможности. Считать, что время предполагает изменение, по МакТаггарту, – лишь общепринятая точка зрения, здесь главное – *событие*, которое не перестаёт быть таковым, если его сменить другим событием.

Марксова система, даже уходя в прошлое, остаётся в настоящем, ознаменовав собою XX век, а, может, и XXI-й, поскольку число переизданий его работ и публикаций о нем растёт (во всяком случае росло во время до пандемии и прочих событий, изменивших устав мира). Привычное нам время – это первая система, предполагающая, однако, серию перманентных отношений реальностей для понимания событий.

В заключение можно сказать, что, конечно же, в свете современных исследований по философии языка, «необходимо учитывать ту роль, которую здесь играет речевая коммуникация или прагматическое измерение языка… Примерка слов/понятий к фактам предметного мира… движение смысла от понятия к предмету… уже не может быть раскрыто в рамках классической концепции истины. Примерка слов/понятий к предметам может быть не только истинной или ложной, но эффективной или неэффективной, правильной и неправильной, осмысленной и бессмысленной» [Ячин: 103]. Ибо, по словам Л. Витгенштейна, «действительно, *бессмысленно* требовать от всех высказываний, чтобы они соответствовали фактам или предметам» [Витгенштейн: 73]. Но это и означает, что «похищенными словами» иногда можно пользоваться безрассудно, хотя они и обладают способностью, во-первых, вернуться к их первым значениям, а во-вторых, вдруг в этом первичном обнаружить незамеченный, но заложенный в них смысл.

Арендт Х. 2000. *Vita activa или о деятельной жизни* / Пер. с нем. и англ. В.В. Бибихина. – СПб.: Алетейя.

Валлерстайн И., Балибар Э. 2003. *Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности*. – М.: Логос-Альтера.

Витгенштейн Л. 1994. *Философские работы. Ч. 1*. – М.: Гнозис.

Волошинов В.Н. (М.М. Бахтин). 1993. *Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке*. – М.: Лабиринт.

Гегель Г.В.Ф. 1959. Система наук. Ч. 1. Феноменология духа / Пер. Г. Шпета // Гегель Г.В.Ф. *Соч. Т. IV*. – М.: Изд-во соц.-эк. литературы.

Гегель Г.В.Ф. 1990. *Философия права*. – М.: Мысль.

Гефтер М.Я. 2015. *Третьего тысячелетия не будет. Разговоры с Глебом Павловским*. – М.: Европа.

Делёз Ж. 1998. *Различие и повторение* / Пер. Н.Б. Маньковской и Э.П. Юровской, науч. ред. Н.Б. Маньковская. – СПб.: Петрополис.

Деррида Ж. 2006. *Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал* / Пер. с фр. Б. Скуратова под общей дед. Д. Новикова. – М.: Logos-Altera, Ecce Homo.

Джеймисон Ф. 2005. Реально существующий марксизм. – *Логос*. – № 3 (48).

МакТаггарт Дж. 2019. Нереальность времени / Перев. с англ., предисл. Ю.Н. Олейника. – *Vox. Философский журнал*. – Вып. 26. – Доступно: https://vox-journal.org.

Мамардашвили М.К. 2011. *Формы и содержание мышления*. – М.: Азбука, Азбука-Аттикус.

Маркс К., Энгельс Ф. 1955. Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице её представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков. – Маркс К., Энгельс Ф. *Соч. Т. 3*. – М.: Изд-во полит. лит-ры.

Огурцов А.П. 1967. *Отчуждение, рефлексия и практика. Автореф. на соиск. уч. степени канд. филос. наук*. – М.

Остин Дж. 1999. Как совершать действия при помощи слов. – Остин Дж. *Избранное*. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги.

Петровская Е.В. 2018. Возмущение знака. О перформативе, лозунгах и Ленине. – *Vox. Философский журнал*. – № 24. – Доступно: https://vox-journal.org.

Ячин С.Е. 2006. *Слово и феномен*. – М.: Смысл.

McTaggart J.M.E. 1927. *The Nature of Existence*. – Cambridge: Cambridge University Press. V. II.

Williams R. 1977. *Marxism and Literature*. – Oxford; New York: Oxford University Press.

МЕЖДУ СОЗИДАНИЕМ И ЗАВОЕВАНИЕМ ЧАСТЬ 1. ПСИХОИДЕОЛОГИЯ ВОЙНЫ

А.В. Рубцов
Институт философии РАН

Аннотация: *Статья является первой частью аналитической разработки «Между созиданием и завоеванием». Краткий газетный вариант текста ранее опубликован в «Независимой газете»[1]. Рассмотрены варианты решения «основного вопроса» философии войны. Показана ограниченность представлений функционального материализма, сводящего объяснение военных конфликтов и военизированных акций исключительно к рациональной калькуляции сугубо практических интересов. В рамках концепции психоистории и психоидеологии обосновано подчас решающее значение психоэмоциональных факторов, комплексов и фиксаций, а также завоеваний в идейных плацдармах и территориях смыслов. Отдельная роль отводится состоянию «перегретой холодной гражданской войны» в отношении к ряду конкретных обстоятельств использования военной силы. Рассмотрены ключевые аспекты военной эстетики и политического нарциссизма в силовых акциях различной ориентации и формата.*

Ключевые слова: *войны, военные акции, психоистория, психоидеология, холодная гражданская война, функциональный материализм, нематериальные цели и завоевания, управление враждой, военная эстетика, травма, политический нарциссизм.*

Упражнения в общей теории – занятие не из легких, когда в непосредственной связи с предметом анализа в реальном времени гибнут люди, а позиции близких раскалываются до состояния холодной гражданской войны. На эти особенности собственной реакции на происходящее нельзя закрывать глаза. Более того, их необходимо включать в исследование в режиме самоанализа и специально осмысленной методологической, философской рефлексии. Даже если такая реакция вносит искажения (что не всегда очевидно), то это именно такие «наводки», игнорирование которых деформирует исследуемую картину в гораздо большей степени, чем иллюзии бесстрастности.

1. Объёмы и температура конфликта

При этом тем более важно понимать, что в подобных мировоззренческих и морально-политических конфликтах значимы отнюдь не только количественные, пропорциональные

[1] См.: Рубцов А.В. Психоидеология войн. – *Независимая газета. Наука*. – 26.04.2022.

DOI: 10.18522/2218-5518.2022.2.165173

соотношения категорий респондентов, поддерживающих либо отвергающих силовые мероприятия. Если уподобить эту схему противостояния методично нагреваемой паре «сосудов под давлением», то возникает сильное подозрение, что в «котле» сторонников стратегии завоеваний в разы больше объём наполнения, но несколько ниже средняя «температура». И наоборот: часто именно меньшинство бывает существенно более упертым, заряженным и категоричным. Близость к градусу кипения в таких случаях может отчасти компенсировать меньшее количество и поддерживать стабильность позиций, их устойчивость перед лицом изменяющихся обстоятельств и воздействий. В практической истории бывают моменты, когда «кипящий» актив оказывается сильнее спокойной самоуверенности большинства и всего, что на это большинство опирается.

К тому же необходимо учесть несимметричное распределение влияния на количественный и качественный результат со стороны общих опросных условий и конкретных технологий (то есть и естественную, и искусственную «коррекцию»)[2]. Но тогда тем больше есть оснований судить о том, что внутренняя полемика в отношении происходящего уже находится в перегретой фазе. По понятным причинам этого почти не видно в СМИ, но это в достаточной мере ощущает на собственном опыте каждый из участников напряженной социально-политической коммуникации.

Этот дискурс ещё предстоит анализировать, но о многом говорит сам непосредственно, эмпирически наблюдаемый язык, в том числе лексика и план выражения дискуссии как в аналитических текстах, так и в комментариях, медийных и бытовых. И в этом смысле трудно переоценить особенность, если не уникальность текущего момента. Кажется, столь отчетливой и яростной внутренней поляризации не было за всю историю наблюдений – и это при уникальном опыте танкового участия страны в делах соседей и друзей. Достаточно вспомнить общеизвестную историю подобных внешнеполитических эпизодов и общественной реакции на них, скрытой и явной, актуальной и латентной. Подобные размежевания многим чреваты, поскольку имеют и взрывной потенциал, и долгое последействие. Продолжать в том же духе бывает весьма непросто, а иногда и опасно. Проблемны, в том числе в отношении себя (в отношении экспертизы и политики, науки и власти), обе тактики – пугать и успокаивать. Поэтому общая коррекция метода, подходов и самой оптики аналитического зрения может потребоваться и в самой что ни на есть оперативной обстановке, даже не в окопе, а буквально на марше. Гражданские войны, в том числе «холодные», особенны тем, что по их итогам границы противостояния не переносятся и не закрепляются, а, наоборот, в идеале должны исчезнуть в атмосфере гражданского мира. И об этом приходится думать заранее, иначе потом на руинах идеологических фронтов вскрываются проблемы, в том числе с восстановлением общих ценностей, смыслов и самой способности к однажды разрушенной коммуникации.

2. Привычный вывих

В философии силовых конфликтов тоже есть своего рода основной вопрос. Голая целерациональность полагает, что «объективные» расклады и расчеты здесь первичны, а сознание и эмоции вторичны. Такой взгляд на вещи формирует своего рода функциональный материализм. Социумы в таких моделях по сути уподобляются беспилотным мегамашинам, самодвижущимся по навигаторам «объективных интересов». Однако игнорировать все слиш-

[2] Это, в частности, видно уже в самой структуре закрытий в анкетировании отношения к военным действиям и связанным с ними обстоятельствам: «поддерживаю», «скорее поддерживаю», «отношусь нейтрально», «не поддерживаю». Здесь в подведении и публикации итогов опросов первое и второе закрытия объединяются в общей позитивной оценке, не имеющей симметричного объединения в позициях «нет» и «скорее нет» относительно оси симметрия «нейтрально».

ком человеческое, в том числе скрытые мотивы и страсти, естественно для самосознания политики, по определению избегающей лишней рефлексии, но выхолащивает «науку». Для начала, крайне обедняется язык объяснения, резко сокращается сам объяснительный потенциал. И это начинает сказываться: в текущем анализе прямолинейный схематизм уже явно не справляется с завихрениями реальной истории и совсем не детскими неожиданностями процесса. Однажды Шлегель назвал историка «пророком, предсказывающим назад». Но когда у аналитиков распадается картинка и падает очередная объяснительная конструкция, начальные расчеты (в том числе объявленные) переписывают, пытаясь задним числом просто подогнать их под реальные эффекты и потери. Результат объявляют целью, и так не раз. Кто помнит, подгонка под ответ не всегда проходит даже в школьной арифметике. Отчасти это срабатывает в пропаганде, и все было бы ничего, если бы не установки контр-идеологии и политических наук, хоть как-то претендующий на последовательность и объективность.

Отсюда претензии к самой метафизике вопроса: не являются ли изменения идеальной картины, в том числе картины мира, не менее важными целями силовых операций, чем «физическая» перекройка влияния, границ и статусов? В какой мере идеология военных действий обеспечивает завоевания, а в какой мере потери людей и траты ресурсов работают на завоевание смыслов, то есть на победы идеологии? Не могут ли завоевания территории идей, ценностей и представлений быть даже более важными, чем присоединение обычных, географических территорий? Как выражался один политолог, ответы на эти вопросы могут быть только риторическими.

3. Управление враждой. Бизнес и искусство. Функциональный менеджмент и «театр военных действий»

Военный менеджмент вообще считается самым сложным, если не сказать изысканным. Организованное братоубийство обычно и рассматривают как предприятия, экономический или геостратегический эффект которых поддаётся сугубо деловой калькуляции. Только бизнес… Но в конфликтах силы далеко не все и не всегда сводится к погоне за такого рода «прибылью». Иногда решают психо-эмоциональные, символические, даже эстетические моменты. Спорт высоких достижений тоже не сводится к обычной логистике – к доставке тренированных тел в трусах от старта к финишу.

В военных расчетах сложна даже обычная «деловая» составляющая. Воюют ради управления популярностью, рейтингами и самой легитимностью, ради купирования начинающихся периодов разброда и шатаний. Тупиковые проблемы мирного обихода «обходят» переносом внимания, превращая массы в армии политических болельщиков. Наступательное единение и задор драки – едва ли не лучшая психотерапия комплексов, личностных, коллективных, массовых, в том числе системных и исторических.

Наконец, здесь есть и инструментальный, манипулятивный смысл: часто воюют, просто чтобы людей «построить». Или ради самоутверждения, политической жестикуляции «перед зеркалом». Отсюда мифы о непредсказуемости отдельных деятелей, на самом деле совершенно предсказуемых, но в других мотивациях. И отсюда же просчеты в стратегиях влияния на провинившихся, когда громоздкими и обременительными мерами в реальности против воли и ожиданий добиваются прямо противоположного. Даже нанося зримый ущерб, эти меры (например, санкции) могут предоставлять «воспитуемым» как раз то, чего те ждут, если не сказать страждут. С такой подпиткой энергетики и решимости сторон все упирается в их готовность идти до конца, бороться на истощение.

«Театром военных действий» в специальной литературе называют прежде всего территорию реальных и возможных боестолкновений. Армии, фронты, рокады, дислокация резер-

вов, поля сражений… Слово «театр» понимается здесь пространственно, архитектурно – как гигантские сцены, обозреваемые из штабных ярусов и ложи командующего. Однако само слово «театр» (как и «менеджмент») можно понимать шире. Театр в жизни это ещё и переживания, аффект и катарсис, драматургия и режиссура, работа актёров, художников, декораторов и бутафоров, мастеров шумовых и световых эффектов. Вне «коробочки» это ещё и театральная критика, вся система оценки и наград, богатая светская жизнь. Все это не чуждо и военному искусству. Признание толп поклонников здесь часто дороже реальных завоеваний, и это не просто фраза. Война – театр, в котором мы, слава богу, не все актёры.

С этой точки зрения в реальных процессах далеко не всегда ясно, что важнее: менеджмент функций и задач – или театр переживания, производящий массы любителей и ограниченные контингенты фанатов? Это всегда баланс, и очень динамичный, но от понимания таких пропорций зависит, что и почему можно будет объявить победой и какова условно допустимая цена вопроса. Что будет принято как победа даже при отступлении и потерях, а что будет расцениваться как поражение, несмотря на продвижение и новые плацдармы.

В конце концов это выбор экзистенциального принципа. За что умирать: за Родину или ради оваций? Хорошее слово «рукоплескания». И в воздух чепчики…

4. От психоистории…

Образцом функциональной аналитики в чистом рацио может являться Эмиль Дюркгейм [Дюркгейм 1991: 391–532]. Культовое в социологии правило Дюркгейма гласит: «Когда социальное явление прямо объясняется психологическим явлением, можно не сомневаться, что объяснение ложно» [Цит. по: Демоз 2000: 176]. Нам здесь это интересно лишь затем, что думающая публика в основном так и думает. Утверждения, что люди могут гибнуть не за металл и не против вражьих блоков, а под влиянием комплексов и фантазий, по умолчанию считаются далекими от понимания природы исторической материи.

Психоистория (Ллойд ДеМоз) занимается универсальным анализом мотиваций. При этом так исторически сложилось, что сам ДеМоз занимался именно военной историей. «Похоже, что после слов "жажда власти" историки уже не считают нужным пускаться в дальнейшие рассуждения» [Демоз 2000: 6] и даже не спрашивают, «почему именно война становилась средством разрешения того или иного экономического разногласия» [Там же]. «Историки продолжают наполнять целые библиотеки описаниями экономических условий <…>, не затрудняя себя анализом слов и поступков лидеров, развязавших войну…» [Там же]. «Мои собственные исследования держат в центре внимания мотивы поступков тех, кто принимает решение, а также тех, кто создает атмосферу ожидания и способствует тем самым решению о войне» [Там же: 120]. «Когда кайзер Вильгельм II, подстрекавший Австро-Венгрию вести дело к войне с Сербией, узнал, что Сербия согласилась фактически на все чрезмерные требования Австрии, он <…> объявил: "Тогда все причины для войны отпадают", и приказал Вене вести примирительную политику. Но позывы групповой фантазии были слишком сильны <…> и война все равно началась» [Там же: 121]. «Маниакальный оптимизм и неизбежная недооценка длительности и жестокости войны, усиление паранойи при оценке мотивации противника <…> – эти и другие явные иррациональности служат приметами того, что начала воплощаться могущественная групповая фантазия» [Там же: 121–122].

Или наоборот: Вудро Вильсон, которого в начале 1917 г. буквально заталкивали в Первую Мировую, заявил: «Все равно это еще не то, чего я жду, этого недостаточно. Вот когда они будут готовы бежать с криками "ура", я воспользуюсь их готовностью» [Цит. по: Демоз 2000: 126].

5. …К психоидеологии[3]

Но все это ближе к отдельным эпизодам, которые Фернан Бродель называл «событийной историей» и даже «пылью истории». Обычно примерно так и выглядят типовые исторические нарративы – но только если этим не злоупотреблять. У нас же увлечение «пылью истории» нередко порождает целые пылевые бури.

Когда же речь идёт о более сложных сборках и процессах, о больших длительностях и многослойных структурах сознания и коллективного бессознательного, в свои права вступает в том числе психоидеология.

Идеология как таковая ориентирует человека в мире, в истории и в отношениях. И, как это ни банально, люди так думают, потому что они так думают (им так сказали). В плане психоидеологии люди так думают, потому что они так чувствуют, а это бывает гораздо ярче и прочнее – или хотя бы не так тоскливо, как в провинции у моря. Это китайцы выжидают, когда мимо начнут плавать трупы врагов; русские блаженны в минуты роковые, и эту радость часто не омрачают даже трупы своих. Дефицит значимости и подавленная неудовлетворённость собой компенсируются причастностью к могуществу и величию целого, к пафосу движения и самого исторического момента.

Если человека трудно разубедить, обратив в другую идеологию, то еще труднее заставить его «расчувствовать». Поэтому логически, на аргументах, доказать друг другу в подобных конфликтах в отношении войн, в том числе войн собственной страны, почти ничего нельзя, но можно испортить отношения и сильно друг в друге разочароваться. Такие споры – последнее дело, когда больше нечего пить, но тянет поговорить, как с Ванькой у Вересаева: «Я умных разговоров не знаю, а поговорить с вами хочется». Отсюда бесконечные перестрелки комментариев в Сети с переходом на личности и использованием ненормативной лексики, не говоря о недобросовестной манипуляции смыслами.

6. Психоидеологический микрокосм. Личность как государство в миниатюре

Обычно в идеологии видят форму господства – подчинения, средство манипуляции через идеи и представления («сознание для другого»). Но человек может производить идеологию и для себя, для внутреннего пользования [Рубцов 2021; Рубцов 2019].

Иногда для оправдания собственных поступков или бездействия, сомнительных успехов или больших провалов люди сочиняют сложнейшие идейные построения и «теории», почти мировоззренческие. Ты приезжаешь посочувствовать другу, а он выкатывает тебе готовую конструкцию, объясняющую, кто виноват и что к этому и без того все шло, потому что с героями и подвижниками в той конторе и в этом мире всегда так. Относительно собственной большой и малой судьбы выстраиваются целые научные теории и идеологические системы, против которых и возразить-то бывает нечего, не обижая при этом собеседника в лучших чувствах и не выводя его из с таким трудом достигнутого психо-эмоционального равновесия.

В таких случаях выстраивается даже особая объект-субъектная онтология процесса. Если для обычной идеологии необходима коммуникация с объектом воздействия (идеология всегда кому-то что-то говорит, молчащая идеология – нонсенс), то в сознании индивида как в микрокосме социума все это замещается внутренней речью и воспроизводится в режиме внутреннего диалога. Помимо собственно психологов, писавших о «внутреннем диалоге» и «внутренней речи», об «аутокоммуникации» (Л.С. Выготский, В.С. Библер, М. Бубер,

[3] См.: Рубцов 2020.

А.Р. Лурия, Ж. Пиаже, А.А. Ухтомский), можно вспомнить Карлоса Кастанеду – исключительно за позицию воина, раз уж речь зашла об этой теме. «Мы непрерывно разговариваем с собой о нашем мире. Фактически, мы создаём наш мир своим внутренним диалогом <…> Мы также выбираем свои пути в соответствии с тем, что мы говорим себе <…> Воин осознаёт это и стремится прекратить свой внутренний диалог» [Кастанеда 2014: 15]. Иногда, как в единоборствах, нужна предельная концентрация отрешением от всего, что мешает эффективно убивать и достойно умирать. Это многое объясняет в военной цензуре, по большому счёту отнюдь не только конспиративной, охраняющие военную тайну, а также в прямолинейности пропаганды периода боевых действий. Но это и типичное зеркало для героя, отражающее социальный космос в личностном микрокосме. Обострения больших социальных конфликтов часто обнаруживают в отдельном человеке ту же идеологическую работу и борьбу, что и в социуме, в государстве. Можно взять классический, хрестоматийный перечень функций обычной идеологии – и без потерь перенести его внутрь личности. Здесь вскрываются те же механизмы мобилизации и консолидации, психической защиты и самотерапии, формирования картины мира и ориентации в мире (но уже в своём собственном внутреннем мире). Это тоже «сознание для другого», но только для другого в себе. И это не шизофрения, не диссоциативное расстройство идентичности (в быту ошибочно называемое раздвоением личности). Скорее, наоборот, это норма человека думающего, способного сомневаться и внутренне оспаривать самого себя.

В самом деле, в считающейся классической версии Карла Шмитта политика определяется оппозицией «друг – враг» (подобно тому, как в этике это оппозиция «добра и зла», в экономике «выгодно – невыгодно», в эстетике – «прекрасно или безобразно», в науке – «истинно или неистинно» [Шмитт 2016; см. также: Филиппов 2015].

Здесь представляется принципиальным прежде всего сам прием, метод конституирования через базовую оппозицию. При этом можно по-разному относиться к самой оппозиции «друг – враг», к ее конкретному выбору в конституировании политического.

Психоидеология обнаруживает эту по-своему воинственную, конфликтную оппозицию «друга и врага» в отдельном человеке. Во внутреннем контуре личности борьба и конфликты с самим собой могут выливаться не просто в внутреннюю полемику, но и в своего рода спецоперации и в подлинные войны, нередко разрушающие жизнь и саму личность. Но в таких противостояниях есть и своя продуктивность; более того, это даёт и особо креативный подход к личность как к «малому государству в себе», а к государству как к аналогу огромной личность с полным набором антропоморфизмов. Например, в личности работает уже не просто обычная самоцензура, фильтрующая выступления осторожного человека вовне, но и отдельный самоконтроль, определяющий, что человек может или не может говорить самому себе. Иногда такая самоцензура по жесткости приближается к фронтовой. Разница лишь в том, что люди здесь не просто умолкают, но ещё и «слепнут». Если человек для себя во всём только друг, напрочь уничтоживший свою внутреннюю пятую колонну, это означает ноль сомнений, что тоже проблемно (за исключением, пожалуй, только отечественных войн: «Мы за ценой не постоим»).

И наконец, положение идеологии и психоидеологии в диапазоне между полюсами в оппозиции «вера – знание». На полюсе веры идеология тяготеет к полюсу религии, а на полюсе знания – к полюсу философии или, по крайней, мере точного, достоверного исследования. Военные хроники и интерпретации не случайно напоминают опытные сессии с протоколами анализа и логических выводов. Однако, строго говоря каждое достаточно общее, мировоззренческое высказывание выглядит одновременно и философским, и идеологическим. Разница в одном (и она принципиальна): если идеология пытается преподнести неочевидное как очевидное, то философия, наоборот занимается систематической критикой «очевидности»,

пытается вскрыть неочевидное в якобы очевидном. Это необходимая составляющая сознания всякого общества, испытывающего потребность осмыслить и реально оценить свои конфликты и спрогнозировать наиболее общие последствия силовых действий. В открытых конфликтах эта работа может быть даже конспиративной, для внутреннего пользования (по принципу «лучше, такая, чем никакая»). Но во всяком случае это позволяет не опускать подлинную философию, необходимую для непредвзятой ориентации в мире и в большой истории, до уровня якобы глубокомысленной агитации и пропаганды.

Что же касается психоидеологии, то это отдельная зона оформления коллективных установок и желаний, общих комплексов превосходства и обиды, грандиозности и всемогущественности, исключительности и предназначения, миссионерства и мессианства. Глубокий ресентимент и бред величия объединяют взрывы нарциссического гнева и нарциссической ярости в ответ на любую критику [см.: Рубцов 2020]. Такова идеальная энергетика воинственности.

7. Психоидеология смерти и блеска. Наследие и наследственность

Нарциссизм в быту обычно понимают как в целом безобидную, даже слегка комичную особенность в характере и поведении отдельных личностей, включая друзей. Но стоит перечитать античный миф о Нарциссе. Это история изощренных наказаний и мучительных, страшных смертей, возможно, самая поэтичная и одновременно трагическая. И бесконечная: «Даже уже в обиталище принят Аида, в воды он Стикса смотрел на себя».

Вообще говоря, нарциссизм бывает конструктивным и деструктивным. Конструктивный нарциссизм в определённом смысле также продуктивен в борьбе, как и в творчестве. Но вместе с тем, философия не случайно связывает нарциссизм с влечением к смерти, что в жизни подтверждают его злокачественные формы, в том числе убийственные в прямом смысле. Агрессией пропитаны и более мягкие формы, начиная с обычной акцентуации и включая отклонения, деструкции и расстройства, патологию, клинику.

В современном мире это ещё и особые риски. Только для примера: «Правило Голдуотера» и движение «Психиатры против трампизма» с диагнозом злокачественный нарциссизм от известного клинического психотерапевта Джона Гартнера и, наконец, гений нуара Стивен Кинг: «Трамп олицетворяет просто хрестоматийный пример нарциссического расстройства личности <…> То, что у этого парня палец на красной кнопке, страшнее любой истории ужасов, что я написал».

Но это и более системные связи. Сколько-нибудь масштабные боестолкновения, как правило, имеют идеологическую поддержку. а идеология всегда нарциссична, тем более психоидеология, связанная с героикой и самопожертвованием. Нет ничего удивительного в том, что военная элита всегда блистала сгущением самовлюблённых. И не случайно на фоне штатских военные всегда одевались в пух и прах. Это видно по боевому оформлению воинов племени, по сиянию доспехов легионеров и рыцарей, по всем более поздним декоративным излишествам, например, гусарским. И даже сейчас новейшая боевая техника и выкладка тяготеют к шедеврам специфического дизайна.

В мирной жизни это прежде всего проблемы биографии в масштабах ближней истории. Ребёнка можно сделать потенциальным нарциссом, либо безбожно захвалив, либо заставив пережить ранний кризис обесценивания в период, когда будущая личность особенно нуждается в безоговорочной защите и родительских восторгах. То же с социальными и политическими режимами в стадии становления. При Ельцине наше ЦТ регулярно высказывалось о родной власти в той же лексике, в какой оно сейчас высказывается о власти в Украине («геноцид», «оккупационный режим», «сдача коллективному Западу»). Это было особенно вопи-

ющим на фоне всех прошлых самооценок. Новая Россия едва появлялась на свет, но в сознании и бессознательном общества ещё долго присутствовала (и до сих пор присутствует) психоидеология уникальной судьбы и глобально-исторического величия. Даже идейно-политический скепсис не мог полностью вытравить образ СССР как страны – лидера цивилизационного прогресса, находящейся на пике всемирно-исторического развития. Это было глубже «стилистических» и прочих разногласий. И с такой психоидеологией страна вошла в системные кризисы 1990-х! Это называется агония, усугубленная неправильными родовыми схватками.

Тем более надо понимать всю условность и даже иллюзорность постсоветской деидеологизации. Прежде всего, она коснулась не столько системы идей, сколько системы институтов. Идеологии не стало там, где её привыкли видеть (идеологический отдел ЦК, секретарь по идеологии как второй человека в государстве, партполитпросвет, цензура, мощнейшая система глобальной идейной экспансии с издательством «Прогресс» в «Книге рекордов Гиннесса»).

Более того, с людей сняли униформу, но не отучили ходить строем. И даже не особенно старались это делать. На смену квази-научной, рационально выстроенной и строго упакованной идеологии советского официоза, к которой все так привыкли, пришли новейшие формы теневой, латентной, проникающей, диффузной и т. п. идеологии. Удивительные эффекты: государственной идеологии как таковой якобы нет, но при этом государство эффективно контролирует идеологические структуры сознания и даже коллективного бессознательного. Иногда власть просто «идеологически партизанит» на собственной территории, но не потому, что чего-то стесняется, а потому что именно это и работает. На этом фоне реанимация старых моделей и схем (например, созданием списков «традиционных российских ценностей» по аналогии с известными Кодексами) обречена и только мешает.

Главным заимствованием из советской идеологии сейчас, конечно же, является образ Великой Победы. Он не просто стал центральным и почти единственным, но и практически вытеснил все прочие победные эпизоды русской истории. В «украинском проекте» этот ресурс, надо признать, расходуется сравнительно экономно, и все же он всегда стоит за кадром, вплоть до образов новой Ялты и т. п., не говоря о «демилитаризации» и «денацификации».

Вместе с тем, символ Победы, во-первых, далеко не сразу после окончания ВОВ набрал идеологическую силу, а во-вторых, изначально был вписан в более общую конструкцию геополитического, культурного, цивилизационного величия страны. Это была идеологема общей исторической победы, отнюдь не только военной. В нынешней ситуации, если заглядывать вперёд, это ещё и проблемы с опережающей диверсификации всякого рода победных идеологем при переходе от борьбы к жизни.

Демоз Л. 2000. *Психоистория.* – Ростов-на-Дону: Феникс. – 512 с.

Дюркгейм Э. 1991. Метод социологии – Дюркгейм Э. *О разделении общественного труда. Метод социологии.* – М.: Наука. – С. 391–532.

Кастанеда К. 2014. *Колесо времени.* – М.: София, 2014. – 288 с.

Рубцов А.В. 2019. Идеология в структуре социума и личности – *Полилог/Polilogos* – Т. 3. – № 4. – Доступно: https://polylogos-journal.ru/s258770110008020-4-1/. Проверено: 30.04.2022.

Рубцов А.В. 2020. *Нарцисс в броне. Психоидеология грандиозного Я в политике и власти.* – М.: Прогресс-Традиция. – 816 с.

Рубцов А.В. 2021. Философия для миллионов и миллион философов – *Человек*. – Т. 32. – № 4. – С. 92–108.

Филиппов А.Ф. 2015. Политическое у Карла Шмитта – *Постнаука*. – Доступно: https://postnauka.ru/video/50701). – Проверено: 30.04.2022.

Шмитт К. 2016. *Понятие политического*. – СПб.: Наука. – 568 с.

МЕЖДУ СОЗИДАНИЕМ И ЗАВОЕВАНИЕМ. ЧАСТЬ 2. ВОЕННЫЕ ОПЕРАЦИИ И НЕСЫРЬЕВАЯ АЛЬТЕРНАТИВА: ВТОРОЙ ФРОНТ

А.В. Рубцов
Институт философии РАН

Аннотация: *Ситуация мгновенного и радикального кризиса сырьевой модели и самого ресурсного социума рассматривается в контексте военной спецоперации. Неожиданность процесса и его немыслимая в обычных условиях скорость объясняется триггером сверхбольшой политики как фактора обреченности сырьевой модели. Фатальная проблема заключается в мгновенной востребованности несырьевой альтернативы. Показано, что в целом такая компенсация на требуемых скоростях нереальна ни при каких обстоятельствах. Рассматривается предшествующий опыт «смены вектора развития» и перехода на производящую модель. На фоне обычных ошибок стратегии дерегулирования констатируется системное внутреннее сопротивление институциональным реформам, реализуемое заинтересованным паразитарным классом в формате подлинной войны за государство.*

Ключевые слова: *спецоперация, сырьевая модель, ресурсный социум, кризис, несырьевая альтернатива, импортозамещение, смена вектора развития, дерегулирование, война за государство.*

1. Проблема размерности

В философии есть понятие: исторический размер события. Текучка эти вопросы обычно не затрагивает; в прямом и быстром реагировании все выглядит одноразмерным. Даже изломы, подобные нынешним и выпадающие не на каждое столетие, как таковые воспринимаются далеко не сразу или вообще не опознаются в качестве «событий века». Поначалу они могут выглядеть всего лишь исполнением оперативного плана или капризом гиперактивной политики. Кажется слишком понятным, как и почему они начинаются, как, когда и чем закончатся.

Ожесточенные конфликты и болезненные ломки тем более скрадывают размерность процесса. От сильных переживаний и усилий поле зрения резко сужается. Внимание, как от гипертензии, концентрируется, обрезая «поля». Что это было в действительности, видится «на расстояньи».

Наконец, бывают изменения и процессы уровня тектонических сдвигов, для наличных понятий и взглядов просто негабаритные. Они выходят далеко за рамки обычного здравого

DOI: 10.18522/2218-5518.2022.2.174182

смысла и бытовой разумности. В торжестве common sense диванная аналитика часто сравнивается с профессиональной. Но для таких явлений даже в науке может элементарно отсутствовать язык описания, не говоря о концептуализации. Здесь требуются специальные, расширенные техники анализа, с другим пространством охвата и временем последействия.

Панорамного зрения не хватало и в мирное время, но у фронтовых прицелов своя оптика. Они выхватывают лишь отдельные сцены театра военных действий, их политического сопровождения и прикрытия. Резкость, диафрагма и фокус сокращаются до такой степени, что за кадром оказываются вызовы и сверхзадачи, ещё вчера и экспертами, и деловым активом, и политиками, и самой властью безоговорочно признававшиеся неотложными, критичными для страны «по жизненным показаниям».

Надо иметь железные нервы и мозги, чтобы на фоне совершенно убийственных хроник и перегретых эмоций доказывать, что большая гражданская повестка «смены вектора развития» именно сейчас не только не снята и даже не отложена до лучших времён, а наоборот, выдвинута на первый план как императив выживания. Это, по сути, весь комплекс проблем, включающий: зависимость от импорта товаров и технологий в обмен на экспорт сырья и энергоносителей, тупики сырьевой модели и ресурсного социума, засилье паразитарных стратегий, перерождение институтов и практик, самого государства… Вопреки расчетам весь этот и без того просроченный исторический вызов в боевой обстановке включается буквально в расписание дня. Картина называется «Не ждали».

Но, похоже, сейчас такого рода проблемные излишества мешают всем – и пацифистам, и борцам за мир, желательно за весь. И это можно понять. Психические защиты предохраняют нервы человека и социума от перегрузки. В политике человек прячется от истории. В переживаниях быстрой политики человек прячется от большой истории с ее подчас непереносимыми масштабами и оценками. Оперативная идеология также сбрасывает все, что мешает жить и совершать поступки, не приходя в сознание. «Так трусами нас делает рассудок», и вся наша готовность «теряет имя действия».

Однако при всех радостях наступательного порыва системные проблемы не получится отложить на «после победы». Во-первых, никакого «после» не будет. Независимо от фаз боестолкновения или перемирия на любом этапе эта линия фронта прочерчена куда глубже, если не навсегда. Во-вторых, настоящая эскалация процесса уже не очень зависит даже от гипотетической остановки конфликта. Многое ещё впереди, хотя и через паузу. Вопрос месяцев. Далее все, записанное в категорию «пока не горит», начнет взрываться от любой детонации. Военный «акселератор» сжимает резерв времени даже не в разы, а до нуля. Скоро в сообщениях от российского информбюро начнёт меняться сам репертуар, отражающий совсем другой состав и масштаб текущих проблем.

2. «Смена вектора развития» как цивилизационный вызов и политический консенсус

Не так давно в России был редкий момент, когда программные идеи экспертного сообщества и самой власти чудесным образом совпали, в том числе в в аналитических записках и официальных документах.

В политическом отношении этот момент был несколько пикантный, но по-своему удачный. К 2008 г. наблюдается явный всплеск активности в сфере стратегического планирования и программирования развития. Во многом этот пик активности был связан с предстоящей паузой в президентстве, именуемой «местоблюстительством Медведева». Путин отправлялся в «командировку» на место премьер-министра, председателя Правительства, то есть второго лица в официальной иерархии, но при этом было важно показать, кто в действитель-

ности остается национальным лидером и распорядителем всей стратегической ориентации и переориентации. Уже поэтому понадобился собранный и сформулированный корпус предначертаний, которые местоблюститель должен был исполнять за время своей миссии. Отсюда не очень стандартная, но вполне понятная ситуация: на выборы президента шел Медведев, а стратегический проект развития лучшие эксперты и наиболее авторитетные аналитические структуры страны разрабатывали как неформальный «План Путина». Или, как минимум, как главную версию «Плана Путина». Можно предположить, что если бы не эта пауза и не потребность в публично явленном предначертании, таких усилий в сфере разработки стратегии мы бы ещё долго не дождались.

И надо признать, формулировались эти требования крайне резко. В 2008 г. Владимир Путин разъяснял на расширенном заседании Госсовета РФ, посвящённом стратегии национального развития:

«Несмотря на отдельные успехи последних лет, нам пока не удалось уйти от инерционного энергосырьевого сценария развития. Естественно, ничего плохого ни в подъёме энергетики, ни в росте добычи сырья нет. Напротив, формирование современного, лучшего в мире энергетического сектора, создание высокотехнологичных предприятий, добывающих и перерабатывающих сырьё, входят в число наших безусловных приоритетов.

Однако и сейчас на фоне благоприятной для нас экономической конъюнктуры мы пока лишь фрагментарно занимаемся модернизацией экономики. И это неизбежно ведёт к росту зависимости России от импорта товаров и технологий, к закреплению за нами роли сырьевого придатка мировой экономики, а в дальнейшем может повлечь за собой отставание от ведущих экономик мира, вытеснение нашей страны из числа мировых лидеров.

Следуя этому сценарию, мы не добьёмся необходимого прогресса в повышении качества жизни российских граждан. Более того, не сможем обеспечить ни безопасность страны, ни её нормального развития, подвергнем угрозе само её существование, говорю это без всякого преувеличения» [Выступление Владимира Путина… 2008].

При всей слабости к сильным выражениям руководства административно-политическая вертикаль отнеслась к этим почти отчаянным призывам «перпендикулярно», как к очередному эффектному преувеличению. Понадобилось пережить целую военную экспедицию с поистине глобальным эффектом, чтобы увидеть, до какой степени все это не пустые, хотя и подозрительно громкие фразы. При этом речь не только о предупреждениях и страшилках, но и о конструктиве. Уже сейчас ключевые пункты программ и «дорожных карт» стратегических разработок того времени врываются в актуальную повестку, но уже в совсем ином качестве. Теперь они востребованы не только как стратегические установки, но и как оперативные задачи, которые надо не «решать» (как все эти годы), а решить, результативно и быстро. Далее нам останется с живым интересом наблюдать, как лавина базовых проблем, заведомо не решаемых ручным управлением и чисто технически, будет сносить даже скромные ожидания от попыток запуска альтернативы. Это проблемы перераспределения и недопроизводства, регулирования и контроля, собственности и власти, прессинга и барьеров, нормативно-правовой базы, институциональной среды в целом. Технократия опять упрётся в гуманитаристику, в проблемы социально-политической культуры, обычного права и практик повседневности, массовой ментальности и психоидеологии, динамики сознания и инерции коллективного бессознательного, самой философии перезревших преобразований. Для многих это «новое» расписание занятий будет ликбезом с принудительным практикумом и очень доходчивыми выводами.

Или не будет. История умеет так «ничему не учить», что отбрасывает неуспевающих на вечную пересдачу.

3. От фрагментарного импортозамещения к производящей цивилизации

Многое уже сейчас вполне осязаемо. Одно из понятных и жизненных заданий – форсированный запуск собственных производств. Тема изначально была встроена в общую идеологию импортозамещения, но пока реализуется скорее как выборочный, реактивный ответ на санкции в отдельных проектах и программах. Но импортозамещение это стратегия и политика, а не список изделий. Начинается с простых товаров, от таблеток, гвоздей и семян свеклы, но далее номенклатура «дыр» растёт, как снежный ком. Дефицит мелких комплектующих может останавливать уже не импорт, а целые «собственные» производства. Здесь важна общая тональность: либо это очередные победные реляции, рапортующие об успехах импортозамещения и обхода санкций, – либо честный и серьезный разговор о проблеме в её истинном, поистине цивилизационном масштабе. Со временем даже отпетые энтузиасты сталкиваются с проблемами повышения себестоимости при снижении качества замещающего ответа.

Далее выясняется, что здесь не обойтись запуском отдельных производств: речь идёт о восстановлении производства как такового (а это и есть «смена вектора»). Академически бескомпромиссная формулировка: «Россия производит впечатление великой страны, но больше ничего не производит» (с), кроме шуток, отражает видовое отличие, типаж политэкономики. Начинается с примитива голландской болезни (при заоблачных ценах на сырьё и энергоносители сначала проще и дешевле купить чужое, а потом нечего восстанавливать из своего). Но затем пресловутое сырьевое проклятье перерастает, уже переросло в проклятье институциональное. Система институтов и практик, работающая на перераспределение доходов от сырьевых продаж, враждебна собственному производству в корне и по определению. Типичная игра с нулевой суммой. И когда сырьевая модель входит, наконец, в терминальный кризис, «вдруг» выясняется, что требуемая несырьевая альтернатива, во-первых, нужна сразу и вся в готовом виде, а во-вторых, не возникает в одночасье и по приказу.

И наконец, поверх этого всплывает задача экспортозамещения – вытеснения экспорта добытого экспортом произведённого. Цель: обеспечить предложение вовне собственного несырьевого продукта для эквивалентного обмена в необходимых объемах.

Упреждающие меры здесь должны приниматься из затакта, заранее, с учётом лага, сопротивления, пробуксовок и практически исчерпанного ресурса времени. Есть мнение, что зоны принятия решений и точки невозврата уже пройдены, и даже не вчера, однако многие до сих пор готовы утешаться паллиативами и отдельными примерами для поддержания иллюзий у начальства. Когда-то подобное ласково называлось очковтирательством.

4. Опаздывающая модернизация и хроническая демобилизация

В более общем виде преодоление зависимости от экспорта сырья и импорта товаров и технологий трактовалось как смена цивилизационного вектора развития в общей идеологии модернизации. Установка была центральной в правительственной «Стратегии 2020», в программных проектах ИНСОРа (Института современного развития), в частных разработках: «Мегапроект для России: идеология, политика, экономика» [Рубцов, Богословский 2007]; «Мегапроект. О формате и контурах стратегии национального развития» [Рубцов, Богословский 2008]; «Между нефтью и хай-теком» [Рубцов 2008б] и др. Тема неизбежного коллапса сырьевой модели стала общим местом в обсуждении контуров будущего. Даже силовики щеголяли заявлениями о том, что «технико-внедренческие зоны спасут страну, когда рухнет сырьевая экономика» (Сергей Иванов). Здесь дорого каждое слово: во-первых, «спасут», во-вторых, «рухнет», а в-третьих, именно «когда», а не «если»!

Тема была дежурной и едва ли не из любимых. Она окрашивала образ правления эпохальным масштабом мысли и грядущих совершений, всеми оттенками устремлённости в будущее, здоровым прогрессизмом, элементами мужественной, честной самокритики. И заботой: обращёнными к себе и к аппарату требованиями снизить административный прессинг можно было регулярно обнадёживать бизнес и деловой актив, хотя в жизни процесс шёл в обратную сторону. В ритуальных текстах власти идеи дерегулирования стали уподобляться клятвам верности ценностям демократии и свободы. «В наши планы не входит передача страны в руки неэффективной коррумпированной бюрократии» [Послание Президента РФ… 2005][1]. Политическая воля мерами разгоралась в посланиях Федеральному Собранию – но тут же снова угасала.

Помимо прочего сказались издержки всё той же технократии вкупе с экономоцентризмом. Незавидную в итоге судьбу сырьевой модели с самого начала связывали прежде всего с перспективами технологического прорыва, экологии, энергосбережения, возобновляемых источников и прочей «декарбонизации». Характерный довод того времени: в альтернативную энергетику уже вкладываются огромные средства, а «Капитализм фантастику не финансирует» [Рубцов 2008а]. И как только достигается экономический эффект, в проект тут же вливаются уже совсем другие ресурсы – и ситуация меняется кардинально. Все это более или менее понимали, однако было удобнее считать, что такой «прорыв» все же будет постепенным и мягким. Например, слагались и вздувались в уши начальству целые сказания о том, что все спасёт глобальная переориентация, что в худшем случае углеводороды все равно будут востребованы экстенсивно развивающимися экономиками Китая и Индии. Одновременно с этим бессовестно приукрашивались наши инновационные достижения и сами инфраструктурные преобразования. Это как на дозе седатива падать с девятого этажа в слепой уверенности, что на полпути ты обязательно за что-нибудь зацепишься.

5. Политический демарш как «каприз истории»

Однако в практической истории сработало и вовсе нечто неожиданное. Обострения ждали от научно-технического прогресса и запросов среды, но не от соседей по планете, ради политики готовых на радикальные меры даже в ущерб себе. До этого политика как фактор и триггер в данном контексте если и упоминалась, то лишь в конце списка разрушителей сырьевой модели и как очень туманная опция. Что-то вроде обоюдоострого энергетического шантажа при якобы симметричной зависимости. В какой-то момент «сырьевому придатку» и вовсе надоело это самоуничижение, и он торжественно провозгласил себя «энергетической сверхдержавой», к тому же готовой повоевать, расплачиваясь за это самой глобальной миссией поставщика энергоресурсов, самой ролью «повелителя трубы».

Сказались также проблемы с логикой рисков с неприемлемым ущербом. Такие риски принято гарантированно купировать при любой, сколь угодно малой, исчезающе ничтожной их вероятности. Атомные станции (и национальные стратегии) не строят по принципу: если рванет, то накроет всех, хотя вряд ли. Ненулевая вероятность здесь обслуживается как почти максимальная[2].

[1] Один из авторов «Новой газеты» озаглавил свой комментарий следующим образом: «Путин выступил против ветра».

[2] В свое время один очень высокопоставленный руководитель соглашался с автором этих строк в серьезности проблемы, однако все же склонялся к надежде, что переход будет сравнительно мягким. Сработала следующая сценарная аналогия. Представим себе, что в этот самый момент в кабинет заходят представители ФСО и сообщают, что по их данным помещение заминировано, хотя и с вероятностью не более 3–4 %. По их же данным взрыв может состояться через 1–2 минуты, но примерно с той крайне малой вероятностью. Вопрос, в каком режиме мы будем эвакуироваться: обсуждая сценарии и собирая документы – или же опережая собствен-

Однако злая ирония истории поперёк всех мыслимых прогнозов привела в действие вовсе не технологический, а именно политический фактор, да ещё в полном военном обмундировании. Модель вошла в кризис со скоростью гиперзвука и с такой силой, какую даже близко нельзя было себе представить во всех других сценариях. Кризис оказался необязательным и по взрывному масштабу неожиданным для самой активной стороны. Классический каскад бифуркаций, когда малые сигналы на входе дают в принципе непредсказуемые и «несоразмерно» сильные эффекты на выходе из черного ящика. И выдающийся пример рукотворного, даже силового вмешательства в естественно-исторический процесс, когда запрос на смену вектора и альтернативу становится исторически мгновенным, вовсе не оставляя времени и сил на разглядывание, а тем более повтор собственных ошибок.

6. Рваные хроники дерегулирования

В начале 2000-х обозначились два «тихих лозунга»: преодоления технологического отставания и стратегии дерегулирования (дебюрократизации). «В одно дело» их не объединяли, хотя связь ясно читалась и команды взаимодействовали. С культом идеи смены вектора развития с сырьевого на инновационный, стало и вовсе ясно, что весь этот вокабулярий «экономики знания», «человеческого капитала», «четвёртого уклада», «технологического рывка» и т. п. в существующих условиях рискует остаться пустым звуком. Хотя бы потому, что государство и здесь рвалось активно участвовать и всячески помогать, вместо того чтобы для начала не мешать и максимально самоустраниться. Трудно представить себе, чтобы госслужащие и государственные деятели, отвечающие за направление, внутренне и публично признали, что проблема не в дефиците их внимания и содействия, а как раз в том, что они есть главное бревно на пути прогресса, инноваций да и просто отечественного производства.

Отсутствовало также понимание проблемы середины: прежде чем производить новые и сложные, надо сначала восстановить способность к производству простого и старого. А значит – и кадры среднего звена, практически выбитого десятилетиями расцвета сырьевой энергетики.

Однако там, где намечался распил гигантских бюджетов, понимание истинной сути проблемы приходило мгновенно и до конца.Чтобы построить одно только Сколково, понадобился специальный ФЗ № 244 от 28.09.2010, отменяющий для отдельного привилегированного проекта принятую нормативную базу и практику техрегулирования, со всей системой норм и правил, допуска на рынок, государственного контроля и надзора. Практически всё отдавалось «на усмотрение управляющей организации». Таких открытых норм не помнит ни одна легислатура. Но не учитывалось (во многом сознательно) главное: любой продукт, произведённый в этом райском заповеднике, в итоге все равно выйдет за границы Сколково, а там вместе со всеми прочими инновациями умрет в общем регулятором аду, хотя бы на пресловутой стадии внедрения. Тоже с Роснано: судя по всему, мы ещё очень нескоро полетим на самолётах, собранных нанороботами из обычного песка.

С тех пор на высшем уровне был предпринят целый ряд спорадических заходов на дерегулирование и дебюрократизацию. И в этой последовательности есть своя логика и своя динамика. Они все более отдаляются от проработки и основательности первоначальных заделов с их идеологией и философией, методологией и алгоритмами взаимодействия множества экспертов, функционеров и представителей делового актива, не говоря об адаптированных схемах проверенных мировым опытом. В целом они становятся все менее системными, но все более шумными и наивными. Последний эпизод – «регуляторная гильотина – 2021» с претензиями на радика-

---

ный визг?

лизм, но и с признаками вырождения в обычную шинковку. Большинство таких заходов объединяет отчаянная импровизация при дефиците добротного знания о том, как это вообще бывает и почему срывается, особенно в России. И это принципиально: в нашем положении важно знать, не столько как надо, сколько почему мало что получается, даже когда, казалось бы, есть и воля, и предпосылки.

7. Институциональная реформа как война за государство

Уже из первых заходов на институциональные реформы начала 2000-х (административная и техрегулирования, отчасти саморегулирования) стало ясно, что в обычном режиме дело обречено. Это как на сверхмощном движке давить газ в пол при заблокированных тормозах (когда-то блондинка так сожгла на Рублевке новый Феррари).

Стране необходима метареформа – реформа самой модели реформирования, создание принципиально иной системы управления институциональными реформами. Но сейчас речь не идёт даже об обычных преобразованиях. Само импортозамещение большинством воспринимается как гражданское продолжение спецоперации, управляемое из штабов и реализуемое полевыми командирами производств на местности экономической дислокации. Политическое руководство да и общество в целом пребывают в иллюзии, будто исполнительное звено спит и видит, чтобы ему поручили то, что поручили, что оно и в самом деле намерено преследовать цели, обозначенные начальством, а не свои собственные, строго говоря, диаметрально противоположные заявленным в центре и сверху.

Вообще говоря, у нас даже в армии есть проблемы с командованием низшего и среднего звена. Но в битвах за реформы все гораздо хуже. Как только институциональные реформы приближаются к порогу реализации, в стране начинается подлинная война за государство, причём центрами сопротивления оказываются те же ФОИВ, регуляторы и надзоры –государственные органы, хорошо самообученные «валить» реформы с использованием административного ресурса и средств федерального бюджета.

Для воюющей страны, ориентированной на фундаментальную переориентацию институтов, которую приходится проводить прямо на марше, это означало бы открытие второго фронта, на этот раз ещё и внутреннего. И это даже не «пятая колонна», а целый социально-экономический и политический класс, в ряде отношений тихо господствующий, но в результате преобразований теряющий силу, статус и сами источники существования.

Типичная борьба за жизнь в формате «мы за ценой не постоим». «Сверление», ответвление и «отжатие» потоков – единственное, что эти люди умеют, хотя и делают это виртуозно, включая умение сохранять статус кво при любых фантазиях, при сколь угодно мобилизованных и сконцентрированных ресурсах обновления. Сначала они целыми ведомствами демонстрируют заполошный энтузиазм и полную лояльность реформам, что позволяет оттянуть на себя и лозунги, и само управление преобразованиями. Затем на смену приходит вялый, но все менее осторожный саботаж, обеспечивающий пробуксовку и подводящий к идее системных ошибок в самой идеологии реформации. И наконец, наступает фаза откровенной контрреформы без выбора средств. Характерный пример – публикации и мероприятия, которые в своё время непосредственно организовывались «заинтересованными» органами власти в отношении ФЗ «О техническом регулировании». Этот законодательный акт называли проплаченной иностранной диверсией и «Законом развала российской экономики», игнорируя тот факт, что концепцию с лучшими экспертными силами готовило Экономическое управление Президента, в согласовании с ФОИВ вносило в Думу Правительство, дорабатывал профильный комитет и в трёх чтениях принимала ГД, утверждал Совет Федерации, подписывал Президент и публиковала «РГ» как самый официальный издатель решений власти.

В данном случае «война за государство» понимается буквально. В свое время создание административно-командной, плановой политэкономики вовсе не случайно проходило в условиях Гражданской войны, причём не только в открытой её фазе, но и десятилетиями после периода террора, тачанок, убийственной экспроприации и т. п. Однако требуемые сейчас преобразования – и вовсе другого уровня. Это именно другая размерность, на этот раз многовековая. Всерьёз сменить вектор развития на порядок сложнее, чем построить экономику госсобственности и госплана, а потом пытаться воссоздать на её руинах подобие цивилизованного рынка да ещс инновационными претензиями. Сырьевая, ресурсная модель – это уже совсем другая историческая глубина и другой, цивилизационный масштаб, другие скорости и сверхтяжелые инерции. Сырьевым здесь становится буквально всё. В этой модели, проникающей, эволюционирующей и закрепляющейся с незапамятных времен, само население воспринимается как возобновляемый ресурс. Даже производство мозгов и знания превращается в сырьевые отрасли, в «производства низкого передела» и предмет дармового экспорта. Лен, пенька, лес, мёд… теперь слегка модернизированный нефтегазовый комплекс с ограниченным набором редких металлов. Традиционные российские ценности, до времени торгуемые по очень хорошим ценам. Они во многом сделали нашу историю, подобно тому как в Австралии овцы съели людей.

8. Why Nations Fail. Why civilizations die

И наконец, сама эсхатология «нефтедобывающей цивилизации» или «цивилизации нефти».

В атмосфере «торжества расцвета процветания» как-то неуместно звучат разговоры о серьезных проблемах, тем более о смерти (хотя бы и по аналогии). Идеология величия автоматически предполагает презумпцию вечности. Все теоретически знают о цикличности, о возможности смены периодов подъема и упадка, однако стараются не применять эти схемы к себе и вообще «не будить спящую собаку» во избежание ненужных параллелей.

Тем не менее исследовать эту проблему крайне важно, причём как с научной точки зрения, так и практический – и именно во избежание худших вариантов развития событий.

Для нашей теории цивилизации, цивилизационного развития и цивилизационных проектов эта тема имеет особый смысл, поскольку в методологии контурного картирование обнаруживает серьёзные, даже фатальные лакуны. Наша традиция с видимым удовольствием анализирует культуру, сознание, духовность, геополитику, отношения – но при этом, уделяя внимание всему, что «выше пояса», часто почти игнорирует материальную составляющую, точнее, материальные составляющие цивилизации, в том числе такие банальные вопросы, как элементарные источники существования. Это тем более интересно, что всемирная цивилизационная эсхатология располагает рядом поучительных, в том числе для нас, примеров ухода целых проектов и их перерождения. Цивилизация городов Майя погибла от простой засухи; коммунистический проект, идеологически почти глобальный, буквально на глазах ныне живущего поколения погиб от пересыхания потока нефтедолларов. У Бразилии есть понятие «растения цивилизаций»: рис, майонез, пшеница… Возможно, это и есть предельный уровень генерализации. К цивилизации риса и сейчас относится более половины человечества. В новейших продолжениях этой темы есть понятие «нефтяная цивилизация» – как глобальное явление [Рейган 2008]. Наряду с этим Россия сейчас представляет собой интереснейший и по-своему уникальный случай «нефтедобывающей цивилизации» [см.: Рубцов 2019], к тому же оказавшейся в сложном, если не в критическом положении. Проблемы несырьевой альтернативы – убедительное тому подтверждение.

Но сейчас российской цивилизации может хватить даже «простой» угрозы необратимости отставания. Эпоха догоняющих модернизаций заканчивается, уже закончилась. Прямо сейчас

мир делится на тех, кто успевает войти в поток сверхбыстрых изменений, и на тех, кто в него уже никогда не войдёт. Или не вернётся. Похоже, это и есть главная на данный момент срочная альтернатива. Ещё одно пустое сказанье – и летопись остатков величия окончена.

Выступление Владимира Путина… 2008. *Выступление Владимира Путина на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года». 8 февраля 2008 года.* – Доступно: https://www.prlib.ru/item/406042. – Проверено: 30.04.2022.

Послание Президента РФ… 2005. *Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 25 апреля 2005 г.* – Доступно: https://dokipedia.ru/docu ment/5194998. – Проверено: 30.04.2022.

Рейган Б. 2008. Будущее нефтяной цивилизации – *Популярная механика*. – 27 апреля. – Доступно: http://www.popmech.ru/technologies/7624-budushchee-neftyanoy-tsivilizatsii-i-naskol ko-vsego-etogo-khvatit/. – Проверено: 30.04.2022.

Рубцов А., Богословский С. 2007. *Мегапроект для России: идеология, политика, экономика*. – М.: Изд-во «Известия» Управления делами Президента РФ, Филиал Спецпроизводство. – 117 с.

Рубцов А., Богословский С. 2008. *Мегапроект. О формате и контурах стратегии национального развития*. М.: Социум. – 47 с.

Рубцов А. 2008а. Капитализм фантастику не финансирует – *Российская газета* – 29.05.2008.

Рубцов А. 2008б. Между нефтью и хай-теком – *Независимая газета*. – 16.01.2008.

Рубцов А.В. 2019. Нефтедобывающая цивилизация. Система понятий и масштабы бедствия – *Неприкосновенный запас*. – № 4. – С. 148–164.

Переводы и комментарии

От редакции

Под влиянием событий 2014 г. в отношениях между Россией и Украиной Э.Ю. Соловьев поставил проблему разработки контридеологической аналитики[1]. В марте 2015 г. в Южном федеральном университете была проведена всероссийская конференция, на которой обсуждался эвристической потенциал политической теории Ханны Арендт для обсуждения указанной проблемы[2]. Публикуемая здесь работа Ханны Арендт позволяет продолжить обсуждение.

В.П. Макаренко

ЛОЖЬ В ПОЛИТИКЕ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О ДОКУМЕНТАХ ПЕНТАГОНА

Ханна Арендт

> Образ величайшей сверхдержавы мира, которая еженедельно убивает или тяжело ранит тысячи мирных жителей, и при этом пытается принудить к согласию крошечную отсталую нацию по вопросу, правота которого горячо оспаривается, не вызывает восхищения.
>
> *Роберт С. Макнамара*

I

Документы Пентагона – сорок семь томов «Истории принятия решений США о политике в отношении Вьетнама» – представляют собой сверхсекретный, тщательно документированный отчёт о роли Америки в Индокитае в период от конца Второй мировой войны до мая 1958 года. Инициированное министром обороны США Робертом С. Макнамарой в июне 1967 года, создание этих документов заняло полтора года, хотя об их существовании стало известно только в 1971 году после публикации в газете *The New York Times*. Некоторые утверждают, что лишь это событие внесло ясность в то, что война во Вьетнаме есть «логический» итог холодной войны или антикоммунистической идеологии. Для других этот отчёт стал уникальной возможностью получить представление о процессах принятия решений

[1] См.: Философия и идеология: от Маркса до постмодерна. Отв. ред. А.А. Гусейнов, А.В. Рубцов, сост. А.В. Рубцов. – М.: Прогресс-Традиция, 2018; Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – 1232 с., ил.

[2] См.: Интеллектуальная тревога: проблема лжи и цинизма в политике. Отв. ред. В.П. Макаренко. – Ростов-на-Дону: издательство Южного федерального университета, 2015.

DOI: 10.18522/2218-5518.2022.1.183203

в американском правительстве. Документы приоткрывали занавес над различными событиями и предлагали разным читателям разные уроки, однако, по признанию большинства, ложь была основным вопросом, заключённым в этих томах. Во всяком случае стало ясно, что обман занимал важное место в умах тех, кто подготовил указанные документы для издательства *The New York Times*, и, вероятно, он волновал также группу авторов данного исследования[3]. Общеизвестная брешь в доверии к правительству, существовавшая на протяжении шести долгих лет, внезапно превратилась в бездну. Зыбкие пески всевозможных лживых заявлений, обмана и самообмана могут поглотить любого читателя, у кого возникнет желание изучить этот материал, который, к сожалению, должен быть признан «инфраструктурой» внешней и внутренней политики Соединенных Штатов на протяжении десятилетий.

По причине невероятных масштабов лжи в политике, проявлявшейся на самом высоком правительственном уровне, а также сопутствующей ей степени распространения лжи на всех уровнях государственных служащих, как военных, так и гражданских (например, фальсифицированные числа потерь убитыми в рамках миссий по «поиску и уничтожению»; фальсифицированные отчёты военно-воздушных сил о понесённом ущербе [Stavins, Barnet, Raskin 1971: 185–187]; отчёты о «прогрессе», составленные подчинёнными для Вашингтона, знавшими, что эффективность их службы будет оцениваться на основе этих же докладов [Ellsberg 1971: 262–263; Gelb: 1971b 153]), – нетрудно поддаться искушению забыть свидетельства прошлой истории, не имеющей никакого отношения к рассказу о безупречной добродетели, на фоне которой мы должны рассматривать и оценивать этот новейший эпизод.

Секретность – то есть, то, что на дипломатическом языке называется «благоразумием», а также государственными тайнами (*arcana imperii*) – и связанные с ней обман, преднамеренная неправда и открытая ложь, используемые в качестве законных средств достижения политических целей, существовали с самого начала писанной истории. Истина никогда не входила в состав политических добродетелей, а ложь всегда считалась оправданным средством в сфере политики. Для тех, кто размышляет об этой проблеме, может показаться удивительным тот факт, сколь мало внимания в нашей традиции философской и политической мысли уделяется её важности для характера действий, с одной стороны, а с другой – для природы нашей способности отрицать в мыслях и на словах все то, что имело место на самом деле. Эта активная, агрессивная способность резко отличается от нашей пассивной подверженности становиться жертвой ошибок, иллюзий, искажений памяти и всего того, что может быть виной недостатков нашего аппарата чувств и ума.

Специфика человеческого действия состоит в том, что оно всегда начинает нечто новое, однако это не значит, что человеку всегда позволено начинать все с самого начала (*ab ovo*) и создавать из ничего (*ex nihilo*). Чтобы освободить место для собственного действия, необходимо удалить или разрушить то, что было раньше, и изменить то, как было прежде. Подобные изменения были бы невозможны, если бы мы были не в состоянии мысленно абстрагироваться от места нашего физического пребывания и *вообразить*[4]*,* что вещи могут весьма отличаться от того, чем они являются на самом деле. Иными словами, сознательное отрицание истины факта – и способность лгать, возможность изменять факты и способность действовать – взаимосвязаны. Своим существованием они обязаны одному и тому же источнику – воображению. Однако *утверждать*, что светит солнце, когда на самом деле идёт дождь, не имеет никакого отношения к разуму (утрата этой способности возникает вследствие определённых травм мозга). Скорее, оно указывает на то, что мы хоро-

[3] По словам Лесли Х. Гелба, руководителя группы: «Главным, конечно, является вопрос о доверии к правительству» [Gelb 1971a: 34–36].

[4] Курсив этого и всех последующих слов и выражений указан согласно оригинальному тексту (Прим. переводчика).

шо приспособлены к миру как чувственно, так и ментально, но мы не подогнаны и не встроены в него как одна из его неотъемлемых частей. Мы *вольны* менять мир и начинать в нем что-то новое. Без ментальной свободы отрицать или подтверждать существование, говорить «да» или «нет» не только в отношении утверждений или предложений, чтобы выразить согласие или несогласие, но и по отношению к вещам как они представляются нашим органам восприятия и познания независимо от согласия или несогласия, никакое действие не было бы возможно. Более того, действия образуют именно ту материю, из которой состоит политика[5].

Поэтому, когда мы говорим о лжи, и особенно о лжи в среде действующих лиц, необходимо помнить, что ложь не проникла в политику по какой-то случайности греховной человеческой природы. Моральное возмущение вряд ли заставит ложь исчезнуть лишь по этой причине. Преднамеренная ложь имеет дело со *случайными* фактами, то есть с вопросами, которые исключают врождённую истину в себе и отрицают необходимость быть такими, какие они есть на самом деле. Истины факта никогда не бывают убедительно истинными. Историк знает, насколько уязвима вся текстура фактов, в которой мы проводим нашу повседневную жизнь; она всегда рискует быть пронизанной ложью индивидов или разорванной в клочья организованной ложью групп, наций или классов, а также отрицаниями или извращениями, часто тщательно прикрытыми нагромождениями лжи или просто преданными забвению. Ради обретения надёжности в сфере человеческих дел фактам требуются доказательства и заслуживающие доверия свидетели: первые, чтобы их запомнить, вторые – установить. Отсюда следует, что никакое утверждение о фактах никогда не может быть несомненным – столь же надёжным и защищённым от нападок, как, например, утверждение: дважды два – четыре.

Именно эта хрупкость делает ложь столь простой и такой соблазнительной *до определённого момента*. Ложь никогда не противоречит разуму, потому что всё действительно могло быть так, как говорит лжец. Ложь часто гораздо более правдоподобна, более привлекательна для разума, чем реальность, поскольку лжец имеет огромное преимущество, зная заранее, что публика желает или ожидает услышать. Он готовит свой рассказ для всеобщего потребления с целью сделать его правдоподобным, тогда как реальность несёт в себе сбивающую с толку привычку сталкивать нас с неожиданностями, к которым мы не были готовы.

При нормальных обстоятельствах лжец подавлен реальностью, которую заменить невозможно; сколь бы широкую ткань лжи ни «сплёл» опытный лжец (даже подключив в дело вычислительные системы), она никогда не будет настолько большой, чтобы охватить всю необъятную реальность. Лжец, которому может сойти с рук любая единичная неправда, не сможет в принципе избежать ответственности за ложь. Таков один из уроков, который можно извлечь из тоталитарных экспериментов, а также из отталкивающей уверенности тоталитарных правителей в силу их лжи: например, в собственную способность заново переписывать историю, чтобы приспособить прошлое к «политической линии» настоящего момента или чтобы исключить данные, не соответствующие их идеологии. Тем самым в социалистической экономике такие правители могли бы отрицать существование безработицы, а безработный стал бы для них просто «недочеловеком».

Результаты подобных экспериментов, которые проводятся индивидами, обладающими средствами насилия, крайне ужасны, но постоянной лжи в них нет. Рано или поздно наступает момент, после которого ложь становится контрпродуктивной. Эта точка достигается тогда, когда аудитория, которой адресована ложь, вынуждена ради выживания полностью игнорировать отличительную грань между истиной и ложью. Различие между истиной и ложью исчезает, если ваша жизнь зависит от вашего действия, как если бы именно оно было

[5] Более общие соображения об отношениях между истиной и политикой см. «Истина и политика» в книге Арендт Х. Между прошлым и будущим: восемь упражнений в политической мысли. – Пер. с англ. и нем. Д. Аронсона. – М.: Изд-во института Гайдара. – 416 с.

истиной. Более того, истина, которой можно доверять, полностью исчезает из общественной жизни, а вместе с ней рушится и главный стабилизирующий фактор в постоянно меняющихся делах людей.

К многочисленным видам искусства лжи, возникшим в прошлом, необходимо добавить ещё два более современных вида. *Первый* – это, на первый взгляд, безобидная ложь правительственных менеджеров по связям с общественностью, которые научились своему ремеслу по прототипу Мэдисон-авеню. В этом случае связь с общественностью есть не что иное, как разновидность рекламы; она берет своё начало в обществе потребителей с его неумеренным аппетитом к товарам, подлежащим распределению с помощью рыночной экономики. Проблема менталитета менеджера по связям с общественностью сводится к тому, что он имеет дело исключительно с мнениями и «доброй волей» – готовностью покупать, то есть чья реальная действительность сводится к минимуму в нематериальном плане. Таким образом, его воображению действительно может показаться, что небо есть предел, поскольку ему не хватает политической власти для того, чтобы действовать, «создавать» факты, а, следовательно, и той простой повседневной реальности, которая устанавливает границы власти и переносит силы воображения на землю.

Единственный предел действиям специалиста по связям с общественностью возникает тогда, когда он обнаруживает, что те же самые люди, которыми можно «манипулировать» (скажем, при покупке определённого сорта мыла), не поддаются манипуляции, когда их принуждают «поверить» мнениям и политическим взглядам, хотя их можно заставить поверить посредством устрашения. Например, психологическая предпосылка манипуляции людьми стала одним из главных товаров, продаваемых на рынке общепринятых и научных мнений. Однако подобные доктрины не меняют того способа, посредством которого люди формируют свои мнения, и не мешают им действовать в соответствии со своими собственными представлениями. Единственный метод, который не позволяет страху оказывать реальное влияние на их поведение, – старый метод кнута и пряника. Неудивительно, что поколение интеллектуалов, которое выросло в иррациональной атмосфере необузданной рекламы и привыкло к тому, что политика есть «создание образов», или имиджмейкинг, а также искусство заставлять людей поверить в эти образы, вынуждено почти сразу переключаться на метод кнута и пряника каждый раз, когда ситуация становится слишком серьёзной для необоснованных предположений. Для них наибольшим разочарованием во вьетнамской авантюре должно было стать открытие того, что есть ещё люди, с которыми этот метод тоже не работает.

(Как ни странно, единственным человеком, кто мог бы стать идеальной жертвой абсолютной манипуляции, является президент Соединённых Штатов. Ввиду колоссальных объёмов работы ему приходится окружать себя советниками или, по словам Ричарда Дж. Барнета, «менеджерами национальной безопасности», «осуществляющими свою власть главным образом путём фильтрации поступающей президенту информации и интерпретации для него внешнего мира» [Stavins, Barnet, Raskin 1971: 199]. На это можно возразить, что президент, который кажется самым могущественным человеком в самой могущественной стране, на деле является единственным человеком в Америке, чей диапазон выбора может быть предопределён. Разумеется, это может произойти только тогда, когда исполнительная власть прекратит взаимодействие с законодательной властью Конгресса. Таков логический исход в системе правления Америки, когда Сенат лишён или неохотно осуществляет свои полномочия по участию и консультациям в сфере проведения внешней политики. Как стало известно, одна из функций Сената состоит в защите процесса принятия решений от преходящих настроений и тенденций общества в целом – в данном случае от произвола нашего потребительского общества и угождающих ему менеджеров по связям с общественностью.)

Вторая новая разновидность искусства лжи, хотя она реже встречается в повседневной жизни, играет более важную роль в документах Пентагона. Этот тип лжи привлекателен для «наиболее достойных» людей, например, для тех, кого можно встретить на высших уровнях гражданской службы. По удачному выражению Нила Шихана, это профессиональные «решалы проблем»[6] [Sheehan 1971: xiv], привлечённые в правительство из университетов и различных аналитических центров. Некоторые из них хорошо владели теориями игр и системным анализом, и тем самым, как им казалось, были подготовлены к решению всех «проблем» внешней политики. К этой же группе, которая состоит из восемнадцати военных офицеров и восемнадцати гражданских лиц из аналитических центров, университетов и государственных служб, принадлежит значительное число авторов исследования Макнамары. Безусловно, это «не стая голубей» – лишь «горстка раскритиковала действия США» во Вьетнаме [Gelb 1971a: 34–36] – и тем не менее именно им мы обязаны этим правдивым, хотя, конечно, и не полным рассказом о том, что же произошло внутри государственного аппарата.

«Решалы» проблем отличаются большой самоуверенностью и «редко сомневаются в своей способности победить». Они работали вместе с военнослужащими, которые, как свидетельствует история, были «людьми, привыкшими побеждать» [Sheehan 1971: xiv]. «Мы не должны забывать, что мы многим обязаны их стремлению к беспристрастному самоанализу, редкому качеству среди людей такого рода, и что попытки акторов скрыть свою роль за ширмой самозащитной секретности (по крайней мере, до тех пор, пока они не закончили свои мемуары – самый лживый жанр литературы прошлого века) не увенчались успехом. Принципиальная честность тех, кто написал отчёт, не вызывает сомнений. Секретарь Макнамара мог бы и вправду доверить им подготовку «энциклопедического и объективного» отчёта, а самому «предаться пассивному ожиданию» [Gelb 1971a: 34–36].

Однако эти достойные восхищения нравственные качества явно не помешали указанному кругу людей на протяжении многих лет участвовать в игре множества видов лжи и обмана. Уверенные в «своём положении, образовании и достижениях» [Sheehan 1971: xiv], возможно, они лгали по причине ложного патриотизма. Но суть в том, что они лгали не столько ради своей страны и, конечно, не ради её выживания, которое никогда не ставилось на карту, сколько ради её «имиджа». Несмотря на бесспорность их интеллекта, демонстрируемый во множестве служебных записок, вышедших из-под их пера, они также были убеждены, что политика есть не что иное, как разновидность общественных отношений, и были включены в неё всеми причудливыми психологическими предпосылками, которые образуют основу этой веры.

И все же они явно отличались от обычных имиджмейкеров: помимо всего прочего они решали проблемы. Значит, они были не только умны, но и гордились собственной «рациональностью». Они действительно были в довольно пугающей мере выше любых «сантиментов» и любили «теорию» – мир чисто умственных усилий. Они стремились найти формулы, выраженные обычно на псевдоматематическом языке, которые объединяли бы совершенно несопоставимые явления, с которыми их сталкивала действительность; стремились раскрыть *законы*, следуя которым можно было объяснить и предсказать политические и исторические факты, казалось бы, столь же необходимые и, само собой, достоверные, как в прошлые времена физикам казались природные явления.

В отличие от естествоиспытателя, который изучает естественные проблемы природы, независимо от их происхождения, и которые, следовательно, можно наблюдать, понимать и со временем даже изменять только посредством самого тщательного следования фактам и данным реальности, историк, подобно политику, изучает дела людей, которые обязаны

[6] Данное эссе было подготовлено до появления изданий, опубликованных государственной типографией и *Beacon Press*, и поэтому основано только на издании *Bantam*.

своим существованием способности человека к действию, то есть относительной свободе человека от влияния вещей. Действующий человек, будучи действующим в той мере, в какой он чувствует себя хозяином собственного будущего, будет всегда испытывать искушение сделаться также хозяином прошлого. По причине желания действовать, а также любви к теориям, у него вряд ли хватит терпения естествоиспытателя ждать, пока теории и гипотетические объяснения не будут проверены или опровергнуты фактами. Вместо этого возникнет искушение подогнать реальность под теорию, которая, в конечном счёте, была создана человеком и, следовательно, могла быть другой, и тем самым мысленно избавиться от ее обескураживающей *случайности*.

Неприятие разумом случайности измерить трудно. Не кто иной, как Гегель – отец грандиозных исторических схем, считал, что «философское созерцание не имеет никакого иного намерения, кроме устранения случайного» [Hegel 1830: 29]. Действительно, большая часть современного арсенала политической теории коренится в этом глубоко затаённом неприятии, которое воплощено в теории игр и системном анализе, сценариях, написанных для воображаемых «публик», и тщательном перечислении, как правило, трёх «вариантов» A, B и C, где A и C представляют противоположные крайности, а B – «логическое» промежуточное «решение» проблемы. Ошибочность такого мышления начинается с преобразования выбора во взаимоисключающие дилеммы. Тогда как реальность никогда не ставит нас перед чем-то столь же определенным, как предпосылки для логических выводов. Такой тип мышления, который представляет и A, и C нежелательными, и поэтому останавливается на B, вряд ли служит какой-либо иной цели, кроме отвлечения ума и притупления суждения о множестве реальных возможностей. Указанные «решалы» проблем и приземлённые лжецы объединяются общей чертой – попыткой избавиться от фактов и уверенность в том, что это возможно в силу естественной случайности фактов.

Истина в том, что такого состояния невозможно достичь ни с помощью теории, ни посредством манипуляции мнением, как будто бы дело обстоит так, что если в данный факт перестанут верить достаточное число людей, то он моментально исчезнет из мира. Этого можно добиться только путём радикальной ликвидации, как в случае с убийцей, который *говорит*, что миссис Смит умерла, а затем идёт и убивает её. В сфере политики такое устранение должно быть массовым. Нет нужды говорить, что подобной воли к массовым ликвидациям не существовало ранее ни на одном правительственном уровне, несмотря на ужасающее число военных преступлений, совершенных в ходе войны во Вьетнаме. Но даже там, где эта воля присутствует, как это было в случае Гитлера и Сталина, власть для достижения такого состояния должна была бы равняться всемогуществу. Например, для того чтобы исключить роль Троцкого из истории Русской революции, недостаточно было убить его и вычеркнуть его имя из всех российских хроник до тех пор, пока нельзя убить всех его современников и заполучить власть над библиотеками и архивами всех стран мира.

II

То, что главной темой документов Пентагона стало сокрытие, ложь и роль преднамеренной лжи, а не иллюзия, ошибка, просчёт и тому подобное, объясняется главным образом тем странным фактом, что ошибочные решения и лживые утверждения последовательно разрушали весьма точные фактические отчёты разведывательного сообщества, по крайней мере, как это указано в издании *Bantam*. Ключевой момент здесь заключается не только в том, что политика лжи почти никогда не была направлена против врага (это одна из причин того, что газеты не раскрывают никаких военных тайн, подпадающих под действие Закона о шпионаже), но была предназначена преимущественно, если не исключительно, для внутреннего ис-

пользования, для пропаганды внутри страны и для обмана Конгресса. Инцидент в Тонкине, когда врагу были известны все факты, а Комитету Сената по иностранным делам ни одного, служит показательным тому примером.

Ещё более интересно то, что почти все решения в этой катастрофической инициативе принимались с полным осознанием маловероятности их осуществления, поэтому цели приходилось постоянно менять. Во-первых, к ним относятся публично провозглашённые цели, такие как «удостоверить, что народу Южного Вьетнама позволено определять своё будущее», или «помочь стране победить в борьбе против…коммунистического заговора», сдерживание Китая и избежание эффекта домино или защита репутации Америки «как гаранта контрподрывной деятельности» [Sheehan 1971: 190]. К этому списку Дин Раск добавил ещё одну цель: предотвратить Третью мировую войну, хотя она, похоже, не фигурирует в документах Пентагона и, насколько известно, не играет роли в фактических материалах. Аналогичная гибкость характерна и для тактических соображений – Северный Вьетнам подвергается бомбардировкам, чтобы предотвратить «крах морального духа нации» [Ibid.: 312] на Юге и, в частности, падение правительства Сайгона. Но когда должны были начаться первые налёты, правительство распалось, «в Сайгоне царила паника», налёты пришлось отложить и найти новую цель. [Ibid.: 392]. Теперь задача состояла в том, чтобы заставить «Ханой остановить Вьетконг и Патет Лао», цель, которую даже Объединённый комитет начальников штабов не надеялся достичь. Как они выразились, «было бы бесполезно заключать, что эти усилия окажут решающее воздействие» [Ibid.: 240].

С 1965 г. понятие однозначной победы отошло на второй план, и целью стало «убедить противника в том, что *он* не может победить». Поскольку противник оставался при своём мнении, возникла следующая цель: «избежать унизительного поражения», как будто признаком поражения в войне было простое унижение. Документы Пентагона сообщают о навязчивом страхе перед последствиями поражения не ради благосостояния нации, а «для *репутации* Соединённых Штатов и их президента». Таким образом, незадолго до этого, во время многочисленных дебатов относительно целесообразности использования сухопутных войск против Северного Вьетнама, доминирующим аргументом был не страх самого поражения и беспокойство о благополучии войск в случае их вывода, а: «Едва войска США войдут в страну, их будет трудно вывести… без *признания* поражения» [Ibid.: 437]. И наконец, была поставлена «политическая цель»: «показать миру, на что готовы пойти Соединённые Штаты ради союзника», и «выполнить взятые на себя обязательства [Ibid.: 434, 436].

Все эти цели сосуществовали почти без всякой связи, отменять предшествующие не разрешалось никому. Каждая из них была ориентирована на свою «аудиторию», и для каждой из них необходимо было разработать отдельный «сценарий». Часто цитируемое перечисление целей США Джона Т. Макнотона в 1965 году: «70 % – избежать унизительного поражения США (нашей репутации гаранта); 20 % – удержать территорию Южного Вьетнама (и прилегающую к ней зону) от захвата Китая; 10 % – позволить людям Южного Вьетнама наслаждаться лучшим, более свободным образом жизни» [Ibid.: 432], отличается своей честностью, но, вероятно, было составлено для внесения некоторого порядка и ясности в дебаты по постоянно щекотливому и вездесущему вопросу о том, по какой причине велась война во Вьетнаме. В предыдущем проекте меморандума (1964 г.) Макнотон показал, возможно, непроизвольно, как мало он сам, даже на той ранней стадии кровавой игры, верил в достижение любых существенных целей: «Если Южный Вьетнам полностью распадётся под нашей властью, мы должны постараться удержать его в своих руках достаточно долго, чтобы иметь возможность эвакуировать наши силы и *убедить мир* признать уникальность (и конгениальную невозможность) южновьетнамского случая» [Ibid.: 368].

«Убедить мир», «продемонстрировать, что США были «хорошим наставником», готовым сдерживать обещания, быть жёстким, идти на риск, проливать кровь и сильно ранить врага» [Ibid.: 255]; использовать «крошечную отсталую нацию», лишённую какого-либо стратегического значения, «в качестве *показательного примера* способности США оказать помощь стране в развязывании коммунистической освободительной войны» [Ibid.: 278]; сохранить в неприкосновенности образ всемогущества, «всемирную позицию лидерства» [Ibid.: 600]; продемонстрировать «волю и способность Соединённых Штатов добиваться своего в международных делах» [Ibid.: 255]; продемонстрировать «надёжность обещаний друзьям и союзникам» [Ibid.: 600]; короче говоря, «*вести себя*» как «величайшая мировая держава» только для того, чтобы убедить мир в этом «простом факте» (по словам Уолта Ростоу) [Ibid.: 256] – все это являлось единственной постоянной целью, которая с приходом администрации Джонсона оттеснила на задний план все другие цели и теории, теорию домино и антикоммунистическую стратегию начальных этапов периода холодной войны, а также стратегию борьбы с повстанцами, столь важную для администрации Кеннеди.

Конечной целью была не власть и не прибыль. Она не заключалась даже во всемирном влиянии – обслуживании частных, материальных интересов, ради которых был необходим и целенаправленно использовался престиж, образ «величайшей мировой державы». В итоге целью стал имидж как таковой. Это проявляется в самом стиле «решал» проблем с их вымышленными «сценариями» и «аудиториями». Для достижения этой конечной цели любая политика становилась краткосрочным взаимозаменяемым средством до тех пор, пока, наконец, с появлением всех признаков поражения в изнурительной войне, главной целью стало не избежание унизительного поражения, а поиск путей и средств избежать его признания и «сохранить лицо».

Имиджмейкинг как глобальная политика – не завоевание мира, а победа в битве за «завоевание умов людей» – действительно нечто новое в огромном арсенале средств человеческого безумия, зафиксированных в истории. Он был предпринят не третьесортной нацией, готовой всегда похвастать, чтобы компенсировать реальное положение вещей, или одной из старых колониальных держав, утративших свои позиции в результате Второй мировой войны и, возможно, испытавших соблазн, как это было у де Голля, обманывать ради превосходства, но «доминирующей державой» в конце войны. Возможно, для избранных должностных лиц, которые столь многим обязаны или *считают*, что они обязаны руководителям своих избирательных кампаний, естественно думать, что манипуляция является правителем разума народа, и, следовательно, истинным правителем мира. (Слух, распространенный в разделе «Заметки и комментарии» издания *The New Yorker* о том, что «администрация Никсон-Агню планировала кампанию, организованную и руководимую Хербом Кляйном, директором кампании по связям с общественностью, чтобы подорвать доверие к прессе перед президентскими выборами 1972 года», вполне соответствует этому менталитету общественных отношений) [Sheehan 1971].

Что поражает, – так это рвение тех десятков «интеллектуалов», которые предложили свою рьяную помощь в этой воображаемой инициативе, возможно, потому, что они были очарованы тем огромным интеллектуальным трудом, которых она, казалось, потребует. Опять таки, может быть вполне естественным то, что «решалы» проблем, обученные переводить все возможное фактическое содержание на язык чисел и процентных показателей, могут не осознавать невыразимые страдания, которые их «решения» – программы умиротворения и переселения, дефолиация, напалм и противопехотные пули – уготовили для «друга», который нуждается в «спасении», и для «врага», у которого не было ни воли, ни сил быть таковым до того, как на него напали. Но поскольку они имели дело с умами людей, удивительно, что никто из них, скорее всего, не почувствовал, что «мир» может быть перепу-

ган американской дружбой и обязательствами, когда был «показан» и рассчитан «размах, на какой США готовы пойти, чтобы их выполнить» [Ibid.: 436]. НИКАКАЯ реальность и никакой здравый смысл не могли проникнуть в умы тех, кто решал проблемы[7] и без устали готовил свои сценарии для «соответствующих аудиторий», ради того, чтобы изменить их мышление: «Коммунисты, которые должны чувствовать сильное давление; южновьетнамцы, чей моральный дух должен быть поднят; наши союзники, которые должны доверять нам как «гарантам» и общественность США, которая должна поддерживать рискованные действия жизнью и престижем США» [Ibid.: 438].

Сегодня нам известно, насколько ложной была оценка всех указанных аудиторий. По словам Ричарда Дж. Барнета, высказанным в его замечательном эссе из книги «*Вашингтон планирует агрессивную войну*», «война стала катастрофой, потому что менеджеры национальной безопасности недооценили каждую из указанных аудиторий» [Stavins, Barnet, Raskin 1971: 209]. Но самое грандиозное и даже главное заблуждение заключалось в использовании военных средств при обращении к аудитории, а также решение военных вопросов с «точки зрения политики и связей с общественностью» (где «политический» компонент означал перспективу следующих президентских выборов, а «связи с общественностью» – мировой имидж США), в том числе принятие во внимание не реальных рисков, а «методов сведения к минимуму последствий плохих итогов». Среди предложений в отношении последнего было рекомендовано создание «диверсионных ‘вторжений’ в другие части мира» наряду с запуском «Программы по борьбе с бедностью для слаборазвитых районов» [Sheehan 1971: 438]. Макнотону, автору этого меморандума, который, несомненно, был необычайно умным человеком, даже на мгновение не осенило, что его отвлекающие манёвры, в отличие от театральных, имели бы серьёзные и совершенно непредсказуемые последствия – они изменили бы сам мир, в котором действовали и вели свою войну США.

Именно этот отрыв от реальности будет преследовать читателя пентагоновских документов при терпеливом чтении их до конца. Барнет в упомянутом выше эссе говорит по этому поводу следующее: «Бюрократическая модель полностью вытеснила реальность: неопровержимые и упрямые факты, за сбор которых аналитикам разведки заплатили круглую сумму, были проигнорированы» [Ibid.: 24]. Нельзя полагать, что пороки бюрократии являются достаточным объяснением этому, хотя они и способствовали указанной дефактуализации. Во всяком случае, связь или, вернее, отсутствие связи между фактами и решениями, между разведывательным сообществом, гражданскими и военными службами является, пожалуй, наиболее важным и, безусловно, наиболее надёжно охраняемым секретом, который раскрыли документы Пентагона.

Интересно было бы узнать, что же позволило разведывательным службам оставаться наиболее близкими к реальности в атмосфере, аналогичной ситуации «Алисы в стране чудес», которую газеты приписывают к странным операциям сайгонского правительства, но которая в ретроспективе более точно описывает дефактуализированный мир, в котором ставились политические цели и принимались военные решения. В начале роль разведывательных служб в Юго-Восточной Азии была далеко не многообещающей. Ранее в «*Документах Пентагона*» было указано решение начать «тайную войну» в первые годы правления администрации Эйзенхауэра, когда исполнительная власть всё ещё считала, что ей нужны полномочия Конгресса, чтобы начать войну. Эйзенхауэр был достаточно старомоден для того, чтобы верить в Конституцию. Он встретился с лидерами Конгресса и отказался от открытого вмешательства, поскольку ему сообщили, что Конгресс не поддержит такое решение [Ibid.: 5, 11]. Позже, начиная с администрации Кеннеди, когда обсуждалась «открытая война», то есть

[7] По словам Лесли Х. Гелб, «Сообщество внешней политики стало домом без окон» [Gelb 1971a: 34–36].

отправка «боевых отрядов», «вопрос о полномочиях Конгресса на открытые военные действия против суверенной нации никогда серьёзно не ставился» [Ibid.: 268]. Даже когда при Джонсоне иностранные правительства были подробно проинформированы об американских планах бомбардировки Северного Вьетнама, подобные брифинги и консультации с лидерами Конгресса, похоже, никогда не проводились [Ibid.: 334–335].

Во время правления Эйзенхауэра была сформирована Сайгонская военная миссия под командованием полковника Эдварда Лэнсдейла, которой было приказано «проводить военизированные операции и… вести политико-психологическую войну» [Ibid.: 16]. На практике это означало печатать листовки, распространяющие ложь, искусственно приписываемую другой стороне, заливать «загрязняющие вещества в двигатели» автобусной компании Ханоя до того, как французы покинули бы Север, проводить «занятия по английскому языку… для любовниц важных персон» и нанять команду вьетнамских астрологов [Ibid.: 15]. Эта нелепая фаза продолжалась до начала 60-х гг., пока к власти не пришли военные. После администрации Кеннеди доктрина борьбы с повстанцами отошла на второй план, возможно потому, что во время свержения президента Нго Динь Дьема выяснилось, что вьетнамский спецназ, финансируемый ЦРУ, «фактически стал частной армией г-на Ню», брата и политического советника Динь [Ibid.: 166].

Подразделения разведывательных служб, занимающиеся установлением фактов, были отдалены от тех тайных операций, которые проводились на местах, а это означало, что они отвечали лишь за сбор информации, а не за подготовку самих новостей. Им не нужно было показывать позитивные результаты. Вашингтон не оказывал давления и не требовал от них хороших новостей для «подкормки» пиар-машины или сочинения сказок о «продолжающемся прогрессе, ежегодном чудесном улучшении». Они были относительно независимыми и говорили правду из года в год [Op. cit: 39]. Похоже, что в этих разведывательных службах люди не докладывали «своему начальству то, что, по их мнению, те хотели услышать». Они не сообщали, что «оценки [не] проводились исполнителями», что ни один командир не рассказал своим подчиненным, как «командир американской дивизии сказал одному из своих окружных советников, настаивавшему на том, чтобы информировать о постоянном присутствии неумиротворенных вьетконговских деревень в его районе: «Сынок, ты пишешь наш собственный отчёт в этой стране. Почему ты нас подводишь?» [Ellsberg 1971: 262–263; Gelb 1971b: 153]. Более того, сложилось впечатление, что те, кто отвечал за разведывательные сводки, были обособлены от тех, кто решал проблемы, от их пренебрежения фактами и случайным характером всех фактов. Цена, которую они заплатили за эти объективные преимущества, была такова: их доклады не оказывали никакого влияния на решения и предложения Совета национальной безопасности.

После 1963 года единственным заметным следом периода тайной войны является печально известная «стратегия провокаций», то есть целая программа «преднамеренных попыток спровоцировать Д. Р. В. [Демократическую Республику Вьетнам] предпринять действия, на которые затем можно было бы ответить систематической воздушной кампанией США» [The Pentagon Papers: 313]. Эта тактика не относится к военным уловкам. Они были типичными для тайной полиции и стали печально известными, а также контрпродуктивными на закате царской России, когда агенты охранки, организуя эффектные убийства, «невольно служили идеям тех, кого они разоблачали» [Laporte 1935: 25].

III

Разрыв между фактами, которые были установлены разведывательными службами, а иногда и самими «решалами» проблем (в случае Макнамары), и нередко были доступны

информированной публике, и предположениями, теориями и гипотезами, на основании которых были приняты окончательные решения, – является тотальным. Тогда как масштаб неудач и *несчастий* этих лет можно осознать лишь при учёте этого разрыва в целом. В этой связи напомним несколько показательных примеров.

Например, с позиции теории домино, впервые провозглашённой и взятой на вооружение в 1950 году [Sheehan 1971: 6], «важнейшим выводом» на вопрос президента Джонсона в 1964 году «падёт ли остальная Юго-Восточная Азия, если Лаос и Южный Вьетнам окажутся под контролем Северного Вьетнама?», был такой ответ ЦРУ: «За возможным исключением Камбоджи, вполне вероятно, что в результате падения Лаоса и Южного Вьетнама ни одна нация в этом регионе не поддастся коммунизму» [Ibid.: 253–254]. Когда пять лет спустя администрация Никсона поставила тот же вопрос, то «Центральное разведывательное управление рекомендовало, что [Соединённые Штаты] могут немедленно покинуть Южный Вьетнам, и что вся Юго-Восточная Азия останется такой же, как в настоящее время, по крайней мере, ещё на протяжении жизни одного поколения»[8]. Согласно документам Пентагона, «видимо, только Объединенный комитет начальников штабов, мистер [Уолт У.] Ростоу и генерал [Максвелл] Тейлор поняли теорию домино в её буквальном смысле» [Ibid.: 254], но наиболее интересно то, что несогласные с ней по-прежнему использовали теорию домино не только в публичных заявлениях, но и включали в свои личные расчёты.

На утверждение о том, что повстанцы в Южном Вьетнаме «направлялись и поддерживались извне» посредством «коммунистического заговора», от разведывательного сообщества в 1961 году последовала следующая оценка: «80–90 % из примерно 17 000 вьетконговцев были завербованы на месте, и доказательств того, что вьетконговцы полагались на внешние поставки, было недостаточно» [Op. cit: 98]. Три года спустя ситуация оставалась неизменной: анализ разведки в 1964 году показал, что «основными источниками коммунистических сил в Южном Вьетнаме являются местные жители» [Op. cit: 242]. Иными словами, элементарный факт гражданской войны в Южном Вьетнаме не был неизвестен в кругах решателей проблем. Отсюда вытекает вопрос: не предупредил ли сенатор Майк Мэнсфилд Кеннеди ещё в 1962 году о том, что отправка дополнительных военных подкреплений в Южный Вьетнам будет означать, что «американцы будут контролировать борьбу в гражданской войне… [которая] нанесёт ущерб американскому престижу в Азии и не поможет Южному Вьетнаму встать на ноги»? [Ellsberg 1971: 247]

Тем не менее бомбардировки Северного Вьетнама были начаты отчасти потому, что, согласно теории, «революцию можно подавить, отрезав внешние источники поддержки и поставок». Предполагалось, что бомбардировки «сломят волю» Северного Вьетнама к поддержке повстанцев на Юге, хотя сами лица, принимавшие решения (в данном случае Макнотон), имели вполне достаточное представление о местном характере восстания для того, чтобы сомневаться в том, что Вьетконг «подчинится падению» Северного Вьетнама [Sheehan 1971: 433], в то время как Объединённый комитет начальников штабов не считал, «что эти усилия окажут решающее влияние» на волю Ханоя [Ibid.: 240]. В 1965 году, согласно отчёту Макнамары, члены Совета национальной безопасности согласились с тем, что Северный Вьетнам «вряд ли уйдёт… и что в любом случае они скорее сдадутся из-за провала вьетконговцев на юге, чем из-за «ущерба», нанесённого бомбардировками, на Севере» [Ibid.: 407].

Были в распоряжении также грандиозные стратагемы, вторичные лишь по отношению к теории домино, основанные на убеждении в монолитном коммунистическом мировом заговоре, а также в существовании китайско-советского блока в дополнение к гипотезе о китайском экспансионизме. Идея о необходимости «сдерживания» Китая в 1971 году была

[8] *The Chicago Sun-Times*, процитированное газетой *The New York Times* в рубрике “The Week in Review” («Неделя в обзоре»), 27 июня 1971 г.

опровергнута президентом Никсоном, но спустя несколько лет Макнамара писал: «Наша цель уже достигнута в той мере, в какой осознанная необходимость подвести черту под китайским экспансионизмом в Азии мотивировала нашу первоначальную интервенцию и наши текущие действия во Вьетнаме» [Ibid.: 583]. Однако всего двумя годами ранее он согласился с тем, что целью Соединённых Штатов в Южном Вьетнаме было «не помогать товарищу, а сдерживать Китай» [Ibid.: 342].

Военные критики осудили эти теории из-за их явного противоречия известным фактам, таким как отсутствие китайско-советского блока, известного всем, кто знаком с историей китайской революции, решительное противодействие этому блоку со стороны Сталина, а также фрагментарный характер коммунистического движения после окончания Второй мировой войны. Некоторые из этих аналитиков пошли дальше и развили собственную теорию: Соединённые Штаты Америки, превратившись в величайшую державу после Второй мировой войны, начали проводить последовательную империалистическую политику, нацеленную на мировое господство. Преимущество этой теории заключалось в том, что она могла объяснить отсутствие национального интереса, но вряд ли могла объяснить безумное настаивание страны на «безрезультатном вливании своих ресурсов в совершенно неподходящее русло», хотя признаком империалистических целей всегда было то, что они не направлялись и не ограничивались национальными интересами и территориальными границами. Об этом в 1965 году осмелился сообщить президенту Джордж Болл, заместитель госсекретаря администрации Джонсона и единственный советник, смело нарушивший табу и посоветовавший немедленно вывести войска [Ibid.: 414].

Конечно, речь не идёт об «ограниченных средствах для достижения амбициозных целей» [Ibid.: 584]. Возникает вопрос: неужели для «сверхдержавы» было трудно добавить еще одну маленькую страну к своему ряду государств-клиентов или одержать победу над «крохотной отсталой нацией»? Это, скорее, невероятный пример использования непомерных средств для достижения второстепенных целей в регионе, представляющем незначительный интерес. Именно это бесспорное впечатление ошибочного действия привело страну к осуждению, «широко и твердо убеждённому в том, что истеблишмент сошёл с ума. Создается впечатление, что мы пытаемся навязать образ США чуждым нациям, которых мы не в состоянии понять… и мы доводим это до абсурда», писал Макнотон в 1967 году [Op. cit: 354–355].

Во всяком случае, документы Пентагона издания *Bantam* не содержат никаких аргументов в поддержку теории грандиозных империалистических стратагем. Зато дважды упоминается важность наземных, морских и воздушных баз, крайне важных для империалистической стратегии: впервые о них упоминает Объединённый комитет начальников штабов, отмечая, что их «возможности в ограниченной войне» были бы «заметно» снижены, если бы «потеря материковой части Юго-Восточной Азии» привела к потере «воздушных, наземных и морских баз» [Op. cit: 153]. Второе упоминание содержится в докладе Макнамары 1964 года, в котором говорится прямо: «Мы *не* требуем, чтобы он [Южный Вьетнам] служил в качестве баз Запада или в качестве члена Западного альянса» [Op. cit: 278]. По сути дела, в тот период единственные публичные заявления американского правительства сводились к воспроизводству и частому повторению истины почти евангелической давности о том, что оно не стремилось к любым территориальным выгодам или материальным прибылям, хотя эти утверждения были гораздо менее правдоподобны, чем понятие связей с общественностью.

Это не значит, что после краха старых колониальных держав исключалась возможность настоящей глобальной политики США с империалистическим подтекстом. Как правило, документы Пентагона не содержат никаких сенсаций – они сообщают об инциденте, больше похожем на слух, который, тем не менее, отражает, насколько велики были шансы глобальной политики, проигранной ради имиджа в деле создания образов и завоевания человеческих

умов. Так, согласно сообщениям американского дипломата из Ханоя, в 1945 и 1946 годах Хо Ши Мин написал президенту Трумэну несколько писем, в которых просил Соединённые Штаты «поддержать идею независимости Аннама по *примеру Филиппин*, рассмотреть вопрос об Аннаме, и предпринять шаги, необходимые для поддержания мира во всем мире, находящегося под угрозой в результате войны Франции за возвращение Индокитая» [Op. cit: 4, 6]. Это правда. Аналогичные письма были направлены и в другие страны (Китай, Россию и Великобританию), однако ни одна из них в тот момент не была в состоянии предоставить запрашиваемую защиту, благодаря которой Индокитай оказался бы в таком же полуавтономном положении, как и другие государства-клиенты этой страны. Второй не менее поразительный инцидент, упомянутый, кажется, газетой *Washington Post*, был зафиксирован в документах «*Специальные серии Китая*», выпущенных Государственным департаментом в августе 1969 года, но ставшими достоянием общественности лишь после того, как о них сообщил Теренс Смит в *The New York Times*. Как стало известно, Мао и Чжоу Эньлай тоже обращались к президенту Рузвельту в январе 1945 года, «пытаясь установить отношения с Соединёнными Штатами, ради того чтобы *избежать полной зависимости от Советского Союза*». Похоже на то, что Хо Ши Мин так и не получил ответа, а информация о китайском письме была засекречена, поскольку, как заметил профессор Аллен Уайтинг, она противоречила «образу монолитного коммунизма, направляемого из Москвы»[9].

Безусловно, принимавшие решение лица знали о докладах разведки, но, как оказалось, эту фактическую информацию они вынуждены были систематически стирать из памяти. Правда, вполне возможно, что они не знали указанных более ранних документов, способных опровергнуть все их предположения, прежде чем они переросли бы в полноценную теорию и привели страну к поражению. На это указывают некоторые странные обстоятельства, сопровождавшие спорадическое и неожиданное рассекречивание сверхсекретных документов. Поразительно, что документы Пентагона подготавливались годами, в то время как люди в Белом доме, в Государственном департаменте и в Министерстве обороны явно их игнорировали. Не менее удивительно, что после завершения исследования, когда копии были разосланы по всем направлениям правительственной бюрократии, Белый дом и Государственный департамент не смогли даже найти места для размещения сорока семи томов. Все это ясно указывает на то, что те, кто должен был быть наиболее обеспокоен содержанием исследования, никогда его не открывали.

Это проливает свет на одну из самых серьёзных угроз сверхсекретности: не только обычные люди и избранные ими представители лишены доступа к тому, что они обязаны знать для формирования мнения и принятия решений, но и сами акторы, имеющие доступ ко всем соответствующим засекреченным фактам, остаются в блаженном неведении о них. И это происходит не потому, что некая невидимая рука намеренно вводит их в заблуждение, а потому, что они работают в таких условиях и с таким складом ума, которые не дают им ни времени, ни желания искать нужные факты в кипе документов, 99,5% из которых не подлежит классификации, и большинство из которых лишено всякого практического смысла. Даже после того, как пресса предала гласности небольшую часть этих секретных материалов, а члены Конгресса получили все тома исследования, не похоже, чтобы те, кому больше всего была нужна эта информация, читали или прочли бы её когда-либо. В любом случае помимо самих составителей, «люди, прочитавшие эти документы в *The Times*, были первыми, кто

[9] Мистер Смит цитирует утверждения профессора Уайтинга перед Комитетом Сената по иностранным делам относительно документа, опубликованного в «Международных отношениях Соединённых Штатов: Дипломатические документы 1945 г.» – Том 7: Дальний Восток: Китай. – Вашингтон: государственная типография, 1969. – 209 с.

с ними ознакомился»[10]. Возникает мысль, что правительству необходима государственная тайна (*arcana imperii)*, чтобы функционировать надлежащим образом.

Если государственные тайны настолько затуманили умы самих акторов, что они уже не знают и не помнят истины, которая скрыта за их секретами и ложью, то независимо от того, насколько хорошо организованы их «долговременные информационные кампании» (по словам Дина Раска), и насколько изощрённой будет их хитрость, все действие лжи исчезнет или станет контрпродуктивным, то есть смутит людей, нисколько их не убедив. Проблема лжи и обмана заключается в том, что их эффективность целиком зависит от представления истины во всей её полноте, которую хотят скрыть лжец и обманщик. В этом смысле истина, даже если она не господствует публично, обладает неискоренимым превосходством над любой ложью.

В случае войны во Вьетнаме мы сталкиваемся (помимо лжи и путаницы) с поистине поразительным и совершенно искренним незнанием исторически важной подоплёки событий: мало того, что лица, принимающие решения, совершенно не знали всех общеизвестных фактов Китайской революции и предшествовавшем ей десятилетнем расколе между Москвой и Пекином, таким же образом «никто на вершине власти не знал и не считал достойным внимания тот факт, что вьетнамцы сражались с иностранными захватчиками на протяжении почти 2000 лет» [Stavins, Barnet, Raskin 1971: 246] или что представление о Вьетнаме как о «крохотной отсталой нации», не проявляющей интереса к «цивилизованным» нациям, которое, к сожалению, часто разделяется критиками войны, находится в вопиющем противоречии с очень древней и высокоразвитой культурой региона. Вьетнаму не хватает не «культуры», а стратегической важности (как говорилось в служебной записке Объединённого комитета начальников штабов в 1954 году, в Индокитае «отсутствуют решающие военные цели») [Sheehan 1971: 2], подходящего поля действия для современных автоматизированных армий и удобных целей для военно-воздушных сил. То, что привело к катастрофическому поражению американской политики и вооружённой интервенции, действительно не было дилеммой («политика «ещё одного шага» – каждый новый шаг всегда сулил успех, *обещанный* предыдущим *последним шагом*, но, который по необъяснимым причинам, не был сделан» (так процитировал Даниэль Эллсберг Артура Шлезингера младшего и справедливо осудил это понятие как «миф») [Ellsberg 1971: 219], а было сознательным, преднамеренным игнорированием всех исторических, политических, географических фактов на протяжении более двадцати пяти лет.

IV

Если модель болотной трясины является мифом, и невозможно найти обнаружить хоть какие-то значительные империалистические стратагемы или отсутствует стремление к захвату мира, не говоря уже об интересе к захвату территорий, желании получить экономическую выгоду или, в крайнем случае, не интересует забота о национальной безопасности; если читатель не желает довольствоваться столь общими представлениями, как «греческая трагедия» (которую предложили Макс Франкель и Лесли Х. Гелб) или легендами о предательстве, которые всегда полезны для поджигателей войны, потерпевших поражение, то только в указанных случаях поставленный Эллсбергом вопрос *(«Как они могли?»* [Ibid.: 235]), а не обман и ложь как таковые станут главной темой этой мрачной истории. Поскольку истина действительно состоит в том, что после окончания Второй мировой войны Соединённые Штаты стали самой богатой и доминирующей силой мира, однако спустя всего четверть века метафора

[10] Заметка журналиста Тома Викера в *The New York Times* (8 июля 1971 г.).

Никсона о «жалком, беспомощном великане» превратилась в наиболее подходящее описание этой «самой могущественной страны на земле».

Будучи не в состоянии за шесть лет открытой войны победить маленькую нацию с «превосходством в огневой мощи 1000 к 1» [Stavins, Barnet, Raskin 1971: 248], решить свои внутренние проблемы и остановить стремительный упадок своих мегаполисов, потратив ресурсы до такого уровня, что инфляция и девальвация валюты стали угрожать международной торговле и уровню жизни внутри страны, – страна оказалась перед риском потерять гораздо больше, чем претензию на мировое лидерство. И даже если вообразить будущие оценки историков, которые смогут рассмотреть это развитие событий в контексте истории всего двадцатого века, когда побеждённые в двух мировых войнах нации сумели одержать верх в соперничестве с победителями (главным образом потому, что победители на протяжении длительного периода принудили их отказаться от невероятной расточительности расходов на вооружение и военных расходов), то по-прежнему непросто смириться с объёмом усилий, вложенных в демонстрацию бессилия величия, хотя столь неожиданная масштабная реанимация победы Давида над Голиафом тоже может быть достойна одобрения.

Первое объяснение, которое приходит на ум при ответе на вопрос «Как они могли?», прежде всего указывает на взаимосвязь обмана и самообмана. В конкуренции между публичными заявлениями, всегда слишком оптимистичными, и достоверными докладами разведывательного сообщества, хотя всегда мрачными и зловещими, публичные заявления могли одержать верх просто потому, что они были публичными. Значительное преимущество общеизвестных и общепринятых суждений над теми, которые может тайно знать или считать истиной человек, прекрасно иллюстрируется средневековым анекдотом, согласно которому часовой, на которого была возложена обязанность наблюдать и предупреждать жителей города о приближении врага, ради шутки дал сигнал ложной тревоги, а в итоге он оказался последним из тех, кто бросился на стены для защиты города от вымышленных им врагов. Отсюда можно заключить, что чем успешнее лжец, тем большее число людей ему удаётся убедить в собственной лжи, и тем более вероятно, что он сам, в конечном счёте, поверит в собственную ложь.

В документах Пентагона мы сталкиваемся с людьми, которые делали все возможное ради победы над сознанием людей, то есть ради манипуляции ими. Но поскольку они действовали в свободной стране с доступом к любому виду информации, то им так и не удалось преуспеть в этом. По причине собственного относительно высокого статуса и положения в правительстве, несмотря на их привилегии в знании «государственных тайн», они были лучше ограждены от общедоступной информации, представляющей более или менее истину о фактах, по сравнению с теми, кого они пытались убедить, и кого они, по всей видимости, воспринимали как обычные аудитории, «молчаливые большинства», которые были обязаны просматривать постановки сценаристов. Тот факт, что в документах Пентагона невозможно обнаружить никаких интересных новостей, свидетельствует о неспособности лжецов сформировать достойную аудиторию, ряды которой они могли бы пополнить сами.

Тем самым не вызывает сомнений наличие процесса «внутреннего самообмана» [Op. cit: 263], как обозначил его Эллсберг. Он больше смахивает на обращение вспять обычного процесса самообмана, чем на завершение обмана самообманом. Обманщики начинают с самообмана. Скорее всего, благодаря своему высокому положению и поразительной самоуверенности они были настолько уверены в сокрушительном успехе не на поле боя, а на арене связей с общественностью, и в такой степени уверены в рациональности собственных психологических предположений о неограниченных возможностях манипуляции людьми, что *предвкушали* всеобщую веру и собственную победу в битве за умы людей. Но поскольку

они жили в дефактуализированном мире, им было нетрудно не обращать большого внимания на тот факт, что их аудитория отказалась им слепо верить.

Внутренний мир правительства с его бюрократией, с одной стороны, и общественной жизнью, с другой, обеспечил относительную лёгкость самообмана. Ни одна башня из слоновой кости учёных не подготовила столь хорошо умы к игнорированию фактов жизни, как это сделали различные аналитические центры для решал проблем, а репутация Белого дома – для советников президента. Именно в такой атмосфере, когда действительного поражения боялись меньше, чем признания в поражении, были сфабрикованы вводящие в заблуждение заявления о катастрофах Тетского наступления и камбоджийского вторжения. Но ещё более важно то, что истина о таких решающих вопросах могла успешно скрываться во внутренних кругах правительства и больше нигде именно тревогами о том, как бы не оказаться «первым американским президентом, проигравшим войну», и постоянной поглощенностью предстоящими выборами.

Что касается сферы решения проблем, то в отличие от сферы управления связями с общественностью, самообман, даже «внутренний самообман», не является удовлетворительным ответом на вопрос «Как они могли?». Самообман по-прежнему предполагает проведение различия между истиной и ложью, между фактом и фантазией и, следовательно, определяется конфликтом между реальным миром и самозванным обманщиком, растворяющимся в полностью дефактуализированном мире. Вашингтон и его разрастающаяся правительственная бюрократия, а также различные аналитические центры в стране обеспечивают «решал» проблем естественной средой обитания для их ума и тела. В сфере политики, в которой секретность и преднамеренный обман всегда играли значительную роль, самообман наиболее опасен; обманщик теряет всякую связь не только со своей аудиторией, но и с реальным миром, который все равно его догонит, потому что обманщик может исключить из мира свой разум, но не собственное тело. «Решалам» проблем, которые знали все факты, регулярно поставляемые им в докладах разведывательного сообщества, приходилось полагаться только на свои общие методы, на различные способы перевода качества и содержания в количественные и цифровые показатели. С их помощью можно было рассчитывать результаты, которые, на удивление, всегда оказывались ложными для игнорирования изо дня в день того, что они знали на самом деле. Причина, по которой такая система могла работать на протяжении стольких лет, заключается именно в том, что «цели, преследуемые правительством Соединённых Штатов, были почти исключительно психологическими» [Stavins, Barnet, Raskin 1971: 209], то есть вопросами ума.

При чтении служебных записок, оценок и сценариев того, как приписываются доли процентов потенциальным рискам и доходам от предполагаемых действий («слишком много рисков при слишком малом доходе» [Sheehan 1971: 576]), иногда возникает впечатление, что свободу действия в Юго-Восточной Азии предоставили не лицам, принимающим решения, а счетным машинам. «Решалы» проблем не *оценивали*, они рассчитывали. Среди множества ошибочных суждений их самоуверенность не нуждалась даже в самообмане, поскольку опиралась на свидетельство математической, чисто рациональной истины, но эта «истина» не имела никакого отношения к рассматриваемой «проблеме». Например, если можно рассчитать, что исходом определенного действия «не с большей, а с меньшей вероятностью будет всеобщая война» [Op. cit: 575], то это не значит, что её следует предпочесть даже при соотношении 80/20 по причине чудовищности и *невозможного для учёта качества* риска. Это верно и в том случае, когда шансы на реформы в правительстве Сайгона по сравнению с «шансом, что мы закончим с таким же результатом, как закончили её французы в 1954 году», составляют 70/30 [Op. cit: 98]. Это хороший шанс для игрока, но не для государственного дея-

теля[11]. Игроку лучше известно, что на самом деле в повседневной жизни будут означать для него выигрыш или проигрыш. Проигрыш может означать полное разорение и получение хотя и долгожданного, но несущественного улучшения его финансовых дел. Только в том случае, если на карту не поставлено ничего стоящего, – чуть большая или меньшая сумма денег вряд ли существенно изменит что-то в уровне жизни – игрок может смело полагаться на игру в проценты. Проблема американского ведения войны в Южном Вьетнаме заключалась в том, что такого контроля, с учётом реальности как таковой, никогда не существовало ни в головах лиц, принимающих решения, ни в умах лиц, решающих проблемы.

Верно то, что американская политика не преследовала никаких реальных целей (хороших или плохих), которые могли бы ограничить и контролировать чистую фантазию. «Во Вьетнаме не преследовались ни территориальные, ни экономические выгоды. Вся цель огромного и дорогостоящего действия состояла в том, чтобы создать особое состояние умов» [Stavins, Barnet, Raskin 1971: 209]. И причину столь непомерной растраты дорогостоящих средств в плане материальных ресурсов и человеческих жизней на подобные цели, неуместные с политической точки зрения, следует искать не только в досадном сверхбогатстве Соединённых Штатов, но и в их неспособности понять, что даже власть великой державы имеет пределы. За фоном повторяющегося клише «самой могущественной страны на земле» скрывался опасный миф всемогущества.

Эйзенхауэр был последним президентом из тех, кто знал, что ему придётся запросить «полномочия Конгресса на ввод американских войск в Индокитай». Точно так же и его администрация была последней, которая осознавала, что «распределение более чем символических вооружённых сил США в этом районе будет серьёзным отвлекающим манёвром для *ограниченных* возможностей США» [Sheehan 1971: 5, 13]. Несмотря на все более поздние расчёты определённых действий с точки зрения «издержек, прибыли и риска», осуществляющие эти действия «бухгалтеры» не имели ни малейшего представления о каких-либо ограничениях непсихологической природы. Для них пределами были умы людей с точки зрения того, сколько они смогут выдержать смертей американцев, общая численность которых не должна была превышать, к примеру, числа погибших в результате дорожно-транспортных происшествий. Но им, видимо, никогда не приходила в голову мысль об ограниченности ресурсов, которые казались беспредельными.

Это смертоносное сочетание «высокомерия власти» – погони за примитивным образом всемогущества, которое отличается от цели завоевания мира, достижимой с помощью небывалых неограниченных ресурсов, – с высокомерием ума, совершенно иррациональной уверенностью в количественной исчислимости реальности, становится лейтмотивом процессов, связанных с принятием решений с момента начала эскалации в 1964 году. Впрочем, это не значит, что строгие методы дефактуализации решал проблем являются основанием этого безжалостного шага к саморазрушению…

«Решалы» проблем, потерявшие рассудок по причине своего доверия к способностям собственного мозга рассчитывать в ущерб его способности осваивать опыт и извлекать из него уроки, отставали от идеологов времён холодной войны. Антикоммунизм – это послевоенная всеобъемлющая идеология, а не старая, нередко предвзятая враждебность Америки по отношению к социализму и коммунизму, столь прочная в 20-е годы и служившая опорой республиканской партии при администрации Рузвельта, – изначально был изобретением ума бывших коммунистов, которым нужна была новая идеология для объяснения и предсказания хода истории. Эта идеология лежала в основе всех «теорий» в Вашингтоне после конца Вто-

[11] Лесли Х. Гелб со всей серьёзностью предполагает, что менталитет «американских лидеров» был сформирован на основе той идеи, что «их собственные карьеры – это серии успешных азартных игр; они надеялись, что каким-то образом смогут снова провернуть это во Вьетнаме» [Gelb 1971a: 34–36].

рой мировой войны. Полное незнание множества важных фактов и преднамеренное пренебрежение к послевоенным событиям стали отличительной чертой устоявшейся доктрины внутри истеблишмента. Его члены не нуждались в фактах и информации; у них была «теория», и все данные, которые ей не соответствовали, отвергались или игнорировались.

Методы этого старшего поколения – методы мистера Раска отличны от методов мистера Макнамары – были менее сложными и менее рациональными по сравнению с методами «решал» проблем, но не менее эффективными для защиты людей от воздействия реальности и разрушения способности ума к суждениям и обучению. Эти люди гордились тем, что они извлекли уроки из прошлого – господства Сталина над всеми коммунистическими партиями – отсюда и понятие «монолитного коммунизма», а также из развязывания Гитлером мировой войны после Мюнхена, после чего был сделан вывод, что каждый жест примирения есть «второй Мюнхен». Они не могли противостоять реальности, потому что всегда проводили в уме некоторые параллели, «помогающие» им понять эти термины. Когда Джонсон, все ещё будучи вице-президентом Кеннеди, вернулся из инспекционной поездки по Южному Вьетнаму и радостно сообщил, что Нго Динь Зьем – это «Черчилль Азии», можно было подумать, что игра в параллелизм отомрёт по причине абсолютной абсурдности, но этого не случилось. Нельзя также сказать, что левые критики войны мыслили иначе. Эта группа экстремистов была склонна превращать все, что им не нравилось, в «фашистов» или «нацистов», зачастую справедливо, и называть любую резню геноцидом, чего, разумеется, не было и в помине. Она могла лишь способствовать формированию менталитета, вполне готового мириться с резней и другими военными преступлениями при условии, что они не были геноцидом.

На удивление «решалы» проблем были свободны от грехов идеологов. Они верили в методы, но не в «мировоззрения» – причина, по которой им можно было доверить «свести воедино документальные записи Пентагона об американском участии» [Ibid.: xx] так, чтоб они были одновременно «и энциклопедичными, и объективными» [Ibid.: xviii]. Несмотря на то, что у них отсутствовала вера в такие общепринятые обоснования политики, как теория домино, эти обоснования в единстве с различными методами дефактуализации создавали атмосферу и фон, в которых затем приступали к работе специалисты по решению проблем. В итоге им удалось уговорить «хладнокровных» воинов, чьи умы, как оказалось, стали особенно хорошо подготовлены к абстрактным играм, в которые им предлагалось поиграть.

То, как действовали предоставленные самим себе «хладнокровные воины», хорошо иллюстрируется одной из «теорий» Уолта Ростоу, «доминирующего интеллектуала» в администрации Джонсона. Именно «теория» Ростоу стала одним из главных аргументов в пользу решения бомбить Вьетнам вопреки совету «тогдашних авторитетных системных аналитиков Макнамары в Министерстве обороны». Видимо, его теория опиралась на точку зрения Бернарда Фолла, одного из самых проницательных наблюдателей и наиболее информированных военных критиков: «Хо Ши Мин *мог бы* отказаться от войны на Юге, если бы мишенью стали некоторые из его новых промышленных предприятий» [Stavins, Barnet, Raskin 1971: 212]. Эта была гипотеза, – то-есть реальная возможность, которую нужно было либо подтвердить, либо опровергнуть. Но ей не повезло тем, что она хорошо вписалась в теорию Ростоу о партизанской войне, превратившись в «факт»: у президента Хо Ши Мина «есть промышленный комплекс, который нужно защищать; он больше не партизанский боец, которому нечего терять» [Sheehan 1971: 241]. В ретроспективе в глазах аналитика это выглядит как «колоссальное заблуждение», однако «просчёт» мог оказаться «колоссальным» лишь потому, что никто не хотел его вовремя исправить [Ibid.: 469]. Вскоре выяснилось, что страна недостаточно индустриализирована для того, чтобы страдать от воздушных налётов в условиях *ограниченной* войны, цель которой менялась с годами, но никогда не сводилась к уничтожению врага,

а была направлена на то, чтобы «сломить его волю». Но воля правительства в Ханое, независимо от того, обладали ли северные вьетнамцы тем, что, по мнению Ростоу, было необходимым качеством партизанского бойца, отказывалась быть «сломленной».

Указанная неспособность проводить различие между правдоподобной гипотезой и фактом, который должен ее подтвердить, то есть обращение с гипотезами и простыми «теориями» как с установленными фактами, которое стало эндемичным в психологических и социальных науках в рассматриваемый период, лишена всей строгости методов, используемых теоретиками игр и системными аналитиками. Однако источник того и другого, а именно неспособности использовать опыт и извлекать уроки из реальности, один и тот же.

Это подводит нас к сути дела, которая хотя бы частично может содержать ответ на вопрос: как они могли не только начать проведение такой политики, но и довести её до горького и абсурдного конца? Дефактуализация и решение проблем приветствовались, поскольку игнорирование реальности было неотъемлемой частью самих стратегий и целей. Что же им на самом деле нужно было знать об Индокитае, когда он был не более чем «частным случаем» или домино или средством «сдерживания Китая» или доказательством того, что мы и *есть* самая могущественная из сверхдержав? Или возьмём случай бомбардировки Северного Вьетнама со скрытой целью поднять моральный дух в Южном Вьетнаме [Op. cit: 312], без особого намерения одержать явную победу и положить конец войне. Как они могли быть заинтересованы в чем-то столь же реальном, как победа, если продолжали войну не ради территориальной или экономической выгоды, и не для помощи другу или выполнения обязательств, и даже не ради объективной реальности, отличной от имиджа?

Когда эта стадия игры была достигнута, то первоначальное предположение о том, что мы нисколько не должны думать ни о регионе, ни о целой стране – отличительная черта теории домино – сменилась на установку «не обращать внимания на врага». И это в разгар войны! В результате враг, бедный, обиженный и страдающий, становился сильнее, а «самая могучая страна» слабела с каждым годом. Есть историки, которые утверждают, что Трумэн сбросил бомбу на Хиросиму, чтобы отпугнуть русских от Восточной Европы (об исходе чего нам хорошо известно). Если это правда (а это вполне может быть правдой), то мы можем проследить истоки игнорирования фактических последствий действий в пользу некой скрытой расчётливой цели вплоть до рокового военного преступления, положившего конец последней мировой войне. Как отметил Лесли Х. Гелб, доктрина Трумэна «отражала мир, переполненный «домино».

V

В начале проведённого анализа была сделана попытка предположить, что аспекты, отражённые в документах Пентагона – обман, самообман, имиджмейкинг, идеологизация и дефактуализация – ни в коем случае не единственные в своём роде, которые заслуживают внимания с точки зрения осуществлённого анализа и изучения. Например, известны следующие факты: массовые и систематические усилия самоанализа были предприняты одним из главных акторов; для составления документов и анализа требовалось найти 36 человек, большинство из которых «помогли разработать или реализовать стратегии, требовавшие их оценок» [Op. cit.: xviii]; когда стало очевидно, что никто в правительстве не желает использовать выводы документов или даже прочитать их, один из авторов обратился к публике и слил их в прессу; наконец, самые авторитетные газеты страны осмелились довести эти материалы – документы с грифом «совершенно секретно» – до сведения как можно более широкого круга читателей. Нил Шиэн справедливо отметил, что решение Роберта Макнамары выяснить, что же и почему пошло не так, «может оказаться одним из самых важных решений за

семь лет его работы в Пентагоне» [Op. cit: ix]. Это, конечно, восстановило, хотя бы на момент, репутацию страны в мире. То, что случилось, вряд ли могло произойти где-либо ещё. Как будто все эти люди, вовлечённые в несправедливую войну и справедливо скомпрометированные ею, вдруг вспомнили, что они в долгу перед своими предками за «достойный уважения учёт мнений всего человечества».

Однако требует дальнейшего тщательного и подробного изучения неоднократно комментируемый факт того, в документах Пентагона не содержалось никаких особо важных секретов, недоступных рядовому читателю ежедневных и еженедельных изданий. В «Истории процесса принятия решений США по политике во Вьетнаме» тоже нет никаких аргументов за или против, которые бы не обсуждалась в журналах, телешоу и радиопередачах на протяжении многих лет. (Неизвестными оставались лишь позиции отдельных лиц и их изменения, а также различные мнения членов разведывательного сообщества по основным вопросам). Тот факт, что на протяжении многих лет общественность имела доступ к материалам, которые правительство тщетно пыталось от неё скрыть, свидетельствует о честности и силе прессы даже в большей степени ещё более решающей, чем смелость *The New Times* предать огласке эту историю. То, что ранее часто высказывалось, ныне твердо установлено: до тех пор, пока пресса свободна и не коррумпирована, она выполняет чрезвычайно важную функцию и может по праву называться четвёртой ветвью власти. Достаточно ли Первой поправки для защиты этой важнейшей политической свободы, – права на точную информацию о фактах, без которой всякая свобода мнений становится жестокой мистификацией, – уже другой вопрос.

Другой урок предназначен для тех, кто считал, что США начали проводить империалистическую политику, что они совершенно забыли свои прежние антиколониальные настроения и, возможно, преуспели в установлении того Pax Americana, который осудил президент Кеннеди. Каковы бы ни были достоинства этих подозрений, они вполне могут быть оправданы политикой в Латинской Америке: Соединённые Штаты по сравнению с любой другой великой державой будут менее способны успешно использовать необъявленные малые войны (агрессивные локальные операции на чужих землях) как необходимое средство для достижения империалистических целей. Ибо если деморализация американских войск к тому времени достигла беспрецедентных масштабов (по данным *Der Spiegel*, за последний год было 89 088 дезертиров, 100 человек, отказавшихся от военной службы по соображениям совести, и более десяти тысяч наркоманов[12]), то процесс распада армии начался гораздо раньше и предшествовал аналогичным событиям во время Корейской войны [Kinkead 1957]. Достаточно просто побеседовать с некоторыми ветеранами этой войны или прочитать трезвый и показательный отчёт Даниэля Ланга в *The New Yorker* [Lang 1971] о динамике вполне типичного случая, чтобы понять: для проведения авантюристической и агрессивной стратегии достижения успеха в стране (Вьетнаме) должны были произойти решительные изменения в «национальном характере» американского народа. Тот же самый вывод можно сделать и с учётом необычайно сильной, высококвалифицированной и хорошо организованной оппозиции, которая время от времени возникала внутри страны. Северовьетнамцы, внимательно наблюдавшие за этими событиями на протяжении многих лет, всегда возлагали свои надежды на себя, и, видимо, были правы в своей оценке.

Несомненно, все это может измениться. Но ясно одно: недостаточно робких попыток правительства обойти конституционные гарантии и запугать тех, кто решил не поддаваться запугиванию, кто скорее пойдёт в тюрьму, чем увидит, как его свободы ограничиваются, и, вероятно, их будет недостаточно, чтобы уничтожить Республику. Есть основания надеять-

[12] Эта информация была представлена в 35-м номере журнала *Der Spiegel*, 1971 г.

ся, если вспомнить слова ветерана г-на Ланга, одного из двух с половиной миллионов жителей страны, «что в результате войны страна может восстановить свои лучшие стороны». «Я знаю, что здесь не на что делать ставку… но и ничего другого я не могу предложить» [Ibid.].

Перевод с английского А.Г. Акопян, редактор В.П. Макаренко

Ellsberg D. 1971. The Quagmire Myth and the Stalemate Machine. – *Public Policy*. – Vol. XIX. – Pp. 262–263.

Gelb L. 1971a. Today's Lessons from the Pentagon Papers. – *Life.* – Pp. 34-36. – Доступно: https://clck.ru/dUFJd. – Проверено: 07.02.2022.

Gelb L.H. 1971b. Vietnam; The System Worked. – *Foreign Policy.* – Vol. XIX. – Pp. 140–167.

Hegel G.W.F. 1830. *Vorlesungen über die Philosophie der Weltgeschichte.* – Hamburg: Felix Meiner Verlag.

Kinkead E. 1957. Reporter at Large. The Study of Something New in History. – *The New Yorker*. – Pp. 114–169.

Lang D. 1971. Home again. – *The New Yorker.* – P. 35. – Доступно: https://www.newyorker.com/magazine/1971/09/04/home-again-7. – Проверено: 07.02.2022).

Laporte M. 1935. *L'hisloire de l'Ohhrana, la police secrète des Tzars 1880-1917*. – Paris: Payot. – 245 p.

Sheehan N. 1971. *The Pentagon Papers: as published by The New York Times*. – Toronto, New York, Bantam Books. – 810 p.

Stavins R., Barnet R.J., Raskin M.G. 1971. *Washington Plans an Aggressive War*. – New York: Random House. – 384 p.

НАШИ АВТОРЫ

Дахин Андрей Васильевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и политологии Нижегородского института управления – филиала РАНХиГС (a.dakhin@niu.ranepa.ru)

Дубровский Давид Израилевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН (ddi29@mail.ru)

Козенко Александр Васильевич – доктор физико-математических наук, главный научный сотрудник Института физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН (vpmakar1985@gmail.com)

Корсаков Сергей Николаевич – доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора истории русской философии Института философии РАН (snkorsakov@yandex.ru)

Макаренко Виктор Павлович – доктор политических наук, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик Национальной академии наук Украины, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета (vpmakar1985@gmail.com)

Недяк Ирина Леонидовна – доктор политических наук, главный научный сотрудник отдела сравнительных политических исследований Института социологии РАН (iraned@mail.ru)

Неретина Светлана Сергеевна – доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора философских проблем социальных и гуманитарных наук Института философии РАН (abaelardus@mail.ru)

Рубцов Александр Вадимович – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, руководитель сектора философских исследований идеологических процессов Института философии РАН (h.puck@mail.ru)

Summaries and keywords

Makarenko V.P. Truth and Propaganda: a Connection of Intellectual Counterweight with Anthropology Problem

Summary: The book series "Philosophy of Russia of the Second Half of the XXth Century" was published after 2000. It contains a description of approach to Soviet philosophy analysis. M.K. Petrov was the one of Rostov philosophers who published a monograph in this series. He identified and described the anthropological types of Soviet philosophers (romantic, court philosopher, cynic, Communist-philosopher-scout), and had an idea of scientific and technological counter-revolution. These Petrov's cognitive inventions allow connection between historical and methodological analysis and anthropological problem. The paper contains the ideas of "Truth and Policy" by Hannah Arendt, studies the Russian specific of political lying and prospects of further studying in anthropological way.

Keywords: intellectual counterweight to power, Hannah Arendt, propaganda, political lying, anthropology of philosophical generations.

Dakhin A.V. Political Eras on A History Timescale: Rethinking the Well-Known Ideas

Summary: The paper critically analyzes some well-known ideas of rich political history of society and concludes a problem of theoretical worship of ideas about natural inequality of countries under modern conditions and starving undeveloped countries into into absolute submission by Western countries and USA. The author develops the idea of political era based on term "political microcosm", clause on five sources of a social order, and clause on four parts of political microcosm structure. A scale of rich political history includes era of mythic and dynastic states, era of religious and dynastic states, era of secular totalitarian states, era of secular democratic states. In XXIIth century the further development of rich political history be considered in two ways: a prospect of formation a cyber state and a prospect of preservation of anthropic and social state. All countries face historical challenge in equal measure. The author points the tendency of transformation theory and policy of USA and Western countries complies with a prospect of cyber state. In this way the Russian political study and policy of Russia take a scout position if in XXIIth one focus on priority on preservation of anthropic state and social state development.

Keywords: political microcosm, a political era, source of a social order, social memory, an anthropic state, a cyber state.

Nedyak I.L. Domination in Modern Democracies: Approaches to The Conceptualization, Measurement, Restriction

Summary: The goal of this paper is to critically observe the assumptions and research optics of the conceptions of domination. They measure the power and politics of modern democracies

on the scale of “domination-empowerment” with “agency”, “discursive consciousness”, “rights and opportunities” as scale divisions. The research toolset of the conceptions, their political, philosophical, and theoretical foundations are analyzed. The author uses data from the all-Russian panel surveys to depict the features of negative effect of domination within the social system.

Keywords: political power, domination, politics, freedom as non-domination, empowerment.

Korsakov S.N., Kozenko A.V. About an Epistemological Foundation of Biographics

Summary: The paper studies the approaches to the challenge of scientific biography reconstruction. The philosophical base of biographics is a theory of the human individuality. The paper studies an object of biography and the use of methods to study individuality’s way of live. The authors draw attention to problem of ratio of objective to subjective in bibliographic research. The authors conclude a key possibility of scientific cognition of bibliography research object. While making a reconstruction of a person, biographer should demonstrate a person as a developing organic whole and find a main line of way of life. Biographic integrity of person reconstructs in structural and dynamic dimensions. The paper especially studies the features of autobiography genre and problems of reconstruction of scientist’s biography.

Keywords: human individuality, biography, biographics, autobiography.

Korsakov S.N. Soviet Philosophers of Generation of the 1920s

Summary: The paper attempts to demonstrate a collective picture of Soviet philosophers’ generation in the 1920s. The main attention paid to a leading school of dialectic in Soviet philosophy and followers of Academician A.M. Deborin. The paper discusses an intellectual and administrative results on development and institutionalism of philosophy in Russia made by representatives of school. Practically all the representatives of Soviet philosophers’ generation of the 1920s were killed in Stalin’s reprisals. The research faced difficulties related to finding sources about philosophers’ activity that became victims of Stalin’s reprisals and shows a first-hand experience in overcoming these difficulties. The paper demonstrates fragments of memories that re-create an appearance of the most well-known philosophers of Deborin school. In this appearance of Deborin philosophers the common features are found. In the period of formation of personality – a desire to philosophical education against the background of overcoming unfavourable initial social conditions. In the short period of creative flourishing – the public accentuation of personal philosophical position as an intellectual and moral persuasion. In a Stalinist prison situation, the ability to remain human despite inhuman conditions. The author speaks about the life and moral choice as the main challenge to the philosophical generation of the 1920s. He contrasts those who remain among the persecuted and those who have found in themselves the ability to help the persecutors by word and deed.

Keywords: Soviet philosophy, generation of the 1920s, Deborin school, Stalin’s reprisals.

Dubrovsky D.I. About my Philosophical Generation of the 1950s, Philosophy and Philosophers. Facts And Reflections

Summary: The paper determines the peculiarities of philosophical generation of the 1950s. The review is conducted on the examples from the biography of the author and on the materials of many well-known philosophers and scientists, considering the iconic socio-political conditions associated with the death of Stalin, «Khrushchev thaw» and other events that have influenced the

revival of philosophical life. It manifested itself in the marked renewal of the Philo-Sophia problem, the emergence of discussions on the key problems of dialectical materialism (questions of the theory of cognition and methodology of science, the problem of ideal, the relationship of individual and social consciousness, natural and social, physiological, and psychic). In this connection, issues of the author's famous discussion with E.V. Ilyenkov, materials of critical review of the Zagorsky experiment are covered. The paper contains answers to a few questions posed to the participants of the research by his guide Yu.V. Sineokaya.

Keywords: the philosophical generation of the 1950s, its features, the renewal of philosophical problem in the second half of the 1950s, the methodology of science, psyche, and brain, natural and social, the problem of ideal, social and individual consciousness, the concept of structural reality.

Neretina S.S. The Phenomenon of Language and Sign in Hegel, Marx and Engels

Summary: The paper attempts to comprehend the ideas about the language of Hegel, Marx, and Engels. Interest in Marxism as a worldview in the XXI century is associated not much with philosophy as with de-ideologization, which happened with the "death" of the USSR, and not much Marxism-Leninism was sentenced to extinction, but rather Marxism as such. But the paradox is that the announcement of the death of Marxism coincides with the continued existence of capitalism, and Marxism is the science of capitalism. Therefore, it became necessary to analyze its new dynamics, related to such phenomena as globalization, highly developed technology, an international organization of radical intellectuals, etc.

An attempt is being made to analyze language and sign, first, by Marx and Engels, as well as by Hegel, as his teacher. In The Phenomenology of Spirit, Hegel understands language as a form of the objectification of thought. For him, language is the existence of the pure self of the "I". Language animates things that without language are only imaginary. But through language, and with the help of language, which gives everything its name, anything becomes not imaginary, but real. Hegel sees the meaning of language in that it shows the mode of activity and self-consciousness of all entities, their connection and transition into each other.

Marx and Engels in "The German Ideology" also show the connection between consciousness and language, since the structure of "the speech of the other" is formed in consciousness; when real relations are objectively omitted and replaced by certain transformations, social meaning shifts to the physical properties of the body, leading to the naturalization of signs and meanings associated with it. They opposed the multifunctionality of the sign in favor of its performativity – the equivalence of the action performed now of pronouncing the utterance.

Keywords: language, sign, Marxism, performative, consciousness, history, time, statement, revolution, proletariat.

Rubtsov A.V. Between Creation and Conquest. Part 1. Psycho-ideology of War

Summary: The paper presents the first part of the analytical study "Between Creation and Conquest". A brief newspaper version of the text was previously published in Nezavisimaya Gazeta (see: Rubtsov A.V., Psychoideology of Wars. – Nezavisimaya Gazeta. Nauka. 26.04.2022). Options for solving the "basic issue" of the philosophy of war are considered. The limitations of functional materialism, which reduces the explanation of military conflicts and paramilitary actions exclusively to a rational calculation of purely practical interests, are shown. Within the framework of the concept of psychohistory and psychoideology, the sometimes-decisive importance of psycho-emotional factors, complexes, and fixations, as well as conquests in ideological bridgeheads and territo-

ries of meanings, is substantiated. A separate role is assigned to the state of "overheated cold civil war" in relation to several specific circumstances of the use of military force. The key aspects of military aesthetics and political narcissism in power actions of various orientations and formats are considered.

Keywords: wars, military actions, psychohistory, psycho-ideology, cold civil war, functional materialism, non-material goals and conquests, hostility management, military aesthetics, trauma, political narcissism.

Rubtsov A.V. Between Creation and Conquest. Part 2. Military Operations and the Non-primary Alternative: A Second Front

Summary: The situation of an instantaneous and radical crisis of the raw material model and the resource society itself is considered in the context of a military special operation. The unexpectedness of the process and its speed, unthinkable under normal conditions, is explained by the trigger of ultra-large politics as a factor in the doom of the raw material model. The fatal problem lying in the instant demand for a non-primary alternative. It is shown that in general such compensation at the required speeds is unrealistic under any circumstances. The previous experience of "changing the vector of development" and the transition to the producing model is considered. Against the background of the usual mistakes of the deregulation strategy, the systemic internal resistance to institutional reforms, implemented by the interested parasitic class in the format of a genuine war for the state, is ascertained.

Keywords: special operation, resource model, resource society, crisis, non-resource alternative, import substitution, change of development vector, deregulation, war for the state.

Arendt H. Lying in Politics: Reflections on The Pentagon Papers

Summary: The journal «Political Conceptology» provides readers with the first full translation into Russian of Hannah Arendt's research "Lying in Politics: Reflections on The Pentagon Papers" published in the book "Crises of the Republic" in 1972.

Keywords: lying, truth, the Pentagon, America, imagemaking, The Vietnam War, Hannah Arendt.

CONTENTS

EDITOR'S WORD

Makarenko V.P.
Truth and Propaganda: a Connection of Intellectual Counterweight with Anthropology Problem..... 6

GENERAL PROBLEMS OF POLITICAL CONCEPTOLOGY

Dakhin A.V.
Political Eras on A History Timescale: Rethinking the Well-Known Ideas..... 14

Nedyak I.L.
Domination in Modern Democracies: Approaches to The Conceptualization, Measurement, Restriction..... 32

INTELLECTUAL EVENT

From the Editor..... 49

Korsakov S.N., Kozenko A.V.
About an Epistemological Foundation of Biographics..... 49

Korsakov S.N..
Soviet Philosophers of Generation of the 1920s..... 65

Dubrovsky D.I.
About my Philosophical Generation of the 1950s, Philosophy and Philosophers. Facts And Reflections..... 118

SEARCH FOR ALTERNATIVES

Neretina S.S.
The Phenomenon of Language and Sign in Hegel, Marx and Engels..... 156

Rubtsov A.V.
Between Creation and Conquest. Part 1. Psycho-ideology of War..... 165

Rubtsov A.V.
Between Creation and Conquest. Part 2. Military Operations and the Non-primary Alternative: A Second Front..... 174

TRANSLATIONS & COMMENTS

From the Editor..... 183

Arendt H.
Lying in Politics: Reflections on The Pentagon Papers..... 183

Authors..... 204
Summaries and keywords..... 205
Contents..... 209
Notes for contributors..... 211

К сведению авторов

Предварительно автор должен подготовить рукопись статьи в соответствии с требованиями к оформлению статей. Далее рукопись необходимо отправить на электронную почту редакции konstantinov@sfedu.ru, konstms@gmail.com (просьба дублировать на оба адреса) с пометкой «Статья для электронного журнала „Политическая концептология“». Статьи, оформленные не надлежащим образом, не принимаются к рассмотрению. После поступления в редакцию рукопись проходит обязательное рецензирование, по результатам которого принимается решение о публикации статьи или отказе. Редакция не знакомит авторов с текстом внутренних рецензий, а только уведомляет по электронной почте о решении относительно публикации и ее условий (срока и формы публикации, необходимости доработки). В случае, если статья нуждается в авторской доработке, автору высылается отзыв рецензента. Редакция оставляет за собой право правки текстов, не наносящей вред искомым идеям автора статьи. Рукописи не возвращаются. Все статьи публикуются бесплатно вне зависимости от статуса автора.

Требования к оформлению статей

1. Статья должна быть объёмом не более 1,5 а. л. — 60 тыс. знаков, набрана в формате *.doc* (*Microsoft Word* или *OpenOffice.org*).

2. В начале статьи приводится аннотация (не более 1000 символов) на русском и английском языках, а также сведения об авторе: Ф.И.О. полностью, учёные степени и звания, должность, место работы, телефоны (рабочий и домашний с кодом города), электронный адрес (обязательно).

3. Параметры текста: шрифт *Times New Roman*, 12 кегль, интервал 1, поля: сверху и снизу — 2 см, справа и слева — 2 см. Выравнивание текста: по ширине. Абзацный отступ (красная строка): 1 см. Нумерация страниц: не ведётся. Рисунки – чёрно-белые и внедрены в текст.

4. Допускается использование шрифтов *Arial* и *Courier New* для обособленных фрагментов текста. Допускается использование шрифта меньшего размера для участков текста, имеющих вспомогательное (второстепенное) значение. Размер шрифта табличного текста обычно на 2 пункта меньше размера шрифта основного текста. Рисунки можно присылать цветные, но следует иметь в виду, что журнал публикуется чёрно-белым.

5. Сноски даются в тексте, в квадратных скобках: [Фамилия год: страница].

6. Библиографический список оформляется следующим образом:

Фамилия И.О. Год. *Название работы*. – Город: Издательство. – Количество страниц.
Фамилия И.О. Год. Название статьи. – *Название журнала*. – Номер. – С. ... .
Фамилия И.О. Год. *Название источника*. – Доступно: http://URListochnika/ . – Проверено: Дата.